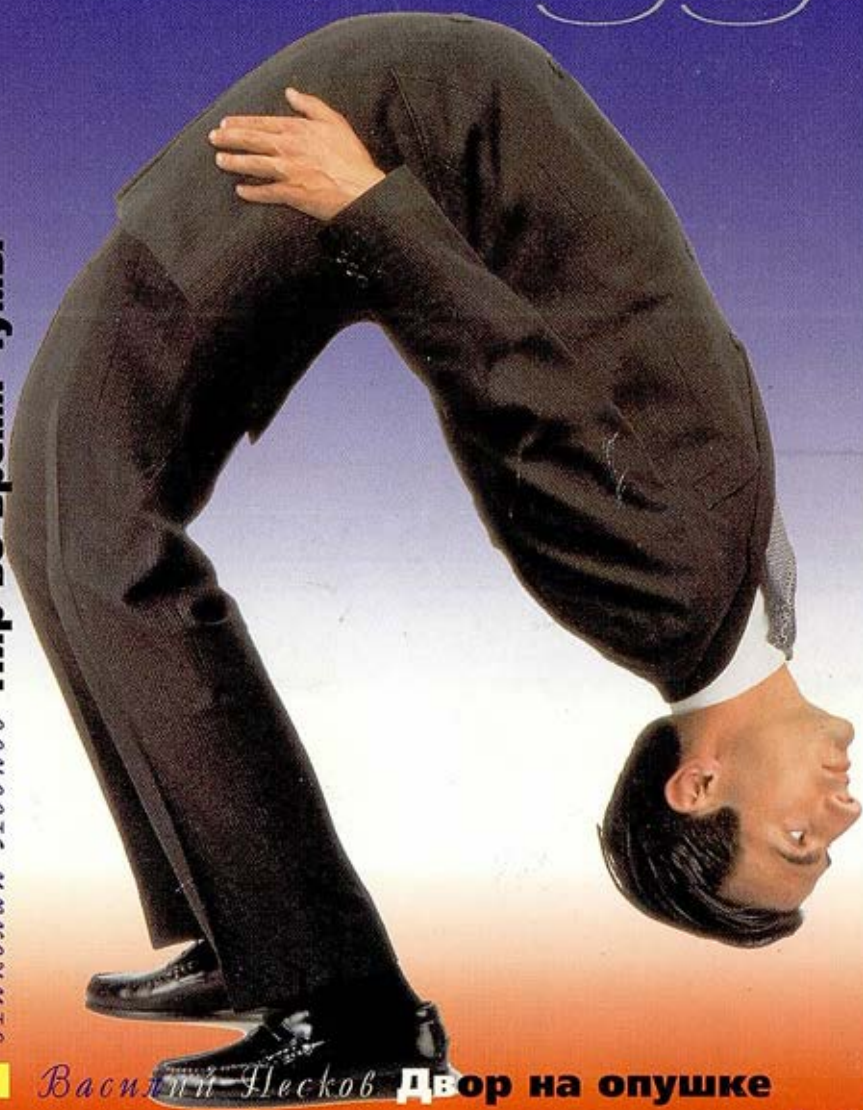

СМЕНА

Октябрь

Николай Леонов Пир во время чумы

Василий Песков Двор на опушке

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - универсальные моторные масла, предназначенные для применения в умеренной климатической зоне.

"ЛУКОЙЛ-СТАНДАРТ" - рекомендованы в качестве основного сорта для двигателей любых российских автомобилей.

Ваш автомобиль может быть любим:

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - универсальные всесезонные моторные масла с высоким уровнем защитных свойств. Изготовлены с применением присадок фирм "Шелл", "Лубризол", "Эксон".

"ЛУКОЙЛ-СУПЕР" - допущены к применению компанией "Мерседес-Бенц".

спортивным, городским или внедорожником

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - универсальные моторные масла на полусинтетической основе с высокими эксплуатационными характеристиками.

"ЛУКОЙЛ-ЛЮКС" - рекомендуются к применению в новейших форсированных бензиновых двигателях и дизелях с наддувом последнего поколения.

одно остается неизменным:

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - полностью синтетическое моторное масло мирового уровня качества с наивысшими защитными свойствами.

"ЛУКОЙЛ-СИНТЕТИК" - обеспечивает высокую степень защиты во всех режимах работы, чистоту и высокий ресурс двигателя.

МОТОРНЫЕ МАСЛА "ЛУКОЙЛ"

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чижина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

10 **'99**
октябрь (1620)

Сдано в набор 23.8.99.

Подписано к печати 17.9.99.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 2044

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1999.

78 *Нидра Шайф*
ДОБРЫЕ УБИИЦЫ
Зарубежный рассказ

110 *Игорь Шарасев*
БЕДНАЯ ТЕТЯ ЛИЗА
Рассказ

130 *Николай Леонов*
**ПИР
ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ**
Детектив

4 *Борис Сопельняк*
ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ?

34 *Виктория Мурашова*
**КОМПЛЕКС
ПОЛНОЦЕННОСТИ**

*Геннадий
Жаворонков,
56 Леонид Шаров*
ТЮРЬМА "5 ЗВЕЗД"

72 *Алексей Александров*
БЕГУНЫ С УСАМИ

120 *Василий Песков*
ДВОР НА ОПУШКЕ

225 *Анатолий Дерябин*
**ВСТАНЕТ ЛИ РОССИЯ
В ПОЛНЫЙ РОСТ?**

*Светлана
247 Бесстужева-Лада*
"КАРМЕН-СЮИТА"

264 *Ольга Морозова*
**МАЛЕНЬКАЯ,
НО ОЧЕНЬ ОПАСНАЯ**

стр. 72

стр. 94

16 *Ирина Семашко*
ТРИ "ШЕСТЕРКИ"
АЛЕКСАНДРЫ
КОЛЛОНТАЙ

42 *Любовь Русева*
ИГУМЕН ЗЕМЛИ
РУССКОЙ

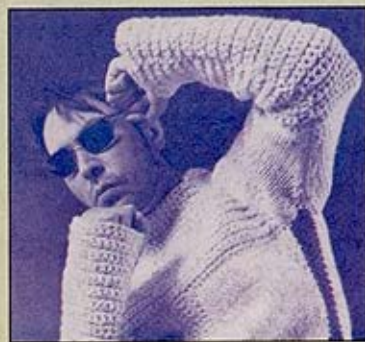
88 *Эмиль Кно:*
"ХОЧУ РАСПИЛИТЬ
ЖЕНУ ВДОЛЬ"

94 *Борис Зотов*
ФИЛИПП МАЛЯВИН

232 *Александр Кравцов*
КОМИК, ТРАГИК,
ЛИРИК,
БОЛЕЛЬЩИК...

258 *Николай Носков:*
"ОТ МОИХ ПЕСЕН
С УМА НЕ СХОДЯТ"

270 *Олег Полонский*
ГУЛЯИ — НЕ ХОЧУ?

стр. 258

14 *Людия Григорьева*

Шатъяна
Соловьева
"КОЗЫРНАЯ
ДАМА"

Крупно не повезло охраннику склада фирмы "Виза" Игорю Белобородову: склад ограбили, самого Игоря избили, а шеф фирмы потребовал в погашение убытков документы на квартиру. Зоя Иннокентьевна, тетка Игоря, не в пример племяннику, оказалась женщиной решительной, сумела разворошить "осиное гнездо" нескольких криминальных групп, чем очень помогла органам милиции в расследовании дела, в котором числилось почти два десятка трупов...

Иван Зюзюкин
ФИГАРО ЗДЕСЬ,
ФИГАРО ТАМ...

Личный часовщик французского короля Людовика XV и незаурядный разведчик, блестящий юрист и мастер биржевых операций, придворный учитель музыки и талантливый изобретатель, но прежде всего — гениальный драматург. Все это о Бомарше, жизнь которого похожа на потрясающий роман.

ноябрь '99

АНОНС:

Арсеналы с химическим оружием

Борис СОПЕЛЬНЯК

Что-то последнее время совсем не хочется верить, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Неужели жестокость, кровожадность, бесчеловечность, черствость, люто́сть и даже склонность к самоуничтожению — все это от Бога? ! А если скрупулезно подсчитать, сколько человек создал нужного и полезного и сколько вредного и губительного, то едва ли чаша весов перетянет в сторону того, что делает нас более мудрыми и счастливыми.

Одним из таких дьявольских изобретений является химическое оружие. Сейчас его накопилось в мире так много, что всех нас можно уничтожить более тысячи раз. И не только нас, людей, но и вообще все живое — от травинки до баобаба и от бабочки до носорога. И вот ведь что странно: придумывали эту паность не преступники

прощай, оружие?

должны быть уничтожены за 10 лет

и подонки, а лучшие умы человечества!

Первыми на эту злодейскую тропу вышли древние греки. Оказывается, они не только писали гензамером и вытесывали из мрамора Венер, Гераклов и Афродит, но и со знанием дела выводили формулы самых мерзких отрав, которые в страшных мучениях отправляли их противников в царство Аида. Еще в 600 году до нашей эры афинский военачальник Солон заразил водоемы города Цирра настоем корней черемиды и, как бы теперь сказали, взял город без единого выстрела.

А благородные спартанцы пошли еще дальше. Двести лет спустя они придумали, как брать города, не обняв мечом: самые смелые воины раскладывали у стен огромные костры, в которых горели поленья, пропитанные смолой и серой. Двух-трех вдохов

Технологический Центр «Синтез»

этого дыма было достаточно, чтобы упасть замертво.

Не думайте, что об этом изобретении грендов забыли во времена просвещенного Возрождения и завоеваний африканских и южноамериканских колоний. Представители цивилизации и, что немаловажно, христианских стран, не моргнув глазом, уничтожали ядами целые племена. А несколько позже, во время хорошо известной обороны Севастополя, и наши соотечественники чуть было не испытали на себе действие химиче-

ского оружия: англичане завезли в Крым огромное количество хлора, но то ли ветер дул не в ту сторону, то ли сопротивление русских солдат и без того заметно ослабло, но газовая атака не состоялась.

А вот в первую мировую войну химическое оружие показало себя во всей "красе". Первыми начали немцы. 22 апреля 1915 года они выпустили на французские войска, стоявшие в долине рени Ипр, 180 тонн хлора. Вот как описывал эту газовую атаку один из очевидцев.

Объект в г. Чаплевасне.

"После усиленной бомбардировки противник атаковал французскую дивизию, впервые применив удушающие газы. Донесения авиации сообщили, что около пяти часов была замечена густая пелена желтого дыма, выпущенная из германских оцепов. То, что затем последовало, не поддается никакому описанию. Действие ядовитых газов было таково, что вся линия, занятая французской дивизией, оказалась неспособной ни к каким действиям. Дымовая завеса мешала что-либо видеть и

сотни людей оказались в смертельной опасности. Дух войск был подорван и общее тревожное настроение охватило весь фронт... Есть основание полагать, что этот чудовищный замысел был делом рук двух знаменитых германских профессоров".

Затем такие же атаки повторились на Сомме у Реймса и во многих других местах. Досталось и нашим: 31 мая 1915 года немцы применили газы и против русских.

Надо сказать, что ответ последовал довольно скоро. Первыми опомнились англичане: они быстро доставили на передовую имеющиеся у них запасы удушающих

газов и пустили их в дело. Только на Сомме они предприняли более 110 газовых атак, используя баллоны с фосгеном. Британский маршал Френч с нескрываемым восторгом докладывал в Лондон: "Внезапность, как всегда, играла первенствующую роль. Атаки производились ночью. Успех зависел главным образом от концентрации газа на данном участке, благоприятного ветра и быстрого разряжения баллонов. Захваченные документы и показания пленных единогласно подтверждают смертельное действие британских газов".

А другой британский маршал Хег не постеснялся отправить хвалебную телеграмму: "Армия должна благодарить ученых химиков, физиологов и физиков, не щадивших своих сил, чтобы дать нам возможность превзойти противника в искусстве применения средства поражения, появление которого оказалось неожиданностью для всего мира".

Такого рода восторженных посланий от обеих воюющих сторон сохранилось много — ведь в этой войне было израсходовано 66 миллионов снарядов. А привело это к тому, что в результате применения боевых отравляющих веществ около полутора миллионов человек получили тяжелейшие поражения, в том числе сто тысяч со смертельным исходом.

Мало кто знает, но химическое оружие применялось и во время гражданской войны в России, причем использовали его и белые, и красные.

В последующие годы химическим оружием обзавелись около двадцати стран. Нам ни грустно об этом говорить, но вся эта гадость

не лежала без дела. Во Второй мировой войне боевые отравляющие вещества не применялись, а вот позже Япония против Китая применяла, Израиль против Египта применял, американцы на Северную Корею бомбы с удушающим газом сбрасывали, они же не ограничивали себя в применении химического оружия во время войны во Вьетнаме.

И это — несмотря на многочисленные международные соглашения и протоколы, подписанные в Брюсселе, Гааге и Женеве.

Есть и другая проблема: использование химического оружия террористами. Еще в 1975 году группа немецких экстремистов похитила с военного склада во Франции несколько емкостей с ипритом — лишь по счастливой случайности они не успели его применить. А через некоторое время в США была арестована группа неонацистов, в распоряжении которой было более ста килограммов цианидов — этим ядом они хотели отравить водопроводы Нью-Йорка и Вашингтона.

Ну а то, что натворили в Японии фанатики из "Аум Сенрикё", у всех на слуху: применив в тоннельском метро зарин, они искалечили более пяти тысяч человек и около сотни отправили на тот свет. А ведь у них был еще и табун, зоман и даже возбудитель сибирской язвы.

Раз уж заговорили на эту тему, пора рассказать о том, как классифицируются отравляющие вещества (ОВ) и как они действуют на человека.

ОВ общедовитого действия поражают кровь и центральную нервную систему. К ним относятся синильная кислота и хлорциан:

ОВ удушающего действия. Это — фосген и дифосген.

ОВ кожно-нарывного действия. Они поражают кожу, глаза, а также органы дыхания и пищеварения. К ним относится иприт, люизит и их смеси.

ОВ нервно-паралитического действия. Это — зарин, табун, зоман и Ви-икс.

Как уже говорилось, и в довоенные, и в послевоенные годы было подписано множество протоколов и соглашений, запрещающих применение химического оружия, но это никого не останавливало. И лишь в 70-е годы заговорили о запрещении разработки, производства, приобретения и, что самое главное, об уничтожении имеющихся запасов химического оружия. Разговоры и переговоры велись более двадцати лет, и лишь в январе 1993 года состоялось подписание соответствующей конвенции. Россия ее ратифицировала в ноябре 1997 года, и с этого момента она стала для нас обязательной.

Естественно, последние 70 лет наши ученые тоже не сидели без дела и создали свой собственный арсенал химического оружия, причем самый большой. Сейчас Россия обладает около 40 тысячами тонн иприта, люизита, фосгена, зарина и т.п. Хранится все это либо в специальных бочках и цистернах, либо в авиабомбах и артиллерийских снарядах. Места хранения до недавнего времени были одной из самых больших тайн, но теперь о них знает весь мир. Это — города Намбарна и Низнер в Удмуртии, а также поселки Горный, Почепа, Леонидовна, Марадыновский и Щучье, соответственно

Саратовской, Брянской, Пензенской, Кировской и Курганской областей.

Визит в хранилище отравы

Программе уничтожения химического оружия придан статус президентской. Ее выполнение возложено на войска радиационной, химической и биологической защиты Министерства обороны России, а конкретно — на генерал-лейтенанта Капашина. Валерий Петрович — кандидат технических наук, член-корреспондент Российской инженерной академии, всю жизнь служит в химических войсках, так что дело знает не понаслышке. Человек он энергичный, кабинетной жизни не любит, видимо, поэтому на мою просьбу об интервью с ходу предложил:

— На днях я еду в Горный. Если хотите, подключайтесь. И увидите то, чего никто из ваших коллег еще никогда не видел. Поговорить сможем у бочек с ипритом.

Не принять такого приглашения я просто не мог и тут же засобиравшись в дорогу... И вот мы — в Горном. Этот поселок расположен в заволжских степях и до недавнего времени о нем никто ничего не знал. А между тем здесь один из крупнейших арсеналов химического оружия: в Горном хранится около полутора тысяч тонн иприта, люизита и их смесей.

Наслушавшись и начитавшись выступлений разного рода защитников природы, которые уверяют, что около таких арсеналов трава не растет, птицы не поют, кошки с собаками дохнут, а люди — полуживые и не вылезает

ют из больниц, я, грешным делом, думал, что нелегкая занесла меня в зону всеобщего бедствия. Ничего подобного! Солдаты — куда более рослые и крепкие, нежели десантники. Офицеры — подтянуты и интеллигентны, что, впрочем, вполне естественно, так как все они инженеры-химики.

Моим провожатым был главный инженер части подполковник Олег Осеев.

— Инstrukция требует, чтобы у всех находящихся у хранилищ был противогаз, — сказал он, протягивая одно из самых надежных средств защиты. — Это — во-первых. Во-вторых, не курить, ни к чему не прикасаться голыми руками, ничего отсюда не выносить.

— А что, возможны утечки иприта? — поинтересовался я, примеряя противогаз.

— Пока что не было. Но, как говорится, береженого Бог бережет.

И вот мы у ворот хранилища. Внешне — большущий ангар, а если смотреть со спутника или самолета — обыкновенный норовник. Но внутри... Начальник хранилища прапорщик Сергей Сидоров деловито открыл ворота и пригласил войти. Я, конечно, понимал, что ничего опасного не должно быть, что все меры предосторожности соблюдены, но почему-то мгновенно вспомнились те тысячи солдат, что погибли под Ипром и Соммой.

А прапорщик Сидоров любовно оглядывал бесконечные ряды лежащих на земле бочек и, если так можно выразиться, заливался соловьем:

— Здесь 926 бочек с ипритом, люизитом и их смесью. Попали

они сюда в период с 1942 по 1945 год. Их емкость от 100 до 275 литров. Лежат они горловиной вверх, и никак иначе. Время от времени бочки передвигаем, переворачиваем и даже подкрашиваем.

— А вот на этой — ржавчина, — протянул я руку.

— Осторожно, не прикасайтесь! — оттолкнул он меня. — Работать с бочками можно только в спецкостюмах и спецперчатках.

— Но почему? Они же абсолютно сухие, никаких выделений нет и в помине.

— Выделений нет, но металл вступает в реакцию с тем же ипритом и, следовательно, основательно отравлен. Достаточно сказать, что за эти годы бочки стали тоньше на один миллиметр.

— А сколько было?

— Было пять миллиметров, а стало четыре.

— Но ведь это же опасно. Однажды стенки просто развалятся или растворятся — и все это хлынет наружу.

— До этого еще далеко, но, в принципе, возможно. Потому-то и надо все это поскорее уничтожить.

— Вы давно здесь служите? — зашел я с другой стороны.

— Три года.

— И... как со здоровьем?

— Нормально, — понимающе улыбнулся прапорщик. — К тому же раз в год мы проходим углубленный медицинский осмотр, так что если что-то не так, врачи вовремя заметят.

— А вы не интересовались, как чувствуют себя ваши предшественники, — не отставал я, — те, которые отслужили по пять-десять лет?

— Они служат и сейчас, — пожал плечами Сергей.

А потом с каким-то особым прищуром посмотрел на меня и со вздохом сказал:

— Да-а, заморочили вам на гражданке голову по первое число. Теперь-то вы понимаете, что все эти зеленые, синие и голубые, ни разу не побывав у нас, кричат на всех перекрестках, пугая людей, только ради того, чтобы электорат — кажется, теперь так называют всех россиян, — голосовал за них.

— Теперь — понимаю. А раньше сомневался.

— Чтобы изжить ваши сомнения окончательно, давайте посмотрим хранилище посolidнее этого, — вступил в разговор подполковник Осеев.

Внешне оно — такое же. Но внутри — не бочки, а огромные цистерны, в каждой из которых 50 тысяч литров иприта или люизита.

— Их у меня тридцать восемь, — рассказывал прапорщик Спиридонов. — И стоят они здесь с 1957 года. Как и у бочек, стенки истончаются: было десять миллиметров, а стало девять.

— Извините, — перебил я, — а что если, не дай Бог, такая емкость лопнет и все разольется?

— Это исключено.

— Ну, скажем, ее перевозили, а стрелочник спяну не так перевел стрелку. Ведь сюда-то ее везли по железной дороге.

— Тогда... тогда катастрофа.

— Именно поэтому все заводы по уничтожению химического оружия будут строиться в местах его хранения, — дополнил подполковник Осеев. — Хотя, на первый взгляд, вместо того, чтобы стро-

ить семь заводов, целесообразнее и дешевле было бы построить один, причем где-нибудь подальше, скажем, в безлюдной тундре. Вы видите, какие старые все эти бочки и цистерны, везти их куда бы то ни было — слишком большой риск. Наш завод по уничтожению всего этого хлама будет в каких-то трехстах метрах от хранилища, и то пришлось придумывать специальную систему доставки бочек в цеха.

А потом мы ходили по территории строящегося завода. Его стены практически готовы, да и оборудование лежит на складе. Но завод — это полдела. К нему надо проложить водовод, протянуть высоковольтную линию, построить полигон захоронения твердых отходов, возвести городок для обслуживающего персонала, а также казармы, клуб, шинолу и многое, многое другое.

И вот тут-то возникает проблема, характерная для всей российской экономики: не просто недостаток, а практически полное отсутствие денег.

— Положение, в которое мы попали, иначе как критическим не назовешь, — вздыхает генерал Напашин. — Судите сами. В соответствии с конвенцией, которая вступила в силу в апреле 1997 года, мы должны не позднее, чем через два года начать работы по уничтожению химического оружия, и не позднее, чем через десять лет полностью его уничтожить. Стоимость этой программы — около 33 миллиардов рублей. Само собой разумеется, эти деньги нужны не все сразу. Поэтому был составлен тщательно сбалансированный график работ, который, как ни горько об-

этом говорить, не соблюдается. Отставание — минимум на два года. Причина — в недостаточном финансировании. В 1996 году мы получили чуть больше одного процента от требуемой суммы, в 1997 — чуть больше двух процентов. В 1998 — около четырех.

— Значит, международные обязательства России летят в тарарары?

— Увы, но это так. Международные организации прекрасно понимают, чем вызвано двухгодичное отставание от графика и в меру своих сил пытаются нам помочь. Скажем, объект в Щучьем помогает строить США, в Намбарне — Швеция, в Горном — Германия. Не остались в стороне Финляндия, а также Англия, Франция, Швейцария, Норвегия, Италия и Голландия. Но даже с этой помощью возникает масса проблем. Скажем, американцы выделяют средства только на строительство завода, и ни цента на инфраструктуру, а без жилья, школ и больниц нам не обойтись. Такая же картина и в Горном: Германия поставила заводское оборудование, оно не один год лежит на складе, а приступить к монтажу не можем, так как корпус еще не подведен под крышу, жилые дома не сданы. Водовода нет... Я уж не говорю о Намбарне, Леонидовке или Почепе — там мы просто застряли на стадии подготовительных работ.

— В конвенции сказано, что запрещается уничтожение химического оружия путем затопления, захоронения в земле или сжигания на открытом воздухе. Тогда — как? Разработана ли какая-то технология, которая бы

предусматривала полную безопасность людей и не отравляла окружающую среду?

— Да, такая технология существует, и разработали ее российские ученые. Американцы, которые хранят свое химическое оружие на девяти арсеналах, заводы по его уничтожению построили на атолле Джонстон и в штате Юта, то есть в отдаленных от густонаселенных районов местах. Они применяют метод высокотемпературного сжигания в специальных печах. Истати говоря, на эту программу они выделили 15 миллиардов долларов. Нас эта технология не устраивает, так же, как не устраивает английская, немецкая и канадская.

В России будет применена так называемая двухстадийная технология уничтожения химического оружия. Суть ее в том, что на первом этапе производится химическое разрушение отравляющего вещества, проще говоря, его нейтрализация, а на втором — образующиеся остатки смешиваются с горячей битумно-солевой массой, которая будет заливаться в металлические барабаны и захораниваться на специально построенном полигоне.

— А что будет с бочнами, снарядами и бомбами?

— После дегазации и прокаливания их отправят на переплавку.

— Эта технология надежна? Она испытана?

— Таким способом уже уничтожено пять тысяч боеприпасов общим весом около 280 тонн. И вообще, если бы не манипулирование общественным мнением в интересах всякого рода предвыборных кампаний, наш первый завод давно бы работал. Он был

построен еще в 1988 году в городе Чапаевске Самарской области. Аprobация на нейтральных средах дала блестящие результаты, но местные власти вывели на улицы народ и потребовали закрытия завода, так как он, якобы, уничтожит в городе все живое. И хотя многочисленные комиссии установили, что завод экологически безопасен, ученых никто не слушал — и завод пришлось закрыть, перепрофилировав его в учебно-тренировочный центр по подготовке специалистов в области химического разоружения.

— В соответствии с конвенцией все химическое оружие должно быть уничтожено за десять лет. А что потом? Что будет с заводами и жилыми городками возле них?

— Химические реакторы и другие установки, на которых производилось уничтожение оружия, будут пущены на слом и ликвидированы. А все остальное послужит хорошей базой для создания новых предприятий как химической, так и других отраслей промышленности. Снажем, в том же Горном побочным продуктом при уничтожении будет технический мышьяк, который является стратегическим сырьем. Без него не обойтись в электронной промышленности. Так что со временем все затраты окупятся и, поверьте, деньги не будут сожжены или закопаны в землю.

— А что вы скажете о хемотофобии — страхе людей при одном упоминании об иприте или люизите, не говоря уж о том, что в их регионе будут уничтожаться тысячи тонн этой гнусной, всепроникающей отравы?

— В возникновении хемотофобии виноваты, прежде всего, мы, военные люди, так как долгие годы даже упоминание о химическом оружии было большим секретом. Наши арсеналы маскировались под хранилища удобрений, и в те районы никого не пускали. Между тем именно неподалеку от арсеналов — буйная растительность, много животных, в том числе лосей, лис и зайцев. Нет никаких проблем со здоровьем и у людей, десятки лет работающих на арсеналах, абсолютно здоровы и дети офицеров, живущих по соседству.

Но мы об этом молчали. Как я уже говорил, на наши войска была накинута пелена сверхсекретности. В результате — народ кормили данными первой мировой войны или войны во Вьетнаме. Но это же совсем другое! Там боевые отравляющие вещества применяли, а мы их храним, теперь же, соблюдая все меры безопасности, будем уничтожать. Борьбе с хемотофобией нам надо учиться у американцев. Знаете, как они поступили, когда определенная часть населения стала протестовать против строительства заводов по уничтожению химического оружия? Большую часть денег, предназначенных на уничтожение оружия (а ликвидировать надо 32 тысячи тонн), первое время тратили на пропаганду и разъяснительную работу с населением, оставшиеся крохи — на уничтожение бомб, ракет и снарядов.

Думаю, что время еще не упущено и если мы всерьез займемся этим делом, люди поймут, что все, что мы делаем, — делаем для их же блага. ■

Лидия ГРИГОРЬЕВА

АНГЕЛ ПРЕДСТОЯЩИЙ

Писано было — да видно утрачено,
сдобрено ложью.

Призваны, названы или назначены
Ангелы Божьи?

Чем представления переименованы —
чаяньем, мщением?

Были ль небесные силы истрачены
по назначению?

Жить на просторах российских обучены
без упоений,
мы словно нить на основу накручены
тайных сомнений.

Что было явлено, что обозначено
знаком воздушным?

Знать не дано никому, а тем паче нам —
овцам ослушным.

* * *

Было иное слово, словно сквозная рана.
Двадцать четыре раза взбрызнул затвор нагана.
И опалили небо диким огнем словесным
двадцать четыре неба, двадцать четыре бездны.

Истина в чистом поле — горю равновелика:
двадцать четыре боли — двадцать четыре крика.

Зря подчинялся слепо гулким словам напрасным —
был голубым, как небо, или как бездна — красным.

Полнилось тихим слухом — взвезлось злым посевам:
бычьим пахнуло духом, львиным дохнуло зевом.

Так и ловила фраза — время — дырявым бреднем
двадцать четыре раза — каждый и был последним.

* * *

Ноктюрн сперва уперся в потолок,
но пианист,
астральной сущностью влекомый,
из красного рояля звук извлек

прозрачный, как стакан
с водою родниковой.

Потом его рассек, как суфий,
пополам —
движением души,
отточенным и верным.
Стеклянная вода струилась по полам,
по улицам, полям
и оголенным нервам.

Казалось, с высоты небесной
проистек,
и души напоил,
и — испарился вроде —
не звук, не музыка,
а болевой порог
всей сути бытия:
круговорот воды в природе.

ЛИОНСКИЙ ВОКЗАЛ

В гостях у маркиза Де Сада,
с Бастилией рядом — в гостях,
платан в униформе десанта
на чьих воцарился костях?

В сиреневой гари вокзала,
где время кипит без границ,
чья тень от меня ускользала
меж кожаных книжных страниц?

Сторонней судьбы заваруха
в глубоком клубилась углу.
История, злая старуха,
спала на вокзальном полу.

Оборвѣша и нувориша
толпа уравнила в правах.
Жемчужные дали Парижа
истерлись, как кожа на швах.

И мнились ясней и жесточе
в истрепанной книге слова.
Да Красная Мельница ночи
крутила свои жернова.

Три "шестерки" Александры Коллонтай

Ирина СЕМАШКО

Когда Шурочка Домонтович в двадцать один год по большой любви сочеталась браком с офицером, только что закончившим Военно-инженерную академию, Владимиром Коллонтаем, вряд ли она могла предполагать, что семейная жизнь окажется столь скучным, неблагодарным и прозаическим делом. Ей прочили в женихи адъютанта самого императора Александра III, сорокалетнего генерала Тутолмина. Но когда блестящий служака увлек будущую невесту в сад, чтобы в перерывах между турами танца, дрожащим голосом объяснить ей, как и положено приличному дворянину, в любви, — он навсегда отрезал для себя путь к сердцу Шурочки. Военный стратег не учел главной хитрости в борьбе за руку юной особы, которая отличалась

бурным темпераментом и предпочитала всем инициативам свою собственную.

Трудно сказать, каким образом в доме родовитых аристократов Домонтовичей, где испокон веку заботились о сохранении и приумножении традиций, выросло хрупкое создание с таким самомнением, с таким властным стремлением к самоутверждению, с таким отрицанием семейственности, как у Александры. Она сама считала, что настойчивость и волю получила по наследству. Еще бы! Она была единственным совместным ребенком своих родителей — «дитятей любви». По тем временам матушка Александры Михайловны совершила неслыханный поступок. Не желая терпеть донжуанства своего первого мужа,

она в отместку ему изменила с молодым офицериком, да на свою беду, а скорее всего, на счастье — пошлое приключеньице переросло в настоящую любовь. Мать троих детей, Александра Александровна, хладнокровно и уверенно используя связи в священном Синоде, добилась развода со своим мужем Мравинским и повенчалась с Михаилом Домонтовичем. Вскоре, как знак их супружества, на свет появилась девочка, названная сразу в честь матери, бабушки, да еще и дедушки Александрой, словно родственники одним махом хотели вложить в новорожденную все таланты предыдущих поколений. И надо же! Получилось!

Возможно, в строптивом характере Шурочки сошлась примета, по которой дитя, рожденное в большой любви, наделяется от природы безудержной энергией и прочной жизнестойкостью — отраженными лучами страсти. Иначе, чем таинственной наследственностью, трудно объяснить, почему в головке этой молодой, голубоглазой дворяночки возникла идея о своей исключительности. “Я родилась для чего-то большего, чем быть только матерью и женой”, — объясняла она, не совсем отчетливо осознавая поначалу, в чем состоит это “большее”.

В отличие от генерала Тутолмина, Владимир Коллонтай оказался не столь настойчив и целеустремлен. Он был красив, весел, лихо танцевал, но не пугал девушку пылкими признаниями и плотским томлением. Коллонтай казался родным другом, “своим в доску”. Шурочка часами болтала с Владимиром о политике, которая поистине увлекала ее.

Владимир Коллонтай показался ей поначалу пришельцем из “того”, другого мира. Он был небогат, его не окружали чопорные тетушки и няньки, он не нес с собой рутины “прилично-го”, аристократического дома. Кроме того, он покорила ее тем, что спокойно позволил себя завоевывать. Этот добродушный, легкий молодой человек дал Шурочке впервые почувствовать свое обаяние и невыразимое удовлетворение собственной победительной инициативы. Сходу Шурочка взяла еще одно препятствие: резкое нежелание родителей выдать единственную дочку замуж за неимущего, не слишком перспективного — в силу семейного положения и собственного характера — Владимира Коллонтая. “Если бы мне не оказывали дома такого сопротивления, я, возможно, и отказалась бы от Коллонтая”. Новая жизнь обещала быть насыщенной и яркой.

Однако разговоры с мужем о политике внезапно прекратились вскоре после медового месяца. Владимира Людвиговича словно подменили. Он с головой ушел в работу, стремясь сделать себе карьеру и заработать хорошее состояние. В планах главы семейства Шурочке отводилась бесцветная роль “хранительницы очага”. Но ее мало прельщала перспектива всю жизнь волноваться по поводу режущихся зубок, следить за стулом младенца, проверять оплаты счетов и контролировать характер в людской. “Хозяйство меня совсем не интересовало, а за

сыном могла очень хорошо ухаживать няня Анна Петровна, которую моя мать приставила к нам не столько смотреть за маленьким Мишей, сколько вести все хозяйство. Аннушка требовала, чтобы я училась хозяйству". Так Шурочка открыла, что в браке слишком много обязанностей и совершенно нет места для самоутверждения.

Таинства интимной любви, о которой Шурочка столько фантазировала, тоже оказались не интереснее, чем бухгалтерские книги о расходах семьи. "...К Владимиру Людвиговичу оставалась девичья влюбленность. Но "мужем" он не был и никогда не стал для меня... В те годы женщина во мне еще не была разбужена. Наши супружеские сношения я называла "воинской повинностью", а он, смеясь, называл меня "рыбой". Но Шурочка то ли от природы, то ли от воспитания обладала одним спасительным свойством характера — она никогда не страдала ложной стыдливостью и не позволяла себе заниматься самоедством. И в решении проблем замужества она нашла великолепный по простоте выход, придуманный, впрочем, не ею, а теми русскими революционерами всех толков, которые еще почти полвека назад штудировали вульгарную социологию. Собственную сексуальную холодность она перенесла в социальную плоскость. Личные проблемы легко подменялись общественными, примитивизировались, становились понятными, как топор. Чего там копать в своих несовершенствах, если неудовлетворенность женщины можно объяснить ее социальным неравенством? Зачем мучиться угрызениями совести по поводу брошенного сына, если "... при существующих условиях "свободное материнство" является тем жестоким правом, которое не только не освобождает личности женщины, но служит для нее источником бесконечного позора, унижений, зависимости, причиной преступлений и гибели...?"

Свое "освобождение" Шурочка начала с написания повести. Она задумала с помощью литературы "нанести смертельный удар по старым предрассудкам и положить конец двойной морали — одной для женщин, другой для мужчин". В своей повести Шурочка смоделировала ситуацию, которая казалась ей достойной подражания. Немолодая, одинокая девушка сама зарабатывает себе на жизнь. Полюбив человека моложе себя, она предлагает ему вместе поехать за границу и жить там совместно, ничем себя не связывая. "Будем жить, как товарищи и любовники. А когда вернемся, мы оба будем свободны и независимы друг от друга". Пожалуй, никогда раньше она не высказывалась столь искренне и самозабвенно, как в этой своей первой "настоящей" повести. Понимала ли она, что этими строчками написала свое будущее? Не зря мудрецы предостерегают, что мысль имеет свойство материализоваться.

Уверенная в своих литературных талантах, Шурочка попросила подругу отнести рукопись известному писателю Королен-

ко. Спустя несколько недель в дом Коллонтай пришел ответ. Короленко признавал, что тема повести как будто оригинальна, но взята она упрощенно и грубо. "Если бы вы писали пропагандистские листовки, вы бы могли достигнуть большего. — Короленко, конечно, не предполагал, что его ядовитая критика обратится в пророчество. — К беллетристике у вас меньше данных".

И все же самую главную роль эта бездарная повесть сыграла — она объяснила самому автору его собственные представления о женском счастье и, что самое поразительное, дошла до того единственного читателя, который мог, хотя бы на первых порах, воплотить эти мечты в действительность. Александра Саткевича в их дом привел сам Владимир Коллонтай. Они тесно дружили, вместе мечтали о служении Отечеству и о достойной оценке их труда, поэтому часто засиживались до ночи над чертежами. Неженатый Саткевич нередко оставался у них ночевать. В конце концов Александра Михайловна, почувствовавшая в друге мужа благодарного слушателя ее "образованных" излияний, предложила Саткевичу запросто поселиться у них. Их треугольник сложился скоро и по классической схеме: Он долго ни о чем не догадывался, Она — терзалась, сдерживая порывы не в меру пылкого влюбленного, Третий — мечтал умереть, чувствуя себя беспомощным подонком.

Все, как всегда, разрешила сама Шурочка. По большому счету, любовь к Саткевичу стала лишь катализатором обретения свободы, а сценарий этой самой свободы уже вполне ясно сложился в Шурочкиной голове. Во-первых, больше никаких замужеств! Друг, любовник, пусть даже мимолетный знакомец ее вполне устраивал. Она перебралась в отдельную квартиру, оставив маленького Мишу на попечение своим родителям, а Саткевича "зачислила" в приходящие любовники. Во-вторых, бурная деятельность. Наконец-то она получила возможность вырваться из скучной, "приличной" жизни. На нелегальное собрание таинственной "партии" ее привела одна знакомая. Поначалу Шурочка растерялась от собственной значимости, но потом поняла, что подпольщики остро нуждались в деньгах и явно рассчитывали на помощь не бедной новоиспеченной революционерки. Поразмыслив, она успокоилась — за все, в конечном счете, надо было платить, зато будущность рисовалась уже в виде трибуны, у которой не только бледный, некрасивый, благородный Саткевич влюбленно внимает ее речам, а сотни, нет, тысячи таких же одержимых восхищенно ловят каждое сказанное ею слово.

Как странно! В ее жизни все свершилось! Она меняла страны и города, знакомилась с новыми интересными людьми, ни перед кем не отчитывалась, сама себя освободила от всех обязательств, не считала отцовских денег. Пожалуй, лишь смерть старого генерала Домонтовича болью отозвалась в ее сердце: отец любил свою непутевую дочь и простил ей — сначала скоро-

палительное замужество, а потом такой же своенравный развал семьи. В остальном Александра Михайловна считала, что жизнь ее складывается весьма неплохо.

Россию она до 1908 года посещала наскоками — урывками встречалась с Саткевичем, вываливая на него свои приключения и планы, спешно расцеловывала сына, пичкая его сладостями, а потом снова мчалась назад, к конференциям, партийным дискуссиям и самоутверждению. Верный Саткевич не смел даже заикнуться о совместной жизни, тем более, что в новом кругу Александра Михайловна уже успела подобрать себе более подходящего, чем он, собеседника. Петр Маслов, редактор социал-демократической “Московской газеты”, не в пример Саткевичу, разделял увлечения Александры Михайловны. Правда, он был женат, но с другой стороны, в этом крылось даже некоторое преимущество — не приходилось опасаться глупых вопросов о будущем их связи.

В 1908 году после на шумевшей книги “Финляндия и социализм” Коллонтай стала “невозвращенкой”, что, впрочем, ее не слишком огорчало — Маслов не оставил Александру Михайловну без своего внимания, то и дело устраивая по городам Европы конспиративные встречи со своей подругой. Но блестящий оратор, талантливый публицист, капризный, сытенский Петенька надоел ей гораздо быстрее, чем скучный инженер. Пока она завоевывала Петеньку, пока они узнавали друг друга, пока он не уставал восхищаться ее энергией и способностями, Маслов казался Александре Михайловне желанным и привлекательным. Собственно, сеанс секса представлялся ей своеобразной платой за возможность высказаться, своего рода партийными взносами для поддержки духовного симбиоза. В Париже, где они поселились недалеко друг от друга, — Коллонтай одна, а Петенька с женой Павочкой, — влюбленные тайно встречались в номере Александры Михайловны в строго определенное время. Вначале обсуждались насущные вопросы революционного движения, после чего Петенька вытаскивал из карманов брюк круглый, как его личико, солидный “Брегет” и игривым голосом отстукивал: “Пора”. Это означало — “в койку!” Программа встречи считалась выполненной после плотно-го ужина, за который платила всегда Александра Михайловна. Павочка строго следила за расходами мужа.

После шести лет отношений с Масловым Александра Михайловна решила сказать свое “пора!”. И Петеньку заменил Санька Шляпников. В отличие от Петеньки, он был еще молод, а потому привлекал своей легкостью, незакостенелостью мышления, он умел громко и искренне смеяться, непринужденно шутить и плакать в театре над вымышленными трагедиями. Александра Михайловна, несмотря на тесное общение со многими деятелями искусства, театров не любила и считала их посещение пустой тратой времени. Она редко отзывалась на чу-

Александр Шляпников.

жие эмоции, так как резонанс в ее душе вызывали чаще логика и трезвый расчет. Шляпников в эмиграции принадлежал к преданным сторонникам Ленина и это он способствовал деловому сближению Александры Михайловны и Владимира Ильича. Без сомнения, Коллонтай не могла не восхищаться властным характером, магнетизмом и холодным, почти “машинным” умом Ленина. Но как мужчина будущий вождь мирового пролетариата не отвечал ее вкусам. Он был слишком самостоятелен, самонадеян и энергичен, чтобы привлекать такую сильную женщину, как Александра Михайловна. С годами возрастной ценз ее любовников неизбежно должен был снижаться, потому что если мужчина дотягивает до сорока, то, каким бы размазней он ни родился, жизнь заставляет его “показывать зубы”.

В любви Шляпников не обнаруживал горячей пылкости, зато действовал деликатно и с пиететом к даме. Он происходил из рабочей семьи, и хотя никогда не скрывал этого, старался вырваться из “простоты” простолюдина. Александра Михайловна казалась ему воплощением аристократической женщины, и рядом с ней Санька с удовольствием играл роль дворянина — баловал подарками, не позволял при нем платить за ужин, пытался организовывать выходы в театр, целовал ручку. Однако

банальности Шляпникова очень скоро навели на Александру Михайловну смертельную скуку. Самое отвратительное, что в конце привычного ритуала ухаживания полагался холодный, обязательный секс. Она возможно не выдержала бы и двух лет, но спасали частые разлуки — Коллонтай по-прежнему разъезжала по конференциям и лекциям, а Шляпников мотался в Россию по заданию Ленина. Иногда она решала-таки объяснить с Санькой, пойти на разрыв, но каждый раз ее что-то удерживало. Она чувствовала себя хозяйкой положения и как всякая домовитая хозяйка не торопилась освободиться от уже разонравившейся вещи. Перед собой Александра Михайловна, однако, предпочитала не лукавить: «Я сейчас, как школьница, оставшаяся без гувернантки, — писала она в дневнике после очередного отъезда Шляпникова. — Одна! Это такое наслаждение!» Положение усугубилось с началом первой мировой войны — границы стали менее проницаемыми, число поездок сократилось, деньги из России (Коллонтай существовала в основном на доходы от имения в Черниговской губернии, полученного ею в наследство от отца) приходили нерегулярно. К тому же интерес к половому вопросу, равно, как и к социальному равенству, в обществе сильно поука. Война могла коренным образом изменить расклад мира, и Александра Михайловна напугалась, что теряет фору удачницы в новой игре. Что делать, если ее прежнее дело останется на периферии общественного интереса? Что она еще умеет? Быть женой?..

В тихой Норвегии, где они теперь поселились с Санькой, она наносила визиты в чопорные дома местных обывателей и приходила в ужас: «...Скука. Что делают эти люди, когда нас, гостей, нет? Муж на службе, дети в школе, а жена? Меня еще девочкой пугала эта неотвратимая скука в благополучном семейном доме.» Неужели и ей суждено сдать, стать женой, обихаживать законного мужа? Шляпников на что непривередлив, но и от него то и дело приходилось слышать: «Сделай это! Найди то! Отнеси туда!» Однако больше всего на свете ее отвращала физическая близость супружеских отношений. Удовольствия от этой непременной обязанности она по-прежнему не испытывала. Чего ради тогда, собственно, терпеть кабалу брака? «Если б он мог жить тут как товарищ! — писала она о Саньке. — Как веселый товарищ он мне мил, я люблю с ним говорить, даже приласкать его, он же — милый мальчик. Но не супружество! Это тяжело».

Встретив новый, 1917-й год, Александра Михайловна на огромном океанском пароходе возвращалась в воюющую Европу. Возвращалась одна, сын оставался работать в США — так было безопаснее для юноши призывного возраста. Часами она стояла на промозглой палубе, упиравшись взглядом в хлопочущий горизонт и мутную пенную дорожку, увязавшую за их парходом: «Сын бежал от войны, а я от Саньки». Шляпников непре-

менно хотел отправиться в Америку вместе, мотивировал это интересами революции. Александра Михайловна отговаривалась тем, что хочет побыть наедине с сыном. Шляпников ей не верил, он слишком хорошо знал — Коллонтай не посчитается при необходимости ни с какими приличиями. Сдерживая раздражение, Александра Михайловна уступила, но как только Шляпников отлучился на несколько недель в Швецию, она срочно поменяла билеты на более ранний рейс, и они с сыном уехали одни. С борта парохода оставленному любовнику полетело последнее письмо: “Нам просто пришла пора расстаться”. Очередное шестилетие ее жизни закончилось.

Радости это не принесло, наоборот, лишь усилило тоску одиночества. Да и из России, как на зло, приходили вести, неприятно задевавшие ее самолюбие. Саткевич недавно женился, Владимир Коллонтай потребовал развода, чтобы сочетаться законным браком с женщиной, которая давно уже жила с ним вместе и по сути дела воспитала Мишу. Все это, несмотря на давность истории, больно ее кольнуло. Никому не нужна! Самое противное, что Александра Михайловна поймала себя на мысли о собственничестве. То, что она презирала в мужчинах, теперь всю одолевало ее. Она успокаивала себя, что все логично, что теперь наконец-то всем из их юношеской “тройки” хорошо. Саткевичу — с “обыденной дамочкой”, Владимиру — с “любящей Марией”, ей — ... одной, но самолюбие — самое гадко-нежное место в душе человека — долго и жестоко мстит при любом неосторожном прикосновении. Она никому не нужна! А если и ее дело никому не нужно?! “Тогда зачем же я живу?”

Она по привычке снова поселилась в Норвегии, штамповала бесконечные брошюры о перерастании мировой войны в мировую революцию — тоже больше по привычке, чем по убеждению. В последний день февраля 1917 года Коллонтай поздним вечером спешила к себе в гостиницу. “Только, что села в вагон, гляжу, на первой странице газеты у моего соседа крупными буквами написано: РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ”.

Изменилось все, и разом! После девяти лет эмиграции Александра Михайловна уже 19 марта приехала в Россию. Общее воодушевление революционной феерии подействовало на нее опьяняюще. Александра Михайловна почти не спала, мало ела, ее пронзительные голубые глаза полыхали демоническим огнем — не зря западные журналисты именно в те дни прозвали Коллонтай “валькирией революции”. Она разносила микробы массовой истерии по многочисленным митингам, и одержимая бесовством толпа устраивала ей овации. Не было женщины в революционном Петрограде популярнее Коллонтай. Ее в буквальном смысле носили на руках. Мужчина, с которым она познакомилась 28 апреля 1917 года, тоже перенес на руках Александру Михайловну с катера на берег. Этот мужчина и стал ее единственной в жизни любовью.

Павел Дыбенко, безусловно, был человеком незаурядным, хотя столь мало подходящим Александре Михайловне в пару, что трудно даже до конца понять причины ее привязанности к практически безграмотному матросу, по-крестьянски хитроватому, по-ухарски разгульному. Они впервые встретились на корабле, где Коллонтай выступала перед матросами. Он к тому времени возглавлял выборный орган Балтийского флота — Центробалт, что свидетельствовало о чрезвычайной силе характера и обаянии Дыбенко. Не каждый крестьянин даже “под шумок” революции добивался такой высокой должности. Любовь матросов к своему “красному” начальнику была безграничной. Это тем более удивительно, что председатель Центробалта не отличался мудростью и почтенным возрастом. Ему едва исполнилось двадцать восемь. Александре Михайловне стукнуло сорок пять, но теперь, в пылу революции, ее тем более не смущала никакая разница. Мир ломался! — стоило ли обращать внимание на такие условные детали, как возраст. Их роман, в отличие от прежних увлечений Александры Михайловны, развивался медленно, зато основательно, без околичностей и тайны. Вскоре об отношениях “Коллонтаихи и Дыбенко” судачили на всех углах с таким же интересом, как об отречении царя. Их любовь словно стала органической частью револю-

Павел Дыбенко.

ции, ее скандальной “светской” историей. Узнав, что аристократка, дочь высокопоставленного русского генерала, сошлась с матросом Дыбенко, морской офицер Буковский пустил себе пулю в лоб. Но всеобщее любопытство лишь подстегивало знаменитых влюбленных.

После захвата власти большевиками Коллонтай и Дыбенко, оба, получили портфели министров в одном правительстве и поселились в одной квартире. Удивительно, но именно в период, когда вокруг рушились все устои, когда ломались миллионы российских семей, уничтожались кланы и “рубилась” под корень генеалогические деревья, Коллонтай, словно она действительно происходила из рода валькирий (буквально — “выбирающие мертвых, убитых”), успокоилась, обретая-таки свое женское счастье. В ее письме 1918 года появляются неслыханные прежде слова, обращенные к Павлу: “Мой милый, милый Павлуша, чувствуешь ли, как мои мысли летят к тебе? Ласки выются волною вокруг тебя и хотят проникнуть в твоё сердечко... Как хотелось бы обхватить обеими руками тебя за шею, вся-вся прижаться к тебе, приласкать твою милую голову, найти губами губы твои и услышать твои милые ласковые слова, в ответ на которые так радостно вздрагивает и сладко замирает сердце. Милый! Любимый! Твой голубь так хочет скорее, скорее прилететь в твои милые объятия...”

Александра Михайловна разом поглупела от любви. Кому бы раньше она позволила назвать себя “голубем” — образом, выдернутым из лубочных картинок? А ведь именно матрос Дыбенко придумал для своей дамы это незатейливое прозвище, которое она с удовольствием вспоминала в разлуке. Их письма друг другу почти не отличаются, несмотря на различия в образовании и возрасте их авторов — разве что бывший крестьянский сын не ладил с грамматикой: “Милая, дорогая Шурочка! Как бы мне хотелось видеть тебя в эти минуты, увидеть твои милые очи, упасть на грудь твою и хотя бы одну минуту жить только-только тобой. Но в эти минуты я не могу сказать тебе ни единого слова. В эти минуты я не могу услышать звук твоего голоса. О! Как я одинок в эти минуты. Шура, милая, ты может быть получишь это письмо тогда, когда не будет меня я прошу тебя одно напиши и не забудь мою маму и успокой ее... Шура, я иду умирать за свободу угнетенных. Вперед к свободе!.. Вечно с тобой Павел”.

Для Дыбенко, по-видимому, Александра Михайловна никогда не была только женщиной. Не зря же на упреки друзей, считавших, что он променял их на женщину, Павел с усмешкой отвечал: “Разве это женщина? Это Коллонтай”. До встречи с ней бравый балтийский матрос Дыбенко был лишь бунтарем-варваром; овладев Коллонтай, он вошел в клан революционных “патриархов”. Александра Михайловна, всегда предпочитавшая карьеру “одиночной звезды”, поневоле теперь вникала в

аппаратные игры новой власти, чтобы научить их правилам несдержанного, наивного Павла. Но в Дыбенко счастливо сочетались два противоречивых качества. Счастливо для Коллонтай, которая наконец повстречала мужчину своей мечты. С одной стороны, Павел искренне замирал от восхищения, когда слушал Александру Михайловну, но совершенно не робел перед ней в постели. Он чувствовал себя настолько уверенным и сильным, что ему не приходилось утверждаться перед ней с помощью секса. В одном из интимных дневников она обмолвилась, что для "Павлуши" вовсе не обязательно завершать ночь любви *этим*. Дыбенко в отличие от любовников-интеллектуалов понял самое главное — его подруга не оценит сексуальных подвигов, для нее важнее почувствовать себя обласканной.

С другой стороны, Павел, находясь под патронажем влиятельной, знаменитой и инициативной Коллонтай и, соглашаясь на словах с ее мнениями, на деле мало к ней прислушивался. В роковые для большевиков дни, когда в феврале 1918 года немцы едва не взяли Петроград, наркому Дыбенко пришлось самому возглавить отряд матросов, посланных для подкрепления под Нарву. Особенными военными талантами "красный" министр не отличался, зато был переполнен тщеславием и самомнением. Он отказался подчиниться начальнику оборонительного участка генералу Парскому и решил действовать самостоятельно. Результаты этой самодеятельности оказались плачевными — все закончилось трехдневным распитием "братишками" наркома цистерны спирта, захваченной на железной дороге, и грандиозным разгромом отряда Дыбенко. "Самоволка" министра едва не стоила большевикам Петрограда. Ленин пришел в бешенство. Павлушу не только "погнажи" за этот проступок со всех постов, но еще и арестовали. По законам кровавого террора провинившемуся полагался расстрел.

Александра Михайловна ни минуты не задумалась о "революционной справедливости", она чувствовала себя лишь влюбленной женщиной, у которой отнимают обожаемого мужчину. Уже тогда, в начале 1918 года, не успев захватить власть, большевики яростно дрались между собой возле ее кормушки — кто-то кого-то ненавидел, кто-то кого-то "подсиживал" и все вместе друг другу не доверяли. Коллонтай использовала эту "подковерную" возню в своих целях: она стучалась в кабинеты Дзержинского, Крыленко (ему поручили дело "Павлуши"), Троцкого и наконец Ленина. Дыбенко освободили под поручительство Александры Михайловны, но он отнюдь не раскаялся в содеянном. Вместо того чтобы смиренно ждать суда, бывший нарком собрал группу верных ему "братишек", а таковых оказалось совсем немало, и двинул с ними на юг России. Он не только не поблагодарил свою спасительницу, но, по-видимому, в порыве мстительного гнева и вовсе забыл с ней встретиться. Александра Михайловна была вне себя от бешенства: "Как Па-

вел посмел считать меня карманной женой?! Забыть, что у меня есть свое громкое имя, что я — Коллонтай?!!”

Однако этот демарш Дыбенко коренным образом не изменил отношений между влюбленными, если, конечно, не считать, что Александра Михайловна чувствовала себя феей, медленно теряющей свои волшебные свойства. Пару трепетных строк — и вот уже Коллонтай мчится вдогонку “Павлуше” в Крым. Партийные лидеры жаждали мщения. Дыбенко своим самоуправством посягнул на самое святое — большевистскую иерархию. Но Ленин оказался мудрее партийных экстремистов. Рассказывают почти байку, что Владимир Ильич в заключительном резюме по делу Дыбенко и Коллонтай вынес решение: “Вы правы, товарищи. Это очень серьезное нарушение. Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет”. Зловещая шутка Ильича вызвала смех “товарищей”, и комиссия ограничилась исключением бывшего наркома из партии.

Трудно сказать, имели ли место слова Ленина в действительности, — уж слишком пророческим оказалось высказывание вождя на этот раз. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды. Ленин боялся конфронтации с хорошо вооруженными, отчаянными “братишками” и кроме того не хотел увидеть в стане своих врагов “революционную звезду” — Коллонтай. Время, как всегда, показало правоту вождя. Дыбенко, утвердив свою относительную независимость, присмирел. От новой власти он уже получил такие блага, о которых раньше и не мечтал. В южной одесской резиденции, где квартировал красный командир, Александра Михайловна столкнулась с роскошью, которой давно уже не встречала, — комнаты были устланы коврами, напичканы реквизированными у “буржуев” дорогими вещами, Павлуша содержал несколько конных выездов и устраивал для друзей пышные застолья. В 1921 году во время Кронштадского мятежа Ленин пошлет на его подавление не кого-нибудь, а “братишку” Дыбенко, и не ошибется... Кумир моряков, желая выслужиться, обнаружил необычайную свирепость. Даже выдавший виды Михаил Тухачевский испытал нечто близкое к шоку: “Я был пять лет на войне, но не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь наблюдал такую кровавую резню”.

Но если отношения с Советской властью у Дыбенко с годами становятся все прочнее, то в романе с Александрой Михайловной, наоборот, появляются первые трещины. Собственно говоря, Павлуша вовсе не против был считать Коллонтай своей законной женой, но при этом он не собирался давать обет верности. По большому счету, “баб он презирал”, но его презрение выражалось несколько своеобразно — редко какая юбка ускользала из крепких объятий матроса Дыбенко. Александра Михайловна, конечно, не входила в разряд “баб”, он уважал ее

и даже преклонялся, но такое отношение не предполагало во-все отказа от удовольствий. В пылу партийной полемики Коллонтай уже успела произнести знаменитые слова о том, что по-ловая свобода скоро достигнет той легкости, когда переспать с партнером будет так же просто, как выпить стакан воды. Но для самой Александры Михайловны этот пассаж оказался лишь злой ловушкой, оправданием беспорядочных связей ее любимого мужа, источником ее бесконечных терзаний.

Можно по разному интерпретировать высказывание Коллонтай о “стакане воды” — как выражение собственных комплексов, как доведение до крайней абсурдности ее прежних взглядов, как наконец полную глупость, — но гораздо интереснее представить себе, вспоминала ли Александра Михайловна длинными одинокими ночами свои хлестко брошенные слова. Вероятно, да. В ее дневниках и переписке сохранились отголоски борьбы ее собственного “я” с болезненной язвой любви. Она успокаивала себя, что до сих пор не знала ревности, что всегда смеялась, когда покинутые Маслов и Шляпников, хватаясь за соломинку, убеждали ее в своей верности. Она не упускала случая продемонстрировать прежде всего себе, что дело для нее на первом месте, что она та самая *Коллонтай*, которую до сих пор никогда не терзали “бабьи страстишки”. Но сердце предательски колотилось, когда Александра Михайловна, сгорая от стыда, воровато рылась в кармане Павлуши, выуживая оттуда любовные записки от “Нин”, “Валь”, “Мань”. Однажды на глаза попался до боли знакомый почерк. Потом выяснилось, что он принадлежал ее преданной секретарше Тине, которой она доверяла свои самые сокровенные боли.

Нельзя сказать, что “Голуб” Дыбенко не пытался выпутаться из тенет любви. Коллонтай уезжала, не отвечала на слезливые письма мужа, даже опускалась до измены. Но всякий раз воспоминания о жарких объятиях Павлуши настигали ее врасплох и она снова летела к любимому, униженно анализируя свою слабость. “Ведь я же вижу, знаю, что не умею, не могу дать тебе полного счастья. Тебе со мной, с одной стороны, хорошо, близко, а с другой — неудобно, а подчас и тяжело. Я не та жена, какая тебе нужна... Я все-таки больше человек, чем женщина...” Она лукавила, потому что давно догадалась, что Дыбенко вполне устраивают их взаимоотношения. Он мог гордиться, что “такая женщина — и его!”, она не досаждала ему своей ревностью — предпочитала мучиться в одиночку, — наконец только с ней он мог взять новые вершины в новой власти.

Как ни прискорбно было сознавать Александре Михайловне, которая сама всегда потребительски относилась к своим любовникам, но самые лучшие дни их совместной с Павлушей жизни начались тогда, когда Дыбенко писал диплом по окончанию военной академии. Павлуша неусыпно находился при ней,

заглядывал в рот и отличался повышенной заботой. Днем они увлеченно обсуждали роль личности полководца в Красной Армии, вечером она работала над страницами диплома, а ночью он старался оплатить ее труд своими мужскими прелестями. Ни одна тучка не наплывала на небосклон их ясных и прозрачных отношений — никто не звонил, молча дыша в трубку, не писал пошлых записок, не сидел в их доме, многозначительно заглядывая в лицо Павлуши.

Идиллия, конечно, оказалась весьма хрупкой. Вместе с блестящей защитой диплома, написанного ею, снова возвратились долгие ночные оргии, беспробудное пьянство, необъяснимые отлучки. «Мы объяснялись несколько часов. Павел приехал днем. Я ждала его напряженно. Одеда новое платье. Напудрилась. Ждала. А пропустила момент, когда подъехал автомобиль. Павел прошел в свой кабинет. Вхожу — уткнулся в угол дивана. Плачет. Не сразу растаяло сердце. Не сразу захлестнуло теплом. Но понемногу оттаяла. Павел выкупал мое платье в слезах. Потом... неизбежные объятия, поцелуи. Пока чувство живо — обычный финал».

В один из черных дней «сарафанное радио» донесло ей, что у Дыбенко есть постоянная пассия, даже имя было названо — Валья Стефеловская. Коллонтай, которая к тому времени перешла в оппозицию к официальной линии партии, находилась в немилости у Ленина и фактически держалась под домашним арестом в Москве, вымолила чуть ли не на коленях разрешение поехать к мужу в Одессу, где он в то время командовал корпусом. Дыбенко, как обычно, жил в нарядной вилле на Большой Фонтанке. Пьянящий запах роз из сада, жаркая южная ночь и шептание моря разморили измученную подозрениями женщину. Александра Михайловна в который раз готова была поверить покаянию влюбленного. «Но в этот день Павел был такой нежный, растроганно нежный, как в былые дни. И я с радостью схватилась за надежду: «Павел любит меня. Все эти слухи — обычные сплетни кумушек. Я им не верю...» Возможно, она бы и уехала умиротворенная, но та, другая, взбунтовалась — почему Павлуша все свободное время отдает этой стареющей женщине, Коллонтай, а не ей, молодой и красивой? Получив ультиматум от Вали, Дыбенко исчез вечером из дома.

Всю ночь Александра Михайловна просидела у ворот виллы, прислушиваясь к каждому шороху, вытирая беззвучные слезы и набираясь решимости. Она тешила себя еще тем, что он вернется, что он просто не сдержал слово и заигрался в карты у ненавистного ей управляющего винными погребами Азбукина. Но когда Павлуша появился с рассветом, виноватый, прячущий глаза, утомленный, она убила в себе последние сомнения. Гнев переполнял ее и все, что накопилось за долгие годы обмана, она обрушила на него, горячо любимого и ненавистного. Припертый к стенке Дыбенко не ожидал такого напора. Его

Шура, всегда сдержанная, знающая себе цену, надменная, билась теперь в истерике и кричала, как рыночная торговка. Дальнейшее мы знаем лишь со слов самой Александры Михайловны: "Он быстро повернулся ко мне спиной и молча зашагал на дачу. Четко прозвучал выстрел в ночной тишине удушливой ночи. Я интуитивно поняла, что означает этот звук, и, охваченная ужасом, кинулась к дому... На террасе лежал он — мой муж с револьвером в руке". Есть и другая версия, не менее вероятная — в Дыбенко стреляла доведенная до отчаяния сама Александра Михайловна. Зная решительный характер Коллонтай, и то, что она понимала всю невозможность собственными душевными силами разорвать эту связь, в покушение можно поверить. Но зная также, что Дыбенко никак не хотел потерять Александру Михайловну, стоит допустить и самоубийство. Несколько смущает только то, что профессионал Дыбенко промахнулся, пуля прошла мимо сердца.

Эти страсти, по сути дела, завершили самую романтическую любовь большевистской революции. Александра Михайловна понимала — она никогда не сможет простить Павлуше, что он довел ее до животного состояния, что он спровоцировал в ней самые низменные инстинкты. Для нее в потере самообладания содержалась крайняя точка падения человека. Собственно, вины Дыбенко в этом было немного. "Я рвался к тебе, Шура, потому что я страдал по тебе... Да, я никогда не подходил к тебе как к женщине, а к чему-то более высокому, более недоступному. А когда были минуты и ты становилась обыденной женщиной, мне было странно и мне хотелось уйти от тебя. Ты в моих глазах и в сердце, когда я рвусь к тебе, выше достигаемого..." Он совершенно искренне не понимал, что же так обижало Шуру. Он боготворил ее. А разве можно считать изменой кумиру мимолетные удовлетворения физиологической потребности, как, например, справиться естественные надобности, поест или... выпить все тот же пресловутый "стакан воды"?

У нее остался один выход — бежать. Бежать от собственного стыда, от этого выстрела, который навсегда теперь будет гроыхать у них за спиной, от собственной мучительной раздвоенности. "Я убегаю не от Павла, а от той "я", что чуть не опустилась до роли ненавистного мне типа влюбленной и страдающей жены". Александра Михайловна написала письмо Сталину с просьбой отправить ее на любую работу за границу, благо она отлично изъяснялась на пяти языках. И в конце октября 1922 года она уехала в Норвегию в качестве торгового советника, а буквально через полгода получила небывало высокий пост — впервые в мире женщина возглавила посольство.

Тогда и был сыгран финал этой любовной драмы. Унижаясь, Александра Михайловна кое-как выпросила у норвежских властей для Дыбенко визу, мотивируя встречу необходимостью разрешить материальные вопросы перед разводом.

Правда, официальные чиновники только пожимали плечами: в документах Коллонтай было указано, что она вдова. Но упорство влюбленной (еще влюбленной!) женщины сломало все преграды. В первый момент встречи ее захлестнул угар страсти. Казалось, что никогда прежде она не переживала столь бурных чувств. Вероятно, так оно и было. Но, как известно, с пика горы открывается пропасть. Самая глубокая. Из которой уже не выбраться. “Ложь, помноженная на ложь! Каждый день, каждый час. Он пишет ЕЙ все время, неумело скрывая от меня... Невероятная усталость и тупая до отчаяния тоска. Сознание... непоправимого. Наконец-то я поняла: надо уступить, немедленно уступить Павлиной красавице место жены”. Значит, даже уезжая, даже принимая высокий пост, она еще надеялась на возвращение любви. И выстрел не помог “отхватить хвост этой проклятой гидре”, и логически стройные рассуждения в книгах, и новая слава... И усыпленная было ревность проснулась снова и возопила: “Если ему нравится молодая содержанка, это в конце концов его дело... Говорят, что она из типа совбарышень... Ну и вкусы у нее! Заказала Павлу список заграничных подарков. Вполне типично для этого типа. Шелковые рубашки, красивое белье и т.д. Павел о ней говорит как о дочери польского аристократа. А, по-моему, просто плебейка...”

Единственным действенным лекарством от любви, как и положено, стало время. Полгода, проведенные вдали от Павла, все-таки присыпали пеплом костер томлений и обнажили черные угли лжи. Он уезжал в мае 1923 года из Осло, и Александра Михайловна теперь уже знала точно — навсегда! Спустя неделю после отъезда Дыбенко, она почувствовала тошноту и сосущий ток в желудке. Судьба послала прощальный привет их любви. В пятьдесят один год Александра Михайловна забеременела. Коллонтай пережила настоящий шок, но предпочла не мистифицировать происшедшее, не впадать в сентиментальность и, собрав все силы в кулак, хладнокровно избавилась от ребенка. Прошло ровно шесть лет с того дня, когда широкоплечий мужчина, руками, словно вылитыми из чугуна, схватил Александру Михайловну и долго нес ее по холодной, грязной воде к берегу. Шесть лет... Третья “шестерка” ее судьбы...

Жизнь Александры Михайловны, взорванная революцией и любовью, снова вернулась в привычное русло; ее феминистские взгляды увенчались исторической должностью первой в мире женщины-посла — теперь она не сомневалась: ее имя потомки не забудут. К ней снова спешат экзальтированные журналистки, Британское общество сексуальной психологии избрало Коллонтай своим почетным членом, по всему миру разошлась ее книга “Любовь трудовых пчел”. Все кирпичики разрушенного дома, словно в обратном витке киноленты, возвращались на

прежнее место. В мир Александры Михайловны снова вошли уют и уверенность в собственной непогрешимости.

Она привычно объясняет сложные психологические процессы вульгарными биологическими причинами: "Ревность — это конгломерат биологических и социальных факторов. В ревности есть биологическое начало воссоздания себя в потомстве: стремление получить ласку, связанную с воспроизводством." И так далее... Все по циничному, логическому плану...

Пожалуй, она верила в эту фантазию. Последний приют душевных мучений, этот рассадник болезни — любовь, ревность, измены — человечество выкорчует навсегда.

Коллонтай переживет все свои три "шестерки". Впрочем, она переживет всех своих мужчин. И никого не будет хоронить. Единственный, кого она имела возможность проводить в последний путь, был Владимир Коллонтай, с фамилией которого она не захотела расстаться до конца своих дней, но несчастный умер в самые бурные революционные дни 1917 года, как раз тогда, когда Александра Михайловна блистала на митингах и покоряла Дыбенку, поэтому она не нашла времени отдать последние почести своему первому мужу. Остальных ее мужчин уничтожит режим Сталина. Даже Саткевич, добрый, гордый Саткевич, семидесятилетний старик, не избежит общей участи.

О чем она думала, когда в 1939 году получила известие о расстреле "врага народа" Дыбенко? Ей было к тому времени шестьдесят семь, Павлу — пятьдесят... Ни один из ее обширных дневников не обнаружил подлинных переживаний этого события. Она боялась, смертельно боялась тирана и не доверяла больше никому. Смелость, раскованность, даже некоторая "наглость", словом, все то, что называлось в ее лексиконе "талантом жить", истерлось в молохе кровавой большевистской диктатуры. И даже три "дьявольские шестерки", вопреки вечному сюжету, сгорели в этом аду. ■

Милекс

Колноценности

Писать о кризисе системы российского школьного образования стало прямо-таки хорошим тоном. Если раньше, в доперестроечные, так сказать, времена, лучше советской школы никто себе ничего и представить не мог, то теперь, похоже, многие считают своим долгом то же самое российское образование обругать. Хотя на самом деле ничего в

118011 518

В такой школе в XXI веке
должны учиться все
российские дети

фото Владимира Чейшвили

нем кардинально не менялось, кроме зарплаты и престижа учителей. Чисто русское, кстати сказать, развлечение: выплескивать воду обязательно вместе с младенцем.

А младенец — то есть современная школа — никакой не монстр. Некоторые учебные заведения, наоборот, даже очень привлекательны. Как, например, школа-комплекс № 548 "Царицыно", с директором которой, заслуженным учителем России Ефимом Рачевским, встретила наш корреспондент. И который рассказал о современном школьном образовании много интересного. И нового, кстати, тоже.

В вестибюле школьного здания висят три плаката. На одном написано: "Хождение в школу не должно мешать моему образованию". На другом: "Мозг наполненный стоит дешевле, чем мозг обустроенный". Первое изречение принадлежит одному из любимых персонажей Марна Твена Генельберри Финну, второе — французскому философу Мишелю Монтеню. Автор третьего афоризма — сам Ефим Лазаревич: "Я приветствую двоечника, но только здорового, порядочного и стремящегося хоть к маленькой победе". А что, подумала я, нормально.

— Ефим Лазаревич, что изменилось в нашей школе за истекшие, скажем, десять лет? На виду только то, что исчезла школьная форма. А сами школьники — изменились?

— Безусловно. Но я тут не буду ставить знаков плюс или минус, хотя обычно принято хвалить свое поколение — в крайнем случае, предыдущее, — и ругать поколение новое. "В наше время было лучше" — это всего лишь проявление ностальгии по молодости, не более того. Дети действительно изменились, потому что прежде всего изменилось количество информационных потоков, в сфере которых существует ребенок. Появились новые информационные культуры, которых раньше не было. Например, компьютерные. Я совершенно точно знаю, что треть детей в моей школе ковыряется в Интернете. Бесспорно, свою роль играет и развитие телевизионной культуры. И, главное, о чем я точно знаю: у детей стал богаче словарный запас. Об этом можно судить

по нашей школьной многотиражке — далеко не все взрослые люди смогли бы так изложить свои мысли, как это — непринужденно и естественно — делают наши ученики.

— То есть причитания некоторых односторонне мыслящих политиков о "дебилизации поколения" — не более, чем обычная демагогия?

— Как и всегда, хотя скорее всего речь идет просто об утрате каких-то традиционных, не всегда подлинных ценностей. Дети стали более прагматичными. И если раньше индивидуальный прагматизм рассматривался как нечто негативное, как уход от декларированного лозунга "общественной жизни", то теперь каждый школьник знает, что он должен самостоятельно творить свою судьбу, свою карьеру, то есть озаботиться собственным будущим. Система образования, семья, ребенок — об этом я сейчас везде говорю без стеснения — находятся на периферии общественного сознания. Государству как бы нет дела до таких "мелочей", оно работает исключительно само на себя.

— Автономная космическая система?

— Что-то вроде этого. А поскольку выпускник находится как бы на периферии общественного сознания и его будущее интересует, в общем-то, только его собственную семью...

— Ноторая сама тоже государству не интересна...

— Прискорбно, но это так. А вот школа, на мой взгляд, это сейчас удивительно стабильный институт, который помогает детям в этой самой социализации,

то есть найти свое место в жизни. Если говорить о старшеклассниках, то я бы сказал, что они социально достаточно активны, большая часть из них не бывает равнодушными к окружающим их проблемам и людям, несмотря на то, что они не знают "морального кодекса строителя коммунизма". Они не участвуют в различных видах политических организаций, и то, что человек аполитичен — это, с моей точки зрения, тоже нормально. Нормальный человек должен один раз в четыре года пойти на выборы, а больше его эта самая политика и не должна интересовать.

— Как тут не позавидовать Швейцарии, где чуть ли не девяносто процентов населения понятия не имеет, как зовут президента страны? Все идет хорошо — кому интересны подробности того, как это благополучие достигается...

— В общем-то верно. Есть другие, гораздо более увлекательные вещи: семья, здоровье, личная карьера, счастье наконец! Хотя, конечно, часть наших школьников не избежала политизации: они члены каких-то там партий, движений, ходят на демонстрации... Но их немного. И я, например, преподавая старшеклассникам политологию, стараюсь научить их прежде всего уважать чужое мнение...

— "Я не разделяю ваших убеждений, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли их свободно высказывать"? Так это звучит согласно Вольтеру?

— Да, именно так, хотя самого французского философа сейчас мало кто знает: нынешняя жизнь оназалась слишком жест-

ной, требующей не столько абстрактных, сколько конкретных знаний. Сегодняшнее поколение старшекласников ко всему прочему намного переросло тех, кто их учит — это мое твердое личное убеждение. У них более гибкое мышление, они не стараются адаптироваться к ситуации, а адаптируют ситуацию под себя и это у них получается без нанесения особого урона окружающим. Я во всяком случае, на это очень надеюсь.

— Сохранилась ли прежняя система "энциклопедических знаний", обязательных для каждого ученика, вне зависимости от его личных пристрастий?

— Спасибо за вопрос: он мучает сейчас большую часть моих здравомыслящих коллег и меня тоже, естественно. Да он в общем-то всех мучает. Да, прежняя система сохранилась. Не могу назвать это энциклопедическим подходом, скорее он какой-то эпический. Один завуч московской школы высказал совершенно замечательную вещь: "Образование наше похоже на какой-то нескончаемый эпос. Все время появляются новые и новые знания, а временной ресурс ребенка в школе ограничен и поэтому он успевает усваивать значительно меньше новых сведений, а успевает получать по большей части устаревшие".

Пригодится ли знание физики или химии тому, кто собирается поступать, скажем, на филологический факультет? Может быть, и не пригодится. Но есть замечательное такое понятие: фоновые знания. Ведь никто и никогда не может точно сказать, где и какие знания окажутся

востребованными. Да и школа построена на граничащих друг с другом предметных областях и никогда в жизни она не сможет создать целостное восприятие мира. Ведь школа — это не набор предметов, а набор языков: химический язык, биологический, математический и так далее. И редко кому из педагогов удается объяснить детям, что речь-то ведь идет об одном и том же: о природе и о человеке. А детям надо объяснять, что все это — одно и то же явление, но очерченное в разных языковых формах. Псевдоэнциклопедизм, к сожалению, привел к тому, что современная российская школа стала школой информационных потоков, школой монологов, при этом ребенок, который барахтается в этих информационных потоках, не получает навыков правильного обращения с ними. Нужно же, на мой взгляд, давать, во-первых, фундаментальные знания, во-вторых, конкретные общие навыки, а самое главное — научить ребенка самостоятельно ориентироваться в океане окружающей его информации. Вот тогда это будет по-настоящему современной школа.

— В коридорах вашей школы — только юноши и девушки. А где младшеклассники?

— Мы учимся не в одном здании — у нас их целых четыре. Здесь — лицейская часть образования. Школа построена по принципу перевернутой пирамиды. Первые классы — четыре, а выпускных — от девяти до двенадцати. В школе идет дополнительный набор в пятый и восьмой классы. Когда-то мы ютились в одном здании, которое по

нормативам было рассчитано на 900 детей, а на самом деле их было около трех тысяч — специфика спального микрорайона. Занятия проходили, естественно, в три смены. А потом нам помогло окружное руководство, мы как бы расселились, а все вместе это называется "Центр образования "Царицыно". Есть еще интернат в Видном. Мне, как директору, это крайне неудобно, потому что в буквальном смысле слова течет не одна крыша, а целых четыре. Лучше бы все это собрать под одну кровлю, но... Вообще в Москве пять таких центров, как наш, так что ничего уникального в этом уже нет.

— Но ведь зато есть и что-то положительное?

— Безусловно. В школе преподаются основные предметы и факультативные — во второй половине дня. Смысл комплекса как раз в том и состоит, чтобы каждый ребенок, помимо общего образования мог получать еще и дополнительное. У нас около 300 кружков по интересам: театр, живопись, компьютеры, своя школьная газета "Квадрат". Кроме того, мы стараемся давать и основы профессионального образования по профессиям: информационная культура, переводчик, гид-переводчик, офис-менеджер, художник-дизайнер, и так далее.

— Проблемы с учителями не возникает? Особенно при такой насыщенной программе?

— Как ни странно, после августа 1998 года кадровый вопрос перестал быть для нас актуальным. После того, как рухнули многие коммерческие структуры и их сотрудники оказались безра-

Ефим Рачевский.

ботными, школа представляется нашим островком стабильности. В нашем Центре, во всяком случае, преподавательских вакансий нет, существует даже отбор на конкурсной основе, хотя зарплата преподавателя-выпускника института со всеми надбавками не превышает пятисот рублей. Разумеется, на такие деньги прожить невозможно, тем более — содержать семью, поэтому изыскиваются дополнительные способы заработка: например, репетиторство или ведение факультатива, когда заключается дого-

вор с родителями о преподавании, скажем, второго иностранного языка. У нас существуют такие курсы по подготовке в институт, тоже платные. При всем этом зарплата учителя поднимается где-то до 800 рублей. Ну и, конечно, подработка где-то на стороне, которой мы никогда не препятствуем, а наоборот, как бы даже приветствуем.

— Прибавка, конечно, "весомая"...

— Но не основная. Ведь в нашем районе есть и частные школы, где педагогам платят намного больше, чем у нас. Процентом на 80 там персонал укомплектован... преподавателями нашего Центра. Не уходят туда совсем, потому что, по их собственным словам, там они зарабатывают деньги, а тут удовлетворяют свои профессиональные запросы. Кстати, обучение в частной школе стоит порядка 8-10 тысяч долларов в год. А в нашем Центре все дополнительные платные занятия обходятся родителям учеников где-то в 100-200 рублей в месяц. Как говорится, почувствуйте разницу!

— И вам на все хватает средств, которые отпускает бюджет?

— Бюджет отпускает средства на зарплату учителям и на питание школьников. И это все. Остальное — от глобуса до мела — мы должны добывать самостоятельно. Но хоть зарплату выплачивают без задержки!

— А система подготовки медалистов при общем распаде традиций хоть сохранилась?

— Да, в этом году мы впервые после 12-летнего перерыва выпустили трех золотых и одного сере-

бряного медалиста. Медалистом вообще-то очень тяжело быть, это требует просто героических усилий со стороны учащегося. Вообще у нас всегда все поступает в институт. Но если раньше это было предметом нашей особой гордости, то сейчас я не считаю, что это так уж на самом деле замечательно. Прежде всего потому, что до сих пор существует откровенная нестыковка школьных программ и требований, которые предъявляются на вступительных экзаменах в вузы. Они, как бы это сказать, совершенно неадаптированы друг к другу. И никакого сближения не предвидится, потому что в противном случае упадет надобность в подготовительных курсах для поступления в институт и репетиторстве, и, следовательно, преподаватели останутся при своих нищенских окладах. Замкнутый круг.

— Или преподавательская "взаимовыручка"?

— Естественно. С другой стороны, в вузах неуклонно растет число платных мест и сокращается число мест бюджетных. Так что в настоящее время "поступаемость" в вуз — это не критерий работы школы, это скорее критерий заинтересованности семьи в том, чтобы ребенок получил высшее образование. Высшее образование сейчас актуально, как никогда, потому что место в современном социуме, нравится нам это или не нравится, все-таки не в последнюю очередь зависит от уровня образования. Рынок труда изменился, нужны образованные люди...

— Что-то не похоже, чтобы государство в них сильно нуждалось...

— Да нет, государству образованные кадры тоже нужны, но оно пока ограничивается декларациями об этом, какие-то положительные изменения в этой позиции могут произойти только ближе к выборам. Пока все ограничивается указами, которые никогда не исполняются. Но поскольку школа представляет собой мощный электоральный ресурс, на нас могут обратить внимание. Голосуют ведь не только учителя. Школа — это еще и потенциальные голоса учеников, их родителей, тетей и дядей. А школе сегодня, как ни странно, верят.

— Помощь от местной управы случается?

— О да! Без всякого подхалимана скажу, что у нас удивительный префект. Александр Васильевич Беляев. Не могу даже считать его местной властью — население-то округа миллион шестьсот тысяч человек, крупный город на самом деле. Префект каждую субботу объезжает округ и обязательно посещает две-три школы. И если что-то обещает, то обязательно делает. Напри-

мер, в конце прошлого учебного года задал моим семиклассникам сочинение на тему о том, как они представляют себе в идеале свой дом и свой подъезд. И на основе вот этих ребячьих сочинений собирается построить в округе экспериментальный дом.

— Устами младенцев?

— Пожалуй. Более того, мы собрали класс в 20 учащихся из 200 желающих, заключили договор с Международным университетом, чтобы подготовить свои собственные управленческие кадры. Префект вкладывает сейчас средства в 17-летних, чтобы потом получить профессионалов-управленцев, знающих нужды округа, так сказать, "изнутри".

— Как бы вы сформулировали основную цель вашего Центра?

— Переход от школы информационного потока к школе развития, к школе жизни.

— Звучит оптимистично.

— А пессимистам рядом с детьми вообще делать нечего! ■

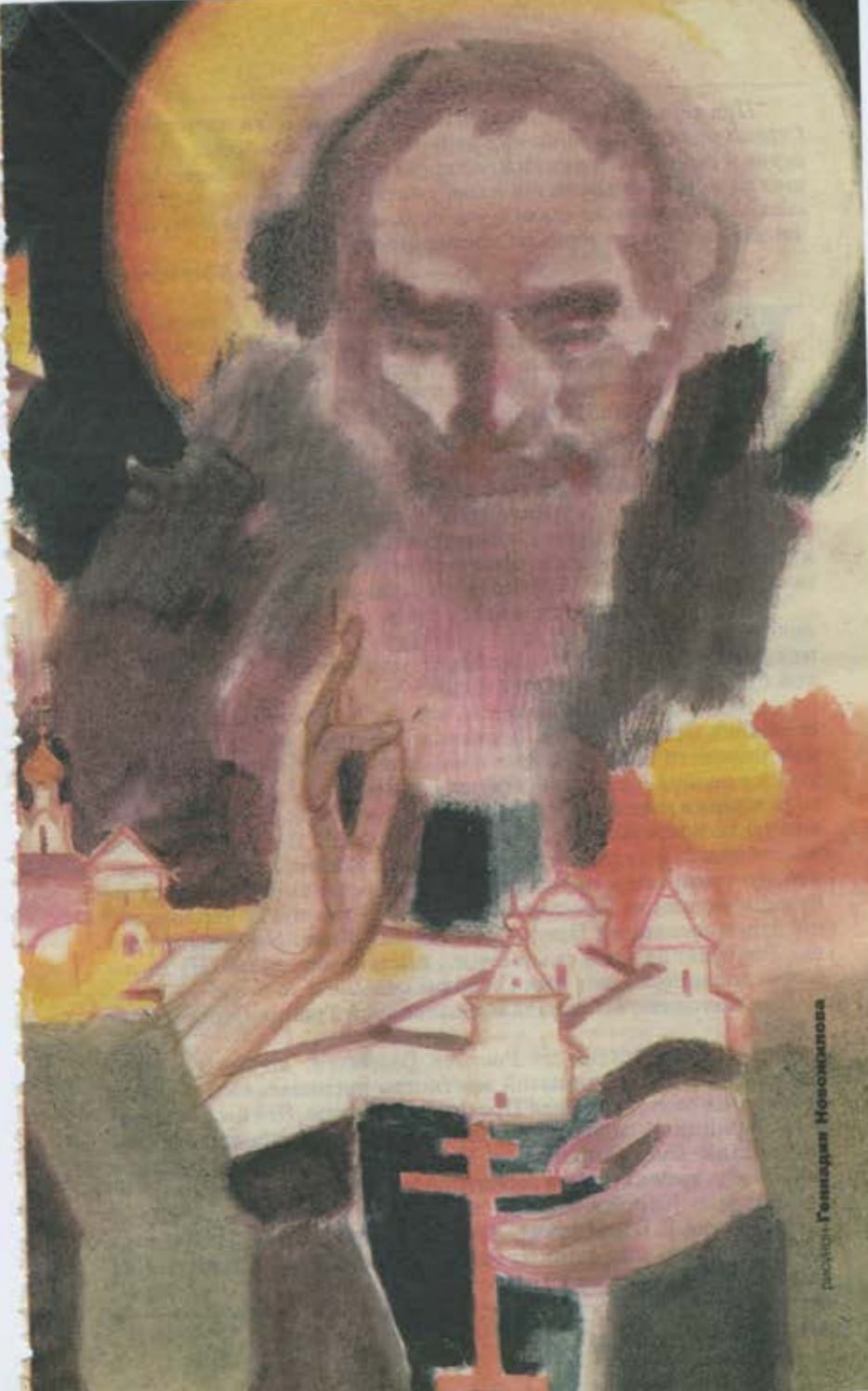
Беседовала

Виктория МУРАШОВА.

ШТУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Любовь РУСЕВА

“Примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергей поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна”.

В.О.Ключевский

Вдали от селений и дорог над густым дремучим лесом, где не ступала нога человека, возвышалась в виде маковки гора, которая так и называлась — Маковница. Только птицы да звери хозяйничали в дебрях. Полюбилось это место двум пустынноикам, в представлении которых именно так должен выглядеть земной рай до грехопадения человека, и решили они здесь срубить себе маленькое жилище. Застучали топоры в непроходимой чаще, пугая зверей и птиц. Тяжко приходилось братьям, с трудом перетаскивали они на своих изнеженных боярских плечах огромные бревна. Постепенно редела лесная чаща, и вот уже стоит на Маковнице маленькая церквушка.

— По плоти ты мне старший брат, — молвил Варфоломей, любуясь на творение их рук, — а по духу — вместо отца. Скажи мне, во имя какого святого следует освятить нашу церковь? Какой будет ее престольный праздник?

— Зачем спрашиваешь о том, что сам лучше меня знаешь? — отозвался Стефан. — Ты, конечно, помнишь, как не раз покойные родители наши при мне говорили тебе: “блюда себя, чадо: ты уже не наше, а Божие. Господь сам избрал тебя прежде твоего рождения и дал о тебе доброе знамение, когда трижды возгласил ты во чреве матери, во время литургии”. И пресвитер, тебя крестивший, и чудный старец, нас посетивший, говорили тогда, что это трикратное приглашение твое предзнаменовало, что ты будешь учеником Пресвятыя Троицы. И так пусть церковь наша будет посвящена Пресвятому Имени Живоначальныя Троицы. Это будет не нашемышление, а Божие изволение. Пусть же благословляется здесь имя Господне отныне и во веки!

Так положено было начало знаменитой Троице-Сергиевской лавре.

В четырех верстах от Ростова Великого, по пути в Ярославль, на ровной открытой местности располагалась некогда небольшая обитель во имя Пресвятой Троицы. Это был заштатный Варницкий монастырь. Здесь находились поместье и дом ростовских бояр Кирилла и Марии, которые предпочитали сельское уединение суете городской жизни при княжеском дворе. Вначале Кирилл состоял на службе у ростовского князя Константина II Борисовича, а потом у Константина III Васильевича. Боярин, как один из самых близких людей к князьям, не раз сопровождал их в Орду.

Супруги были нрава доброго, строго соблюдали все церковные уставы и помогали бедным. В жизнеописании святых отмечается, что еще до рождения второго сына Марии было знамение, что это будет великий избранник Божий. Как-то в воскресенье она пришла в церковь и стала с остальными женщинами. Началась литургия, и перед чтением святого Евангелия, среди тишины, не родившийся еще младенец вдруг вскрикнул во чреве матери да так, что рядом стоявшие услышали. Когда запели Херувимскую песнь, раздался еще один крик, причем настолько сильный, что был слышен уже во всей церкви. Марии стало страшно.

— Возвем! Святая святым! — возгласил священник.

Именно в этот момент ребенок крикнул в третий раз. Будущая мать едва не лишилась чувств и залилась слезами. Женщины окружили Марию, желая помочь ей успокоить ребенка.

— Где же у тебя младенец? — спрашивали они. — От чего он кричит так громко?

— Нет у меня младенца. Спросите еще у кого-нибудь.

Женщины стали озираться, но, не увидев нигде никаких детей, снова пристали к бедной женщине с теми же вопросами. Мария призналась, что она беременна.

— Как же может кричать младенец, когда он еще в утробе матери? — возразили удивленные прихожанки.

— Я и сама удивляюсь этому и нахожусь в немалом недоумении и страхе.

...3 мая 1319 года Мария родила сына. В доме боярина Кирилла радостно праздновали это событие. На сороковой день мальчика крестили. В этот день, 11 июня, праздновалась память святого Варфоломея, и мальчика нарекли этим именем, что означало "сын радости".

Родители поведали крестившему священнику о чуде в церкви во время литургии.

— Не смущайтесь, — успокаивал священник родителей, — а паче радуйтесь, что сын ваш будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы.

И иерей Михаил привел им многочисленные примеры из священного писания, когда младенцы, избранные Богом, кричали во чреве матери.

С самого детства Варфоломей любил уединяться и в тишине молиться. В семилетнем возрасте родители отдали его с братьями учиться грамоте. Старший Стефан и младший Петр учились хорошо, а среднему сыну учеба не давалась. Учителя наказывали Варфоломея, товарищи смеялись над ним, родители уговаривали. Сам же мальчик напрягал все свои силы, чтобы одолеть грамоту, но ни бессонные ночи, проведенные над книгами, ни горячие молитвы не помогали. Это сильно печалило и отрока, и его родителей.

Как-то раз отец послал Варфоломея искать жеребят. В рощице мальчик увидел старца-черноризца, который усердно молился.

— Что тебе надобно, чадо? — ласково спросил старец, окончив молитву.

— Меня отдали учиться грамоте, — ответил сквозь слезы Варфоломей, — и больше всего желала бы душа моя научиться читать слово Божие. Но вот сколько ни стараюсь, никак не могу выучиться, не понимаю, что мне толкуют, и очень печалюсь о том. Помолись за меня Богу, отче святой, попроси у Господа, чтобы он открыл мне учение книжное. Я верю, что Бог примет твои молитвы.

Старца умилили слова мальчика. Помолившись, старец бережно вынул из-за пазухи ковчежец, и тремя перстами достал из него крошки святой просфоры, которыми благословил мальчика.

— Возьми сие, чадо, и снеждь. Сие дается тебе в знамение благодати Божией и разумения Святого Писания. Не смотри на то, что частица святого хлеба так мала: велика сладость вкушения от нея.

Благоговейно вкусил мальчик от святого хлеба, и какую же сладкою показалась ему эта таинственная пища! Узнав, что мальчик много псалмов заучил наизусть, старец сказал:

— Если веруешь, чадо, больше сих узришь. А о грамоте не скорби: ведай, что отныне Господь подаст тебе разумение книжное паче братьев твоих и товарищей, так что и других будешь пользоваться.

— Отче святой, войди в дом к моим родителям, — умолял мальчик старца, когда тот собрался уйти. — Родители мои очень любят таких, как ты, отче! Не лиши же и их своего святого благословения.

Тронутый до глубины души, старец отправился за мальчиком. Радужно встретили Кирилл и Мария инока. Приняв его благословение, супруги предложили угощение.

— Прежде следует вкусить пицци духовной, — ответил гость и направился в молельню, которая в те времена была в каждом боярском доме.

— Читай, чадо, слово Божие, — велел старец, протягивая книгу Варфоломею.

Тот отказался, так как не умел читать, но старец настаивал. Перекрестившись, мальчик стал читать, да так хорошо, что все присутствовавшие были удивлены. После молитвы вкусил гость предложенную трапезу, а на прощание пророчески произнес:

— Знайте, что велик будет сын ваш пред Богом и людьми за его добродетельную жизнь!.. Он многих приведет за собою к разумению Божественных заповедей.

Сбудутся слова странника, но не на родной ростовской земле, не в Ростовском княжестве, которое уже потеряло свое значение, а в неизвестной тогда Москве, которая еще только готовилась стать первопрестольной.

В скорбное время родился на свет Варфоломей. Русь стонала под Ордой, опасными соседями были Литва, Польша, Венгрия и Швеция. Невозможно было одолеть сильного врага, потому что русские князья все больше ссорились, брат шел на брата.

Татарское иго не прошло бесследно и для нравственности. “Забыв гордость народную, — писал Карамзин, — мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, еще больше обманывали друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплемennых тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; воровство сделалось общею язвою собственности...”.

Именно в это время родилась русская пословица: “близ царя — близ смерти”. Князья, отправляясь в Золотую Орду, писали духовные завещания и прощались с семьей. Никто не знал, вернется ли он или сложит там свою голову. Тем не менее никто и не смел подумать в это время, чтобы сбросить ненавистное иго. При таком положении разодранная на клочки Русь была обречена на полное уничтожение.

“Одним из отличительных признаков великого народа, — писал В.О Ключевский, — служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу”.

И такой человек на Руси появился: Сергей Радонежский.

...В 1328 году младшему сыну Великого князя Иоанна Даниловича досталось в наследство село Городок, которое носило в древности название Радонеж. Желая привлечь большее число переселенцев в этот почти незаселенный край, князь объявил им различные льготы. Лишь только в Ростове прослышали об этом, как многие потянулись в Радонеж. Среди них были и разорившиеся родители Варфоломея, которые водворились в Радонеже близ церкви Рождества Христова. Когда престарелые Кирилл и Мария поселились в монастыре, как часто это делалось в старину, хозяйничать стал Стефан. Но старший сын пережил душевную травму: умерла его любимая жена. Стефан оставляет своих двух сыновей Петру и принимает постриг.

Ненадолго хозяином имения стал Варфоломей. Когда ему исполнился 21 год, умерли родители. 40 дней Варфоломей беспрестанно молился в монастыре и каждый день кормил нищих.

После этого срока он раздал остатки собственности родителей бедным и, уговорив старшего брата, удалился с ним от мира.

Не выдержал Стефан лишений и трудностей отшельнической жизни. Суровой, неприветливой показалась ему дикая пустыня, и он ушел в Москву в Богоявленский монастырь. Один остался в дремучем лесу Варфоломей. Но однажды забрел к нему священноинок Митрофан, он-то и постриг двадцатитрехлетнего отшельника. Произошло это событие 7 октября 1342 года — в день, когда церковь празднует святых мучеников Сергия и Вакха. Варфоломею было дано имя Сергий.

Многое пришлось претерпеть молодому монаху: и голод, и стужу, и нападение диких зверей. Единственным живым существом, с которым он постоянно общался, стал огромный медведь. Хозяин леса, получив краюху хлеба от Сергия, зачастил к нему в гости. Отшельник отдавал ему последнюю корку и благодарил Бога за то, что “послал лютого зверя на утешение”.

Как ни стремился к одинокой жизни Сергий, но молва об отважном праведном отшельнике, который в молитвах проводит все свое время, разнеслась далеко по окрестностям. И потянулись на Маковницу люди. Трагические обстоятельства жизни располагали к тому, что некоторые не выдерживали и покидали мир, ища спасение в дремучих лесах. Жаль было расставаться Сергию со своим уединением, но отказать в приюте и добром слове нуждающимся он не мог.

Постепенно число мирян росло, стали они строиться рядом с одинокой кельей Сергия, что стало зачатком прославившегося впоследствии монастыря.

Блестящий знаток души человеческой, Сергий терпеливо и мягко относился к своим воспитанникам. Начав править собиравшимися вокруг него людьми, он был для них пекарем, портным, поваром, мельником, дровоколом, плотником... Даже став настоятелем обители, Сергий продолжал ту же черную хозяйственную работу и внимательно следил за каждым новичком, давая ему занятия по силам и наклонностям. Он не обличал прямо оступившихся, не заставлял их краснеть, а “тихой и кроткой речью” вызывал в них раскаяние. Это была истинная школа благонравия, в которой сверх религиозно-иначеского воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навыки к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Своей любовью к людям он умел виртуозно извлекать из души человеческой самые прекрасные чувства. Перед этим умением старца не устоял даже самый “упрямый русский человек XIV века”, рязанский князь Олег.

Дружное братство, воспитанное Сергием, оказывало на мирян глубокое нравственное влияние. Молва о христианском общении монастыря притягивала, как магнитом, и потянулся людской поток в обитель посмотреть и послушать Преподобно-

го. Некоторых поначалу разочаровывало виденное: все было "худостно, все нищетно, все сиротинско". На самой территории монастыря шумел над кельями первобытный лес, вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев, в деревянной церковке за неимением средств свеч было мало и пахло лучиной. Случалось, что вся братия целыми днями сидела без куска хлеба. Но все были дружны между собой и приветливо встречали пришельцев. В обители чувствовалась напряженная физическая и мыслительная работа, благодаря которой люди постигают тайну бытия и мироздания.

"Надобно припомнить людей XIV века, их быт и обстановку, запас их умственных и нравственных средств, — писал Ключевский, — чтобы понять впечатление этого зрелища на набожных наблюдателей... Таких людей была капля в море православного русского населения. Но ведь и в тесто немного нужно вещества, вызывающего в нем живительное брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически... Украдкой западая в массы, это влияние вызывало брожение и незаметно изменяло направление умов, перестраивало весь нравственный строй души русского человека XIV в. От вековых бедствий этот человек так оскудел нравственно, что не мог не замечать в своей жизни недостатка этих первых основ христианского общежития, но еще не настолько очерствел от этой скудости, чтобы не чувствовать потребности в них. Пробуждение этой потребности и было началом нравственного, а потом и политического возрождения русского народа".

Полвека длилась деятельность преподобного Сергия в Радонеже, на протяжении этого времени люди ежедневно приходили в обитель беседовать с ним и уносили не только воду из его источника, но черпали здесь утешение и ободрение. Возвращаясь домой, они делились своими впечатлениями. Народ окреп, поверил в свои силы, в нем проснулось чувство собственного достоинства, он поднялся с колен. С этого времени начинается открытое сопротивление, а затем и борьба с ненавистой Ордой.

В период правления Дмитрия Ивановича Русь усиливалась единовластием, а Золотая Орда ослабевала от внутренних распрей. Начинается открытая борьба против татарского ига.

Летом 1380 года Мамай поднял свои полчища на Русь. Он объявил поход по следам Батыея. Напрасно московский князь Дмитрий Иванович пытался умиловить дарами и покорностью грозного могущественного хана. Мамай и слышать не хотел о пощаде, он заключил союз с сыном и преемником великого князя Литовского Ольгерда — Ягайло, который должен был присоединиться к нему 1 сентября.

Рязанский князь Олег, который еще недавно пострадал от татар, был напуган бесчисленным войском Орды. Он предупредил Дмитрия о нашествии, а сам поспешил войти с Мамаем и

Ягаило в переговоры. Литовский и рязанский князья, по свидетельствам летописцев были уверены, что Дмитрий Иванович не выйдет против несметных золотоордынских полчищ.

Но великий князь и не думал бежать, хотя находился в тяжелом положении после недавних сражений с Литвой и беспокойными соседями. Делать было нечего — татарские полчища грозовой тучей надвигались на русскую землю. Русь вооружалась.

Великий князь послал во все города гонцов — к 15 августа собраться в Коломне. На зов прибыли ростовские, белозерские, ярославские, владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, серпуховские князья. Собралась огромная рать, какой прежде никогда не выдывали на Руси — 150.000 человек!

Дмитрий Иванович отправился со всеми князьями и воеводами и с отборной дружиной в Троицкую обитель к Сергию Радонежскому, дабы получить его благословение перед смертельной схваткой с врагом.

— Ты уже знаешь, отче, — помолившись, обратился Дмитрий Иванович к Преподобному, — какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар. И вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святые церкви и губить христианский народ... Помолитесь же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!

— Господь Бог тебе помощник. Еще не приспело время тебе самому носить венец этой победы с вечным сном; но многим, без числа многим, сотрудникам твоим плетутся венцы мученические с вечной памятью.

Сергий окропил святой водой великого князя и всех, кто прибыл с ним.

— Тебе, господине Княже, — сказал старец, — следует заботиться и крепко стоять за своих подданных, и душу свою за них положить, и кровь свою пролить, по образу Самого Христа, который кровь свою за нас пролил. Но прежде, господине, пойди к ним с правдой и покорностью, как следует по твоему положению покоряться ордынскому царю. Ведь и Василий Великий утолил дарами нечестивого царя Юлиана. Господь призрел на смирение Василия, и низложил нечестивого Юлиана. Писание учит нас, что если такие враги хотят от нас чести и славы — дадим им; если хотят злата и серебра — дадим и это. Но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить. И то, господине, отдай им честь, и злато, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесет тебя, видя твое смирение и низложит их непреклонную гордыню.

— Все это я уже сделал, но враг мой возносится еще более.

— Если так, — ответил угодник Божий, — то его ожидает конечная гибель, а тебя, великий княже, помощь, милость и

слава от Господа. Уповаем на Господа и на Пречистую Богородицу, что Они не оставят тебя.

Князь преклонил колени, и Сергей осенил его крестом.

— Иди, господине, небожно! Господь поможет тебе на безбожных врагов! — и, понизив голос, тихо произнес одному Дмитрию. — Победиши враги твоя.

Великий князь прослезился от душевного волнения.

— Отче, в благословение моему воинству прошу у тебя особо дара.

— Что желает, княже?

— В обители твоей есть два инока-богатыря, кои были некогда доблестные воины, кои памяты нам своими мужеством и храбростью. Отдай их в мои полки. Сии храбрые воины, посвятившие себя всецело Богу, своим мужеством послужат примером для моего воинства и тем сослужат великую службу мне.

В числе братии находились два инока: бывший брянский боярин Александр Пересвет и бывший любецкий боярин Андрей Ослябля. Мужество и храбрость этих иноков были свежи еще в памяти. Сергей тут же повелел им готовиться на ратное дело, а вместо лат и шлемов возложить на себя схимны, украшенные изображением креста Христова.

— Вот вам, дети мои, оружие нетленное. Да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!

Поручая их великому князю, святой старец сказал:

— Вот тебе, возлюбленный Княже, мои оруженосцы и послушники, а твои избранники! — и добавил, обратившись к инокам. — Мир вам, возлюбленные о Христе братия! Мужайтесь ко доблии воины Христовы! Приспело время вашей купли!

Великий князь вернулся в Москву, где узнал о предательстве Олега и о приближении литовцев. Через проездную Тимофеевскую башню Кремля, по улице Великой в Китай-городе отправился Дмитрий со своим войском в Коломну, где его ждали верные ему сыновья Ольгерда — Андрей и Дмитрий. 20 августа великий князь выступил из Коломны. На Оке к нему присоединился двоюродный брат — серпуховской князь Владимир Андреевич, подошли и другие войска из Москвы. 6 сентября русские приблизились к Дону.

— Ступай, князь, за Дон, — советовали одни.

— Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и Литва и рязанцы.

Дмитрий Иванович принял первое мнение, и в ночь на 8 сентября войско стало переправляться. С рассветом полки уже выстраивались в боевой порядок между рек Дона и Непрядвы.

Перед началом боя к русским войскам явился инок Нектарий с другими братьями от Сергия Радонежского. Преподобный прислал с ними просфору и грамоту, в которой еще раз благословлял Дмитрия на сражение и предрекал ему победу.

Великий князь стоял перед полками и громко читал послание святого старца. Стройные необозримые ряды войск стояли перед Дмитрием. Легкий ветер разведал бесчисленные знамена, на ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи.

— Боже, даруй победу государю нашему! — раздались восклицания русского войска, когда Дмитрий закончил чтение.

Послание Сергия Радонежского было столь важно и благотворно, что даже слабые духом воодушевились мужеством. Дмитрий сел на коня и в последний раз объехал свои дружины.

— Верные товарищи и милые братья! Готовы ль вы к кровавой сече? Готовы головы свои сложить за Христа и Отечество?!

— Готовы головы наши сложить за Христа и Отечество, и за тебя, Великий Княже! — вдохновенно несло со всех сторон.

Перед началом битвы Дмитрий Иванович велел своему любимцу Михаилу Андреевичу Бренке надеть собственные латы и шлем и поставил его вместо себя под великокняжеское черное знамя. Сам же он вооружился железной палицей, желая лично повести войска.

— Великий Княже, не вдавайся без нужды в опасность, а щади свою дорогую жизнь для общей пользы, — отговаривали его все русские князья и воеводы.

— Мне должно общую с вами пить чашу. Смерть или живот — едино с вами вкушу!

В двенадцатом часу показались татары, они спускались с холма на широкое Куликово поле. Дмитрий также двинул свои полки. В полдень войска сошлись лицом к лицу. Вдруг из ордынских рядов выехал огромного роста и крепкого телосложения богатырь по имени Челубей Тамир Мурза. Потрясая копьем, он вызывал на единоборство кого-либо из русских витязей. Страшно было смотреть на великана. Много было храбрых воинов среди русских, но никто не решался на поединок. А великан, и вслед за ним все ордынское войско, потешаются над трусостью врага. Не стерпел один из иноков преподобного Сергия поношения от дерзкого татарина всему воинству православному, выехал Александр Пересвет вперед и обратился к великому князю и к остальным:

— Не смущайтесь этим нисколько! Велик Бог наш и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться, я выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец царства небесного!

Вместо брони и шлема Пересвет был облачен в схиму ангельского образа. Он окропил себя святой водой, заочно простился с Сергием Радонежским, простился с братом Андреем Осляблей, с великим князем и со всем воинством.

— Отцы и братия! Простите меня грешного! — воскликнул Александр.

— Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да по-
может тебе! — был ему всеобщий ответ.

Молнией устремился отважный инок на страшного татарина. Гул разнесся над обоими войсками в то время как стремительно на своих быстрых конях сближались противники. Удар тяжелых копий был столь силен и громок, что, казалось, сотряслось само место поединка. Оба богатыря мертвыми пали на землю.

Тогда-то и “закипела битва кровавая, — повествует Святитель Дмитрий Ростовский, — заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копыя, полилась кровь богатырская под седлами, покатались шлемы золоченые под ноги конские, а за шлемами и головы богатырские...”.

Не выдержал Дмитрий, спешился и отдал своего любимого коня Михаилу Бренку, повелел ему вместо себя быть под знаменем, а сам ринулся в битву наравне с простыми ратниками...

...А в радонежской обители тем временем игумен Сергей собрал всю братию и усердно молился за успех великого дела. Тело его находилось в храме Пресвятой Троицы, а дух его был на поле Куликовом. Время от времени святой старец извещал свою братию о переменных успехах сечи, время от времени он называл павших героев по имени и читал за них зауспокойные молитвы...

...Такой битвы еще не знала Русь. На пространстве десяти верст кровь человеческая лилась рекой, лошади не могли ступать из-за трупов, покрывших все это пространство. Пешая рать русичей уже лежала, как скошенная трава. Татары стали одолевать...

— Братия, падем ниц пред образом Господа! — возвысил голос старец. — Да поможет он выстоять рати нашей пред неверными, кои одолевают!

Все монахи, вслед за преподобным Сергием, упали на колени и умножили духовные силы общей молитвы...

...Торжествующий оскал появился на лице Мамай, не знал он еще, что по приказу Дмитрия в лесу в резерве стояли русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и московского воеводы Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка...

Эти-то свежие полки решили исход битвы. Мамай, увидев поражение своих войск, обратился в бегство. Русские гнали врага до реки Мечи и овладели их станом.

...В это время под сводами храма раздался радостный голос старца, который торжественно возвестил братии о совершенном поражении врагов и прославил Бога, “поборающего русскому оружию”...

— Трубить в трубы! — приказал Владимир Андреевич, вернувшись после погони.

Все оставшиеся в живых стали собираться, но нигде не было видно великого князя Дмитрия Ивановича. Со слезами на глазах стал просить князь Владимир смертельно уставших ратников искать великого князя, обещая богатые награды тому, кто найдет его. Войско рассеялось по полю. Нашли труп любимца Дмитрия боярина Бренка. Наконец два ратника уклонились в сторону и обнаружили Дмитрия Ивановича, придавленного ветвями срубленного дерева. Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе. Великий князь пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем. Панцирь был на нем весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны.

С этого времени стали Дмитрия Ивановича называть Донским, а брата его Владимира Андреевича — Храбрым.

Была на Руси радость великая, но была и печаль большая: менее 40.000 вернулось с поля Куликова. Оскудела русская земля князьями, воеводами да ратниками. А Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал великое войско на московского князя, но был остановлен другим своим врагом — Тохтамышем, который и разбил его на берегах Калки.

Сергий же не только своими молитвами помогал русской рати во время битвы. Над победоносным московским князем нависла смертельная опасность. Олег Рязанский собрался напасть на обесиленное войско Дмитрия, которое стояло в Коломне. К нему спешил литовский князь. Но неожиданно Олег убежал из Рязани к Ягайле. Причину этого панического бегства объясняет дошедшая до наших дней грамота Преподобного. Узнав о коварных замыслах, Преподобный Сергий послал своего келаря в Рязань. Летопись говорит о раскаянии Олега, правда, кратковременном. Еще сильнее убеждения радонежского посланника и его грамота подействовали на рязанских бояр, которые разгневались на своего князя. Таким образом святой старец вновь спас родную землю от гибели.

Позже не раз Дмитрий Донской посылал своих доверенных людей к князю рязанскому с мирными предложениями, но тот не желал слышать о мире. Тогда великий князь призвал к себе Преподобного Сергия и просил принять на себя труд убедить упрямого Олега примириться. Поздней осенью 1385 года старец по своему обыкновению отправился пешком в Рязань. Тихими кроткими речами Сергий добился того, что Олег Иванович, союзник Орды и Литвы, отошел от извечных врагов Руси и примирился с московским князем. Он даже женил своего сына на дочери Дмитрия Донского.

Сергий содействовал наступлению мира и с тверским князем. Так, благодаря этому печальнику земли русской, возрастала и крепла централизованная власть. Мало-помалу удельные князья свыкались с мыслью о необходимости подчиниться московскому князю.

После победы на Куликовом поле Сергей Радонежский стал еще более дорог великому князю. По смерти митрополита Алексия Дмитрий Донской не раз обращался к Преподобному за помощью по государственным делам. Сергей был восприемником от купели святого крещения сыновей князя Юрия и Петра. Присутствовал Радонежский при кончине и погребении Дмитрия Донского...

Нравственная бодрость и духовная крепость, которые Сергей вдохнул в русский народ, проявились не только на Куликовом поле, но и в жизни русских монастырей. С Преподобного Сергия начался процесс, который продолжился и после его смерти. Заметно оживилось стремление к иночеству. Ученики Сергия основали до 150 монастырей, что в тот период русской истории было точным показателем нравственного состояния русского народа. Историк Ключевский писал об этом процессе: "... стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных".

Преподобный Сергей был образцом и начинателем новых монастырей. До этого они строились в пределах города, теперь же вдали от селений, в глухих местах. Эти монастыри становились оплотом новых поселений. Вокруг них оседали миряне, и монастыри оказывали им помощь, давали ссуду. Под старость хлебопашцы находили приют в монастыре. Так усилиями монахов и крестьян создавалась верхневолжская Русь.

Сергий сообщил точную дату своей кончины за полгода. Он мужественно переносил физические страдания, а когда пробил его час, тихо утешал скорбящих учеников и соратников.

— Не скорбите, чада мои! Я отхожу к Богу, меня призывающему, и вас поручаю Всемогущему Господу и Пречистой Его Матери: Она будет вам прибежищем и стеною от стрел вражьиных...

Тихо покинул мир этот святой старец. 680 лет назад родился он в нашем истерзанном Отечестве и явился светочем, став игуменом Русской земли. "При имени преподобного Сергия, — писал Ключевский, — народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, и затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание... Ворота лавры преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его". ■

Что-то было с самого начала не так... Будто кто-то лукавил с нами, водил за нос, хотел ввести в заблуждение. Как, зачем? И ведь все вроде вполне соответствовало тому, что мы должны были увидеть. А должны мы были увидеть тюрьму. Обычную российскую тюрьму... В древнем городе Пскове... Вот глухой бетонный забор, поверху — колючая проволока. За забором — серые невысокие назематы. Ворота, забранные толстым металлическим листом. По металлу пущены черно-белые полосы — правильно, сразу видно: острог. И, ежели набраться терпения, можно дожидаться, как к воротам подъедет мрачная машина с глухо заколоченным кузовом. Автозак — его ни с чем не

**Геннадий ЖАВОРОНКОВ,
Леонид ШАРОВ**

ТЮРЬМА

“**5**
звезд”

спутаешь. Правда, за воротами разбит немалых размеров цветник. Но это еще и не тюрьма... Потом начинается череда дверей с электрическими замками — пона одна не закроется, другая не откроется. Посты с серьезными хлопцами, каждый — косая сажень в плечах. Внутренние дворы... Там можно увидеть человека в камуфляже с собакой на коротком поводке. Можно заметить две или три тени — это люди из тюремной obsługi. Коридоры, двери намер, сетки в лестничных проемах... В камерах воры, грабители, разбойники, мошенники, хулиганы, насильники, убийцы да, наверно, и безвинные тоже — без них никак нельзя. Хотя сидят тут не в такой тесноте, как в московских Бутырках, в пи-

Оказывается, и в России есть исправительные заведения, где заключенные чувствуют себя людьми

терских Крестах. Да все равно тошно: тюрьма... Официально: следственный изолятор. Псков. Почти центр города.

И все равно: что-то не так! Мы оба по журналистской надобности поехали по тюрьмам, нас цветником перед входом не умилишь...

Поняли, что же не так, лишь на второй день. Псковский изолятор не пахнет тюрьмой. А запах российской тюрьмы — понятие,

Фото авторов

без преувеличения, философское, неизбывное. Это не только смесь ароматов, источаемых грязными человеческими телами, парашей, гнилыми стенами, несъедобной баландой и непропеченным хлебом. Это еще и безнадежность, которую впитали полы, потолки, стены камер. Это зло, которое — пласт за пластом — копилося по всем углам и щелям. Это взаимная тоска узников и охранников... На свежего человека тюремный запах действует мгновенно и вызывает одно всепоглощающее желание: бежать отсюда — как можно быстрее, как можно дальше. Не так-то просто справиться с этим желанием. А псковская тюрьма, коли на то пошло, должна была вонять невообразимо, ведь ей уже без малого два века.

— Она и воняла, — сказал нам заместитель начальника изолятора Михаил Васильев. — Шесть лет назад, когда я пришел сюда работать, приходилось каждый день перед тем, как уйти домой, переодеваться... Одежда пропитывалась этой специфической вонью. Ее никакие дезодоранты не берут, поверьте. Жена ругалась... Можете смеяться, но тогда мне казалось, что тюрьма корезит меня этим запахом, переделывает под себя. Но вышло так, что мы ее победили. И все знают — почему. Поговорите с любым контролером, с заключенными...

Мы поговорили. Все называли одну фамилию — Федотов. Начальник изолятора. А можно и проще, понятнее: начальник тюрьмы.

Он нас сразу не то чтобы ошарашил, но ввел в сильное недоумение.

— Значит, так, — сказал он, — можете ходить, где угодно, заходить, куда душа пожелает, разговаривать со всеми, с кем сочтете нужным: Фотографируйте, записывайте... У меня, чай, не английская тюрьма". "То есть как?! — удивились мы. — В каком смысле — не английская?" "Да не понравилась мне тамошние тюрьмы", — ответил Борис Иванович. Физиономии у нас вытянулись. Чтобы кому-то в России не понравились английские тюрьмы! Да ведь там лафа непредставимая, там зековский рай, там чистота и уют, кормежка экзотическими фруктами и огромные зарплаты, полагающиеся охранному персоналу... "Ребята, — сказал Федотов, — все дело в том, что они там боятся... Понятно: все у них культурно, чисто, гладко, электроника из всех углов щерится, одеты, сыты. Но боятся. Причем, как я понял, всего. И зеков своих. И журналистов. И общественного мнения. И начальства. И нас — российских тюремщиков, приехавших посмотреть, что у них и как, и уму-разуму набраться, — тоже боялись. Спрашиваю, можно побеседовать с начальником тюрьмы? Строго так смотрят: а какие вопросы вы намереваетесь ему задать, какова цель вашей беседы? Вы можете обратиться к офицеру, отвечающему за связи с общественностью. А на кой ляд мне эта погрешка? А с заключенным — не отстаю — можно? Только с разрешения начальства. А намеру посмотреть? Только с разрешения... Это не дело. Тюрьма должна быть... прозрачной, что ли. Какие в государстве тюрьмы, таково и общество, и само государство. Нельзя из тюрьмы делать тайну.

Себе дороже... Я могу подумать, что в английских тюрьмах творятся черт знает какие безобразия. Да так оно и есть, скорее всего."

Мы и ходили, и смотрели, и разговаривали. Оно, может, и верно — насчет того, что из тюрьмы не надо делать тайну. Но в псковской тюрьме — по нашему разумению — некая тайна как раз и пряталась. Очень хотелось разгадать ее...

Для начала мы хлебнули баланды... Федотову выпал дежурный день, и ему надо было снимать пробу с тюремного обеда. Хлебнули с превеликой осторожностью. Баланда оназалась и не баландой вовсе, а вполне съедобным супом. Вспомнился норвежский профессор Кристи Нильс, который на второй международной конференции с завлекательным названием "Уголовная и тюремная реформы — новые подходы" убеждал слушателей: такого количества заключенных, которое наплодила нынешняя власть, не способно прокормить ни одно даже самое богатое государство в мире. Хлебнули еще. Суп хуже не стал. Странно...

— И что? Это все на шесть рублей?

Насчет шести рублей мы знали точно: именно столько положено российскому среднестатистическому зеку на дневной прокорм.

— Я не Иисус, — невозмутимо ответил Федотов, — чтобы пятью хлебами накормить сотни. Хочешь выжить — крутись. Создали мы малое предприятие. Это как бы не запрещено, но и не поощряется. У меня в СИЗО в основном подозреваемые сидят. Да только и они хотят работать. Потому как

от безделья рехнуться можно. Потому как сами понимают, что на шесть рублей я и мышшь церковную не прокормлю. У нас есть пельменные автоматы. Продукцию продаю городу... Конкуренты, однако, что придумали — пустили слух: мол, эти пельмени туберкулезники делают. Только город не поверил. И продукция наша нарасхват: пельмени, фарш, вареники.

Тема жратвы неожиданно всплыла в намере, где сидели малолетки... Вместе с человеком, назвавшимся Гурием. Надо сказать, это одно из многочисленных нововведений Федотова: представлять к малолеткам пожившего мужчину — из смиренных да разумных. Малолетки — народ жестоний, амбиции у них играют те еще. Посади их одних в намеру, предоставь самим себе (именно так требуют инструкции), моментально нарисуеться среди них лидер, расслоит ребячье тюремное сообщество на "правильных" пацанов и "неправильных", начнет устанавливать свои законы, кого-то приблизит к кормушке, кого-то удалит от нее. Со всеми вытекающими, часто кошмарными последствиями. Мужик такой иерархии не допустит, кого надо — обережет, кого надо — поставит на место. Так вот Гурий сказал, что для многих пацанов сидеть в псковском изоляторе — благо. Мы, разумеется, ужаснулись: да как можно говорить такое?!

— А вы знаете, за что они тут сидят? — спросил Гурий и сам же ответил. — Этот вот с голодухи украл два мешка с молотым ячменем, а тот — электрический чайник. Первый вам даже своей фа-

милиии толпом не назовет, ни читать, ни писать не умеет... В семьях у них полный разор. Им уже по четырнадцать-пятнадцать лет. Вы им дадите столько?

Нет, столько мы им дать никак не могли. Увидев за пять минут до разговора с Гурием этих двух мальчишек, мы подумали: неужто теперь и таких сажают? Чуть ли не октябрят? Гурий подытожил:

— А тут их кормят! Три раза в день.

После малолеток мы спросили Федотова в лоб:

— А не боитесь, что взрослый человек, сидящий с пацанами, не воспользуется моментом? Где гарантия, что он не растлит мальчишек?

Начальник помолчал и ответил:

— Это тюрьма. А в тюрьме может быть все. Но это не значит, что я должен сидеть слона руни.

Можно сказать и так: Федотов, будучи тюремщиком, пошел против тюрьмы... Той тюрьмы, образ которой за многие десятилетия сложился у российского обывателя. Именно такая — классическая, без изъятий — шесть лет тому назад и досталась ему под начало.

Сам он из оперов, из сыскарей. Рассказывают, что на задержания ходил без оружия. И вот

Гурий и его малолетки.

пришел командовать тюрьмой. Огляделся. Ну и нанюхался тонне. Решил, что так нельзя. Хорошо было бы, конечно, построить новую тюрьму. Ее ведь обещали — новую. Да только в наши дни обе-

Есть и такая намера.

щанного даже сто лет уне не ждуг. Начал ремонт — всего и вся. Снизу доверху. Ремонт этот идет и сегодня. Надо полагать, и завтра будет идти. Где выпросит битую плитку, где цемент на разгрузе заработает...

— Так ведь это... Нельзя вроде так. Нарушение, — возразили мы.

— Конечно, нарушение, — легко согласился Федотов. —

Только без этих нарушений тюрьма рухнет. Я так рассуждаю: посадят меня за это? Нет. Наканут? Ну и пусть. Но снажите вы мне, какой умник сообразил брать налоги с СИЗО? Отмените их, тогда мне мою тюрьму ино-

А это вообще "люкс".

странцам будет нестыдно показывать.

И слышалась в этих его словах вековая мечта русского мушкетера о том, чтобы не лезла к нему власть, чтобы хоть на время оставила бы его в покое, дала бы поработать без оглядки на алчных чиновников.

В своих "нарушениях" он дошел почти до тюремной революции. Взял да и отменил дубинки, даже в критических случаях. А без них и тюрьма вроде как и не тюрьма уже. Выставил специальный пост около окон первого этажа в той части тюрьмы, где находятся допросные кабинеты. Чтобы видеть, чтобы контролировать обстановку. Чтобы, значит, следователи и опера волю рукам во время допросов подсудимых не давали. Поснимал с окон камер так называемые намордники — кто не знает, это талии щиты, оставляющие для зенов узкую полоску

неба. Зимой еще ничего, а летом, в жару, от них в камере не продохнуть. В женские камеры провел горячую воду. И соорудил вокруг отхожих мест кабинки. А это уже утопия — на уровне "Города Солнца" Нампанеллы. Опять же телевизоры повсюду, холодильники. Напротив комнаты, где изо дня в день кучкуются родственники заключенных, упаковывая передачи, открыл небольшой магазинчик, где можно в считанные секунды купить самые ходовые в тюрьме продукты, курево, чай. Их потом принимают без проволочек, не надо никуда ничего пересылать, перекладывать, пересчитывать, досматривать — был бы чек из этого магазина. Огромное удобство — это всякий поймет, кто мыкался с передачами в тюрьму.

Ох, рискует хозяин. Взять те же кабинки. Они не позволяют контролерам вести стопроцентный дозор за камерой — мало ли что способен учудить скрытый от бдительных глаз преступник. Да только риск этот обернулся фантастикой: количество всякого рода нарушений, на которые горазды зени, в псковском изоляторе при Федотове сократилось в пять раз! С пяти тысяч до тысячи в год.. Впрочем, и до тысячи эта цифра не дотягивает. Российский зек удивителен тем, что никогда не сделает подлости гражданину начальнику, который в нем, в зеке, видит не быдло, не одушевленное содержимое камер и вагонзакон, а человека, у которого вот так вот нелепо, несчастливо, глупо, а подчас и страшно сложилась судьба.

Впрочем, народ в изоляторе сидит всякий.

— Пошли в нарцер, — усмехнулся хозяин, — в отсек для провинившихся.

Подвал, куда он привел нас, был мрачноват — ничего не скажешь. Нависали над ним низкие своды. По стенам сочилась вода.

— Я этот подвал отвоевал у воды, — пояснил Федотов, — он был затоплен по самое некуда. А теперь вполне годится для жилья в наказании.

В общем-то, для того, чтобы понять, что поблал все-таки в тюрьму, и в тюрьму российскую, — годится. В камере — полумран, угадываются очертания одинокого стула. Вот в нарцер нас не пустили — от греха. Видать, непростой там человек сидел. Пришлось с ним говорить через решетчатую дверь... Только вот о чем говорить-то, что спрашивать?

Инициативу взял на себя Федотов:

— Осознали свою вину?

Мы переглянулись: кого хозяин спрашивает? Нас? Но мы вроде как... Догадались — он назвал нарцерника на "вы". Зена, преступника, в тюрьме, в нарцере — на "вы"?! Неужто на публику сработал хозяин? Однако потом убедились: здесь всех называют на "вы". Исключения только подтверждают правило.

— Осознал, — глухо ответил человек из нарцера.

— Пишите повинную — досрочно освобожу, — предложил Федотов.

— Писать не буду.

— Ну, ну... Авторитет зарабатываете? Напрасно. У нас здесь в авторитетах ходить не принято.

Да... Принято здесь другое. Бродя по тюрьме, увидели, как на

сигнальном табло высветилась цифра — 24. Стало быть, надзирателя вызывают в 24-ю камеру. Пошли за ним. Контролер отомкнул дверь. Один из обитателей камеры начал качать права:

— Только с этапа, два дня не мыть и не стирать!

Ничего себе! Тюрьму с приемным покоем в больнице перепутал? А надзиратель даже не поморщился, зена за оборзевшего придурна не принял, наоборот — признал правым. И того без лишней суеты повели в баню. Чертовщина какая-то...

И люди-то — не зени, нет, а те, кто работает в тюрьме в разных должностях и в разных службах, — какие-то все не такие... Даже девушка, которая принимала передачи, была молода и улыбочива. Тут же соорудила нам на тюреморт под названием "Типичная передача в тюрьму". Меньше всего она походила на дородных теток из Бутырок, из Матросской тишины, безжалостных и равнодушных с хмурыми, неподвижными лицами, с громкими начальственно-хамскими голосами. Мы за журналистские наши жизни повидали тюремщинов. И всегда ощущали: подмяла их дьявольская работа в застенках, выбелила кожу, сновала движения, обесцветила глаза. И еще отравила их тюрьма всепобеждающим цинизмом и властистой над отданными под их надзор людьми. Потом выяснили: Федотов создал свою команду, поувольняв многих прежних работников — кого за пьянство, кого за кое-что похуже. Набрал в основном молодых, по большей части спортивных и образованных, да еще из хороших, нормальных семей. И не увидели

мы в их лицах привычного надрыва. Они делали работу, которую искренне считали не хуже других. Они не боялись ни зеков, ни журналистов, ни начальства. Раньше на работу в тюрьму было не затащить. Нынче, коли случится вакансия, так на нее претендует сразу несколько человек — есть из кого выбрать. Но с вакансиями туго...

Ну ладно, это еще можно понять. Сегодня любой работой принято дорожить. Но вот чтобы зени — хоть и по разным причинам — дорожили своей тюрьмой... Познакомились мы с двумя ее, вне всякого сомнения, самыми колоритными обитателями.

Граф (это не кличка — имя) Бауров за шесть лет своего сидения в изоляторе сменил несколько статусов: сначала был кандидатом в смертники, потом смертником, ждущим, когда ему, согласно блатному выражению, "намажут лоб зеленой", а незадолго до нашей встречи стал пожизненным — вышло высочайшее указание о помиловании и замене смерти бессрочным заключением. Сидит он в одиночке, которая больше смахивает на комнату в рабочем общежитии. Повсюду развесил иконы, ковровые дорожки уложил на пол, койку застелил понрывалом... На столике книжка... Мы ахнули: Шопенгауэр! Немецкий философ-иррационалист в камере приговоренного к смерти — нет, такое может быть только в России. Рядом с Шопенгауэром — журналы "Новый мир", "Знамя". И дневник, а в нем его личные записи. О том, что совершил Граф, поближе к ночи лучше не вспоминать: тройное убийство.

— Вообще-то, — сказал Граф, — я понимал — казнить меня не будут. Такой уж у них там вышел расклад, чтобы, значит, не казнить. Но все равно находился в подвешенном состоянии. Короче: вызывают меня. И говорят: помиловали тебя, Граф, прочитай бумагу, распишись, что прочитал и ознакомился. Расписался. Вернулся в камеру. Ну вот она — определенность. Все вроде как ясно. Сидеть, пока вперед ногами не вынесут. Мне бы радоваться — пусть и так, но и это жизнь. Однако какой в этом смысл? Дали бы двадцать лет, даже двадцать пять... Я бы ждал. Надеялся, что когда-то, но выйду. Словом, никакой радости от помилования я не испытал. И что? Отвезут меня в зону для пожизненников, на этот самый остров Огненный... По телевизору показывали, каная там обстановка. И вправду — гуманнее было бы поставить меня к стенке. Чтобы не мучиться. В первые дни после помилования злость меня грызла. Уж сколько я этого помилования ждал. Дождался... Сделают меня пожизненно погребенным. Обидно...

К тому же страшно не хочется куда-то уезжать. Эта камера за шесть лет стала моей частью. Раньше-то сидеть в ней было муторно. Да пришел в тюрьму Борис Иванович Федотов — начальником. И отнесся ко мне по-человечески. Вот я потихоньку и обустроился в одиночке. Видите, иконы, телевизор, дорожки ковровые. Каной-никакой, а уют. Много мне не надо. Кошка у меня живет. Я ее Бабанькой зову. Все не один. С ней и поговорить можно. И кажется мне, что Бабанья меня пони-

мает. И ей, и мне только и надо, чтобы немного тепла...

Деятелям, от которых зависит моя судьба, невдомек, что человек, приговоренный к смерти, шесть лет просидевший в одиночке в ожидании, в тоске, о которой никакими словами не расскажешь, меняется, становится совершенно другим. Я же сам себя казнил несчетное число раз, я прошел через такую боль, через такой страх, что никакое наказание со стороны со всем этим не сравнится. Поверьте, это огромный опыт. И я вполне осознаю, что стал другим человеком. Еще до помилования много думал — что я могу сделать, как употребить накопленный мною опыт во благо, чтобы не пропал он вместе со мной. Это опыт прозрения, опыт общения с совестью и с Богом... Придумал. Ведь я могу спасти молоденьку... Я прошел все — тюрьмы, зоны, суды. Здесь, в псковской тюрьме, обо мне ходят легенды. Дайте мне возможность говорить с молодняком. Именно мне, который знает все, знает, как люди становятся преступниками. И психологию малолетки я знаю, потому как и сам был малолеткой. Меня слушают. Пусть не все. Пусть хотя бы один пацан из десяти, узнав о том, через что я прошел, больше никогда не попадет в тюрьму — уже хорошо. Я тем самым каную-то часть своего греха отмолю у Господа. А сошлют меня на остров... Там все исполнено злом. Пожизненники готовы на все, чтобы сбежать. Им терять нечего. Но и охрана тоже готова на все. И буду я там сидеть и всех ненавидеть. Равно как все будут ненавидеть и меня. Коли пришли вы ко мне, так помогите, если мо-

жете. Походатайствуйте — вам лучше знать, перед кем. Всего-то и прошу, чтобы оставили меня здесь, где я сейчас.

Мы не стали обещать Графу, что сможем помочь ему. Позже навели справки и выяснили, что дело это практически безнадежное. По уму — совсем не обязательно везти раскаявшегося Графа сидеть до конца жизни в другом узилище. По закону — бывший смертник Граф должен сидеть именно там, где и положено сидеть бывшим смертникам. В соответствующем режиме, под соответствующей жесткой охраной. Против раскаяния убийцы — материалы уголовного дела. А ежели пойти Графу навстречу, то будет создан весьма опасный прецедент, о последствиях коего лучше не рассуждать.

С Валерием Горлановым мы увиделись в тюремной столярке, где он работает. Валерий — из обслуги, из тех, кого по просьбе начальника тюрьмы не отправили в зону — потому как срок небольшой, потому как и тюрьме нужны свои мастера на все руки.

— Видите, — нашему вниманию он явно рад, — столярку-то я обустроил. Станочки тут у меня работают — не хуже бошевских. Дел много. А теучесть кадров нормальной работе не способствует. Приходит сюда человек с выучкой, потом освобождается — ищи новых мастеров. Вот я и еще два мужина и подумали: это ж постоянное рабочее место. По нынешним временам немало.

А на свободе... Хлебнул я на свободе-то. Задумал создать свою... фирму — не фирму, но предприятие. Деревообрабатыва-

ющее. Хотел честно зарабатывать деньги своим трудом. Мечтал делать мебель. Хорошую мебель, нашу. Не ту, из опилок, что мы сейчас покупаем у чухонцев. Но первоначального капитала — ноль. Надо брать кредит. Понабрал — инфляция половину съела. Тут же выяснилось, что для того, чтобы не окопел с голоду, мне надо делать не один стол с табуретками, а два стола — только при этих условиях можно как-то заплатить налоги.

Помыкался, помыкался... Покрутился, как собачка за своим хвостом. И жене несладко пришлось. Ничего не получалось у нее, у учительницы, получить жилье... Плюнул и пришел к выводу, что мое место в тюрьме. Ну не дают мне честно, без воровства жить. Это я такой человек — на несправедливость частенько отвечаю несуразностью... Да чего ж: всю жизнь нигде я не могу деться от этой моей несуразности. Потому и накопил 26 лет тюремного стажа.

Но когда меня спрашивают: за что я сидел? — отвечаю так: не за что, а почему. Почему тот же Чубайс, который "обул" всю страну, очень хорошо живет на свободе, а, допустим, я, вечно кравший какую-то чепуху по пьяни, от того, что чувствовал себя в тупике, что накатывало на меня отчаяние, почему-то ходил в особо опасных рецидивистах? А какой я особо опасный? Я и воровал-то так, чтобы поменьше зла людям причинить. В зонах постоянно работал и читал. И чего только я не превозшел! Химию в школе терпеть не мог. А припекло — стал в зоне начальником химлаборатории. В духовых оркестрах играл. Но мне на

Типичная передача в тюрьму.

консультации по диалектическому материализму отрядные офицеры, которые в институтах учились, ходили. Через этот самый материализм я и пришел к Богу. Потому что всю жизнь хотел найти в себе то, что могло бы удержать меня от греха.

Вознамерился я, значит, снова сесть в тюрьму. И не только в силу своей вечной несуразности, но еще и потому, что в тюрьме — можете не верить — больше свободы, чем на воле. Это сугубо российский парадокс. В тюрьме — свой закон. Нуда более ясный и понятный. Сидит со мной кандидат технических наук. Недавно ходил он в отпуск — такое сейчас, как вы знаете, не возбраняется, тем более, что человек этот — меньше всего злодей. Спрашиваем: ну как отдохнул? Отвечает: да в семье все нормально, а отдыхать я сюда вернулся...

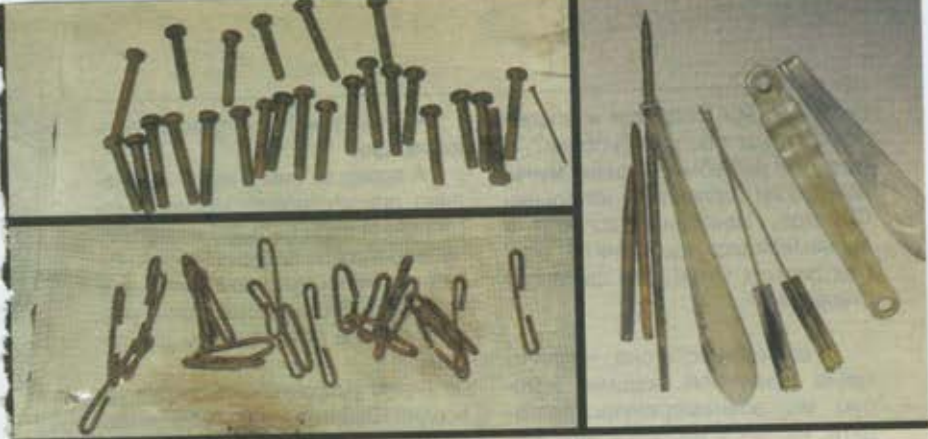
Чтобы сесть в тюрьму, надо было мне совершить преступление. Залез в магазин. Нарушил сигнализацию. Жду милицию. Приезжают. Я им и сигнализацию показываю, и свои следы оноло двери. Взяли меня, а через два дня выпустили — ничего не украл. Второй раз я залез уже в кварти-

Граф Бауров.

ру, где, кстати, лежали и мои личные вещи. Опять-таки сдался милиции. Тогда только и получил срок. Два года. А режим мне определили общий: к этому времени все предыдущие судимости с меня были сняты и особо опасным рецидивистом я уже не считался. Потому и оставил меня Борис Иванович при тюрьме — в обслуге.

Но вот выйду я на волю. Что дальше? Денег нет. Ничего нет. А у меня семья — жена, сын, внуку год. Вот тут мне Борис Иванович и говорит: "А не проще ли тебе вместо того, чтобы сидеть в тюрьме, в ней, в тюрьме, работать? А коли пойдешь ты, допустим, вразнос, так все равно дальше своего рабочего места не денешься". Обещал Борис Иванович и с жильем помочь, и с работой для жены.

Оназывается, все это можно проглотить.

Он про меня все понял. Понял, что я могу и должен приносить пользу. Так что есть мне теперь, на что надеяться.

На волю — тыфу-тыфу, чтобы не сглазить, — Валерий выйдет месяца через три — светит ему условно досрочное освобожде-

ние. И что? Обратю в тюрьму? Ну ладно — Граф. Ему — вот уж точно — век свободы не видать. Но Валерия на воле даже с его золотыми руками никто особенно не ждет. Неужто и впрямь: в российской тюрьме больше свободы, нежели в окружающей тюрьму Рос-

Угадайте, кто из них наш корреспондент?

сии? Или все сводится к вполне конкретным обстоятельствам? К тому, что два обыкновенных мужчины, столяр Горланов и начальник Федотов, заключили договор и вознамерились выполнить его? Без лишних затей, без философствований?

И все-таки есть она, какая-то тайна псковской тюрьмы, которую мы вознамерились разгадать, но так и не разгадали. Кажется, что вот она — разгадка, рядом. Вот сейчас на нее наведет нас страшный убийца Граф, расскажет о ней столяр Горланов, даст к ней ключ сам Федотов, наткнемся на нее, бродя по коридорам... Вроде как на все можно было найти ответ. И все же, все же... Почему эта тюрьма пахнет всем чем угодно, но только не тюрьмой? Нет, до главного мы не добрались...

Наступил вечер нашего отъезда. Мы приехали на вокзал. Провожал нас тот самый Михаил Васильев, заместитель начальника изолятора, со слов которого мы начали эти заметки. Не будь его с нами в тот вечер, так бы и уехали, не вызнав тайны. Пока ждали поезда, говорили о том, о сем. И тут...

Так сложилось, что наше появление в псковской тюрьме совпало с ее проверкой... Один из проверяющих попросил Бориса Ивановича дать справку о количестве заключенных, умерших от туберкулеза... Федотов ответил, что ему крайне затруднительно что-либо сообщить по этому поводу. И не потому, что сбился со счета, а потому, что...

— Да не умирают они у меня в тюрьме, — сказал он.

— Как так?! — изумился проверяющий.

А вслед за ним и мы — молчаливо присутствовавшие при разговоре. И ведь не было в просьбе проверяющего подвоха — зекитуберкулезники мрут повсеместно и все чаще. Этот кошмар давно уже стал вполне объективным фактором...

— Не умирают, — еще раз утвердил Федотов. — Я их отпускаю на волю умирать. Пусть в последние недели свободными поживут, среди своих, дома... Ежели, — вздохнул Борис Иванович, — есть у них этот самый дом.

— Подожди, — засомневался проверяющий, — а как на это прокуратура смотрит?

— Да ведь не я решаю, — ответил Федотов. — Врачи дают заключение. А потом суд его рассматривает. Хотя один раз все на мне замкнулось...

Вслед за этим он и рассказал одну историю. Мы не то чтобы пропустили ее мимо ушей — такие истории надолго остаются в памяти, но не поняли, что это была половинка ключа, посредством которого можно было разгадать измучившую нас тайну.

И вот, когда мы коротали время в вокзальном буфете, эту же самую историю рассказал Васильев. Нам оставалось только сложить половинки. Вот что у нас получилось.

Рассказывает Васильев:

— Сидел у нас один человек — по фамилии Гельметдинов. Молодой мужик, здоровый, крепкий. И не по мелочи сидел — мотал приличный срок. И вдруг стал жаловаться на здоровье. Дескать, голова болит. Я решил — носит парень. Хочет на больничку попасть.

Ситуация в нашем деле стандартная. Однако врачи его осмотрели, взяли нужные анализы... Все, говорят, с ним в порядке. Практически здоров. Значит, и вправду носит. А раз так, то и нечего с ним разговаривать — сиди, сколько положено. Но Гельметдинов этот продолжает дуть в одну дуду — худо мне. И чем дальше, тем сильнее. Как бы то ни было, доложил я о нем Борису Ивановичу. И высказал все, что я об этом Гельметдинове думаю. Вызвал Борис Иванович Гельметдинова...

Теперь самое время привести фрагмент из рассказа Федотова:

— Да, вызвал... Поговорил немного, пригляделся. Хотите — верьте, хотите — нет, но понял я, почувствовал: парень не врет, не носит... Более того, он уже за границу. Что-то такое было в его глазах, как-то он вел себя... Впрочем, не знаю, не сумею объяснить. Нинаних я в себе диагностических способностей сроду не наблюдал. А тут точно понимаю: не жилец. И все... Говорю: укладывайте его немедленно в больницу и срочно делайте ему томографию (специальное рентгеновское исследование головного мозга — авт.).

Васильев:

— Вот тут я и встал на дыбы. Принялся убеждать начальника... Гуманизм — это, конечно, хорошо. Но все хорошо в меру. А этот парень, говорю, нас с вами переживает. Негоже потанать симулянтам. Этак каждый второй зек начнет на головные боли жаловаться. Короче: не согласен я с таким решением...

Федотов:

— Да, крепко мы тогда поругались. При этом я понимал Михаи-

ла. Ему ли не знать, какие фортели выкидывают зек. А как убедить? Мало ли какие ощущения вызвал у меня Гельметдинов... Это все лирина. Но уж кем-кем, а лириком начальнику тюрьмы быть никак нельзя. А избранный, играть в нее — тем паче. Пришлось перевести мне ситуацию в строгие должностные рамки. Приказ слышали? Все ясно? Выполняйте! Через несколько дней все мы узнали: у Гельметдинова в мозгу опухоль... Рак, да еще в четвертой стадии — в последней. Жить ему оставалось совсем немного. Быстро оформили все документы. Суд их рассмотрел и выпустил Гельметдинова на свободу...

Опять слово Михаилу Васильеву:

— То, что случилось потом, оглушило меня... Так уж совпало... Наверно, должно было совпасть... Почти сразу после того, как ему поставили диагноз, Гельметдинов начал сдавать — рак уже догрызал его. Всем — не только Борису Ивановичу — стало ясно: не жилец. Получив бумагу из суда, я сам повез его домой из нашей тюремной больницы. Встретила нас его мать — конечно, пожилая, и, конечно, измученная женщина. Только и говорила: "Вот спасибо, сынки, вот спасибо"... А за что спасибо-то? За то, что сына привезли умирать? То, что произошло в следующие два — никак не больше — часа, я не видел, но знаю об этом точно. Гельметдинов помылся в бане... Сел за стол. Мать к этому времени, как смогла, что-то такое собрала к обеду. Налил себе водки. Выпил. Сказал: "Ну, вот я и дома"... И умер. Умри он через месяц, через неделю... Хотя бы че-

рез пару дней, я бы так не переживал. Все-таки какая-то пауза... Но чтобы вот так — вернуться и умереть... Любого, знаете ли, по нервам ударит. Одно могу сказать: мог я взять грех на душу... Из тех грехов, которые до конца жизни остаются на человеке. То есть произойди все по-моему, не позволил бы я умереть человеку по-человечески — дома, в окружении знакомых вещей, в покое, на воле... Свободным! Да вот Борис Иванович, настояв на своем, и себя самого спас от греха, и от меня этот грех отвел.

Не отказать человеку умереть свободным! Вот она — разгадка. Она еще и в том, что те люди, от которых зависит жизнь невольников в этом отдельно взятом узилище, боятся греха. Все остальное — ремонт, изо дня в день облагораживающий некогда мрачный, сырой острог (довелось услышать шутку: Федотов хочет сделать тюрьму вторым по красоте зданием в городе — после банка), запрет на использование и ношение дубинок, неположенные кабинки возле отхожих мест, вполне сносная по теперешнему нищему времени нормажка, пельменные автоматы, магазинчик напротив окошка для передач, содранные с окон намордники, вежливые и уверенные в себе охранники, даже странное желание убийцы Графа Баурова и бедолаги Валерия Горланова остаться в тюрьме, все это — та производная, в основе которой страх одних людей совершить грех перед другими людьми. Именно этот страх и вытравил накопившуюся за два века тюремную вонь. Именно он!

И впрямь, если перефразировать поэта, тюрьма в России —

больше, чем тюрьма, коли среди всей той мерзости, которая захлестнула наши СИЗО, зоны, пересылки, колонии-поселения, той мерзости, которая каждую минуту выплескивается из этого котла, происходят такие вот истории и встречаются такие вот люди, способные оберечь свои души, способные сделать так, чтобы она, эта мерзость, не прилипла к ним, не въелась, не изъязвила цинизмом, жестокостью, лицемерием.

Не будь этих людей, жизнь в России окончательно сделалась бы бессмысленной. ■

У Вас есть
большая
стиральная машина —
необходимо
купить маленькую
“КОЛИБРИ”!

Миниатюрная ультразвуковая стиральная машина “КОЛИБРИ” (вес — 350 г, потребляемая мощность — 15 Вт; заводская гарантия — 2 года) поможет тогда, когда Ваша современная большая стиральная машина будет бессильна:

- “супербережная стирка (кружева, вещи из шифона, шелка, шерсти и т.д.);
- стирка с дезинфекцией (стирка вещей для новорожденных, стирка и мытье вещей больных людей и т.д.);
- стирка вещей на даче, в “походных условиях”, в командировке, на отдыхе и т.п.

Процесс стирки очень прост. Возьмите емкость на 10 л, налейте воду и добавьте столько моющего средства, сколько Вы привыкли добавлять при ручной стирке белья. Погрузите белье в раствор так, чтобы оно свободно плавало (до 1,5 кг). Затем опустите излучатель в форме “шара” и вставьте вилку устройства в розетку. Стирка белья началась. Время стирки зависит от степени загрязненности белья и составляет от 40 минут до 3 часов. Прекратите стирку, когда увидите, что белье уже отстиралось. Прополощите белье в чистой воде и отожмите. Стирка окончена.

Во время стирки ультразвуковые колебания “разгоняют” молекулы воды и с большой частотой меняют направление их движения. Вода проходит между волокнами ткани белья с огромной скоростью, “срывая” частицы грязи и не повреждая при этом саму ткань. “КОЛИБРИ” повышает моющую способность стирального порошка, что также способствует качественной стирке.

Во время стирки Вы можете отдохнуть или заняться другими делами, не забывая изредка переворачивать белье для того, чтобы “стряхнуть” грязь, “выбитую” с поверхности белья при стирке.

Помните, что “КОЛИБРИ” еще и дезинфицирует белье, убивая кишечную палочку и золотистый стафилококк, поэтому белье не нужно кипятить, что особенно устраивает молодых мам. “КОЛИБРИ” позволяет также дезинфицировать питьевую воду и купленные овощи и фрукты. Бактерицидная способность “Колибри” подтверждена ВНИИ гигиены МПС РФ.

Бесплатная доставка на дом в пределах Москвы: 530-00-31.

Вниманию деловых людей! Приглашаем к сотрудничеству дилеров по реализации оптом и в розницу по заводским ценам продукции ОАО “ЭЛПА” (мини-стиральные машины “КОЛИБРИ”, измерители артериального давления “ИАД-1”, бытовые увлажнители воздуха “ГЕЙЗЕР”, очистители воздуха “ПЬЕЗОН-М”, созданные с применением технологий ВПК).

ОАО “ЭЛПА” производит, обеспечивает гарантийное и сервисное обслуживание производимых изделий.

Звоните: (095) 530-00-31, 202-30-30. Факс: (095) 535-26-90

Зеленоградское предприятие “ЭЛПА” желает россиянам здоровья и долгих лет жизни. Покупайте российское и будьте здоровы!

БЕГУНЫ С

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Первые тараканы бега имени Михаила Булгакова стартовали в Москве в день рождения великого писателя. Зрителей на них было поболее, чем на иных театральных премьер. Сами будущие участники стартов парились в трехлитровых банках из-под огурцов, лениво ползая между огромными напущными листьями и дольками колбасы. Рядом с банками стояла мощная девушка в черных перчатках. Она отгоняла от будущих гонщиков особо ретивых москвичей, желающих сразу прихлопнуть усатых насекомых, которые так надоели многим на кухнях. "Не волнуйтесь, — в кар-

УСАМИ

Тараканья бега — новая забава московской богемы. Казино — не каждому по карману, зарплата — не каждый месяц. Тем приятней дешевая, но сердитая забава, главными участниками которой стали обычные тараканы. На них, оказывается, тоже можно здорово заработать. Особенно, если за дело берутся известные актеры и продюсеры шоу-бизнеса.

маны они к вам не попадут. А потом мы этих усатых и сами передадим. Но пусть вначале побегают", — успокаивала тараканья вышибала.

Среди зрителей бродили актеры Наталья Белохвостикова, Наталья Наумова, Игорь Верник, Борис Химичев, режиссеры Владимир Наумов и Юрий Кара, астролог Павел Глоба. Известный авторности Владимир Вишневский стоял неподалеку. Все просили его почитать что-то сообразно торжественному моменту, но автор сакраментальных строчек "опять я не замечен с Мавзолея" только виновато улыбался. Оказалось, что у него

4007 стихов о любви, 3771 про дружбу, 1290 про измену. Дане про лошадей, собак, верблюдов — немало. И только про самых популярных московских насекомых самый популярный московский поэт, оказывается, не писал. Повезло ему. "Да, — подтвердил Вишневский, — в моей квартире тараканов нет. На всякий случай пользуюсь средством "комбат".

Особняком держались Валдис Пельш и солист группы "Несчастный случай" Алексей Кортнев. Денег на буфет у них было мало. И вот они решили зайти на тараканья бега — может, что и выиграют. На бутерброды и пиво.

И вот, наконец, главный распорядитель бегов писатель-сатирик и шоу-продюсер Олег Назаров объявил первый старт.

Девушка в перчатках извлекла из банки нескольких "прусанов", отловленных для бегов в Московском зоопарке. И стала поочередно выпускать их на десять дорожек специально сбитого из досок поля размером примерно один метр на восемь. Кстати, вся эта забава и стоила организаторам всего ничего — изготовить поле да раздобыть несколько напустных листов.

Гонщикам стали выдумывать имена. Сразу подсуетился Пельш. Он выбрал себе таракана понахальней и назвал его "Не-

счастный случай". Но тот вел себя супернагло — расселся и нигде не бежал. Остальные гонщики тоже вяло ползали, пугая зрителей тем, что выбегут с поля и залезут им в карманы. Но тут всех выручил режиссер Владимир Наумов. Он объяснил, что для того, чтобы тарананы побежали, их надо подгонять барсучьей кисточкой. Тановой ни у кого не нашлось и тогда Наумов добавил: "А еще можно топать и кричать. Тогда тарананы испугаются и побегут". А телеведущий Иван Кононов подтвердил: "Точно — побегут! Сам пробовал у себя на кухне!"

Ну, чего-чего, а шуметь и кричать наши артисты всегда умели. Недаром сцены драк и попоен в русском кино нуда убедительней голливудских. Актеры, поэты так бурно поддерживали выбранных ими тарананов, что остальные, рядовые зрители, просто не решились сделать ставки. В итоге победил таранан, подгоняемый шумным Пельшем. Сам Валдис на него и ставил. В итоге разбогател — забрал с нона и свои деньги, и тех, кто играл в первом забеге. На пиво и на 160 бутербродов, пересчитал Валдис, им должно хватить. Только зачем столько? Поэтому, возможно, группа "Несчастный случай" на эти деньги построит новое поле и тоже будет проводить тарананьи бега. Тем более, у некоторых участников группы усатые водятся в квартирах и пора уже их пристраивать к полезному для хозяев делу.

Во втором забеге участвовали уже заморские гонщики — тарананы из Анталии. Как показы-

вает практика — чем теплее климат в стране, тем больших размеров усатые насекомые в ней водятся. Анталейские тарананы — шестисантиметровые, а в Индии — вообще в два раза больше. Так что не надо пенять на наш прохладный климат... Теплолюбивые анталейские тарананы больше наших раза в три, во столько же и быстрее. В их забеге первым пришел таранан Парамоша, которого подбадривал режиссер Владимир Наумов. Вполне справедливо. Ведь именно Наумов снимал фильм "Бег", где впервые в кино были показаны настоящие тарананьи бега. И режиссер еще раз подтвердил, что является крупным специалистом по Булганову и по всем за-

бавам, которые придумал великий писатель.

Трудно сказать, станет ли новое увлечение — тарананьи бега — всенародным. Но их простота и общедоступность привлекают. Дорогого инвентаря (как в теннисе, боулинге или гольфе) здесь не требуется. Тарананы и так всюду бегают и кормить этих зверей, как лошадей или собак, специально не надо — они и сами, что плохо лежит у нас в домах, подьедают. Так что глядишь — скоро в наших российских дворах можно будет увидеть затейливую картину. Люди играют не в домино, а гоняют усатых насекомых на площадке тарананьих бегов. Все одно — в квартирах чище будет. ■

Нидра ТАЙР

добрые убийцы

Джон Джонсон решил, что должен убить свою жену. Он должен на это решиться. Это единственное, что он мог для нее сделать. Она заслуживала, чтобы он о ней позаботился.

О разводе не могло быть и речи. У него не было причин. Мэри была доброй, хорошенькой, приятной собеседницей в компании и ни разу не взглянула на другого мужчину. Она прекрасно готовила и отлично играла в бридж. О ее достоинствах знал весь город.

рисунки: Виталия Федорова

Ему было жаль убивать ее. Но он не может заставить ее пережить позор, когда все узнают, что он уходит от нее. Нет, это невозможно, они всего два месяца назад отпраздновали двадцатую годовщину свадьбы и поздравили друг друга с тем, что являются самой счастливой семейной парой на земле. С розовым шампанским, перед дюжиной восхищенных друзей они поклялись в вечной любви. Они сказали, что надеются на благосклонность судьбы, которая позволит им умереть вместе. После всего этого Джон не мог просто выбросить Мэри из своей жизни. Это было бы слишком жестоко.

Без него Мэри жить не сможет. Конечно, у нее останется ее магазин, дела в котором идут хорошо, но она не из тех женщин, которых интересует карьера. Идея открыть магазин вообще поначалу была чем-то вроде шутки, когда неожиданно выяснилось, что продается соседний дом. Они не обновляли и не переделывали его, только сломали часть стены, чтобы соединить два дома дверью. Мэри сказала, что мебельный магазин нужен ей для того, чтобы хоть чем-то занять время, пока ее дорогой муж работает. Джон редко заходил в магазин, потому что там был страшный беспорядок, и он себя чувствовал не в своей тарелке. Ощущение тесноты почему-то порождало ощущение опасности. Этот беспорядок и нагромождение предметов явно свидетельствовали о том, что Мэри мало интересовалась магазином, хотя у нее и была деловая хватка. Главной ее заботой и главным смыслом жизни для нее был он, Джон.

Если он разведется с ней, некому будет водить ее на концерты и спектакли. Ей придется обходиться без приглашений на обеды, которые были ее любимым развлечением. Никто из их друзей не будет приглашать ее одну, без него. Одна, разведенная, она окажется в компании несчастных старых дев и вдов, которых приглашают разве что на ланч, но не на обед.

Нет, он не мог низвести Мэри до такой жалкой жизни, хотя и был уверен, что если бы попросил развод, она бы не стала возражать, потому что очень покладистая и всегда и во всем с ним соглашалась.

Но он не собирается унижать ее разводом. Она этого не заслуживает. Поэтому он должен сделать для нее все, что в его силах.

Если бы он не встретил Леттис в командировке в Лексингтоне!

Но как он мог сожалеть о таком чуде? Он чувствовал себя по-настоящему счастливым только теперь, те шесть недель, что знает Леттис. Жизнь с Мэри была бесцветно-серой по сравнению с этим счастьем. С тех пор, как он встретил Леттис, он чувствовал себя так, будто после долгих лет слепоты и глухоты, наконец, обрел зрение и слух. Чудом было и то, что

Леттис любила его и хотела выйти за него замуж, и то, что она была свободна. Она ждала, когда он разведется. И настаивала на этом.

Поэтому он должен собраться с силами и убрать Мэри со своего пути. Несомненно, какой-нибудь несчастный случай можно устроить без особых проблем. Магазин идеально подходит для этого, там столько старого хлама. Среди этих тяжелых мраморных бюстов, канделябров и железных подставок для дров наверняка найдется какой-то предмет, с помощью которого он сможет отправить свою дорогую Мэри в рай. Конечно, в рай, в райские кущи — она несомненно заслужила это.

— Дорогой, ты должен все рассказать жене, — убеждала его Леттис, когда они в очередной раз встретились в их любимом отеле в Лексингтоне. — Ты должен добиться развода. Должен. Ты должен рассказать ей о нас.

Низкий музыкальный голос Леттис буквально гипнотизировал Джона. Но что он мог рассказать Мэри о Леттис? Джон даже самому себе не мог объяснить, чем пленила его Леттис.

Если Мэри была грациозна, то Леттис скорее элегантна. Леттис не была такой хорошенькой, как Мэри, но он не мог перед ней устоять. С ней он был страстным и искусным любовником, с Мэри — внимательным и любезным мужем. С Леттис, казалось ему, они всю жизнь проживут на вершине блаженства. За все годы жизни с Мэри у него ни разу не возникло ощущения чуда, которое он испытывал всякий раз с Леттис. Леттис была землей, воздухом, огнем и водой — всеми четырьмя основными элементами Вселенной. Мэри же была... Нет, он не мог их сравнивать. Да и к чему это?

Позже, когда они с Леттис пошли в бар, он увидел, как в отель вошел Чет Флеминг и направился через вестибюль прямо к стойке. Что Чет Флеминг делает в Лексингтоне? Глупый вопрос. Такой унижительный риск приходится переживать всем любовникам, ведь их везде подстерегает неожиданная встреча с кем-нибудь из знакомых или соседей. Но Чета Флеминга он меньше всего хотел бы встретить в такой ситуации, потому что этот сплетник расскажет о том, что видел Джона с другой женщиной не только своей жене и всем друзьям, но и доктору, бакалейщику, банкиру, юристу. Слух дойдет до Мэри, и ее сердце будет разбито. Она заслуживает лучшей участи.

Джон замер от страха. Чет слонялся около стойки: один взгляд в сторону, и он увидит его и Леттис. Джон больше не мог сидеть на месте и, пробормотав нечто бессвязное, украдкой стал пробираться к газетному киоску и простоял там до тех пор, пока Чет наконец не зарегистрировался и не отправился на лифте наверх.

На сей раз пронесло — их не заметили. Но едва-едва...

Джон не хотел бы, чтобы их отношения приобретали такой банальный характер. Он не хотел прятаться, хотел, чтобы их отношения с Леттис были открытыми и постоянными. Потому он должен предпринять что-то и как можно скорее. Но в то же время он не хотел причинять боль Мэри. И это тоже было очень важно для нее.

Тысячи людей в Соединенных Штатах, проснувшись как обычно этим утром, по разным причинам умрут до наступления вечера. Почему его дорогая Мэри не может оказаться среди них? Почему она не может умереть сама, чтобы ему не пришлось ее убивать?

Когда Джон, вернувшись в бар, объяснил Леттис причину своего странного поведения, она, стараясь сохранять спокойствие, проявила настойчивость.

— Дорогой, этот случай только лишний раз доказывает, что у права: ты должен сразу же рассказать о нас своей жене. Это не может продолжаться долго.

— Да, дорогая, ты совершенно права. Я что-нибудь сделаю, как только смогу.

— Ты должен немедленно что-то сделать, дорогой.

Довольно странно, но Мэри была в таком же затруднительном положении, как и Джон. У нее не было никакого намерения влюбиться, то есть она думала, что любит своего мужа. Какой наивной она была до того утра, когда в ее магазин вошел Кеннет и спросил, есть ли у них бюст Моцарта. Конечно, у нее был бюст Моцарта, у нее было несколько бюстов Моцарта, не говоря уже о Бахе, Бетховене, Викторе Гюго, Бальзаке, Шекспире, Джордже Вашингтоне и Гете — любых размеров.

Он представился. Обычно покупатели этого не делают. Она в ответ тоже назвала свое имя, и только потом поняла, что он был известным дизайнером по интерьеру в их городе.

— Откровенно говоря, — сказал он, — я бы не стал так носить с этим бюстом, он испортит всю композицию комнаты, но моя клиентка настаивает на том, чтобы он там стоял. Вы не возражаете, если я посмотрю, что еще у вас есть?

Она показала ему магазин. Позже она пыталась понять, в какой же момент они влюбились друг в друга. Он провел все это утро в магазине, к полудню его внимание привлекла маленькая задняя комната, беспорядочно заставленная комодами. Сначала он протянул руку к ручке ящика, которая тут же отвалилась, потом протянул руку к ней.

— Что вы делаете? — сказала она. — Господи, а если покупатели войдут?

— Пусть гуляют, — ответил он.

Она не могла поверить, что это случилось, но это случилось. И теперь вместо того, чтобы чувствовать себя одинокой,

когда Джон уезжал в командировки, она страстно ждала того момента, когда он клянет ее своим антисептическим поцелуем и скажет, что вечером уезжает.

Маленькая задняя комната, забитая комодами, стала для Мэри и Кеннета местом тайных свиданий. Они принесли туда только шезлонг.

Однажды днем до них донесся голос. Они были слишком поглощены друг другом, чтобы заметить, что кто-то вошел в магазин.

— Миссис Джонсон, где вы? Я хотела, чтобы вы меня обслужили.

Мэри, спотыкаясь, вышла из комнаты, чтобы поздороваться с покупательницей. На ходу она пыталась привести в порядок растрепанные волосы и думала о том, что у нее наверняка размазалась губная помада.

Покупательницей оказалась миссис Брайан, самая большая сплетница в городе. Если она что-нибудь заподозрит, то разнесет по всему городу слух о том, что Мэри Джонсон ведет себя в своем магазине непристойно. Тогда и Джон обо всем узнает.

К счастью, миссис Брайан в этот момент не интересовало ничего, кроме старых сундуков для приданого.

Позже Мэри сказала Кеннету, что им очень повезло, но тот никак не мог успокоиться.

— Я тебя очень люблю, — сказал он. — У меня есть основания думать, что и ты меня любишь. Я ужасно устал встречаться с тобой украдкой и не хочу больше с этим мириться. Понимаешь? Мы должны пожениться. Скажи своему мужу, что ты хочешь развестись с ним.

Кеннет продолжал настаивать на разводе, как будто развод был пустяковым делом — не сложнее, чем записаться на прием к зубному врачу. Но как она может ни с того ни с сего развестись с человеком, который был любящим, добрым и верным мужем двадцать лет? Как она может сделать его несчастным?

Если бы только Джон умер. Почему у него не мог случиться сердечный приступ? Каждый день тысячи людей умирают от сердечных приступов. Почему ее дорогой Джон не может просто упасть и умереть? Это бы все упростило.

Даже телефонный звонок прозвучал сердито, а когда Мэри взяла трубку, Кеннет на другом конце линии был в ярости.

— Черт побери, Мэри, сегодняшний случай был просто нелепым. Он был оскорбительным. Я больше не желаю скрываться. Я не собираюсь прятаться за дверьми, пока ты отыскиваешь масленки и сундуки для своих покупателей. Мы должны немедленно пожениться.

— Да, дорогой. Потерпи немного.

— Я слишком долго терпел и больше не желаю ждать.

Она знала, что он не шутит. Если она потеряет Кеннета, жизнь для нее кончится. Она никогда не испытывала таких чувств по отношению к мужу. Но Джон дорог ей. Она не может так просто бросить его. Конечно, он в полном расцвете сил и может прожить еще много-много лет. Но она знала, что все его существование сконцентрировано на ней. Он жил, чтобы доставлять ей удовольствие. У него не было друзей, кроме нескольких семейных пар, с которыми они поддерживали дружеские отношения. Джону придется вести одинокую жизнь, если она покинет его. Их друзья, если и будут приглашать его к себе, то лишь из жалости. И говорить о нем будут не иначе как "бедный, несчастный Джон". Лучше бы ему умереть, будут говорить они. Он перестанет следить за собой, будет нерегулярно питаться, ему придется жить в одиночестве в каких-нибудь меблированных комнатах. Нет, она не должна обрекать его на такое жалкое существование.

Почему началось это сумасшествие с Кеннетом? Из-за того, что какая-то глупая женщина настаивала на том, чтобы в ее музыкальной комнате непременно стоял бюст Моцарта? Почему Кеннет в поисках этого бюста пришел именно в ее магазин, ведь бюсты Моцарта продавались в каждом средней руки магазине на Брод-стрит и по более низкой цене?

Однако она не хотела ничего менять. Секунды с Кеннетом стоили целой жизни с Джоном.

Значит, возможен только один выход. Она должна придумать какой-нибудь приятный, быстрый, надежный и достойный Джона способ, чтобы избавиться от него. И как можно скорее.

Джон никогда не видел Мэри такой хорошенькой, как в тот вечер, когда он вернулся домой из командировки. Жизнь с ней показалась ему не только приемлемой, но и желанной. Но он тут же вспомнил Леттис, эта мысль оглушила его, и он стал убеждать себя в том, что задуманное им нельзя назвать преступлением — ведь он собирается сделать это во имя любви. Он должен сделать то, что задумал, но постарается убить Мэри бережно, по-джентльменски, не причинив ей ни боли, ни страданий. И сделает он это сегодня вечером.

Ему не хотелось лишать себя возможности насладиться чудесным обедом, который приготовила Мэри. Этого требовала элементарная вежливость, да и проголодался он ужасно. Но после обеда он должен ее убить.

Он чувствовал себя не в своей тарелке при мысли о том, что прежде чем убить Мэри, собирается с аппетитом отведать ее прекрасный сырный пирог, который, он знал, она испекла специально для него. Он мучился и страдал, но ничего изменить уже было нельзя. Решение принято.

Он только до сих пор еще не знал точно, как убьет Мэри. Возможно, если бы он смог заманить ее в магазин, в дальний угол, где стояли эти огромные бюсты, ему бы удалось что-то сделать.

Мэри улыбнулась ему и протянула чашку кофе.

— Я подумала, дорогой, что тебе захочется выпить кофе после долгой дороги.

— Да, дорогая. Спасибо.

Отхлебнув кофе из чашки, он взглянул через стол на Мэри. На лице у нее было особенное, незнакомое выражение, которое озадачило Джона и даже испугало. Он вдруг подумал, что она обо всем догадалась. Они были так близки много лет, что Мэри, наверное, умела читать его мысли, она ведь такая тонкая и впечатлительная.

Но тут Мэри улыбнулась ему: это была та чудесная улыбка, которой она награждала его в лучшие минуты их жизни, всегда. С первых дней медового месяца.

Джон понял, что все в порядке, он зря испугался.

— Дорогой, извини меня. Я на минутку тебя оставлю, — сказала она. — Я вспомнила, что у меня есть небольшое дело в магазине, скоро вернусь.

Она быстро вышла из столовой и прошла в магазин.

Ее не было довольно долго. У Джона остыл кофе, он отхлебнул пару глотков и решил пойти в магазин, посмотреть, почему Мэри задержалась.

Она не слышала, как он вошел. Он обнаружил ее в средней комнате, где ярко горели канделябры. Она сидела к нему спиной на софе в стиле ампира, вокруг которой на полках стояли бюсты, о которых он думал, замышляя убийство в магазине. Мэри словно сама строила себе засаду. Будто стремясь облегчить его задачу, она выполнила первую часть его плана, который он придумал.

Джон тоже почувствовал, что он в ловушке — упустить этот момент нельзя. Тут он заметил, что ее плечи вздрагивали. Она плакала. Наверное, она поняла, что их совместная жизнь кончилась. Потом он решил, что может быть, она смеется. Но что бы она ни делала, — плакала или смеялась, у него не было времени размышлять о ее настроении. Это был слишком хороший шанс, его нельзя было упускать. Она сидела спиной к нему, склонив голову, над которой нависли тяжелые бюсты Виктора Гюго или Бенджамина Франклина, или еще кого-то — это не имело никакого значения. Джону стоило лишь слегка подтолкнуть бюст, и он упадет на ее прелестную, низко склоненную голову. Нужен был только легкий толчок. И Джон толкнул.

Это оказалось так просто. Бедная моя девочка. Бедная Мэри, нежная, любящая и доверчивая. Она даже не услышала шороха у себя за спиной.

Но это даже к лучшему. И он не будет казнить себя за то, что совершил. Правда, он никак не мог прийти в себя от того, что это оказалось так легко и быстро осуществимо, и не потребовало никаких усилий.

Если бы он знал, что это так, то сделал бы это несколько недель назад. Он, конечно, был взволнован, но все же ему довольно быстро удалось успокоиться. Джон бросил на Мэри последний взгляд, полный любви и нежности, и вернулся в столовую. Он решил, что допьет свой кофе, и сразу же позвонит доктору. Доктор, конечно, скажет, что следует позвонить в полицию, — так всегда делают, когда смерть наступает в результате несчастного случая. Но это несколько не беспокоило Джона, ему практически не придется лгать — он только скажет, что бьют, по-видимому, упал с полки из-за какого-то неосторожного движения Мэри. И это прозвучит вполне правдоподобно — такое, действительно, могло случиться в любую минуту.

Джон не спеша допил еще не остывший кофе и подумал о Леттис. Ему очень хотелось доставить себе удовольствие позвонить ей и сказать, что все свершилось и теперь лишь следует выждать положенное в таких случаях время, и они смогут пожениться. Но он решил, что не стоит рисковать, лучше позвонит Леттис завтра.

Джон был совершенно спокоен. Более того, он не мог припомнить, чтобы когда-либо чувствовал себя таким расслабленным. Несомненно, это результат облегчения, которое он испытал от сознания того, что, наконец, исполнил задуманное и это больше не будет мучить его никогда. Его даже немного клонило в сон, пожалуй, никогда он не чувствовал такой сонливости и решил прилечь в гостиной на кушетке, отложив на время звонок доктору. Но не смог подняться со стула, голова упала на обеденный стол, а руки свесились вниз.

Никто из друзей Мэри и Джона не сомневался в том, что произошла двойная трагедия. Все только и говорили, что магазин всегда был ловушкой, а в тот вечер Мэри, наверное, зацепилась за что-нибудь или споткнулась, и бьют упал ей на голову. Джон нашел ее мертвой и обезумел от горя. Он понял, что не сможет жить без Мэри, и в отчаянии от этой невосполнимой утраты растворил в кофе снотворные таблетки, чтобы покончить с собой.

Все хорошо помнили, как во время последнего празднования годовщины свадьбы Мэри и Джон сказали, что они надеются умереть одновременно. Они, действительно, были самой преданной друг другу парой среди всех знакомых им супружеских пар.

Даже не очень впечатлительные люди делались сентиментальными, когда разговор заходил о Мэри и Джоне, всех, кто видел их вместе на протяжении многих лет, трогала взаимная любовь и нежность супругов. В зыбком мире всеобщей неуверенности и равнодушия не было для окружающих ничего более обнадеживающего, чем их глубокая и прочная любовь.

Волновало до слез и то, что сбылась их мечта: они умерли в один день. ■

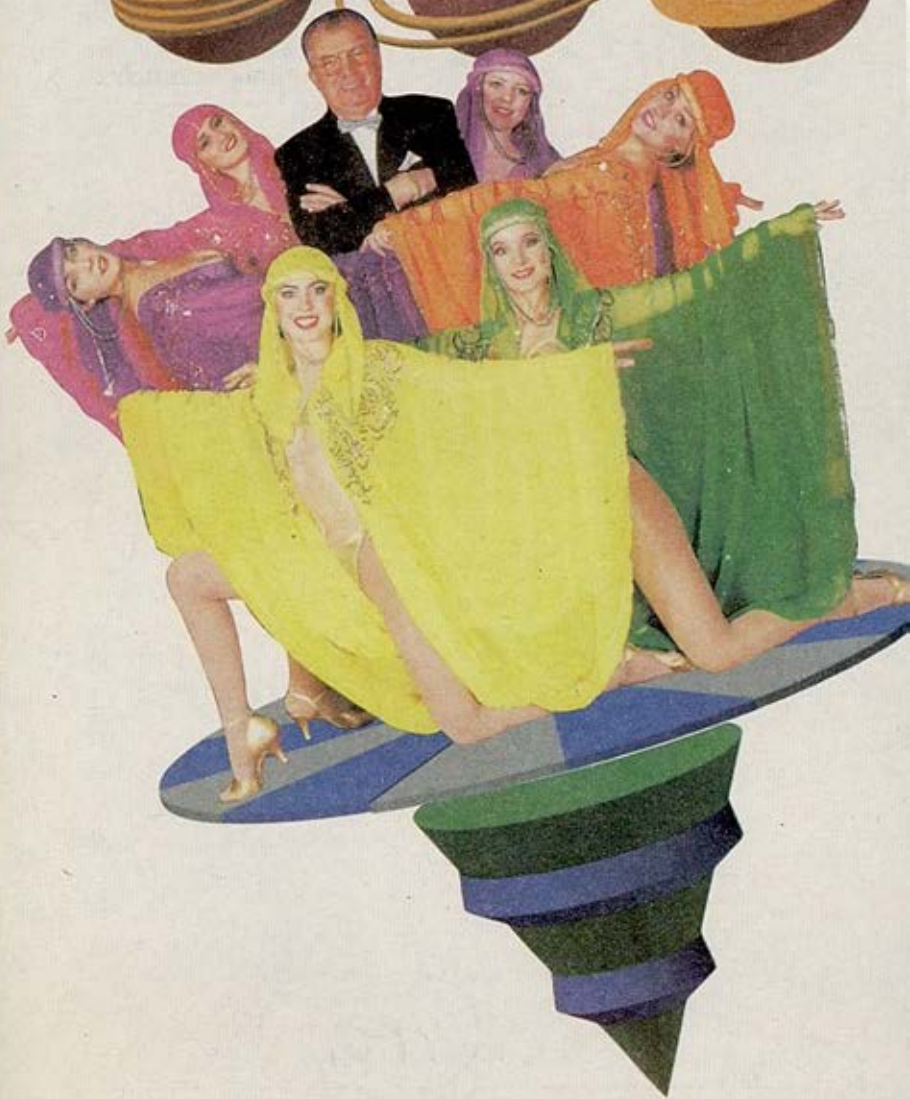
Перевод с английского
Виктории ПОЛИЩУК.

Эмиль

К

И

О:

"Хочу распи- лить жену вдоль"

На манеже творилось что-то невообразимое. Из шикарного лимузина "высыпали", одна за другой, двадцать (!) красавиц. Как они там все уместились? Потом из большой вазы испарилась вода и... появилась небольшая толпа статистов. Это уж совсем непонятно. Затем в клетке рычащий лев превратился в прекрасную девушку. И еще много других загадочных вещей уже много-много лет проделывают члены одной семьи с не менее загадочной фамилией КИО.

Вначале — иллюзионист с мировым именем, "загадка XX века", Эмиль Теодорович Кио. После его смерти дело перешло к сыновьям — Эмилю и Игорю. Какое-то время братья работали вместе, но потом их пути разошлись, и теперь они параллельно выступают на манежах и эстрадах мира, продолжая, как и отец, поражать воображение.

Долгие годы мы слышали только о младшем — Игоре, потому что Эмиль работал в Японии. Но недавно он вернулся на родину, отпраздновал 60-летний юбилей и готовится показать свою новую программу...

— Нио — не фамилия, а псевдоним, и звучит он загадочно и экзотично, как того требует природа цирка. Ваш отец сам его придумал?

— По поводу псевдонима ходило немало слухов. Мой отец, Эмиль Теодорович, очень любивший пошутить, расшифровывал его так: "Киевский известный обманщик". На самом деле как-то отец с друзьями проходили мимо кинотеатра, где на светящейся вывеске не горела буква "н". Отец, тогда начинающий фокусник, как раз искал себе звучную цирковую фамилию. Машинально один из друзей прочитал "ки...о", и все вместе решили, что это отличный псевдоним. За полвена он так слился с образом иллюзиониста, что официально превратился в фамилию и перешел к нам с братом.

— Вместе с Игорем вы продолжили дело вашего отца только потому, что так принято в цирковых семьях? А если бы вам было интересно какое-то другое дело, отец отпустил бы вас?

— Трудно сказать, ведь я вырос в цирке, и он у меня, как говорится, в крови. А на манеж я вышел в два года. Просто однажды, на что-то обидевшись, спрятался от всех за кулисами в отцовский реквизит "неисчерпаемый сундук", из которо-

го вынимались всякие интересные вещи. А тут как раз началось представление, и сундук вместе со мной вынесли на манеж. Чтобы зрители могли убедиться, что в нем пусто, ничего не подозревающий отец его перевернул. Я и вывалился. Зрители смеялись, хлопали, решив, что так задумано, а я ревел на весь цирк.

Прошло немного времени, и я опять сорвал отцу аттракцион. Родители привели меня в цирк на утренник. Посадили в первом ряду. Вышли на манеж. Мама зашла в большой ящик, и папа с ассистентом начали ее "распиливать". С воплями, плача, я бросился на манеж, стал бить отца кулачками. Что было! Родители растерялись, публика аплодирует, я ору. Насилу меня успокоили и увели за кулисы. Но какой был успех! А теперь этот трюк в моей программе, и я распиливаю свою жену.

Правда, после окончания школы по настоянию отца я поступил в Московский инженерно-строительный институт и получил специальность инженера-градостроителя. Могу похвастаться: мой дипломный проект по реконструкции Театральной площади в Рязани получил высокую оценку и воплощен в жизнь. Мне даже дали медаль "За лучшую студенческую работу". Потом я работал в одной строительной организации в Москве. Но все время чувствовал какую-то тоску, понимал, что без цирка не могу. Попросился к отцу в аттракцион. Он расстроился, ему хотелось видеть меня ученым. Наконец сдался. А младший брат Игорь с малых лет выступал в цирке и считался уже "ветераном".

— Говорят, сейчас во всем мире наблюдается подъем интереса к иллюзионному искусству, чему спо-

собствовали чудеса Дэвида Копперфильда. Это так?

— Его чудеса здесь ни при чем. Наш жанр всегда привлекает. Конечно, Копперфильд талантливый человек, хороший манипулятор, с очень эффектной внешностью, помогающей создать необходимый таинственный образ. Но свои трюки он снимает на киноплёнку, создает клипы и продает их на телевидении. Для этого делаются специальные декорации, определяются места для зрителей, теленамеры устанавливаются под определенным углом. С ним работает отлично вышолощенная команда, профессионалы высочайшего класса: операторы, режиссеры, декораторы. Много огня, света. Но то, что он показывает "вживую", вызывает разочарование. Ведь для ежедневного, открытого показа на манеже или сцене трюки готовятся совсем иначе. И тут Копперфильд проигрывает.

— А вы можете разгадать его трюки?

— На то мы и профессионалы, чтобы сразу понимать все загадки. Для меня там нет ничего нового и сенсационного. Конечно, Копперфильд сыграл заметную роль в популяризации нашего жанра. Но в мире есть фокусники лучше его. Просто нашему зрителю их не показывают. Например, в США — пара Зигфрид и Рой. Я хорошо знаком с ними. У них прекрасно оформленное шоу, сложные, интереснейшие фокусы. Считают меня "крестным отцом" в цирке. Когда-то на наших гастролях в Америке они увидели мои трюки и так поразились, что резко повернули свою жизнь, стали иллюзионистами.

Кстати, мой отец первым начал показывать не просто фоку-

сы, а целые иллюзионные сценки, создав с помощью трюков интермедии на бытовую или политическую тему. И это было новаторством.

— Значит, иллюзионисты легко могут повторить трюки своих коллег... Точнее, просто своровать...

— Существует практика покупки друг у друга права на показ фокусов. Между прочим, Копперфильд многое тоже купил, и даже у наших мастеров. Но бывает, и довольно часто, что и воруют. Глупость, конечно. Ведь от коллег трудно что-то утаивать: достаточно показать номер на манеже, и все станет ясно. Правда, если кто-то, скажем так, перенял саму идею трюка, но сделал его по-новому, — это не возбраняется.

— Иллюзионист должен быть гипнотизером, или дело просто в технике?

— Гипноз? Ну, может быть, в очень небольшой степени. Главное — работа. Эмиль Теодорович объяснял так: "Инженерный расчет плюс быстрота, ловкость и артистичность — вот слагаемые успеха иллюзиониста. Но чем больше я работаю на арене, тем больше ценю последнее из них — умение эффектно преподнести трюк". В нашем жанре прежде всего нужен безупречный вкус, артистизм, художественность исполнения. Иначе и трюки не помогут.

— Приходилось ли вам применять свое умение в жизни? Например, убедить контролера, что вместо бумажки у вас в руках настоящий билет, или еще чего-нибудь такое?

— В транспорте всегда честно брал билеты. А вот в институте на экзамене произошел такой случай. Один преподаватель в шутку пред-

ложил мне показать мастерство: вытащить билет именно номер один. Что мне оставалось делать? Решил поддержать фамилию. С серьезным видом сделал кание-то пассы, а сам думаю, как буду выкручиваться? Тащу билет... Первый!!! Случайное совпадение, но преподаватель изменился в лице. Пока я готовился, он посматривал на меня с опасной, а потом в отместку прогонял по всему курсу.

А мой брат Игорь при жеребьевке кооперативных квартир по "заказу" жены вытащил нужный номер. Также без всякого гипноза, просто фокусникам везет на случайности.

— Уне все фокусы придуманы, наверное, трудно изобрести новый?

— Действительно, изобретать с каждым разом все труднее. Важно, чтобы новый трюк был оригинальным, даке если технически повторяет старые.

— Что требуется для создания новых трюнов?

— Деньги, и немалые. Затем кропотливый творческий труд, знание законов физики, механики. Надо уметь изобретать, конструировать. Мое инженерное образование оказалось нелишним.

— Если во время выступления случается какая-то накладна, не удается трюк, как выходите из положения?

— Делаю невозмутимый вид, что-нибудь разыгрываю. Словно так и надо, будто хотел добровольно показать, как делаются трюны. Зрители, по-моему, верят и остаются довольными.

— У иллюзионистов есть свои приемы?

— Как в любой цирковой профессии. Например, нельзя садить-

ся на барьер спиной к манену. Нельзя манеж пересекать, только обходить. Когда-то один фотограф снял моего отца со спины, уходящим с маненка. Через несколько дней отец умер. С тех пор для меня это тоже плохая примета.

— Какие зрители считаются самыми лучшими? Наверное, дети?

— Как раз дети самые трудные и опасные. Легко разгадывают секреты. В отличие от взрослых, которые слишком серьезно "ломают голову", простодушные детишки находят самый простой и короткий путь. Что касается взрослых, тяжелее всего с подвыпившими. Им всегда "море по колено" и хочется поучаствовать в трюках. С трудом удается отговорить.

— К вам люди обращаются за помощью в трудные минуты? Наверное, им кажется, что вы могущественный волшебник...

— Несколько раз такое случилось. Например, на юге один курортник просил отыскать украденные чемоданы. А однажды муж просил найти неверную жену.

— Нашли?

— На такое я не способен. Сумел вывернуться.

— А что за история со священником?

— На гастролях в Нуйбышеве каждый вечер на мои выступления приходил старенький священник. Потом познакомился со мной и признался, что всю жизнь не верил в чудеса, а вот только на моих выступлениях наконец поверил.

— В шоу работает большая группа ассистентов. Что нужно, чтобы попасть к вам?

— Девушки-ассистентки должны хорошо смотреться. Обязательна хореографическая подготовка. А мужчины в нашей группе — все

мастеровитые, умелые, знающие секреты нашего дела...Подбирать людей трудно. Успех иллюзионного номера решается за кулисами. Стоит одному человеку из труппы чуть промедлить, допустить неточность, и трюк рухнет, спектакль провалится. На своих коллег я могу положиться. Репетируем по ночам, чтобы никто не мешал и не увидел мои секреты.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь из труппы секреты выведет? Всякое ведь бывает, человек слаб...

— Нет, в своих я уверен. Да я сам уже многие тайны раскрыл публично. В течение 16 лет вел рубрику "По ту сторону фокусов" в журнале "Юный техник". В популярной форме рассказывал, как можно приготовить простой режиссерский трюк и научиться фокусам. Много выступал перед зрителями с рассказами об иллюзионном искусстве, показывал фокусы и объяснял их.

— Обычно фокусы показывают мужчины, а женщины только ассистируют. Разве женщина не может быть иллюзионистом?

— Почему же? В нашем жанре много женщин. Например, Альбина Зотова работает изумительные, красивые трюки. Она училась в свою очередь у Зинаиды Тарасовой, ученицы моего отца. Ассистент Эмиля Теодоровича Семен Борисович Рубанов передал свой собственный аттракцион дочери Наталье Рубановой. Бывал я на выступлениях женщин и за границей. Но надо сказать, что в цирке вообще женщин в любом жанре меньше, чем мужчин.

— Наной из трюков в программе считается норовным? Марна вашего аттракциона?

— Один из тех, что перешел ко мне от Эмиля Теодоровича Нио: распиливание женщины. Трюк очень старый; ему уже более двухсот лет. Я постепенно усложнил номер. Распиливал одновременно двух женщин, менял части их тел местами, делил их на три, четыре, восемь частей. А сейчас работаю над тем, чтобы пилить не только поперек, но и вдоль. Этого еще никто не делал, трюк сложный, но очень эффектный. ■

Беседу вел **Алла Люден.**

филлипп
МАЛЯВ

ИИ

Симеон Захарьевич. 1899 год

В конце прошлого века в Петербурге, в мастерской Академии художеств появился необычный студент — длинноволосый монах в черной рясе. Прежде чем приступить к работе, он всегда благоговейно крестил лист ватмана. Привел его в академический класс маститый скульптор Беклемишев. “Откопал” аж в Турции, в старинной православной обители, куда заехал случайно, из простого любопытства. Зашел в часовню и ахнул: роспись одной из стен, не в пример сухим и скучным прочим, горела и переливалась необыкновенно смелыми и сочными красками.

На вопрос Беклемишева сопровождающий монах смущенно ответил: есть тут один иконописец из молодых — как видите, не в ладах с каноном, с устоявшимися за века образцами, отсебятиной занимается. Но заезжего скульптора “отсебятина” вдохновила настолько, что он уломал и неподатливое монастырское начальство, и робкого послушника. Вырвал из кельи, из тихой привычной жизни, привез в Россию.

Такова история появления в академическом классе Филиппа Малявина, сына бедного крестьянина из-под Бузулука. Смотреть учебные работы монаха сбегались ученики, за ними тянулись и профессор. За месяцы он осваивал то, на что у других, вовсе не бездарных, уходили годы и годы. Головной класс, фигурный, натурный... Ему нечего было особенно делать в Академии, разве что обтесаться, набраться столичного лоска, да еще изучить анатомию человеческого тела, азы перспективы, классического рисунка.

Он старательно, как требовала программа, “конопатил” карандашом и углем очередного натурщика, а в перерыве хватал палитру и широкие, как помело, кисти. Без всякого предварительного рисунка, в обход всех законов и правил, начиная с глаза, за один присест писал превосходные, музейного достоинства, портреты товарищей по мастерской — Сомова, Грабаря, Остроумовой. Судя по всему, девушка пыталась приручить и цивилизовать афонского “дикаря”, чтобы выковать более или менее приемлемого кандидата в мужья, но он узды не захотел. Не зря сказано в Писании: есть время обнимать, и есть время уклониться от объятий. Филипп квартировал у своего покровителя — холостого тогда Беклемишева, и тот сам шлифовал самородок, отучал молодое дарование от монастырских замашек. А Малявин, отбившись от Ани Остроумовой, в конце концов женился на другой сокурснице.

В это время в Академии происходили переломы. В нее вливались свежие силы. Малявин решил поучиться у наиболее авторитетного живописца России Ильи Репина.

Манера преподавания Репина нравилась ученикам. На крутой винтовой лестнице, ведущей в мастерскую, его су-

хонькая маленькая фигурка появлялась лишь изредка. Репин блистал, как говорится, и своим отсутствием.

Студентов же учила натура, да еще стены, увешанные картинами и рисунками лучших мастеров. Но приезд Ильи Ефимовича становился событием. За ним ходили стадом. Затаив дыхание, слушали каждое слово, произнесенное глуховатым уверенным баском. Обычно Репин неумеренно восторгался каждой удачной, сколько-нибудь мастеровитой работой — поощрял молодежь, авось выйдет и путное. А у Малявина останавливался всерьез и надолго, молча. Потом говорил: учусь сам.

Репин же помог Малявину получить диплом художника, когда вокруг конкурсной работы бывшего послушника разразился неслыханный скандал. Картина называлась "Смех", но смешно никому не было. Малявин оскорбил профессоров, оскорбил новизной и необычностью взгляда на живопись. Собственно, это был огромный этюд смеющихся деревенских баб.

Две крестьянки —
старуха и молодая. 1909.

По свежести красок, по красоте цветного ковра работа была на три головы выше анемичных “проходных” вещей. Но устоявшимся стандартным требованиям к сюжету она не отвечала. Правы были профессора. И Малявин прав — по высшим меркам искусства. Репин с Беклемишевым дошли до крайности в борьбе за своего питомца, поклялись уйти из Академии в случае, если Совет не уступит. Репина поддержал авторитетный профессор Василий Матэ. Кое-как примирились на том, что диплом будет выдан, однако не за “Смех”, а за серию из пяти портретов отменного качества.

Малявин лишился главной премии дряхлеющей Академии — большой золотой медали, а еще важнее — заграничной командировки, уступив ее благопристойному, усредненному, прилизанному подражателю из мастерской академического профессора Владимира Маковского. О конфликте и всей суете вокруг Малявина тончайший художник-мыслитель Нестеров выразился так: “Непосредственное дарование этого сына земли, быть может, не имеет себе равного среди всего, что прошло с основания Академии художеств, с появлением у нас искусства. Его художественные ощущения... тонки, новы, ярки, неожиданны смелы. Малявин, как Веласкес, как Милле, как большинство пейзажистов, заражается самой Природой, а не идеями ее. Его огромная, шестиаршинная картина без названия или, как ее окрестили, “Смеющиеся бабы” вызвала страстные, яростные, то полные негодования, то восторга споры... вообще изнервничались все до последней степени, наделав при этом массу глупостей”. Как было не наделать. Озорные, хохочущие, радостные девки в ярко-красных платьях переворачивали устоявшееся передвижническое унылое представление о русской деревне. Мужичье здоровое нутро Малявина здесь само собой выплеснулось на полотно — да не хороните вы Русь, городские всезнайки, живет она и жить будет!

История закончилась своеобразно. Злополучный “Смех” тайно, в обход Совета, отправили в Париж. На самую престижную международную выставку. Выставка эта отличалась особой значительностью и играла двойную роль: она как бы подводила всемирную черту под девятнадцатым веком и одновременно давала прогнозы развития искусства на двадцатое столетие. И здесь спорная картина стала “гвоздем”! Ее не только превозносили до райских высот, но и уничтожающе критиковали. Главное — общий интерес — было достигнуто... Автора заметили крупнейшие музеи Европы. Перекупщики, лъстиво улыбаясь, выторговывали свои комиссионные. Малявин мог погибнуть под тяжестью обрушившейся внезапно славы, но крестьянская закваска помогла выстоять.

Европа Европой, художник повертелся и вернулся в Россию. Смазные яловые сапоги, ситцевая рубаха и балалайка

полетели на антресоли. Денег хватило и на цилиндр, и на лайковые перчатки, даже на именье в Аксиньине, что под Рязанью...

В художественной жизни России в начале века шла ожесточенная борьба между тремя самыми сильными лагерями: "передвижников", "мирискусников" и "союзников", т.е. членов "Союза русских художников". Боролись за публику, за прессу, за доходы, короче, за место под солнцем. В стане "передвижников" стояли еще такие крепкие, хотя и подточенные временем, дубы, как Репин, Суриков, Поленов и Виктор Васнецов. Поросль помоложе — Нестеров, Серов, Коровин, Врубель — колебалась, потеряв веру в незыблемость старых ориентиров, искала, перемещалась между станами. Художники и критики западного толка во главе с Бенуа, Нуроком, Нувелем, Бакстом, Лансоре стремились призвать под свои знамена "из тактических соображений" кого угодно, лишь бы поталантливей, повесомей. Нужен Репин, Васнецов? Расхвалим, позовем на выставку. Не нужны старики — нетрудно и охаять.

А тут еще русофилы — "союзники" в лице Архипова, Аполлинария Васнецова, Петровичева, Жуковского, Виноградова, Степанова, Переплетчикова... Крутое было время, перелопачивались пласты жизни страны, все трещало, что отжило, и в глубоких трещинах плескалась новая огненная лава. И в этой лаве доспевал самородный талант Малявина. Ради объективности и для полноты ощущения духа времени заглянем в старые газеты и журналы, полистаем переписку между художниками. "Микула Селянинович русской живописи", "гениальный представитель нового искусства", "Малявин головокружителен и гениален" — так писали журналисты. А вот мнение художника и писателя-искусствоведа Александра Бенуа: "Малявин находится еще в самом начале своей деятельности, и потому говорить о нем слишком рано. Можно, однако, предположить, что этого геркулеса живописи ожидает в будущем немало славных подвигов... Таких красивых сочетаний красок, такой бравурности в технике, такой великолепной простоты и смелости не найти на всем протяжении истории русской живописи. Даже те портреты Репина, которые в свое время восхищали поклонников смелостью и непосредственностью своего мастерства и оскорбляли до слез недоброжелателей, покажутся рядом с "Бабами" Малявина на первый взгляд робкими, чуть ли не ученическими работами".

Конечно же, надо делать скидку на то, что Бенуа — ярый антирепинист и в полемическом запале заехал не туда, что и сам прекрасно понимал, но все же в его отзыве много правды.

Чем же покорял зрителей, как видим, даже ревнивых и искушенных, бывший монашек с далекого Афона? Три вещи-

ми. Первое: Малявин был прирожденным колористом, великим чародеем цвета. Краски у него — выложенный драгоценными камнями цветной ковер. Каждый мазок самоценен, его хочется поцеловать. Кое-кто говорил, что Малявин знает секрет старинного темперного лака, изобретенного афонскими иконописцами, поэтому и свежее его краски. Так или не так, сказать трудно. Но известно точно одно: Малявин покупными масляными красками пренебрегал, тер сам огромным камнем-курантом. А уж какие масла или лаки применял — Бог весть.

Второе: при всей тяге к новаторству Малявин умел блестяще, не хуже старых мастеров, рисовать. Он великолепно чувствовал не только цвет, но и форму. Соученики видели, с какой ненасытной жадностью Филипп покрывает рисунками лист за листом, как часто откладывает заполненный альбом и берется за свежий. Словом, он был великолепным рисовальщиком, а рисунок, по уверению великого Энгра, — “высшая честность искусства”. Жаль, что Малявин много альбомов отправил на хранение родичам в бузулукскую свою деревню. Там они со временем бесследно исчезли.

И наконец третье. Малявин был глубоко национален, его талант шел от крестьянского его нутра, от самой земли русской. Излюбленными персонажами огромных холстов художника на много лет стали рязанские бабы, самые обычные, деревенские коровницы и кухарки. В них виделись символы народной мощи.

Репин на закате жизни писал, что более одаренного ученика, чем Малявин, он не имел. А ведь среди десятков известных и очень разных по стилю художников, вышедших из репинской мастерской, сияли имена Серова и Кустодиева, Грабаря и Сомова, Грекова и Бродского...

Вот почему три могучих художественных объединения России тянули Малявина к себе, как канатами. Сначала перетянул “Мир искусства”. Малявин даже написал портрет главного менеджера общества Сергея Дягилева. Будучи, кроме всего, тонким знатоком человеческой души, художник точно передал суть модели: живой ум и энергию, а вместе с тем самовлюбленность и склонность к деспотизму. Когда же между “русософилами” и “западниками” произошел полный разрыв, Малявин порвал с заносчивым “Миром искусства” и связал свою судьбу с “Союзом русских художников”.

В 1906 году Филипп закрутил свой знаменитый “Вихрь”. Огромная картина видится высшей точкой малявинской творческой траектории. Живописец поступил рискованно, взявшись за модификацию темы все тех же пляшущих боевых, ядерных русских баб. Да, иностранцы неожиданно выручили его со “Смехом”, возвели на стены лучших выставочных залов. Но дома-то за эту картину его хорошо проучили, просто задержали.

Три бабы. 1902.

Стало быть, характер у староафонского послушника оказался бойцовским. От «Смеха» он продвинулся дальше: тщательнее и глубже проработал колористическое решение, усилил декора-

тивно-красочный натиск на зрителя, подчеркнул уклон в сторону стилизации, обозначив тем самым четкую грань между собой и своим недавним репинским прошлым. И опять победил.

Совет Третьяковки высказался единодушно: "Вихрю" в галерее быть! После этого некуда было деться академикам, они дружно бросили "белые шары" и приняли молодого бунтаря в свои благочинные ряды.

"Вихрь" назвали символом революции. Но революция не сваливается на голову, как кирпич. Интеллигенция, хотя и переживала свой "серебряный век", подмечала: по жизни годы правления неудачливого Николая Второго — не золотое время. И вот Михаил Нестеров вычислил три знаковые фигуры, трех провозвестников перемен: Горького, Шаляпина и Малявина.

Жизнь не вняла расчетам. Горький от греха подальше уединился на острове Капри, Шаляпин бухнулся на колени перед царем на сцене Мариинки, а Малявин... Далеко он стоял от общественных бурь. "Землю — крестьянам" — это не бин Ньютона, тут все понятно и просто. Что касается прочего — "нет власти еще от Бога". Староафонские внушения крепко сидели в нем. И еще один решающий аргумент: к "Вихрю" Филипп пришел не от революционных идей — от "Смеха". А замысел и исполнение той картины пришлось на спокойные и благополучные годы конца девятнадцатого века.

Картины, созданные после "Вихря", были превосходны. Но Малявин теперь уже не состоял в рядах "мирискусников". Живописец подвергся жесткой критике — для Бенуа и его соратников главным оставался принцип "свой-чужой". Малявин лет десять не возникал, отсиживался то в Париже, то в Аксиньине. Первую и последнюю персональную выставку на родине он устроил в девятнадцатом жестоком году, когда ошалевшая от крови, реквизиций и мобилизаций страна шаталась над пропастью, и люди, казалось, не думали ни о чем, кроме хлебной пайки.

Сверх самых смелых ожиданий, выставка прошла с бешеным успехом. Число посетителей перевалило за пятнадцать тысяч, а ведь это была провинция, Рязань! В лучшие годы в столицах передвижники и их младшие собратья из "Союза русских художников" почти никогда не имели столько зрителей.

Как человек из народа, Малявин не конфликтовал с новой властью. Преподавал. Выставлял картины в Ассоциации художников революционной России. Написал честный, нелестивый портрет Луначарского, который еще в начале века, будучи художественным критиком средней руки, приятно отзывался о трудах живописца. Еще Филипп Андреевич работал над образом Ленина (один из карандашных портретов впоследствии заслужил высокую оценку Пикассо). Словом, пытался вписаться в новые условия. Но в 1922 году внезапно уехал во Францию, уже навсегда. Бежал? Бежал, но не от Родины, не от России, а от тех дуроломов, которые сделали

Портрет Н. А. Сомова. 1895.

Вихрь. 1906

жизнь художника невыносимой. Уехали и многие товарищи по "Союзу" — не слабые, те, кто мог "крутить педали" и за рубежом: Коровин, Жуковский, Виноградов, Исупов, Яковлев. Поводы выбирали разные, а причина была одна. В искусстве в очередной раз менялись декорации, на гребень взметнулись кубофутуристы, лучисты, супрематисты и другие авангардисты. Шло сбрасывание вчерашних кумиров, начиная с Пушкина, "с парохода современности". Над бывшим московским училищем живописи, ваяния и зодчества реял лозунг: "Сожжем Рафаэля, к расстрелу Растрелли". Закон отрицания отрицания явился во всей наготе — недоучившиеся дети выталкивали из жизни своих еще полных физических и творческих

сил родителей и учителей. Пятидесятилетний Малявин устарел...

Некогда уже завоеванный Париж пришлось покорять снова. И снова Малявин признан. Выставляется, получает заказы. Персональные выставки следуют одна за другой. Прага, Ницца, Лондон, Белград, Стокгольм, снова Ницца. Но в душе зреет понимание совершенной им трагической ошибки. "Вне Родины нет искусства", — эта мысль гложет живописца. Не имея под ногами твердой почвы, лишенный соков и самого воздуха России, художник начинает чахнуть. В своих ностальгических записках он идеализирует старый крестьянский быт с его неременной принадлежностью — недоедани-

ем: "Когда ешь хлеб, нельзя крошки терять — грех! Говорить нельзя — грех, а смеяться и подавно, иначе по лбу получишь ложкой. Поэтому едят молча этот дар Божий". О парижской жизни Малявин отзывается очень своеобразно: "...Не скрою, город жестокий, имен чужих не заметит, но должное художнику отдаст ... Сказываются во мне леса, поля и луга деревни, а не Парижа".

Мастерство Малявина стало холодноватым, салонным. Русский художник Европе интересен именно рускостью, русский же европеец вынужден плестись в хвосте парижского искусства, ему надо подстраиваться. Малявина начали теснить, заработки упали.

... Жизнь знаменитого художника, чьи картины украшали стены лучших музеев Европы, оборвалась трагически. Когда началась Вторая мировая война, Малявин работал над заказным портретом в Бельгии. Пробирался на юг Франции — там оставалась полоска не оккупированной немецкими войсками земли. Напоролся на патруль, был схвачен. Лицо славянское, сверхподозрительное: по-немецки ни слова, по-французски еле-еле. Советский шпион. Дело могло кончиться расстрелом на месте без суда. Малявин доказывал, что он художник. Привели к офицеру. По счастью, тот разбирался в искусстве, попросил что-нибудь нарисовать.

— Набросайте, например, мой портрет, — предложил он.

Офицер разговаривал по телефону, принимал рапорты, вставал — словом, позировать как следует не мог, а условия поставил жесткие. Часы перед собой на стол положил — посмотрим, мол, что ты за мастер.

Работа преобразила художника. Остро отточенный карандаш порхал над бумагой. Что-что, а рисовать, быстро схватывающая сущность натуры, ее характер, Малявин умел. Он был в своей стихии.

Портрет до чрезвычайности понравился немцу. Возможно, он и теперь, вставленный в аккуратную рамку, висит в уютном домике где-нибудь в Баварии или Саксонии. Короче, офицер отмяк. И убедился, что перед ним крупный мастер. Отпустили.

Малявин прошел пешком всю Францию по запруженным войсками и беженцами дорогам. Ночевал где придется. До Ниццы добрался простуженным, с воспаленными почками и разбитыми на камнях ногами. Через несколько дней он умер. На похороны ушли проданные дочерью за бесценок десятки оставшихся в мастерской картин.

Подведем черту. До сих пор на каждом "русском" аукционе фирмы Сотби мелькают красносарафанные малявинские девки — дурашливые, карикатурные, откровенно слабо написанные — пародии на великолепные работы начала века. Что это, старческий маразм, закономерный упадок отколов-

шегося от родных недр российского самородка, или нечто иное? Мне кажется, не мог он так бездумно посмеиваться над лучшим в своем крепком художественном, мужском прошлом над самим собой. Сдается, какой-то подпольный имитатор разжигает творческое наследие Малявина подделками, зарабатывает на славном имени, как зарабатывают на матрешках и солдатских медалях.

Ну, а как у нас? Долгие годы о Филиппе Малявине помалкивали: эмигрант. В 1967 году вышла книжка о его жизни и творчестве. Тираж — 30 тысяч. 250 страниц. И снова на десятилетия ледяное молчание официального искусствоведения. Ни выставок, ни достойных имени “геркулеса русской живописи” монографий. А ведь Малявин оставил следующим поколениям многое. Он создал яркую, многоликую галерею русских людей начала двадцатого века, воспел их жизненную силу, удачу и широту натуры. Художник-новатор мирового класса, в своих творческих поисках он шагнул впереди времени. Работы Малявина есть в галереях Парижа, Рима, Брюсселя, Венеции. Как ценнейшее наследие национальной художественной культуры, они хранятся в Третьяковке, в Русском музее, во всех крупных музейных собраниях страны. Пусть и забытый, Филипп Малявин остался с нами. ■

Христианская девушка с чучлом. 1895.

Белная тетя Лиза

Игорь ТАРАСЕВИЧ

С детства Лиза была послушной девочкой — ела все, что дадут, делала все, что ни скажут, помогала по хозяйству, нянчила младших братишку и сестренку. Жили трудно. В семье сапожника Селянина родилось четверо детей, один умер младенцем, а двое — погодки — оказались на попечении старшей, потому что перед самой войной, рожая пятого — девочку, уже и имя ей подобрали — Светлана, — мать умерла. Плохая это примета — нарекать светлым именем еще не родившегося ребенка, словно торопить его утверждение в живом мире. Мать умерла, Светлана вышла из матери тоже мертвой. Отец запил.

По всему дому, растасканные младшими, валялись обрезки кожи и дратвы — толстой, просмоленной нити, которой сшиваются башмаки да баретки, разорвать такую нить руками невозможно. Но малыши не знали, что только терпеливым истираьем, долговечным шарканьем, многолетним стаптыванием можно разрушить вновь приходящее в нашу жизнь и потому раз-

дражающее. Они тянули дратву на обе стороны, режущая нить впивалась в мягкие ладошки. Малыши бросали дратву и ревели. В детстве Лиза сама игралась кусочками разноцветной кожи, особенно любила самолучший хром, из которого получались стоящие затем на окне блестящие сапоги. Чуть утолщавшиеся к середине — там, где должна помещаться мускулистая икроножная заказчика, сапоги нежностью очертаний вызывали восторг Лизы.

Постояв на окне самое большое минуту-две, сапоги уже не могли вынести тяжесть свалившейся на них жизни — тонкий хром переламывался над колодкой, и голенища с коротким вздохом падали набок, словно большие черные птицы. Устав ждать отлета, склоняли головы до земли...

А малыши дергали ее за платице; очнувшись, Лиза отбирала у них обрезки, наскоро нашлепывала и принималась за хозяйство. Отец, сдав работу, принесил косушку, и первое, что он говорил, одним движением вылив отраву в рот и утеревшись тыльной стороной ладони, было:

— Лизуша, подметать не надо! Оставь! Не трожь, слышишь? Пушай так лежит!

Он тяжело сидел на своей рабочей табуреточке, сгорбившись и глядя на нее снизу вверх — рабочие табуреточки и чурбачки низки у сапожников. В такие минуты отец представлялся Лизе тоже малышом, младшим по возрасту.

— Не трожь...

Возможно, растасканная детьми кожа вызывала в отце положительные эмоции, напоминала, что он — мастер, когда-то считавшийся первым в городе, или, наоборот, во время запоев стыдила и увещевала своим видом, легче позволяя появиться слезам на суровых под сдвинутыми бровями глазах. Привалившись к метровой сапожнической "лапе", отец плакал, утирая лицо черными от дратвы руками.

Так, поощряемая запретом, страсть к уборке превратилась чуть ли не в манию, и Лиза, испытывая чувство болезненного удовлетворения, тихо мела по углам уже за полночь, когда и малыши, и отец, наконец, засыпали. К этому времени она сама уже падала с ног. А через год началась война.

Ловкий, подтянутый, даже какой-то довольный, радостный, отец стоял в строю ополченцев. Похохатывая и отпуская шуточку, пятеро из них только что натянули изготовленные на прошлой неделе сапоги, так и не дождавшиеся заказчиков. Сам отец был в желтых обмотках. Эти обмотки постоянно приходили на память Лизе, когда, через несколько дней, она уже подметала в госпитале и выносила бесконечные мотки желтых от засохшей крови бинтов из операционной. Госпитали заполнили их маленький сибирский городок.

— Лизуша! Теперь все пойдет по-другому! — твердо сказал отец при прощании. — Прогоним немца, — и резкие, обострив-

шиеся черты отцовского лица дрогнули при этих словах, словно он уже видел близкую победу, — будет новая жизнь!

— Селянин! — позвали из строя, и отец быстро поцеловал детей. Слова о том, чтобы Лиза берегла малышей, слова, какие говорили тогда миллионы отцов, отец Лизы прокричал уже на ходу, оборачиваясь. Последний раз взглянул на детей из бодро стоящего, а потом так же бодро зашагавшего строя. Отец ни разу в жизни не писал писем, и не прислал Лизе ни одного.

Лиза сама не пошла, и малышей не отдала в детдом, вместе с ними подметала, работая в госпитале, мыла полы, выносила за ранеными, и только дома, куда приходила, по сути лишь ночевать, да и то — не чаще одного раза в неделю, только дома не смела убирать обрезков отцовской работы. И все-таки однажды, в первую годовщину Победы, сделала генеральную уборку, все вымыла до блеска. Инструмент отца подарила ремесленному училищу — были тогда такие, а мебель еще раньше отдала в общежитие. Весь их квартал шел на снос, жизнь, как и обещал отец, начиналась новая.

Веник ходил по замерзшему в тяжелом предчувствии дому. Собирая пыль, выжимая мокрую тряпку в ведро, Лиза тихо улыбалась, думая о том, что все испытания людские уже позади, пройдены, что горе, конечно, не изжито, но уже не болит столь остро, как поначалу, а привычной тяжестью лежит на своем месте в душе. Мысли о новой жизни, обещанной отцом, заставляли взрослую Лизу немного краснеть наедине с собою. Эти мысли пришли к ней в то время, когда она занималась любимым делом — уборкой, всегда успокаивающей и радующей. И познанное тогда чувство спокойного ожидания счастья сохранилось в Лизе на всю жизнь, а потом и стало самым счастливым.

Она удовлетворенно взглянула на мертвую чистоту пустых половиц и ушла отсюда навсегда. Потом жила, убирала и мыла, чистила, растила младших, ходила за племяшами и племяшками, за детьми племяшей и племяшек, собирала разбросанные по наборному паркету и по коврам яркие игрушки заграничной работы, легко, как в детстве, ползала на коленях — на здоровье не жаловалась, была крепка. Но племяшки, ничего в жизни не понимая, между собой все равно говорили: “Бедная тетя Лиза...” и вздыхали, и сочувственно качали головами. Племяшки у Лизы выросли добрыми и богатыми. Они запросто могли бы тетю Лизу содержать, но брать деньги та не соглашалась, вечно устраивалась уборщицей, теперь — в столовую “Юрюзань”, превращавшуюся вечером в ресторан — недалеко от дома.

Дома, впрочем, Лиза почти не бывала. Днем находились заботы в домах брата или сестры, вечером же она быстро шла в “Юрюзань”, и только потом, не боясь глухих ночных переулков, — к себе в комнату ночевать. Кончались тогда восьмидесятилетие годы — последние годы памяти о войне.

Во время уборки на лице тети Лизы всегда появлялась тихая, светлая улыбка, неожиданно сообщавшая не очень старой еще женщине черты бабушки-старушки — морщинки, конечно, лучились у глаз, а седеющие брови собирались к переносице. Всякий знает, что именно такие лица сияют нам в детстве, и действительно счастлив тот, кто сумел запомнить и сохранить этот свет навсегда.

Тетя Лиза выглядела старше своих лет, однако в последние несколько дней, видимо, начала привлекать внимание директора столовой Зубаева, тоже пожилого, но крепкого и еще видного из себя холостого мужчины. Обычно Зубаев не обращал внимания на уборщицу, потому что ему вполне хватало официанток и посудомоек, а тут вдруг остановился, наблюдая за тетей Лизой. Она решила, что директор смотрит ее работу, чтобы в случае какого недостатка указать, если что, однако, подняв голову от тряпки, встретив взгляд, осматривающий ее всю — от головы до ног, взгляд по-мужски оценивающий и явно доброжелательный, что совсем уж не походило на Зубаева, держащегося со всеми, даже с близкими ему официантками, весьма сурово.

Тетя Лиза выпрямилась и, не выпуская тряпки, облила Зубаева ответным взглядом, полным недоумения, на что Зубаев открыто уже улыбнулся и спросил, как у тети Лизы фамилия.

— Селянина! — доложила тетя Лиза. Словно ее фамилия и на самом деле могла что-то значить. — Селянина!

— Ах, да-да-да, — сказал директор. — Да-да... Вот что, Селянина, вы свободны завтра в четырнадцать часов? Зайдите завтра ко мне в четырнадцать, — обещающе кивнув, распорядился он и прошел дальше по коридору.

Назавтра тетя Лиза надела единственное у нее приличное платье, купленное ей сестрою году в шестидесятом на ярмарке — с красными цветами по голубому полю. Правда, глупости, которые она вчера, старая дура, вообразила, сегодня только смешили ее. Тетя Лиза оглядывала всю свою жизнь, словно себя оглядывала в зеркале, и оставалась отчетливо довольна ею, как оставалась довольна своим видом в платье. Ей не на что было жаловаться и не в чем было себя упрекнуть. Думая так, она гордо вздергивала голову. "Поздно! Да и не нужно! — собиралась она ответить Зубаеву. — У нее... У нее уже внуки!"

Уверенная от таких мыслей, тетя Лиза сильно постучала в дверь директора и сама испугалась своего стука. Зубаев сидел за большим полированным столом, упираясь в него обеими руками, словно хотел выкатить стол на вошедшего.

— Здравствуйте! — сказал тетя Лиза. — Вот, я пришла. Здравствуйте!

Зубаев, не отвечая, вновь осмотрел тетю Лизу с головы до ног и как-то откинулся назад, еще больше упираясь в стол, еще больше желая оттолкнуть его от себя. Потом он покачал голо-

вой, удивляясь праздничному виду уборщицы. Повернулся на стуле и вытащил из маленького сейфа лист с приклеенной в углу фотографией. Тетя Лиза узнала анкету, которую она — не упомнишь, одиннадцать, что ли, лет тому — заполняла при поступлении в “Юрюзань”.

— Садитесь, — с сомнением в голосе сказал Зубаев, надевая очки и раскрывая анкету.

Тетя Лиза обеспокоилась. С одной стороны, дело понятное: опытный человек, прежде чем предложить ей руку и сердце, решил детально ознакомиться с фактами ее биографии. Хотя это представлялось несколько странным — не с анкетой жить-то, с человеком! С другой стороны, глупые мысли все-таки следовало выбросить из головы. Тогда, получалось, директора что-то как раз и не устраивает в тете Лизе или в ее работе. Значит, совсем наоборот — выходил полный непорядок. Что ж такое? Тетя Лиза принялась делать движения моющегося под краном — перетирать руки ладонь в ладонь.

— У вас есть другое платье? Темное, простое? И туфли темные?

— Есть... Коричневое... И туфли...

— Хорошо! — резко сказал Зубаев, видимо, решившись, и бросил анкету на стол. — Хорошо! У нас к вам, товарищ Селянина, есть деловое предложение, — он взглянул совершенно серьезно, — ответственное поручение большой важности.

— Слушаю. — Она окончательно выбросила глупые мысли из головы.

— Да-с. — Зубаев побарабанил пальцами по полировке. — Работа в субботу вечером. Но оплатим, как за субботу и за воскресенье. И дополнительная премия в квартал.

— Господи! Что ж... Я и так в эту субботу работаю. И в следующую. Я каждую субботу, Геннадий Васильевич, работаю.

Зубаев закусил дужку очков, обезоруженный взгляд его стал совершенно острым:

— Работа сверхурочная, потому так и оплачиваем. Не здесь, вас доставят, отвезут на машине. Согласны?

— Дак что делать-то надо? — недоуменно спросила тетя Лиза.

Тут Зубаев улыбнулся.

— Прибрать, прибрать нужно будет. По вашей специальности. Там покажут. Согласны?

— Конечно, согласна, — сказала тетя Лиза, думая о том, что она купит ребятам на эти неожиданно сваливающиеся на нее деньги.

Зубаев велел в субботу в “Юрюзань” не приходиться, а находиться дома, одетой в коричневое платье и ждать, когда за ней приедут. Тетя Лиза, удивленная, но более не волнуемая — Бог их там знает, она приберет, — в суете недели почти забыла о важном поручении, однако в субботу, ясное дело, к назначен-

ному часу уже сидела на стуле одетая. Никто долго не приезжал. Наконец в дверь позвонили, вошел приятный молодой человек в костюме. Мгновение — и он уже мчал равнодушно воспринявшую белый автомобиль тетю Лизу.

— Сюда, пожалуйста. Сюда. Пройдите. Встаньте здесь. — Молодой человек придерживал ее за локоть. — Никуда не отходите, сейчас я вернусь.

Она оказалась за дверью небольшого деревянного домика в стороне от шоссе. Обстановка была богатая — успела заметить, пока молодой человек быстро вел ее по коврам. Хотя шторы были плотно опущены и везде здесь висела тьма, дорогая светлая мебель все равно светила в темноте. Ориентируясь по этому свету, мимо тети Лизы мягко пробежал бригадир юрюзаневских официантов Миша, поддерживая поднос, накрытый салфеткой. Обитая кожей дверь, возле которой стояла тетя Лиза, сама собою отворилась. Миша скользнул в проем, а навстречу ему выпал на две-три секунды многоголосый шум застолья. Запахло едой. Дверь, отворившись, совсем задвинула тетю Лизу к притолоке, а закрываясь, сотворила из тьмы еще одного молодого человека, очень похожего на того, который вез ее сюда — тетя Лиза было решила, что это тот и есть, но здесь стоял другой. Вздрогнувшей от неожиданности тете Лизе он молча сделал успокаивающий жест. Дверь вновь откатилась, с пустым подносом Миша выскочил из комнаты, словно бы подталкиваемый в спину голосами и стуком вилок, бесшумно растаял во тьме, а навстречу ему проскользнул другой, не знакомый тете Лизе официант, несший, упираясь грудью, огромное ведро из серебра, тоже с наброшенной салфеткой.

— Чего делать-то? — громко спросила тетя Лиза, не довольная ситуацией. — Меня работать привезли. Я даром получать деньги не приучена.

— Тихо! — шепотом, но очень грозно сказал молодой человек. — Тихо! Стойте здесь. Вам укажут.

В глазах тети Лизы, что случилось с нею крайне редко, загорелись огни.

— Товарищ! — начала она не менее грозно.

Молодой человек шагнул к ней с явным намерением заставить ее замолчать, но тут в той части дома, где прежде было темно, разом вспыхнул свет. Тетя Лиза вновь вздрогнула и инстинктивно отступила, отступил и молодой человек — теперь он вытянулся с добрым, устремленным вперед выражением лица. К двери, переваливаясь и приседая на подагрических ногах, важно шел толстый пожилой мужчина, показавшийся тете Лизе знакомым. Следом двигалась целая группа хорошо одетых людей, замыкал которую Зубаев. Здесь он не казался таким суровым и семенил мелкими уважительными шажками, тоже почему-то чуть приседая, как идущий впереди пожилой. Увидев

Зубаева, тетя Лиза вдруг узнала пожилого. Он приезжал к ним на профсоюзное собрание говорить речь.

Дверь широко распахнулась, чуть не задев тетю Лизу по лицу, из двери грянула музыка, а вслед за музыкой — аплодисменты, шум поднялся и вновь резко оборвался закрывшейся дверью, пропустившей всю процессию. Свет вновь погас, и перед тетей Лизой очутился первый молодой человек, как чертик из коробки.

— Приготовились! — скомандовал он. — Сейчас!

Молодой человек осторожно, упираясь рукою в косяк, сдвинул дверь на себя и встал в пролившейся полоске света. Тетя Лиза как дура, встала следом, машинально восприняв команду готовиться неизвестно к чему, и из-под локтя стоящего впереди заглянула в комнату. Огромная, как спортивный зал, комната оказалась заставленной яркими столами. Тут находилось человек пятьдесят празднично одетых людей. Посуда перед ними, ножи и вилки, стены, потолок — все искрило и горело светом, и свет, собранный, словно луч гиперболоида, в узкую щель, стегнул тетю Лизу по глазам. Она сощурилась, разглядывая в щелочку праздную жизнь, и поняла, что это — свадьба. Молодые сидели — сейчас они стояли за своими местами — в дальнем конце комнаты. Тетя Лиза невидимо ни для кого улыбнулась молодым, забывая неудобство и странность своего положения. Свадьба есть свадьба, и пусть, как говорится, не увидят того, что мы повидали.

Пожилой тоже, как и молодые, стоял за столом и, криво держа рюмку, говорил речь. По-доброму разглядывая парочку, тетя Лиза не слушала, но тут молодой человек задом оттер ее от щели. И опять ей не дали времени на возмущение.

— Сейчас! — четко повторил молодой человек. — Приготовились!

Он сильно взял тетю Лизу за плечи и поставил перед собой. Она увидела в щелочку, что пожилой заканчивает и, криво отворачивая рот, подносит рюмку ко рту. Молодой человек сжал плечи тети Лизы сильнее. Пожилой — там, в зале, — запрокинув голову, пил, и все смотрели, как он пьет.

Вот он сделал последний глоток и вдруг, взмахнув рукой, шмякнул сверкнувший бокал об паркет. Десятки осколков полетели по залу, люди зааплодировали, закричали.

— Горько! — закричал и пожилой.

Обомлевшая тетя Лиза, не привыкшая видеть битья хрустальных фужеров, почувствовала, что в руки ей что-то вкладывают. Молодые взасос целовались. С веником и совком в руках тетя Лиза, движимая мягким, но неуклонным толчком, оказалась за порогом, внутри зала.

— Быстро прибрать! — произнес за ее спиной молодой человек. Его приглушенную скороговорку никто не слышал: молодые целовались, и гости с ревом считали секунды поцелуя.

— Три-и-и, — ревело застолье.

Тетя Лиза рефлекторно шагнула вперед, хрустнув осколками; никто ее не замечал. Пожилой, напыщенно улыбаясь, глядел прямо перед собою.

— Че-ты-ыре!

Она нагнулась и собрала в совок первые переливающиеся огнем хрусталинки.

— Пя-ать! Еще! Ха-ха-ха-ха! Ма-ло! Ше-эсть! — неслось отовсюду.

Пожилой повернул голову, и один из молодых людей вмиг оказался рядом с небольшой коробкой в руках, перевязанной красной лентой. Пожилой, не глядя, принял коробку.

Тетя Лиза все нагибалась и нагибалась к совку. От света, отраженного в осколках хрусталя, или оттого, что к опущенной голове прилила кровь, перед глазами у нее пошли синие и красные пятна, а ставшие разноцветными осколки показались разноцветными кусками кожи, которые подметала она в детстве. Из глаз тети Лизы закапали слезы.

Пожилой, поддерживаемый молодым человеком, вновь поднялся, в животе у него и в горле уже забурлило первое слово, которое он собирался произнести, все стихло, и он уже протянул подарок вперед, собираясь продолжать поздравление, когда тетя Лиза — так же, как и он сам минуту назад — с размаху бросила веник и совок на паркет. Собранные хрусталинки вновь полетели в разные стороны, ударяясь в стены, в ноги людей, в ножки стульев. За миг осколки успокоились, стало слышно, как всхлипывает тетя Лиза. Пожилой, выкатив глаза, плюхнулся на свой стул.

— Поганец! — в наступившей тишине сказала ему тетя Лиза, плача. — Переводчик народного добра!

Никто не засмеялся. Тетя Лиза поискала глазами Зубаева, чтобы и ему высказать в лицо свое отношение, прежде чем повернуться и уйти, но оба оправившихся от шока молодых человека подскочили к ней с двух сторон.

— Прочь! — с высохшими глазами страшно закричала тетя Лиза. — Прочь подите!

Оба по данному кем-то сигналу отступили.

— Женщину трогать! А? — бушевала тетя Лиза. — Нечистота! Утони в грязи! Пропади! Поганцы! Прочь! — закричала она возникшему рядом Зубаеву.

— Уходите отсюда! — процедил Зубаев. — Вам заплатят.

— Что-о?

Но сила уже вышла из тети Лизы вместе с криком. Она вновь заплакала и, плачущая, была подхвачена и выведена в темноту.

— К Иван Михалычу ее? — произнес возле тети Лизы молодой голос.

— Домой отвезите... — ворчливо и беззлобно ответил голос постарше.

Она не замечала ни машины, ни мчавшихся навстречу ночных огней и темных улиц. Безмерная усталость от последней уборки сморила тетю Лизу. Не раздеваясь, только с трудом сбросив туфли, она села, сгорбившись, на постель, потом повалилась на нее и уснула.

Весь следующий день, воскресенье, она лежала дома, никуда не пошла, не подходила в коридоре к телефону и на работу вечером не вышла. Приехавшим к ней и ахнувшим, увидев ее, племянкам она велела отнести в "Юрюзань" заявление об уходе, а в собес — заявление о пенсии, которое, составленное не так, как полагалось, потом ей пришлось переписывать. Комната тети Лизы, в которую соседка, каждый раз спрашивая разрешения, прежде водила дочь для наглядной агитации за чистоту, как-то странно, необъяснимо, приобрела за день совершенно запущенный вид, неброская мебель потрескалась. Стекла запылились, и везде начали кататься клубки пыли, похожие на свалывшуюся собачью шерсть. И такие же необратимые явления произошли с самой тетей Лизой. Ее черные волосы с редкими сединочками теперь густо побила седина, от губ по челюсти пролегли резкие, как рубцы, складки, глаза заплыли и потяжелели. Совсем старухой стала тетя Лиза. Больше она не могла уже, как раньше, легко нагибаться к совку, мыть полы, ползать вниз головой с тряпкой, таскать ведра с водой. Теперь тетя Лиза все больше лежала на кровати, а если выходила куда — в булочную или поликлинику, то шла медленно, переваливаясь и часто останавливаясь на ходу. Она двигалась теперь точно так, как двигался тот пожилой начальник, отвративший ее от любви к чистоте, но в ее походке не было уверенности и ведущей инерционной силы, поддерживавшей начальника.

Быть может, сила инерции вообще уже пропала в природе, потому что и пожилого начальника та, видимо, перестала вести. Однажды тетя Лиза встретила его в очереди к окулисту. В белом чесучовом френче навыпуск, тяжело отдуваясь, начальник сидел рядом с тетей Лизой и держал на коленях потную соломенную шляпу. Они не узнали друг друга. Тетя Лиза к тому времени уже стала совсем не похожей на себя, а начальник, тоже постаревший и расплывшийся, один, без свиты и в другом костюме, был неузнаваем и ничем не выделялся из остальных стариков. Когда подошла его очередь, он долго пыхтел, прежде чем подняться, судорожно цеплялся мясистой ладонью за спинку тегелизинового стула, и тетя Лиза, бесконечно сочувствующая их общей немощи, помогла ему встать и дойти до белой, с обшарпанной возле металлической ручки краской, докторской двери. ■

Житие кота Марлока

Для начала — знакомство. Зовут кота Марлоном. Возраст — пять лет. Кастрирован (почему — скажем позже) и оттого очень спокоен, покладист, миролюбив. Но всем относится со сдержанным уважением, но привязан

только к хозяину дома — Валентину Сергеевичу Панетнову.

Гурман — любит рыбу, сырое мясо и молоко, но только парное. Когда хозяйка идет корову доить, Марлон следует в хлев (если летом — на луг). Сидит и слушает,

Двор на опушке

Василий ПЕСКОВ

нан молочные струйки бьют в ведрное дно. У порога дома стоит персональная плошка Марлона, и он первым снимает пробу надоя.

Но кот и сам способен добыть еду. Живет он в одном из четырех домов, оставшихся от большой старинной, лежавшей на водном пути "из варяг в греки" деревни Бубоницы. Тверские леса поглотили деревню. Дым из труб идет только в четырех избах. Одна из них служит приютом Марлону, хотя по характеру он бродяга-охотник и летом может долго не появляться в деревне, промышляя птиц и мышей. Иногда добычу он не съедает, а приносит на порог дома: "Глядите, Марлок молоко пьет не зря".

Спит Марлок летом на сеновале, ловко забираясь туда по лест-

нице. А зимой любимое его место — у печки. В мороз он спит. Спит крепко и долго. Специально однажды заметили — восемнадцать часов! Столь много при жаре спят дальние его родственники — африканские львы. Аккуратен. Ни разу не уличен в житейской нечистоплотности. Никогда не прыгнет на кухонный стол, сколько бы ни соблазнительны были яства на нем. Но любит лежать на столе у хозяйина рядом с пишущей машинкой. Стун ее котá убаюкивает, и еще всегда можно со стола прыгнуть и понежиться на плече у хозяина.

Зоолог Валентин Сергеевич Пажетнов изучает медведей и выбрал для этого дальний "медвежий угол" в лесах. Марлок прибыл сюда из центральной усадьбы заповедника за пазухой младшего

Валентина (внука зоолога), который не захотел ни за что с ним расстаться. И кот, с опасением, что погибнет он от собак, поселили...

Я сразу заметил незаурядность натуры Марлона. Наблюдать за собой этот мудрый пройдоха мне позволял, но глазон фотокамеры, как и многих животных, кот пугал. Он принимал его, видимо, за большой живой глаз. "Привязал" я Марлона к нужному месту принесенной с озера рыбой. Большой лещ показывал из котла хвост, и Марлок глаз не мог оторвать от этого зрелища. Тут я и снял его "для анкеты".

На земле живут миллионы домашних кошек. Бытие у них разное. Грубо можно его разделить на городское и деревенское, хотя в городе кошки могут жить тоже поразному. Беспризорно — шныряя по чердакам, подвалам, помойкам, и как бы в благополучии — где-нибудь на седьмом—двенадцатом этаже — накормят, напоят, побалуют.

Благополучная жизнь — постная. Некастрированный кот будет время от времени беситься и найдет полового партнера в половой тряпке. Птичка, севшая на подоконник, лишь чуть шевельнет угасший инстинкт охотника, а на мышшь иной из этих затворников уставицца с любопытством, не понимая, как надо себя вести.

Кошкам бездомным живется несладко. Но, вкусив вольницы, взаперти они жить уже не хотят.

Вольготно живется кошкам в деревне. Они знают и радость вольницы, и покровительство человека. Помню, в дверях деревенского дома при всех замнах и щекотках внизу выпиливали квадрат,

чтобы кошка могла уйти и прийти когда надо.

Есть и специфические условия в жизни маленьких тигров. Однажды на Камчатке я побывал на атомной подводной лодке. Много всего интересного нам показали. Но в памяти особо застряла сцена: на вернувшуюся из ремонта лодку командир подбирал кошек. С других лодок ему принесли их более дюжины, и моряк опытным глазом выбирал наиболее подходящих.

Вы подумали: в дальнем плаваньи под водой людям очень нужны хотя бы символы жизни на суше. (Еще на парусниках держали любимцев — собак и кошек.) Но есть у кошек на субмарине еще и серьезная служба. В тесном пространстве, заполненном проводами, кабелями, вентиляторными трубами, неизбежно поселяются крысы. И ничем — ни ядом, ни ловушками — извести их нельзя. Только кошки! Причем сильные, крыс не боящиеся. Смешно сказать, но без кошек сложнейшее подводное устройство с атомной установкой и с атомными ракетами уязвимо — крысы грызут что попало и могут перебить провод, оголить кабель, поэтому кошек на атомных лодках любят и берегут.

И есть еще один мир, где кошки живут совершенно счастливой жизнью, не подозревая даже о своем счастье. Это лесные кордоны. Кошка тут — баловень. Получая кров, еду и ласку от человека, она остается тут и охотником.

Кошек, живущих у лесников на кордонах, я умею сводить с ума. Пискнув мышью, пошуршу еще пальцами в листьях, и кошка пулей бросается в нужное место.

Таков характер у всех мышеедов — лис, кошек, сов...

Марлока взяли в лесную избу с опасной. Две его предшественницы были разорваны живущими тут собаками-лайками. Для этих верных и умных друзей охотника кошна — не что иное, как дичь, которую надо немедленно схватить и прикончить. Валентин Пажетнов, зная природу своих любимцев, решил их воспитывать. Сел на крыльце, посадил кота рядом и, поглаживая, строго собакам стал говорить: "Нельзя, нельзя..." Несколько уроков подобного воспитания сделали свое дело. Лайки стали обегать кота стороной, а если встречали его на пути, то отворачивали морды, как будто не видели. Скоро Марлок стал подходить к вольере, где держали собак и, понимая, что находится в безопасности, подолгу сидел неподвижно поблизости.

И лайки к коту привыкли. Слушается даже — едят из одной миски. Опасность для кота остается, если кто-то заедет сюда на машине с маленьким фанатичным терьером. Тут Марлока может спасти только резвость и природная сообразительность — скорее на дерево или по лестнице на чердак!

Кота, в свою очередь, надо было научить не трогать цыплят. Задача не очень простая, если учесть, что летом рыльце Марлока постоянно было в пуху — в зарослях возле дома был он охотником очень умелым. Но научили его все же не трогать цыплят, гусят и утят. За год Марлок вполне вписался в многоликую жизнь двора — его не трогали, и он хорошо понимал все табу.

Но прямо у порога начинался огромный волнующий мир диной

жизни, в котором помимо пташек жили еще горностаи, лисы, еноты, кабаны, зайцы, ястребы, филины. Вблизи от дома пробегали иногда волки. А в загоне за огородом росли медвежата, привезенные сюда после охот на берлогах...

Домашняя живность постоянно граничила с дикой. Горностаи прибегали из леса охотиться на мышей, унося иногда их из-под самого носа Марлока. Ястреб перетаскал со двора около двадцати голубей. А четыре года назад случилась тут драма. Медведь, проходя ночью лесом, завернул к усадьбе, но, не соблазнившись ни телкою, ни гусями, разломал изгородь и прикончил трех медвежат. Зверь малышей не сожрал, только убил. Таково свойство медвежьей натуры. Люди в тот день горевали, а Марлока это событие не касалось. Он потерял лишь возможность подолгу заинтересованно наблюдать, как играли эти занятные носопалые существа.

Реальную опасность представляли для кота лисы и волки. Но волки вблизи пробегали лишь изредка. А большой опытный лисовин, живущий по соседству в болотных крепях, хорошо понимает, что в его интересах не трогать ни кошку, ни кур, ни гусей, уходящих частенько от дома на немалые расстояния. Люди оценили сообразительность лиса и, хотя легко могли бы добыть дорогой воротник, порешили зверя не трогать. Взаимная терпимость привела к тому, что лисовин ночью прибегает к загону собак с явным желанием их подразнить. Слыша яростный лай, в доме знают: лисовин пришел поразвлечься.

Лишь однажды случился срыв. Хозяева, уехав на день из дома, не закрыли загон с гусями. Почуввав безнаказанность, на птиц напали еноты. Гусиная паника соблазнила и лиса принять участие в грабеже. Он задавил пять гусей, но съел одного, остальных спрятал в лесном завале. Вернувшись домой, хозяева стали на лыжи и по следам собирали свое богатство — семнадцать мертвых и одного живого, потерявшего рассудок гуся. Убыток был небольшой ("гуся пошли на консервы"), а случай всем казался столь необычным, что "дело" против грабителей решили не возбуждать — не тронули ни енотов, ни лиса...

Вот в такой атмосфере приспособился жить наш Марлок. Он в лесу нападает на все, что может осилить (это с трудом, но терпят), — то рябчина принесет и положит у двери, то зайчонна. Однажды задавил Марлок даже взрослого зайца и не нес, а волок его, упиравшись, к крыльцу. И лишь когда убедился, что старания его замечены, поживился зайчиной.

Жить-поживать бы Марлону в золотом месте. Да имелась у него еще одна, кроме охотничьей, страсть. Был он, как сейчас говорят, сексуальным разбойником. Кошек в крошечной деревеньке не было, и Марлок время от времени уходил промышлять в соседние лесные деревни — Носилово, Некрашево, Плосново. По дороге к дальней деревне — семь километров, но Марлок, как истый лесной ходок, словно по компасу, двигался напрямик. Лисы были ему не страшны — прыжок на дерево, и пусть оближется. Реальной опасностью был только филин, но на всю

большую округу тут живет только пара этих искусных ловцов. Нот об этой опасности, возможно, даже не знал и изредка исчезал, возвращаясь домой лишь дней через десять-пятнадцать. Усталый и поцарапанный, он отсыпался на чердаке.

Что там было у него в сопредельных пространствах, можно было только догадываться. Но однажды явились к Пажетновым ходоки с ружьями. "Сергеич, мы тебя уважаем и работу твою уважаем. Но коту надо давать укорот. Иначе его застрелим..."

Выяснилось, во время отлучек Марлок в деревнях терроризировал все кошачье общество — котам отгрызал уши, выдирал глаза, и постепенно появление его заставляло всех нотов прятаться где кто мог. Ну а кошки... кошки победителей жалуют...

И состоялся суд над Марлоком. Постановление суда: настрировать. И настрировали кота, по всем правилам зоологической практики провели операцию. Все осталось при здешнем тигре — сообразительность, сила, охотничья страсть. Но совершенно напрочь исчезло желание посещать лежащие по соседству населенные пункты.

Се ля ви! Житие незаурядного существа записал я в мае, а сегодня, поставив точку в рассказе о нем, позвонил в Бубоницы своему другу и следом за рассказом о новостях спросил:

— А что Марлок?

— Жив-здоров! К нам заехали тут знакомые. У них котенок. Так Марлок неустанно носит ему мышей. И пристрастился к рыбалке. Часами может сидеть неподвижно, наблюдать поплавок...

Волчок и Зинка

Вот они перед вами на снимке. Волчок — это нличка настоящего молодого волка. А Зинка — это свинья. Живут они во дворе лесника и пона что ладят. Даже

едят, случается, из одной плошки. Забавно видеть рядом ушастую морду блондинистой Зинки и нос волчонка, погруженный в лапшу. Площадка для двух тесновато

та. И пока только это вызывает конфликты — удобнее есть по очереди.

Наблюдал я это за Волгой, точнее сказать, в междуречье Волги и восточного ее рунава Ахтубы. Это особый, ни на что не похожий мир, с тысячами озер, зарослями камыша и чакана, с ериками и болотами между возвышениями, на которых растут кряжистые дубы, ясень, терновник, боярышник. Весной воды тут больше, чем суши. Но к осени все меняется. Прямых дорог тут нет: петли, объезды — без проводника не сразу попадешь куда надо. А мы ехали еще и в тумане, точнее, не ехали, а ползли, ничего не видя вокруг. Деревья, как на фотобумаге, опущенной в проявитель, возникали призрачными видениями и превращались вблизи в черных, таинственных великанов.

К полудню туман исчез. Съевшее его солнце играло в каплях росы на опавшей бурой листве в дубняках. Озерца и протоки повторяли синий цвет неба. Было тепло и тихо. Пищали синицы, дятел выстукивал себе пропитание на старом дубу, и лаяли где-то близко собачки.

Оказалось, дорога в тумане привела нас к лесному кордону Сотово. Изба. Огороженный двор. В стороне на опушке пасутся коровы и овцы. Собачки в калитке нас встретили лаем, сопровождая его верченьем хвостов. Это, с одной стороны, знак хозяину: "Слушим!", с другой — приветствие, знак дружелюбия отворившим калитку.

В уединенных обителях гостям, если явно видны добрые их намерения, обычно рады. Так было и в этот раз. Лесник Владимир

Олейников, еще не успевший износить афганскую камуфляжную форму, крикнул жене: "Метать все на стол!"

За столом и начался рассказ о здешнем, в стороне от людей, житье-бытье. Оно переплеталось тут с жизнью поймы. "Было время, прямо в ста шагах от крыльца, в протоне, можно было увидеть игру осетров. Сейчас не заходят — лето было необычно сухое, — рассказывал Владимир. — Коровы пасутся, часто смешиваясь с оленями. Свины в поисках желудей, ягод и корешков бродят где вздувается".

Свины и диние кабаны родство свое чувствуют. В брачную пору на кордоне иногда появляется темный щетинистый женишок, и тучные блондинки всегда ему рады. Они и сами могут уйти на свидание в лес. И следствие этого — полосатые поросятки, принимающие жизнь во дворе, как должное, — растут здоровыми, крепкими. Коровы на вольном выпасе телятся где-нибудь в крепях. "Найти теленка — великая трудность! Ищу с собаками. Корова в этот момент оставляет его и уходит далеко в сторону. А он — дикарь дикарем — лежит неподвижно где-нибудь в зарослях. Я обычно слушаю лай собак и слежу за коровой. Если собачки приблизились к тайному месту, она немедля бежит туда, ну и я за ней следом. Так и находим телят".

Интересуются двором у кордона лисы. И от этого куры особой вольностью не прельщаются, чуть что — взлетают на изгородь. Для них опаснее — ястреб. "Если одну другую прищучил — будет летать постоянно. И тут приходится делать засаду. Вон видите туалет?"

Видите, щелка в двери? Это для ружья".

Говорим мы, сидя на теплом крыльце. Куры квохчут, в загоне свинья похрюкивает. На привязи три серые лайки скулят.

— Слушай-на, — говорю, — а вот этот у тебя — вылитый волк.

Владимир расхохотался.

— Ну что же, глаз верный — волк и есть. Волчок, покани-ка, что ты из леса. Давай споем для гостей. Ну давай...

Для "затравки" лесник завыл, и то, что минуту назад было для нас собакой, вдруг затянуло заунывную песню — волчий вой среди белого дня.

— Молодец, Волчок, молодец... Андрей, принеси-ка нам кость из настрюли.

Сын лесника явился с гостинцем, и волк вцепился в кость, оглядываясь — не отнимет ли кто.

— Все лопают. На огороде ел огурцы, спелые помидоры. Хлеб, кашу, щи — все метет, как собака. Ну а за мясо душу отдаст.

Облизываясь, Волчок позволил себя погладить, взять на руки. Лесник отстегнул привязь, и необычный житель двора, к зависти двух собак, подбежал к гостям познакомиться — потянул меня за штаны, ткнул носом в рюкзак.

— За хулиганство — на цепь!

Волчок не протестовал, но привязь явно ему не нравилась. Шмыгнул в подклеть и смотрит оттуда смышленными, озорными глазами.

У Волчка история вот такая. Уже несколько лет лесник ведет нешуточную позиционную войну с волками. Места для этого зверя — лучше не надо. Непролазные крепки, нырнули — и нету вол-

ков. Ни с флажками их не возьмешь, ни с вертолета. Только засидки, случайные встречи. Звери режут тут кабанов и оленей, но и двор, полный живности, их тоже интересует. Понимают, однако, что могут попасть под выстрел: ведут себя осмотрительно, не упуская случая чем-нибудь поживиться, благо скотина всегда на воле.

Счет в противоборстве такой. Волки у лесника зарезали двух коров, четырех телят, пятерых коз и девять овец. Сами они заплатили за это тремя серыми шкурами. Счет неравный. И Владимир "афганец" все время стремится его подправить. "Этой весной догадался: где-то близко есть логово. Стали с сыном искать. И нашли. Нашли, но поверите, в полкилометре от дома у ерина. И не просто нашли, а неожиданно прихватили, видно, только что оценившуюся волчицу. Я — носом в логово, а оттуда пулей огромный зверина".

Без боязни отец и тринадцатилетний Андрей стали обследовать логово. "Я обвязал сына веревкой, и он из темноты достал девять слепых щенят. Мать их, видно, кормила, а мы спугнули. Что с ними делать? Зла на волков у меня накопилось вот столько, но убить беспомощных малышей рука не поднялась. Обзвонил друзей-лесников: интересуетесь, говорю, волками? Всех раздал и себе одного оставил, может, думаю, выхожу. У всех погибли. А у меня кошка как раз оказалась с котятками. Котят я к блюдцу привадил, а кошне, когда молоко стало ее беспокоить, подложил черного сосуна. И кошка его не отвергла. Лежит, глаза выпучив, а волчо-

нок — чмок, чмок — жадно ее сосет. Потом стали его кормить из бутылки, потом курятины дали попробовать. Ну а теперь? как все, — щи, каша, остатки с кухни... Правда, красив?

Волчок словно понимал, что речь о нем. Внимательно на нас поглядывал и точил зубы о деревяшку, как видно, напомиравшую ему кость. Он в самом деле был очень красив — светло-серый с нежно-белыми просветами под широким лбом. Уши — топориком. Глаза сверкают. Окончание морды слегка курносое. Демонстрируя свой характер, Волчок морщит нос, поднимает верхнюю губу, и тогда видно оружие волка — кипенно белые, чуть изогнутые клыки.

Волчка и собак время от времени отпускают с привязей погулять-поиграть. Все трое держатся равными. Но Волчок проворней, увертливей. Подвижность его подобна ртути, игривость — собачья. Но у лаек, его друзей, желание схватить ного-нибудь за штанину нет. Волчок же непременно хватается. Это игра, но штанину приходится зашивать.

Наигравшись, набегавшись возле дома, вся троица возвращается. Желания скрыться в лесу у Волчка пока что не появилось. Двор для него — родное, привычное место. Однажды вечерний вой его кто-то в лесу подержал. Сородичи? Мать? Волчок этот отклик запомнил и пытался вновь его вызвать. Но лес пока что молчит. И Волчок ко всему, что находится за двором, интерес проявляет пока умеренный.

И живет во дворе, взаперти Зинка, существо, интересующее-

ся на этом свете только едою. Есть она готова всегда. Даже вернувшись из дубняков, где, кажется, прямо для нее в листве рассыпаны желуди, Зинка слопает прописную лапшу, заберется носом в собачью миску.

— Ну, а какие отношения у Зинки с Волчком?

— Сейчас увидите, — улыбнулся лесник.

В жестяной тазик налил он щей и, выпуская из загородни Зинку, попросил сына спустить и Волчка.

О, это было зрелище, на которое я извел прорву пленки. Волчок и Зинка одновременно рванулись к еде. Чей верх? Волчок уступил, но вызывая дернул Зинку за ухо. Никакой реакции на эту выходку не было — Зинка увлечена была щами. Но от еды идет запах мяса, и Волчок решил, что имеет право на свою долю. Он рывнул возле самого уха Зинки и показал ей белые зубы. Что-то давно забытое свиным блеснуло, видно, в мозгу у Зинки. Она недоуменно, слегка испуганно уставилась на Волчка. И глядела так с полминуты. Волчок тем временем жадно, по-волчьему поглощал пахучие щи. Зинка, как бы опомнившись, возмутилась и грубо оттолкнула Волчка от еды. Тот снова показал зубы и зарычал. Зинка не дрогнула. А Волчок вдруг начал выделять то, что природой в нем было заложено, но что только робко он мог пока показывать тут во дворе. Он вдруг отпрыгнул в сторону и на пружинящих лапах стал к Зинке подкрадываться. Прыжок! Нет, Волчок Зинку за бок не укусил, он только скользнул зубами по белой ее щетине. Он как бы

играл. Но в этой игре задатки были серьезными. Несколько раз повторялись прыжки с кляцаньем зубов у покатога бока Зинки. Это не отрывало ее от еды. А Волчок вошел во вкус интересной забавы, он подскочил к свиные сзади, схватил за хвост и, упираясь, стал тянуть огромную тушу назад. Так волки охотятся на лошадей — хватают и тянут за хвост, а потом вдруг резко его отпускают. Лошадь, бывает, не может на ногах удержаться, падает. Тут в мгновение ока ей вцепляются в глотку. Генетическая память, несомненно, передала навык волков и этому симпатичному питомцу двора. Волчок его испытывал неосознанно, инстинктивно.

Зинке эта игра не понравилась. Хрюкнув, она бросила щипки и оглянулась. Но Волчок к еде не притронулся. Куда интересней бы-

ло снаться вокруг Зинки с прыжками и выпадами.

Все кончилось неторопливым, но решительным уходом Зинки в загон. А Волчок спокойно позволил посадить себя на привязь. И был явно доволен чем-то в нем пробудившимся.

Какой будет судьба этой пары? С Зинной все ясно. Ее звезда занатится с приходом хороших морозов. А что Волчок? Владимир Пантелеевич пожал плечами: "Не знаю. Пока мне интересно за ним наблюдать. Вижу в нем волчий характер. И мне это важно — с волками в войне перемирия быть не может. Послушаю, может, будут откликаться на голос Волчка. Интересно также проверить и поговорю: "Как ни корми — в лес смотрит". Но знаю одно: убить его будет еще тяжелее, чем было прикончить щенком. Интереснейший зверь!" ■

Николай ЛЕОНОВ

П И Р
во время
Ч У М Ы

Дорогие читатели!

Перед вами последняя повесть Николая Леонова. Перед тем, как вы приметесь за чтение, мне хочется сказать несколько слов.

Свою самую первую вещь, много-много лет назад, мой муж напечатал на страницах этого журнала. Сейчас имя Леонова широко известно, а тогда редакционный коллектив проявил смелость. С тех пор "Смена" неизменно была добра к Николаю Леонову. На ее страницах вы знакомились со все новыми делами, приключениями, а часто и злоключениями сыщика Гурова.

За это ей — сердечная благодарность!

За эти годы, мне кажется, и вы все полюбили честного, неподкупного Льва Гурова. Поверьте, таким человеком был и Николай Леонов. За 35 лет, что мы с ним прожили вместе, я смогла его узнать.

Зачем я пишу эти строки? Для того, чтобы выразить вам, читателям, слова благодарности за внимание и поддержку. Ее всегда чувствовал Леонов, и, конечно, он сам сказал бы вам об этом. Если бы успел...

Всем читателям и редакции желаю добра, счастья, удачи по жизни и работе. Живите долго.

Низкий поклон вам

А. Леонова

Пролог

Хмурым ноябрьским утром Гуров и Крячко сидели в своем кабинете, читали присланные из канцелярии бумаги, молча обменивались прочитанными страницами. Это были копии телевизионных интервью в программе "Итоги" и "Час пик" и депутатский запрос одной из думских фракций на имя премьера правительства.

Ничего секретного в документах не было. Интервью недавно прошли в эфире, а запрос публиковался в газетах, но поскольку разговор шел о коррупции в правительстве, Гуров как старший группы, попросил изготовить копии, чтобы ознакомиться с документами не торопясь, внимательно.

Станислав Крячко покончил с последней страницей, аккуратно сложил все бумаги в папочку и взглянул на коллегу:

— Ну и что? Мы уже слышали о чеходах компромата Руцкого, о материалах, имевшихся у покойного генерала Рохлина. Однажды кого-то задержали у Белого дома с полумиллионом долларов в руках. Все было! И ничего не изменилось!

Гуров задумчиво смотрел на друга, молчал. Станислав раздраженно продолжал:

— Прокуратура обязана возбуждать уголовные дела, привлекать сановных чиновников к ответственности, проводить расследование, передавать материалы в суд. В любом случае нас это не касается, пусть верха разбираются между собой.

— А когда нас касается? — спросил Гуров. — Когда появляется труп? Подождем? Получим труп, задерем хвосты и бросимся искать киллера?

— Не торопись, командир, жизнь прекрасна. — Станислав подвинул к себе газету с телевизионной программой. — “Жестокий ангел”, “Новые приключения Синдбада”, “Клубничка”, “Белое проклятье” — сплошные сериалы. Считаю. Двадцать семь мыльных опер на шести программах. Смотри и радуйся. А вы, господин полковник, все про убийства да диверсии.

Глава первая

Гуров шел на работу пешком, шагал мягко, широким шагом, замерзшие лужи решительно перепрыгивал. От Никитского бульвара до Министерства было километра два с половиной, такой прогулкой сыщик заменял утренние пробежки, которые терпеть не мог. Он вышел на Каменный мост и прибавил шаг, стараясь не сбить дыхание на длинном подъеме. Миновал Дом правительства и кинотеатр “Ударник”, Гуров с огорчением отметил, что дышит тяжело, отдувается, и тут же увидел, как возле него тормозит “мерседес” Станислава. Гуров обрадовался, что можно прекратить издевательство над организмом и при этом не признаться, что сдался: ведь глупо упрямо шагать, когда рядом катится автомобиль.

Станислав остановился, открыл переднюю дверь.

— Здравия желаю. Вы в прекрасной форме, господин полковник, — сказал Крячко, когда начальник и друг опустился на сиденье рядом. — Заставь меня так шагать, помер бы, ей-Богу.

Гуров молчал, сдерживая дыхание, но, не выдержав, рассмехался.

— Я не желаю приобрести животик, как у некоторых.

— Некоторые не претендуют на звание суперменов. Свои годы несут достойно. — Станислав вздохнул. — Сто лет тебя знаю, но не могу привыкнуть к твоему упрямству.

Гуров достал из кармана плаща сигареты, мгновение поколебался и решительно убрал пачку назад:

— Первая сигарета только в кабинете. Наверное, я похож на пожилого мальчишку...

— А об этом все знают, доказывать некому. — Станислав посмотрел в зеркало, покачал недоуменно головой. — Вроде мы сейчас ничем особенным не занимаемся, а синий БМВ сидел у меня на хвосте на Трубной, сейчас вновь объявился.

— Не ошибаешься?

— Обижаешь, — усмехнулся Станислав. — И чего меня “вести”, ведь и так известно, куда я еду.

— Сейчас обгонит, — сказал Гуров.

И угадал. БМВ действительно поравнялся с их машиной и ушел вперед.

— А знаешь, почему они тебя бросили? — Гуров все-таки не выдержал и закурил. — Ты посадил в машину меня, а ждали кого-то другого.

— Может, просто тренируются? — задумчиво произнес Станислав. — Тачка не ментовская. Наверное, у ФСБ совсем работы нет... Странно.

— Плюнь и забудь, чего только в нашей жизни не случается, — ответил Гуров.

Станислав взглянул на него и согласно кивнул.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ответил генерал на приветствия вошедших офицеров. — Проходите, садитесь. Лева может курить. — Орлов перелистнул лежавшие перед ним документы. — Помню, было время, когда на работу вы являлись за час до звонка, теперь за минуту. Как же, начальниками стали, понятно. — Он внимательно взглянул на Гурова, затем на Станислава: — Сегодняшние газеты еще не успели, потому сообщая: вчера вечером убита депутат Думы, известная правозащитница Галина Старова.

— Дожили. — Станислав поморщился.

Гуров простодушно спросил:

— Президент, конечно же, взял дело под личный контроль?

— Не изображай шута! — Орлов шарахнул кулаком по столу. — Человека убили! Женщину! Депутата! А ты — старший оперуполномоченный по особо важным делам...

— Извини, Петр, я помню, кто я, — перебил Гуров. — Убежден, прокуратура на месте, ФСБ, опять-таки, никуда не делась, им менты-сыщики только помеха.

— Не ерничай, черт тебя побери! — взбесился Орлов. — Край надо знать! Человека убили.

— Все края закопали в Чечне, — дерзко продолжал Гуров. — Там тысячи неопознанных человеческих трупов. А в Москве убивают ежедневно и депутатов, и финансистов, и банкиров. Так что, извините, господин генерал-лейтенант, я не вижу, чем сегодняшнее преступление отличается от всех предыдущих.

— Прения прекратили. — Орлов старался говорить спокойно. — Я согласовал вопрос с руководством, вы оба отправляетесь в командировку.

— В Питер? — спросил Станислав.

— Там людей и без вас хватает. Отправитесь в Катунь. — Генерал взглянул на Гурова. — Тебе город знаком?

— Да уж, — вздохнул Гуров, — в этом городе он три года назад схватился на смерть с местной коррупцией, чудом остался жив. — Извини, а почему именно туда?

— Убийство совершено из американского оружия — пистолета “Беретта” и пулемета “Агран-2000”. В Катунь неделю назад из такого же оружия убили крупного местного авторитета по кличке “Сазан”. Вообще в России подобное оружие — большая редкость. Вот я и хочу выяснить, откуда ноги растут. Приказ подписан, командировки готовы, вылетаете завтра утром.

— И как ты представляешь нашу поездку? — поинтересовался Гуров. — Мы появляемся в местном Управлении и что говорим? Ведь через несколько минут о нашем прибытии узнают все: и чистые, и не чистые. И, конечно, ФСБ.

— Честно? — генерал растерянно посмотрел на Гурова. — Лева, я не знаю. Я в розыске сорок лет, но такого беспредела не видел и даже представить себе не мог.

— Понимаю, — кивнул Гуров. — А какая формулировка в приказе по Министерству?

— Формулировка обтекаемая и лживая. Проверка в управлениях УВД личных и рабочих дел, находящихся в производстве у оперсостава. Города не указаны. — Орлов горько улыбнулся. — Стыдоба, конечно. Ведь это почти открытое заявление, что мы никому не верим. Я рассчитываю на твои связи в Катунь.

— Значит, в гостинице не селиться, — подвел черту Гуров. — Связи в городе у меня были, но неизвестно, кто остался. Какие у нас документы прикрытия?

— Там большой рынок пушнины.

— В которой мы ничего не понимаем, — не удержался Станислав.

— Можно обратиться к генералу Соломатину, — сказал Орлов. — Недавно я встречался с ним. Производит впечатление порядочного человека. Молодой, образованный. Чуть не ежедневно я получаю от него донесения, а месяц назад на него было совершено покушение.

— А что, Петр, если мы явимся официально, представимся Соломатину и начнем проверять дела, а из нашей работы станет ясно, что мы проверяем полученные тобой “телеги”. Якобы нас интересуют именно те силы, которые желают генерала “снять”. К тому же я принимал непосредственное участие в снятии его предшественника. И хотя большинство старших офицеров сменилось, но кто-то остался, меня должны помнить. — Гуров восприсительно посмотрел на генерала.

— Ты в тот год устроил страшный погром, — ответил Орлов. — Если объявишься и найдется человек, который тебя вспомнит, тебе никогда не поверят, что ты сменил масть.

— В том-то и дело, Петр, что это бывший генерал Фомин Илья Николаевич оказался правящим людям не в масть. Оттого и драка случилась. — Гуров выдержал паузу. — Кто со мной тогда столкнулся вплотную, либо умер, либо в тюрьме устроил-

ся на долгие годы. Значит, сегодня остались одни слухи. А по слухам, полковник Гуров крутой опер, имеет большие связи, и только.

— Можно? — Станислав по-ученически поднял руку.

Орлов усмехнулся, кивнул.

— Я вижу в данном предложении еще один серьезный плюс, — начал Станислав. — Для местных полковник Гуров фигура крупная, опасная. А я сыграю роль заштатного милицейского чиновника без политической ориентации, типичного бумажного зануды. Мои интересы сводятся лишь к одному: как проверяющий, я обязан выявить недостатки. А у какого опера в личных и рабочих делах агентуры полный порядок? Так вот, я эти самые недостатки нахожу и начинаю “втихую” от Гурова этого оперативника потрошить. Если он связан с авторитетами, я его колю до основания, заверяя, что в итоговый рапорт он не попадет. А нам рапорт и не важен, нам необходима истина. И если в криминальных структурах проходили стволы американского изготовления, я узнаю об этом первый.

— И последний, так как тебя мгновенно убьют, — заключил Гуров.

— А это вряд ли, — парировал Станислав. — Застрахуемся.

— Стоп-стоп, ребята, вы еще в Москве. Не вышли из моего кабинета, а уже начинаете работать. Выезжайте на место, не торопитесь, ориентируйтесь, держите со мной связь. — Орлов встал, проводил офицеров до двери, на пороге взглянул на Гурова и, как бы между прочим, спросил:

— Твоего приятеля, кажется, зовут Лев Ильич Бунич?

— Кажется. Только неизвестно, жив ли он и на чьей платформе.

Усаживаясь в “мерседес”, Гуров сказал:

— Поедем ко мне. Свою машину я оставляю здесь, позже пригонишь сюда и свой лайнер. У Марии сегодня спектакля нет, она должна быть дома.

— Ты меня не обрадовал, — ответил Станислав. — Честно сказать, столько лет твою Марию знаю, а окончательно привыкнуть не могу. Для нормальной жены она слишком красива и умна.

— Согласен, я сам такой, но каждый мужик имеет такую жену, какую заслуживает. — Гуров рассмеялся. — В принципе, я живу той жизнью, которая у меня есть. Марии уже под сорок, смешно и глупо переделывать ее. К тому же, она любит меня, а тебе известно, что жить со мной — каторжный труд.

— Это точно. — Станислав остановил машину у подъезда Гурова, обеспокоенно осмотрелся. — Каждый раз думаю, вдруг угонят...

— Не волнуйся. — Гуров кивнул на двух парней, неподалеку торговавших маслами, лаками и прочим товаром по уходу за

машинами. — Я им выбил это место, а без их разрешения не тронут ни одну машину, стоящую поблизости.

— Да ведь ты обыкновенный мафиози! — воскликнул Крячко.

— Если ты данный факт установил только на третьем десятке лет знакомства со мной, то ты не сыщик, а фраер.

На условный звонок Мария открыла быстро, чмокнула мужа в щеку, приветственно махнула рукой Станиславу и убежала в спальню, приводить себя в порядок.

Гуров и Крячко прошли на кухню и начали накрывать на стол. Хозяин расставил тарелки, нарезал сыр и колбасу, затем достал из холодильника бутылку водки, показал ее Стасу.

— По одной, чисто символически, — предложил сыщик.

— Знаю я вашу символику, — весело произнесла Мария, появляясь на кухне. На ней был дорогой джинсовый костюм, подчеркивающий тонкую талию ее великолепной фигуры.

— Стасик, рада тебя видеть, пропал, словно избегаешь меня.

— Он тебя боится, — наябедничал Гуров.

— Здоровые инстинкты. — Мария села за стол. — Наливайте, чего тянете, и колитесь, куда и надолго ли?

— По России, недели на две, — ответил Гуров.

— Два важняка вдвоем, кажется, такого еще не случилось, — Мария внимательно посмотрела на мужа. — Будете стрелять?

— Маша! — Гуров чуть не пролил водку. — Мы никогда не стреляем, только отстреливаемся.

— Старова?

— По Старовой работают в Москве и Петербурге, а мы едем в глухомань, — сказал Гуров.

— Все у вас работа, работа. Лапшу не вешайте, небось, к девкам собрались, а признаться не можете. — Мария вздохнула. — Гуров, ты как оденешься, может, погладить чего надо?

— Спасибо, Машенька, обойдусь.

— Ой, хорошо, что напомнила. — Станислав подвинул телефон, позвонил домой. — Лютик, это я, будь другом, взгляни на мою парадную форму. Я завтра уезжаю. Ну, раз нужна форма, значит, инспекционная проверка, и беречь мне следует только печень. Мария и Гуров тебя целуют, я скоро буду.

— Тебе тоже приготовить форму? — спросила мужа Мария.

— Мне, дорогая, все наоборот. Я сам выберу, — ответил Гуров и пошел провожать друга. Когда вернулся, Мария мыла посуду.

— На какие шиши ты собираешься жить в поездке? — В голосе ее прозвучали опасные нотки.

— На взятки. Я был в Катунь еще до твоего нашествия. У меня там должник остался, если он жив и не вступил в компартию, я не пропаду.

— Интересно, как это получается, куда ты ни толкнешься, везде у тебя должники.

— Сыщик обязан при любой возможности обзаводиться должниками. Кому-то спас жизнь, кому-то честь... А услуга, как хорошее вино, чем старше, тем ценнее.

— А ты знаешь, что действуешь на людей подавляюще?

— Абсолютного равновесия среди людей не бывает, — задумчиво произнес Гуров. — Ты ведь тоже имеешь свою деланку, на которую я ни ногой.

— Сказки. У меня только театр.

— И дом, и я, — добавил Гуров. — Знаю, характер у меня сложный, так уж потерпи, пока меня не убьют.

— Тьфу на тебя! — Мария всплеснула руками. — Не смей говорить такие вещи.

— Учту, — ответил Гуров. — Постараюсь тебя не огорчать.

— Мне не нравится, что вы едете вдвоем и ты в штатском.

— Не будем морочить друг другу головы и идем спать. — Гуров подхватил жену на руки.

Сыщики сидели в шатких креслах старенького ТУ.

— Если эта этажерка не развалится, и мы прибудем на место, считай, полдела сделано, — сказал Станислав, тщательно пристегивая ремни.

— Ты оптимист, Стас, — усмехнулся Гуров. — Скажи, что тебя удивляет в последнем убийстве больше всего?

— Оружие и что, по сообщениям прессы, один из киллеров — женщина, — быстро ответил Стас.

— Ну, женщина — это не факт. Она могла быть лишь наводчицей...

— Ее вообще могло не быть, — продолжал Станислав. — Просто видели любовницу одного из жильцов, а он признаваться не хочет. Но оружие — факт установленный. "Беретта" туда-сюда, если ты к ней привык, пристрелял, пистолет совсем недурственный. Но "Агран-2000" — ни в какие ворота.

— Не ясно, зачем такую дуру таскать, серьезный человек ее в руки не возьмет. Кажется, взлетели.

— Точно, авиалайнер даже крыльями машет, — посмотрел в иллюминатор Станислав. — Интересно, в каком году его должны были списать?

— Не знаю, замешаны фээсбэшники или менты в убийстве, но стреляли не они. Стреляли явно плохо, да и оружие бандитское. Посчитали, раз американское, значит, класс. Так взяли бы полицейский кольт 38-го калибра.

— Наверное, у них выбора не было. Что дали, из того и стреляли.

— Кто они? Обычная лесенка? Политик или банкир дал команду скурвившемуся офицеру, тот нашел среди бандитов парочку, которая на воле случайно. А может, их выпустили на не-

сколько дней, потом назад, за решетку, в дом родной, там и удавят.

— Сложно мыслишь, командир, — еле ворочая языком, сказал, засыпая, Станислав.

Через несколько минут он уже мирно посапывал. Гуров посмотрел на друга с завистью и начал размышлять. Убийство депутата Думы произвело на бывшего сыщика сильное впечатление. Практически оно означало, что криминал вышел на открытую дорогу войны. Но сыщик знал, уголовники высоких рангов не шли на политические убийства. Если стрельба началась из-за крупного рынка, порта, других материальных ценностей, приносящих братве реальный ежедневный доход, дело иное. Политик же был братве не интересен.

В таком случае, кто, хотя бы теоретически, мог стоять за громким убийством? Наиболее вероятно, что депутата убили как наиболее сильного кандидата на пост губернатора. Опять-таки, криминалитет не любит, да и не умеет заглядывать далеко вперед. Им главное получать доход со своих палаток. Видели они таких правителей! Сколько их сменилось за последние годы. Губернаторы и мэры сидят в креслах, а палатки охраняют купленные менты. Ни один правитель, будь он самый честный, не способен прожить на зарплату, найдем к нему ход, дадим на лапу, будем жить, как жили.

Сами политики, которым убитая отдала любимые мозоли, оружия в руках в жизни не держали и напрямую с криминалитетом не знакомы, потому никаких команд дать не способны. Сколько бы у них ни было миллиардов, а нанять киллера возможности нет. Но его может нанять оперативник ФСБ и МВД. И не сам, а через нижестоящего. Значит, цепочка.

Так. Идем дальше. Оружие американского производства. Какой профессионал возьмет в руки незнакомую пушку? У него есть своя, верная, пристрелянная. И причем тут женщина? Наркоманка? Кто рискнет иметь дело с наркоманом, человеком плохо управляемым, зависимым? Только в одном случае — если его ликвидируют в ближайшие сутки. Количество людей, причастных или хотя бы знающих об убийстве, растет, как снежный ком. Заказчик, посредник, два киллера, три или четыре помощника, затем ликвидаторы. С ума сойти, так дела не делаются, провальная дорога.

Если стреляли фээсбэшники или менты? Почему воспользовались неизвестным оружием? Почему так плохо стреляли? Убийцы и жертвы находились на расстоянии нескольких метров. Даже посредством стрелку хватит двух патронов. А тут четыре на женщину, два на мужчину, который остался жив и начинает давать показания.

Ничего не складывается. Гуров взглянул на друга, который сладко похрапывал. Подошла стюардесса, предложила воды. Гуров взял два стаканчика, один выпил, второй поставил на от-

кидной столик и неожиданно подумал, что Стас, видимо, чего-то не договаривает. С каких дел он так крепко спит? Тот заворочался, пробормотал:

— И не сплю совсем, так, дремлю слегка, — и начал устраиваться поудобнее.

Гуров переключился на другое направление. Почему Петр, который никогда ничего просто так не делает, послал их в провинциальный город? Ясно, руководители розыскной бригады не захотели иметь в своем подчинении опытных сыщиков с характером, всегда имеющих собственную точку зрения. Нормально. Они желают руководить, а не спорить с какими-то полковниками, им нужны оловянные солдатики. И они практически плюнули начальнику Главка в лицо, мол, разыскивайте своих мелкотравчатых убийц, а здесь дело государственное, на контроле у Самого, отвечать нам, мы и подбираем команду. Разумно. Хотя ни за одно не раскрытое заказное убийство никто так и не ответил. А может, у них имеются какие-то зацепки, о которых не сообщают, и министры желают отличиться, потому им не нужны в команде популярные люди? Или Петр считает дело проваленным и, чтобы они не имели отношения к крупной неудаче, сослал любимых помощников с глаз долой. И никакого "Агрона" и "Беретты" в Катунь не появлялось. Тоже вариант. Тогда понятно, почему летим именно в Катунь. Петр рассчитывает, что удастся раскрыть серьезную группу, и на Коллегии он сможет тихо сказать, мол, Вы, господа, отказались от нашей помощи, а мои мальчишки отменно поработали. Это уже политика в рамках министерства. Такое и раньше случалось. Нечего голову ломать, жизнь покажет. Наконец и Гурова сморило, он задремал.

— Сколько можно дрыхнуть, командир? — растолкал его Станислав. — Как в Москве сели, так и захрапел. Завидую. Пристегнись, наша этажерка пытается приземлиться.

Гуров провел ладонью по лицу:

— Мне что-то плохое приснилось, точно не разобрал, но кровищи было, залейся.

— Нормально, у наших врагов до хрена лишней крови, не обеднеют.

— Ты хоть и не спал, — усмехнулся Гуров, — но физиономию протри, а то глаза слиплись, на тебе мундир, черт побери.

Как ни странно, самолет приземлился. Пассажиры рванулись к выходу, словно куда-то опаздывали и все решали секунды. Оперативники переждали давку, вышли к трапу последними и сразу увидели стоявшую неподалеку черную "Волгу", рядом капитана милиции, который нервно крутил головой.

— Приятель! — крикнул Станислав. — Ты, случаем, не потерял чего?

Капитан одернул китель, улыбнулся.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуй, хочу по дружбе предупредить. — Стас пожал капитану руку. — Мой начальник, полковник Лев Иванович Гуров, терпеть не может слова “товарищ”. — И тихо добавил: — Его дед был из недобитых, так что пойдй на уступки старикам, зови нас господами.

Капитан еще больше вытянулся, открыл дверь “Волги”.

— Прошу, господа полковники, генерал вас ждет.

— Я хотел бы сначала в гостиницу, — сухо произнес Гуров. — Но раз генерал ждет, едем.

На Гурове был черный блейзер под горло, серый твидовый пиджак. В руках сыщик держал кейс и теплую куртку, которая здесь оказалась совсем не по погоде.

Капитан сел рядом с водителем, скомандовал:

— Женя, домой, — и повернулся к гостям. — Извините за любопытство, господин полковник, а вы не тот самый...

— Тот самый, — перебил Гуров.

— Вот так, братец, я и живу, — пожаловался Станислав. — А ты кем служишь?

— Я при генерале, — ответил капитан, хотел произнести свою должность с гордостью, но, столкнувшись взглядом с ледяными светлыми глазами Гурова, завял.

— А не жирно твоему генералу держать при себе офицера в расцвете сил? — поинтересовался Станислав. — Ты, должно быть, как минимум, старший опер...

— За что же вы меня так? — искренне удивился капитан. — Я человек аккуратный, обязательный, всегда вежливый.

— Так и служил бы метрдотелем, — оборвал Гуров.

Капитан не обиделся.

— Это, господин полковник, совершенно невозможно. Я сирота и бешеных денег, чтобы заплатить за такую должность, у меня нет. А взятки я ни брать, ни давать не умею.

Гуров улыбнулся, глаза у него словно оттаяли, стали голубые. Он кивнул и как-то очень по-свойски сказал:

— Дело не такое уж сложное, будешь стараться — научишься.

Капитан, наконец, понял, что над ним просто подсмеиваются, надулся и молчал всю дорогу, пока “Волга” не остановилась у дверей Управления.

— Здание не изменилось, — сказал Гуров, выходя из машины. — Поглядим, какая начинка.

Капитан обогнал приежжих, открыл дверь и шепнул несколько слов часовому. Гуров поздоровался с сержантом за руку, внимательно посмотрел в лицо:

— Здравствуйте, я вас не помню.

— А я вас никогда не забуду, господин полковник! — четко ответил сержант. — Я капитаном давно должен быть.

— Вот теперь вспомнил. Это вы привезли меня на опушку леса, чтобы убить. И старший у вас был умнейший опер, жаль, что сука.

Лицо часового передернулось.

— Я вас защищал... — сказал он.

— Еще бы. Иначе сидел бы в тюрьме. Извини, позже поговорим.

Капитан и Станислав, стоя в стороне, слушали их разговор с интересом.

— По местам былой славы, — ехидно заметил Стас.

— Парня сгоряча разжаловали. Надо бы начальству напомнить.

— Выпивает, — заметил капитан.

— Вы что же, все обо всех знаете? — Гуров взглянул на капитана с интересом.

— Обязан. Генерал может поинтересоваться.

— Если вас на дверях поставить, вам будет удобнее за людьми наблюдать.

— Капитаны в охране не стоят.

Крячко из-за спины Гурова делал парню знаки, чтобы он замолчал.

— Видите, вам семафорят, мол, была бы должность, а звание можно к ней подогнать соответствующее.

Капитан побледнел, откашлялся.

— Нас ждут, господа.

В приемной генерала Гуров бросил в одно из кресел кейс и куртку, сам открыл дверь кабинета и громко произнес:

— Здравствуйте, уважаемый Олег Евгеньевич. Прибыли Гуров и господин полковник Крячко.

— Здравствуйте, Лев Иванович, рад вас снова видеть. — Генерал вышел из-за стола, пожал приезжим руки, указал на кресла. — Петр Николаевич мне вчера звонил, предупредил о вашем визите. — Он присел на край своего стола, смотрел спокойно, с достоинством. — Я не очень понял цель вашего нашествия, надеюсь, вы объясните.

— Ничего страшного, генерал. Полковнику, — Гуров указал на Станислава, — приказано ознакомиться с вашим бумажным хозяйством. Плановая проверка. А я напробился в попутчики. Ностальгия, хочу взглянуть на ваш замечательный город.

Лицо генерала погрузнело.

— Значит, правду вы мне не скажете.

— Опасная и крайне дефицитная сегодня штукавина. Разрешите? — Гуров достал сигареты.

— Конечно, конечно. — Генерал подвинул пепельницу.

— Хотел бы ознакомиться с розыскным делом по убийству авторитета по кличке Сазан, фамилию запомнил. Я вас плохо знаю, но искренне рад, что именно вы, Олег Евгеньевич, возглавили Управление.

— Объяснение простое. — Генерал горько улыбнулся. — Я единственный, кто оказался не замазанным в погроме, который вы здесь учинили три года назад.

— Можно сказать иначе. — Гуров прикурил и затянулся. — Вы единственный, кто, рискуя погонами, возможно, и жизнью, не вступил в коррумпированный клан Фомина.

— Не делайте из меня героя, мне еще мама объяснила, что воровать нехорошо.

Он подошел к массивному шкафу, открыл одну из створок и достал бутылку минеральной воды.

— Извините, что теплая, холодильник у меня сломался. Денег нет ни починить, ни поменять. Хозяева города заходят, лишь когда им бревно на голову свалится. Зато с криминалом живут дружно, да и перемешались, не поймешь, кто есть кто. Мои сыщики занимаются бытовухой и прочей мелочевкой, серьезные разборки решаются без милиции. Мне обещана теплая дача, служу до пенсии и уходу.

— А людей пусть убивают? — спокойно спросил Гуров.

— Вы о депутате? Не мой уровень. В столицах пусть разбираются, а мы люди маленькие. — Генерал взял из пачки Гурова сигарету, неумело закурил. — Скучно и стыдно, но сил нет, да и талантом Бог обидел.

— Печально. Познакомьте меня со своим замом по оперчасти, вас я беспокоить не буду. А сейчас мы с полковником поедем в гостиницу устраиваться.

— Желаю успеха. Надеюсь, цены вам известны. Может, поселитесь в нашем общежитии? — спросил генерал.

— У вас найдется охотничий домик? — поинтересовался Гуров. — Ведь вельмож вы принимаете. Я знаю, у вас знатная охота.

Генерал смутился:

— Домики в ведении ХОЗУ, я не вмешиваюсь.

Станислав хмыкнул:

— Простите, господин генерал, в оперработу вы не вмешиваетесь, в хозяйственных делах не в курсе, так действительно закусаеть.

Генерал посмотрел на Стаса большими глазами:

— Вы, господа, поезжайте пока в гостиницу, а я в течение дня вопрос провентилирую, думаю, мы сможем вам помочь.

На том и распрощались.

Оглядывая двухкомнатный затхлый полулюкс, Стас заявил:

— Может, и порядочный, но картонный генерал. Его и держат лишь за тем, чтобы он ни во что не вмешивался. И капитан при нем не адъютант, а соглядатай. А жить в этом номере можно, лишь не открывая рта. — Он достал блокнот, ручку и написал: "Необходимо выяснить расстановку сил в городе, вычислить человека, который правит бал".

Гуров закурил, сжег записку, долго смотрел на обуглившуюся бумагу и, наконец, ответил:

— Вы, полковник, не ищите легкой жизни. Переоденьтесь, приведите себя в порядок и отправляйтесь в Управление, зна-

комиться с оперсоставом и бумагами. А я погуляю по городу, вспомню старое, постараюсь встретиться с друзьями, которые когда-то работали в цирке. Ведь разгром местной коррупции я начинал именно с цирка.

— Цирк — хорошо, только никакой фокусник нам не поможет, — ответил Станислав.

— А я и не жду от них помощи. Просто хочу увидеть хороших людей, выпить с ними рюмку водки.

— Ясное дело, — хохотнул Стас. — Младший — работать, старший — по девкам.

Глава вторая

Гуров проводил друга, подошел к стойке администратора и обаятельно улыбнулся.

— Здравствуйте, красавица.

Костлявая девица лет тридцати раздраженно ответила:

— Говорите, что нужно, и не мешайте работать.

Гуров облокотился на стойку.

— Я в молодости не нравился девушкам, а как седина пробилась, говорят, мол, ничего, терпеть можно.

Девушка посмотрела на статного голубоглазого красавца, таких мужчин она видела только в кино. Тряхнув головой, словно пытаясь проснуться, резко спросила:

— Что вам, гражданин, нужно?

— Собственно, ничего. — Гуров широко улыбнулся. — Поболтать с интересной девчонкой. — Он посмотрел на часы и словно бы спохватился: — Разрешите от вас позвонить.

— Аппарат служебный, а у вас в номере свой имеется, — ответила девушка, но, тем не менее, подвинула телефон в окошечко.

— Благодарю. — Гуров неторопливо набрал номер Бунича, который запомнил, казалось, навсегда.

— Слушаю, — ответил мужской голос. Гуров подумал, что секретарь у магната не сменился.

— Здравствуйте, попросите, пожалуйста, Льва Ильича, — мягко произнес он.

Девушка за стойкой явно прислушивалась к разговору.

— Как вас представить? — допытывался секретарь.

— Лев Иванович, — ответил Гуров. — Надеюсь, этого окажется достаточно.

— Вполне, — сказал Бунич, явно слушавший разговор по отводной трубке. — Какими судьбами?

— А черт его знает, тезка. Летел мимо, решил заглянуть, узнать, как здоровье. — Гуров тихо рассмеялся.

— В нашем возрасте здоровье, как климат, переменчивое, — ответил Бунич. — Надолго?

— Как примешь. Я в "Центральной", будь другом, пришли за мной машину. Лучше, если приедут Левый и Правый.

— Понял. Машина будет минут через пятнадцать, мальчики поднимутся в вестибюль. О'кей?

— О'кей! — Гуров положил трубку и лукаво подмигнул администраторше. — А вы так и не сказали, как вас зовут.

Девушка покраснела и не ответила. Гуров взглянул на часы, прошел в глубину холла, сел в затертое кресло и взял с журнального столика старые газеты.

Я возвращаюсь в прошлое, хорошо это, да и нужно ли? — рассуждал он. Три года в наше время — большой срок. Для многих это целая жизнь. Тогда, три года назад, он приехал сюда по просьбе Петра на помощь другу его юности, дрессировщику медведя, и оказался в гуще цирковой жизни. Сыщик невольно встал на пути транспортировки наркотика в Москву. Милиция в городе была насквозь коррумпирована, и прежний генерал приказал любыми средствами уничтожить москвича. Но у Гурова неожиданно оказалось много замечательных друзей-союзников. Один из них — местный миллионер, который Гурову помог, умудрившись придерживаться нейтральной позиции.

Уезжая из города победителем, Гуров успел уберечь миллионера Бунича от участия в героиновой сделке и сегодня рассчитывал на благодарность магната. Кроме того, директор цирка и его ближайшие друзья были уроженцы здешних мест, знали город, как свой карман, и могли сегодня оказать неоценимую услугу сыщикам. Вопрос, живы ли они, не припомнили ли местные авторитеты им дружбу с ментом из Москвы.

Сыщик отложил газету, в которую даже не заглянул, и поднялся из корявого кресла. Поймав взгляд суровой администраторши, он поклонился ей. Девушка приподняла худую руку и приветливо помахала ему. Казалось бы, ерунда, но настроение у Гурова улучшилось, и он направился к выходу. Толкнул тяжелую облезлую дверь. Выстрела он не услышал. Зато увидел, как пуля впиалась в дверной косяк. Сыщик метнулся за колонну. На ступеньках лежал человек, его пистолет валялся рядом. Убийца поднялся на колени, потянулся к оружию, внезапно рядом с ним бесшумно появился один из охранников Бунича. Отшвырнув ногой оружие, которое загремело по лестнице, он взял бандита за левую руку, правая была прострелена, и поставил его на ноги.

— Ты видел, что мы подъехали? Торопился умереть?

— Я не врубился, Левый, извини. — Парень зажал здоровой рукой раненое плечо.

— Ползи. И передай Лещу, что я расскажу о тебе своему хозяину. Ты мог убить нашего гостя.

Парень побледнел от этих слов больше, чем от пули, и начал аккуратно спускаться по широкой лестнице.

У Бунича было два личных охранника, братья-близнецы. В городе их звали Левый и Правый, так как они всегда ходили

вместе. А различали их просто — у Левого над бровью был чуть заметный шрам.

— Я только прилетел и еще не успел никого тронуть, — сказал, подходя, Гуров. — Что они бросаются на мирных людей?

— Это вы мирный? — Охранник тонко улыбнулся.

Гуров уселся в черный сверкающий "ауди".

— Я полагал, вы в городе пользуетесь большим уважением, — заметил сыщик.

Братья промолчали. И на протяжении всей дороги не было сказано ни слова. Гуров отметил, что Бунич живет в другом месте, асфальт доходил до крыльца нового двухэтажного дома, который не был огорожен и не имел внешней охраны, что сыщика несколько удивило. Добротный дом, красивого песочного цвета, с небольшим крыльцом и мощными дверями, окна забраны витыми решетками, но никакой показухи, излишеств, которые свойственны особнякам новых русских в Подмоскowie. Охранник легко поднялся на крыльцо, нажал кнопку секретного замка, и двери разъехались.

Войдя в холл, Гуров заметил в глубине человека с автоматом и понял, что внешняя незащищенность дома показушная. Сыщик долго вытирал ноги, когда услышал над головой мягкий голос:

— Здравствуй, Лев Иванович, проходи, всю российскую грязь с ног не сотрешь.

Гуров поднял голову, увидел глазок видеокамеры:

— Еще раз здравствуй, тезка, извини за внезапное вторжение.

— Прходи, проходи, я узнал, что у тебя билеты на утренний рейс еще позавчера.

— Контора течет, как дырявое ведро, — пробормотал сыщик и в сопровождении одного из охранников прошел коротким светлым коридором, миновал открытые стеклянные двери и оказался в просторном кабинете. Массивный письменный стол стоял между двух высоких окон. Сбоку на приставном столике громоздилась белая современная аппаратура: факс, компьютер, телефонные аппараты.

Хозяин вышел из-за стола, встретил гостя в центре комнаты, крепко пожал руку.

— Располагайся. — Бунич махнул рукой на два дорогих кожаных кресла, между которыми стоял маленький столик, уставленный бутылками и тарелками. — Учитывая твою профессию, сам факт, что ты жив и передвигаешься без посторонней помощи, можно считать большой удачей.

— Спасибо на добром слове. — Гуров автоматически занял кресло, чтобы сидеть лицом к двери, хотя в данном случае это было излишним.

— Поздравляю, слышал, ты женился, я давно влюблен в Марию. — Бунич сделал паузу и добавил: — Завидую и одновре-

менно сочувствую. Жить с такой женщиной наверняка тяжелый труд.

— Спасибо, а что в нашей жизни легко? Пить и валяться на диване? Так я не умею, извини.

— Твой выбор, твой груз, твоя дорога. Давай выпьем.

— Можно. — Сыщик подвинул к себе тарелку с севрюгой. — Извини, но я ел только в Москве.

— Подать горячее? — спросил хозяин.

— Чуть позже, я не собираюсь ломать тебе день. Наливай, выпьем, не будем тянуть кота за хвост.

Они выпили. Гуров съел еще несколько бутербродов, вытер салфеткой губы и, закурив, спросил:

— Как ты уживаешься с криминалом?

— Нормально. — Хозяин пожал плечами. — У меня мех, немного золота и бриллиантов, у них — нефть. Я не трогаю их. Они не ходят по моей земле.

— Ясно. А администрация, чиновники не беспокоят?

— У тех свои игры. Выборы, интриги, махинации с бюджетом. Обычное воровство. — Бунич презрительно скривился. — Бандиты лезут во власть, разворовывают все, что можно. Кстати, меня пытаются сманить. Мэр тоже пытается. Но я сам по себе. Меня знают некоторые западные банки, я их ни разу не подвел. Получаю инвестиции, плачу долги и налоги. Обеспечиваю стопроцентную безопасность представителям иностранного капитала. Не ворую, хватаю заработанного. Вилл и яхт за рубежом не имею, один счет в одном банке. Я, как говорится, прозрачный, всех устраиваю.

— Но в меня сегодня стреляли, — сказал Гуров.

— Знаю. Вышла накладка. Разберутся. Пока ты к ним не лезешь, можешь гулять по городу днем и ночью. Только малолетки опасны, накурятся и становятся неуправляемыми.

Гуров кивнул, налил по второй, выпил молча.

— Когда я узнал, что тебе взяли билеты, то прокачал ситуацию, и вот что получается. Такого зубра могут интересовать лишь американские стволы. Они упоминались в прессе в связи с убийством депутата. А у нас за неделю до стрельбы проходила бандитская разборка, в которой убили авторитета Андрея Тарасова по кличке Сазан. Так?

— Возможно, тезка, вполне возможно, — ответил Гуров, вновь удивляясь информированности бизнесмена, проживающего в тысячах километров от Москвы.

— Я с тобой начистоту, потому ты мне свои “возможно” оставь, — раздраженно сказал Бунич. — Да, я общаюсь с авторитетами, порой пью с ними водку, но никакой помощи они от меня не имеют, ведь я никакой чиновничьей властью не обладаю. Тебя интересует автомат “Агран-2000” и пистолет “Беретта-Гардоне”. Ищи. Помочь я тебе не в силах и защитить не смогу. Это твоя охота, Лев Иванович. Ты мальчик большой, в здравом

уме. Обещаю похоронить тебя достойно, либо выслать супруге в цинковом гробу.

— Ты оптимист, Лев Ильич. — Гуров снова выпил.

— Я реалист. Вы прибыли сюда с двумя стволами, красными книжечками и гонором. Ты о дебилах-ворах забудь. У нас две группировки, во главе которых стоят мальчики с университетским образованием. Они знают и умеют не меньше вас со Станиславом. А стволов у них под тысячу.

— Значит, мне не повезло. Я же не Илья Муромец. Спасибо за откровенность. Имею три просьбы. “Жигули”. Дачу в пригороде. И устрой мне встречу с одним из авторитетов.

— Хорошо, — флегматично ответил Бунич. — Он подошел к письменному столу, достал из ящика плотный конверт. — А у меня к тебе лишь одна — возьми деньги. Я тебе должен с прошлой встречи, долг меня тяготит.

— Ладно. — Гуров опустил конверт в карман.

Бунич нажал на кнопку, вызвал охранников-близнецов.

— У нас дачный домик протоплен?

Охранники кивнули.

— Машина в гараже заправлена? Холодильник загружен? Хорошо. Отвезите гостя и больше никакой помощи ему не оказывать. Ну... — Бунич задумался. — Если сосна упадет, конечно, помогите.

Охранники молча вышли. Гуров погасил сигарету и поднялся.

— Напрасно ты на меня серчаешь, тезка. У тебя одно слово и у меня одно, и ничего с этим не поделаешь, так жизнь легла.

Бунич подошел чуть не вплотную к Гурову, снял у него с плеча невидимую пушинку:

— Классный у тебя пиджак, полковник. Бывай.

Молчаливые охранники, похожие друг на друга, словно оловянные солдатики, ждали сыщика около крыльца в знакомой “ауди”. Гуров вспомнил, как три года назад они подставили ему якобы застрявшую на дороге “скорую помощь”, а когда он вышел из машины, ловко сунули под нос тампон, пропитанный хлороформом, и привезли к хозяину. Тогда Бунич занимал более скромный особнячок.

Ехали недолго, перелесками. Остановились около изящного забора, который огораживал несколько соток вокруг двухэтажного сруба. Неподалеку от дома находился гараж и одноэтажный домик. В дверях его стоял мужчина лет шестидесяти, но ладно скроенный и, судя по всему, крепкий. Он молча смотрел на прибывших. Один из охранников вышел из машины, приблизился к сторожу, что-то ему коротко сказал, кивнув на Гурова. Вернувшись, сухо доложил:

— Ваш дом, господин полковник. Сторожа зовут Федот. Телефон работает. Холодильник и телевизор в порядке. Машина заправлена, стоит в гараже.

— Спасибо, Левый, — заметив отметину над бровью парня, сказал Гуров.

— Дорогу в город найдете?

— Спасибо. Полагаешь, меня убьют?

— Вы настоящий мужчина, полковник. Но жизнь у вас только одна. — Охранник сел в машину к брату, и они уехали.

Станислав сидел в небольшом служебном кабинете, ничем не отличавшемся от сотен других, в которых сыщику приходилось работать в своей жизни.

Одно окно, рядом канцелярский стол, шаткий стул, в углу облезлый сейф, еще два стула, продавленный диван, фанерный шкаф, вот, пожалуй, и все. На столе перед полковником лежали несколько изрядно замызганных папок, а напротив сидел начальник уголовного розыска Управления. Усталый, небритый, плохо одетый мужчина лет сорока.

— Сколько лет в розыске, Семен Кириллович? — спросил Станислав.

— Да, считай, — майор задумался, — лет восемнадцать, господин полковник.

— Ты, Семен, на погоны мои не смотри, я их не ношу и в розыске двадцать три года, а инспекция в моей жизни первая.

Майор мотнул головой, хотел сплунуть, но воздержался, кашлянул:

— На вашу ксиву можно взглянуть? Не обидитесь?

Станислав молча положил удостоверение на стол. Майор взял его очень аккуратно, внимательно осмотрел, не разворачивая, только потом заглянул внутрь. Прочитал, кивая, словно говорил с собой, вернул и уверенно сказал:

— Уважаю. Однако где-то вы нам лапшу вешаете. Ксива старая, значит, действительно, важняк... Однако. Важняк бумагами не занимается. В чем-то врете, но вы москвичи, вам виднее. А ты в одной группе с Гуровым? — Майор почему-то кивнул на дверь. — Могучий сыскарь.

— Мы вместе двадцать лет. Лев Иванович мой непосредственный начальник.

Майор вызывал у Станислава доверие, однако говорить с ним напрямую, без санкции Гурова, нельзя. Да и вообще, сегодня только первый день работы, спешить некуда.

Станислав положил лежавшие на столе дела в ровную стопочку:

— Сколько человек в отделении?

— Семеро, — усмехнулся майор. — Это если обедать идти, а годных для работы, так три с половиной...

— И агентура у вас, — Станислав пересчитал дела, — девять человек.

— Тоже двое, но их дел тут нет, — флегматично заметил майор.

— Почему не принесли?

— Я вас не знаю, господин полковник. Захочет Гуров взглянуть, покажу.

— Ничего не бойтесь, Семен Кириллович? — Станислав навалился на стол, заглянул майору в глаза.

— Как не бояться? У меня пацан растет. Живой, нормальный человек обязательно боится, — ответил майор и отвернулся.

— Хорошо, действительных агентов покажите Гурову. А где разработка по убийству Тарасова-Сазана?

— А чего разрабатывать? Случилась разборка. Сазана замочили, так убийца суток не прожил, его наемни закопали, — ответил майор. — Разрешили бы вы, господин полковник, мне часок соснуть. Я сейчас плохой совсем.

— Ложись. — Станислав кивнул на диван. — А что ты все Гуров да Гуров? Когда Лев Иванович вашу контору шерстил, тебя тут не было.

— Я неподалеку обитался. — Майор вынул из шкафа нечто напоминающее подушку и тонкое солдатское одеяло, быстро устроился на диване и тут же захрапел.

Станислав поднялся, подошел к окну. Допустим, майор говорит правду, так что он может? Он и живой-то лишь потому, что совершенно беспомощен. Не смеяться, плакать хочется. Мы в Москве словно на Марсе живем, да еще жалуемся. Стас покосился на свои золотые погоны. Важняк гребаный. Здесь со стыда сгоришь. Он вспомнил безразличного генерала. Одряхла Россия. Устала, мочи нет. А в Москве плачут по невинно убиенной депутатше. А что делается в глуши, в деревне? Пьют и с голоду мрут. Какое людям дело до губернатора либо мэра. Есть ли жизнь на Марсе, нету жизни на Марсе...

Стас вернулся к столу, прикрыл глаза, вспомнил гладкие, сытые лица в Думе, депутатов, которые первым делом решили вопрос о своих окладах. Настроение окончательно испортилось. Не только рисковать своей шкурой, просто работать не хотелось совершенно.

Он пролистал дела "агентуры", где часто попадались сообщения о взяточниках-участковых. Поборы были смешные: от блока сигарет до упаковки пива или пары бутылок водки. На листах пестрели резолюции начальников: "Переговорить", "Принять меры и доложить". Станислав прекрасно понимал, что резолюции оставались на бумаге, а в жизни оперативники говорили участковому: "Лох мороженный, ты крысятничаешь, так хоть не светись, как ночной фонарь, иначе по башке получишь". На этом принятые меры и заканчивались. Сообщения о наличии какого-либо оружия попадались редко, в большинстве случаев указывались пистолеты марки "ПМ" и "ТТ", реже обрез, однажды назывался "Калашников". Ни одной записи о

том, что оружие изъято, Станислав не нашел, ясно, что "агент" гонит "пургу", и все об этом знают и молчат.

Гуров вошел без стука. Кивнув на фигуру на диване, спросил:

— Кто?

— Начальник розыска.

— Стоящий?

— Чуть живой, желает говорить только с тобой.

— Я достал машину, дачу и заверение, что самое разумное — немедленно уехать. — Гуров сел, вытащил сигареты. — Надо выехать из гостиницы. Связаться с Петром. Прежде, чем мы отсюда умотаем, я хочу переговорить с ним, — он кивнул на диван. — Затем встречусь с Колесниковым, Сильвером и Классиком, они работали в цирке.

— Если они живы, — тускло произнес Стас. — Город даже не коррумпирован, а насквозь криминален, здесь дышат только люди, которым дышать разрешено.

— Буди и поехали. — Гуров подошел к окну, закурил.

Стас только тронул майора за плечо, как тот сразу же вскочил.

— Здравия желаю, Лев Иванович.

— Привет, — не оборачиваясь, ответил Гуров. — Умойся, поедешь с нами.

— Понял. — Майор вышел, вскоре вернулся и доложил: — Я готов.

Машина у Гурова оказалась, как и у близнецов-охранников, "ауди", только не черная, а серая. Подъехав к гостинице, Гуров приказал:

— Стас, сдай номер, скажи, уезжаем.

— Слушаюсь, командир. — Станислав ушел, Гуров угостил майора сигаретой, внимательно посмотрел ему в глаза, вздохнул. — Очень тяжело приходится?

— У меня папан и жена на третьем месяце, — ответил майор.

— Завтра отправишь их в Москву. По-тихому, без оркестра.

— Понял. Только где они будут жить, что есть? — спросил майор.

— Придумаем.

— Мне вас, Лев Иванович, описывали, но я представлял вас ширше, помогутнее.

— В сказках все выглядят Муромцами, — усмехнулся Гуров.

— Лев Иванович, за нами наблюдают...

Гуров и сам уже несколько раз поглядывал на щуплого мужичка, упорно разглядывавшего витрину с домашней утварью. Сыщик дождался, когда наблюдатель повернулся к ним лицом и ловко надел на майора наручники.

— Пусть думают, что мы везем тебя насильно, до завтра семью не тронут, будут решать.

Появился Станислав с чемоданами и рюкзачком, но двинулся не к машине, а к наблюдателю. Прицелившись, двинул его под зад ногой, громко заявив:

— Мы вас не трогаем, так и отстаньте. — Затем подошел к “ауди”, забросил вещи в багажник, и они уехали из центра.

— Командир, извини за импровизацию, но выглядело бы странно, если бы мы не заметили такого наглого филера, — сказал Станислав.

— Пожалуй, ты прав, но семью майора придется забрать сегодня, им нельзя ночевать одним, — ответил Гуров. — Сейчас он позвонит генералу и пожалуется, что москвичи взяли его неизвестно за что.

В дороге Гуров несколько раз проверялся. Убедившись, что хвоста за ними нет, спокойно добрался до дачи. Конечно, она прекрасно известна бандитам, и максимум за сутки их обнаружат, но в оперативной работе сутки — значительный срок.

Гуров сразу же позвонил генералу и сообщил, что они временно майора Шарова забрали для беседы. Пусть Олег Евгеньевич не сердается и не считает майора ни арестованным, ни задержанным. Побеседуем до завтра, привезем в целости и сохранности.

— Гостю наручники не надевают, — рассердился генерал.

— Видимость одна. Не хочу, чтобы в городе думали, что он брат или сват. Олег Евгеньевич, честно скажу, судя по всему, наш визит — дело совершенно пустое. Но я, как каждый офицер, человек подневольный, потолкусь у вас день-два и уеду.

Гуров обращался не к генералу, а к его адъютанту-капитану, который, конечно, не только разговор прослушивал, но и каждое слово записывал, чтобы доложить по инстанции. Гурову требовалось хотя бы два спокойных дня, чтобы иметь возможность нанести удар первым и неожиданно.

— Олег Евгеньевич, вы говорили с вашим знакомым? Он нанесет мне визит вежливости? Скажите ему, я человек интеллигентный, на мое слово можно положиться.

Пока Гуров беседовал с генералом, Стас и майор накрывали на стол. Стас нарезал окорок, открыл банку маринованных огурцов, выставил бутылку водки.

Гуров сидел, задумавшись. Необходимо еще позвонить бывшему директору цирка Колесникову Алексею Ивановичу или его завхозу Сильверу, который получил свою кличку за хромоту, либо знаменитому коверному Классику, в миру Николаю, отчество сыщик забыл. Но пользоваться телефоном нельзя, его могли уже засечь. Сыщик посмотрел в окно. На маленьком газоне сторож сгребал опавшую листву. У него наверняка имеется телефон, подумал Гуров. Как им воспользоваться и человека не подставить? Надо рисковать, иного выхода нет. Он прихватил со стола несколько ломтей окорока, бутылку водки, которая уже была наполовину пуста, и неторопливо направился к сторожу.

— Здравствуйте, Бог в помощь.

Мужик оперся на грабли, поднял на гостя темные молодые глаза:

— И вам не болеть.

Он сидел, понял Гуров. И быстро сменил интонацию.

— Разговор имеется. Зайдем к тебе в сторожку, а то простынешь.

— Если опер заботится, жди беды. — Сторож сгреб в кучу листву поплотнее, положил рядом грабли и неторопливо зашагал к своему жилью.

Лицо у хозяина было, что печеное яблоко, потому смотрелся лет на шестьдесят, но взгляд и походка выдавали в нем человека нестарого и физически крепкого.

Комната оказалась просторнее, чем казалось со двора. В красном углу висела икона, и сыщик быстро перекрестился.

— Верующий? — насмешливо спросил хозяин.

— Не знаю, но крещеный точно. — Гуров выложил на стол водку и закуску.

— Покупаешь? — хозяин смахнул со скамьи невидимую пыль.

— Купить можно то, что продается. — Сыщик сел за стол, плеснул водку в подставленные хозяином стаканы. — У меня к тебе никакого дела нет. С тобой мой бугор покалякать хочет. Он человека одного ищет. Ну, будем! — Он, не чокаясь, проглотил водку, взял ломтик окорока.

— Давно натурального не употреблял. — Хозяин тоже выпил, закусив, аккуратно вытер губы. — Надолго прибыли?

— Точно не знаю, думаю, дня на два. — Гуров разлил остаток водки, огляделся. — Чисто у тебя. Один живешь или приходящую деваху имеешь?

— Заглядывает одна, да я и сам с руками, как из зоны вышел, тихо живу, аккуратно. Ты большой начальник?

Гуров рассмеялся, указал на телевизор.

— Большие там. Мой командир не большой, однако, начальник, а я простой опер.

— Виски серебрит. А ты все бегаешь, не надоело?

Гуров заглянул в стакан, кивнул и выпил.

— Тебя полковник зайти просит, а я за тебя подежурю. Ладь?

Хозяин допил свою порцию, задумчиво пожевал губами.

— Полковник. Из самой Москвы. Что ж, требуется честь оказать. На территорию никого не пускай. К телефону не подходи, решат, я во дворе, перезвонят.

Гуров проводил хозяина на крыльцо, вдыхая прелый запах листвы и земли. Вернувшись в сторожку, сразу набрал номер Колесникова, бывшего директора цирка, общего любимца и потрясающего сладкоежки. Три года назад Капитан держал маленькую булочную, изготавливал торты, знаменитые во всей округе.

Как-то все сейчас? — гадал Гуров, слушая длинные гудки. Наконец ответил слабый, как показалось сыщику, женский голос:

— Слушаю.

— Здравствуйте. Алексея Ивановича можно попросить?

— А на кой черт он вам нужен? — Голос погрубел и обозначился как явно мужской.

Сыщик уже понял, что говорит с Колесниковым.

— Леша, привет, Гуров говорит! — громко сказал он.

— Зачем? — Сыщику показалось, что мужик всхлипнул, затем почти нормальным голосом закричал: — На хрен ты приехал? Мотай отсюда, покуда жив!

— Разберемся, Леха. Сильвер, Классик живы? — спросил Гуров.

— Утром были живые, сейчас не знаю.

— Держись, Лешка, завтра зайду. — Гуров положил трубку, набрал номер Сильвера.

— Ну? — сразу ответил хриловатый голос Сильвера. — Чего надо?

— Здравствуй, Саша. Гуров говорит.

— Мать твою! Живой! А мы тебя прошлым летом хоронили. Когда прибыл? — У Сильвера был прежний напористый голос.

— Сегодня, я к тебе через час заеду. Можно? — Гуров затаил дыхание.

— Валяй, коли такой смелый. — Сильвер хохотнул. — Сейчас Классика разбуду. Он умрет от радости. Николай единственный, кто не верил, что тебя шлепнули. Все говорил...

— Хорошо, хорошо, он мне все сам скажет. — Гуров положил трубку на место, предварительно протерев ее, и вышел на крыльцо.

Хозяин уже направлялся к своему домику, увидев Гурова, качнулся, только тогда сыщик понял, что сторож сильно пьян. Видно, Стас перестарался. Гуров помог хозяину подняться на крыльцо, уложил на диван. Через несколько минут вернулся в особняк, где Станислав заканчивал уборку. Майор спал в другой комнате.

— Следует найти телефон, по которому можно позвонить Петру и выяснить, наконец, что конкретно он от нас ждет, — решительно заявил Стас. — Город прочно контролируется бандитскими группировками. Ты знаешь, я не трус, но на танки в пешем строю с пистолетом не ходят. Предположим, каким-то чудом мы найдем "Агран" и "Беретту". И что? Почему Петр решил, что именно из них убили депутата? Какой шанс, что оружие не уничтожено, а исполнители живы? Почему он считает, что в Петербург ездили боевики из Катуня? Я верю в интуицию Петра, но уж слишком все притянута за уши. Да в десятках городов стреляли из такого оружия.

— Я с тобой согласен, — неожиданно ответил Гуров. — Но мы обязаны хоть что-нибудь сделать, лишь потом звонить. Сей-

час едем в город. Ты купишь себе и майору штатскую приличную одежку, а я пройду по городу, встречу со старыми друзьями.

— И схватишь пулю.

— Это вряд ли. Я пригласил в гости главаря одной из двух группировок. Он хотя бы из любопытства не должен меня трогать до нашей встречи.

— Черт возьми, почему ты решил, что он любопытный? — Стас ударил кулаком по столу.

— Мне так кажется.

— А вот мне кажется, что шансов у нас нет, — все больше раздражаясь, сказал Стас.

— Почему Петр послал нас в командировку именно в Катунь? — вкрадчиво спросил Гуров.

— Боялся, что мы, находясь в Москве, вмешаемся в чужую работу. И ты непременно наломаешь дров, — ответил Станислав.

— Покажись психиатру.

— Грубо и не аргументированно, — обиделся Стас.

— Зато точно. Петр рассчитывает получить какую-то информацию. Потому мы должны находиться именно в этом месте, — убежденно сказал Гуров. — Мы обязаны держаться и ждать...

— Опомнись. Дождемся только автоматной очереди.

— Прекрати философствовать. Будем ждать, — отрезал Гуров. — Сейчас едем в город. Ты отправишься в магазин, я — к своим бывшим приятелям. Пойми, необходимо двигаться. Сидя на одном месте, ничего не добудешь. Я ясно выразился? Сними мундир, надень пиджак и плащ майора. Напиши записку, впрочем, мы вернемся раньше, чем он проснется.

Они сели в "ауди", подъехали к шлагбауму. Сторож неторопливо вышел на крыльцо.

— Михалыч, кто будет спрашивать, вернемся часа через два, — приспустив окно, сказал Стас.

— Лады, господин полковник. — Сторож улыбнулся. — Вижу, ты замаскировался, а тачку твою каждый деловой знает.

— Пусть его, — улыбнулся Стас. — Мы в законе.

— Быстро трезвею, Станислав. — Сторож закурил. — Разрешите зайти, стакан принять.

— Да за ради Бога. Бывай.

Сторож проводил машину взглядом, вытащил из-под куртки сотовый телефон. Набрал номер, сказал лишь одну фразу:

— Выехали в город, вроде на пару часиков.

Эту фразу слышали в машине и сыщики. Гуров отключил аппарат:

— Служит, — сказал он.

— Иначе нельзя, таковы условия жизни.

В городе Гуров ориентировался прекрасно. Проехали здание цирка, которое нынче не было ни праздничным, ни веселым. Остановились возле универсама.

— Купи одежду, посмотри людей, — сказал Гуров, но Стас не двигался, словно застыл за рулем. Наконец, произнес:

— Ты сказал интересное слово “купи”, подразумевается, что у меня имеются деньги.

— Извини, забыл. — Гуров достал из кармана конверт, полученный от Бунича, вынул пачку долларов в сотенных купюрах. — Обменяешь. А мне отдай всю отечественную наличность.

Стас вынул бумажник, уложил в него доллары, выгреб стопочку командировочных, передал другу, ехидно заметив:

— И ни в чем себе не отказывай.

— Через час на этом месте. Стас, приказываю, не ввязывайся ни в какие скандалы и драки, если даже при тебе убивать станут. — Гуров выпрыгнул из машины, направился к ближайшей палатке. За прилавком скучала русская девица, из-за штор доносилась чужая гортанная речь.

Увидев Гурова, девица перестала заниматься ногтями, распахнула ресницы, прогнулась в талии, выставив грудь. Хвастаться девушке было чем, блузка грозила вот-вот лопнуть.

— Здравствуй, дочка, и выдохни. Я по достоинству оценил твое богатство.

— Здравствуйте, что желаете?

— Я желаю Ахмеда, Жорика и Сулико, в общем, хозяина, — ответил Гуров и погладил девушку по пышному плечу.

— Что-нибудь не так? — девушка призывно облизнула губы.

— Все как следует, красавица, — улыбнулся Гуров.

— Минутку. — Продавщица скрылась за портьерой, гортанные голоса зазвучали громче, затем к прилавку вышел молодой парнишка с ниточками усов над верхней губой.

— Чего шумишь, что тебе плохо? — Парнишка подбоченился, из-под полы выглянула рукоять пистолета.

Гуров молчал, смотрел на пацана своим “нехорошим” взглядом. Малый съежился, одернул пиджак.

— Чего желаете?

Выдержав паузу, Гуров сказал:

— Отца позови.

Юноша исчез. Появилось взрослое лицо кавказской национальности, впилось в единственного покупателя цепким взглядом, явно решая, как держать себя с неизвестным. Гуров помог ему самым простым способом.

— Добрый день, дорогой хозяин, — вежливо сказал он. — Держать себя со мной лучше уважительно. Обойдется значительно дешевле, да и врачи не понадобятся. Я кланяюсь твоим

предкам, живым и усопшим, и уверен, что ты достоин своего славного рода.

Хозяин часто кивал в такт словам.

— Слушаю вас, уважаемый, — тихо проговорил он.

— Скажи мальчику, чтобы он убрал “ТТ” из-за пояса, тем более, что в нем нет обоймы, — лениво сказал Гуров. Выдержав паузу, продолжил: — Я в вашем городе гость, вечером ко мне придет человек. Большой человек. Я должен его угостить. Мне нужны коньяк, водка...

— К вашим услугам, уважаемый. — Хозяин махнул на стену, уставленную разноцветными бутылками.

— Ты не понял меня. — Гуров устало вздохнул. — Я же тебе сказал, ко мне зайдет большой человек. Он попробует твое пойло, спросит, где я его взял, и до утра твоя лавочка сгорит. Повторяю последний раз, мне нужны водка, коньяк, шоколад.

— Понял, все понял. — Голова хозяина мелко затряслась, он что-то закричал. За портьерами раздался топот, возня. Хозяин несколько раз убежал, возвращался, показывал Гурову бутылки.

Наконец Гуров выбрал бутылку водки, коньяк, две плитки шоколада.

— Посчитай, — вынул из кармана деньги.

— Этой мой подарок. — Хозяин замахал руками.

— Тебе виднее.

Я ничем не отличаюсь от рэкетиров, рассуждал Гуров, подходя к подъезду Классика. Внезапно увидел, как от дома отделилась темная фигура. Сыщик мгновенно напрягся, рука непроизвольно опустилась в карман куртки, где находился “Вальтер”.

— Лев Иванович, вам маленькая бандероль от Петра Николаевича. Я сегодня улетаю, что ему передать?

— Пусть не хоронят на Ваганьковском, я не заслужил.

— Понял. — Мужчина передал Гурову целлофановый пакет и скрылся.

Судя по форме и весу, в пакете лежала книга.

Войдя в подъезд, Гуров поднялся на второй этаж, постучал в дверь, за которой обитал Классик.

Классик и Сильвер сидели за большим круглым столом и неторопливо пили чай. В комнате ничего не изменилось, та же китайская ширма, загораживающая необъятную кровать, рядом манекен во фраке и цилиндре, буфет времен покорения Крыма. Только лицо хозяина на удивление сильно помолодело, глаза стали еще больше, а вот Сильвер абсолютно не изменился. Так же хитро косил и ухмылялся своим мыслям.

Гуров молча выставил на стол бутылки. Сняв куртку, переложил “Вальтер” в карман пиджака.

— Здравствуйте, ребята, рад вас видеть, — сказал он, подсаживаясь к круглому столу.

Классик молча кивнул, а Сильвер хриплым голосом ответил:

— Привет, сыщик. Мы тоже рады, но лучше бы принес хлеба и колбасы. Колюня второй год не потребляет, а я так, изредка, без особого желания.

— Я тоже могу, — словно оправдываясь, заметил Классик. — Но как увижу Капитана, стакан из рук выскальзывает.

— А что с Алексеем Ивановичем? Я ему звонил, так верите, не узнал. Болеет?

— Болеет. — Классик кивнул. — Чем я болел, только меры не знает, и организм у него совсем не держит. Последние деньки остались.

— Так он же капли в рот не брал! — воскликнул Гуров.

— Как жену с сыном бандиты грохнули, так и взял. А у него, как у меня, наследственный алкоголизм. Они в очереди за отрубями стояли, а молодцы проезжали и из автомата, потехи ради... А! — Классик махнул тонкой рукой.

— А если работать его заставить? — спросил Гуров.

— Где она, работа? Мы с голодудохнем. А ты являешься с коньяком и шоколадом! — На лице Классика проступили красные пятна. — Меня девочки кормят, ночные бабочки, помнишь, они погреться забегали? А Сашка на клочке земли горбатится.

— Николай, чего ты на человека налетел? — вступился Сильвер. — Сам знаешь, он честный мужик, только ему с Москвы ни хрена не видно.

— Дайте сумку, я за хлебом схожу, — еле сдерживаясь, сказал Гуров. Он вынул из пакета, который прислал Петр, кассету и конверт. Разорвав его, выдернул листок, прочитал: "Авторитет одной из группировок Катуня — Акула. Тишин Николай Николаевич, сводный брат вице-преьера Тишина Семена Николаевича. Существует версия, что киллеры живы и оружие цело. Просчитай".

Гуров убрал письмо и кассету, взял у Сильвера холщовый мешок, глядя под ноги, сказал:

— Город я накормить не смогу, ребята, — и вышел.

Сильвер открыл бутылку коньяка, хлебнул.

— Ты чего на человека кидаешься? Чего он один может? Он убьет и его убьют! Поклон! Туш!

Гуров вновь направился в уже знакомую палатку. В зале находились два "быка", а за прилавком вместо девицы стоял хозяин.

— Где тут хлеба можно купить? — спросил Гуров, обращаясь к нему.

— А ты кто есть? — один из "быков" крутил на указательном пальце наган, другой разглядывал расставленные на полке бутылки, на вошедшего даже не посмотрел.

— Я проездом в вашем городе, жду в гости Акулу, — спокойно ответил Гуров, но правую руку из кармана не вынимал, в ла-

дони лежал "Вальтер", патрон в патроннике, предохранитель снят.

— А Президента ты не ждешь? — спросил бандит.

Его приятель сквозь зубы процедил:

— У тебя, Ухо, извилина и та от топора. Если этот хмырь может заплатить, пусть платит, а нет, кончай его, и все дела.

— Давай договоримся, кто быстрее выстрелит, тот и прав, — предложил Гуров. — Считаем до трех.

На счет "один" сыщик увидел, как бандит направил на него наган, палец потянулся к спусковому крючку, и никакого продолжения счета он ждать не собирался. И Гуров выстрелил.

Так как оружия в руках незнакомца не было, все опешили. Бандит выронил из простреленной руки наган и закрутился волчком.

— Я же тебе русским языком объяснил, что на счет "три". Так как насчет хлеба и колбасы? — Гуров швырнул мешок хозяину. — Сходи к соседям, мне от вас подарков не надо, я расплачусь.

Глава третья

Вице-премьер Семен Николаевич Тишин отрезал серебряной лопаточкой небольшой кусок заливной севрюги, поставил на тарелку рюмку водки и отошел от стола в сторонку. Он не любил бывать на приемах, которые подчас заканчивались обычной пьянкой, а порой и безобразиями в бане с девицами. Тишин был простого происхождения: мать — доцент, отец — доктор наук. Несмотря на ученые степени, родители, выросшие в студенческом общежитии, имели чисто советское воспитание. Сморкались исключительно в платок, не ругались матом, не хватали закуску руками. Последние три года науку они забросили окончательно — их НИИ тихо вымер. Сын пристроил стариков в маленький бизнес, который не привлекал внимания ни налоговой полиции, ни бандитов, а доходов на жизнь хватало. Семен жил с родителями в четырехкомнатной квартире, которую по его уровню можно было назвать скромной. Когда ему делали миллионные предложения, он отсылал просителя к кому-нибудь из своих "замаранных" коллег и получал "скромные" комиссионные. Платил налоги, жил летом в нормальной неброской даче и считался среди своих чудаком.

Тишин был абсолютно убежден — рано или поздно эпоха безоглядного воровства кончится, и некоторых определят на нары, а он категорически не желал оказаться среди этих некоторых. Потому, когда удалось повернуть несколько банковских операций, мелких, не привлекающих к себе внимания, он открыл счет на Мальте, на подставное имя, таким образом припрятав какие-то смешные три миллиона долларов.

Тишин жил спокойно, при всех перетрясках его не трогали, каждая сторона считала его своим и вполне безобидным. Он два-

жды виделся с Президентом один на один, якобы давал ценные советы, на самом деле просто внимательно выслушивал косноязычного больного человека, безошибочно угадывал, какого ответа от него ждут, и высказывался соответственно. В верхах даже существовало мнение, что Тишин ходит у Президента в любимчиках, и любой премьер якобы прислушивался к его советам.

Он жил в абсолютном ладу с собой и окружением и терпеливо ждал, когда же кончится смутное время и можно будет примкнуть к победителям.

Англичане говорят, что в каждой семье имеется шкаф, где спрятан скелет. Таким скелетом в семье Тишиных был сын матери от первого брака по имени Николай. Разница между пацанами всего в пять лет, а по развитию их даже нельзя было сравнивать. Старший школу постоянно прогуливал, но считался в классе лучшим учеником. Младший, отсидев положенное, оставался на дополнительные уроки, позже, дома, сидел над тетрадками до позднего вечера.

Когда старший закончил восьмой класс, он сказал:

— Мать, отдай меня куда-нибудь, хоть в суворовское, не могу я в вашем крольчатнике существовать.

Осенью Николай уже надел форму, поступил в училище, где вскоре стал гордостью и проклятием класса. Ни одна драка, ни одна самоволка не проходила без участия Николая Тишина. Мать ежемесячно посылала сыну тысячу рублей, по тем временам деньги немалые.

Семен к десятому классу в учении выровнялся, рос парнем разумным, уравновешенным, о брате даже не вспоминал. Изредка его вспоминала мать, вздыхала.

Началась перестройка, профессора оказались не в чести, и семья еле сводила концы с концами.

Однажды в дом явился молодой мужчина, и только у матери ёкнуло сердечко.

— Узнала! — усмехнулся Николай. — Допрыгались, что жрать нечего. — Шлепнул брата по шее. — Теперь ты знаешь, сколько будет дважды два?

Отчим выглянул из своей комнаты, тихо спросил:

— Новый русский?

— Не одобряешь?

Но дверь уже закрылась. Николай сбросил шикарное пальто, сел к столу:

— Садись, мать, рассчитаемся. А ты, Сема, чайник поставь, я спиртное не употребляю.

Когда брат вышел, Николай тихо сказал:

— Я, мать, в долгах не хожу. Деньги, что ты мне посылала, вернуть обязан. — Он вынул из карманов две плотные пачки долларов. — Спрячь. Своим ничего не говори. Адреса дать не могу, так как не имею, буду позванивать, не брошу.

Пили чай с конфетами, которые принес Николай.

— Ну, Сема, расскажи братану, что ты в этой жизни придумал? — снисходительно спросил Николай. — Как семью кормить, ведь родители сигаретами торговать не умеют.

— Я помощник депутата, закончил МГИМО, — ответил Семен. — Хвастать нечем, но не ворую.

— Не умеешь, — уточнил Николай, — или боишься?

— Боюсь. — Семен посмотрел брату в глаза. — А там страшно?

— Неуютно, — хохотнул Николай. — А тебе просто опасно, опетушат. Ты, смотри, хорошеньким получился, так что сторонись. Да вашего брата прокуроры и не трогают. Депутатом скоро станешь?

— Если ты, братец, вновь не объявишься, то полагаю, в следующем году пройду в Думу. Объявишься, мне конец, с таким горбом не пролезть, — смело ответил Семен.

— Голос у тебя подходящий, вижу, ума набрался. Надеюсь, в анкетах ты меня не указываешь?

— Не указываю.

— Правильно! — Николай поднялся, кивнул на закрытую дверь. — Передай отцу, он молоток, я гордых людей уважаю. — Поцеловал мать в лоб, кивнул брату и, забрав свое кашемировое пальто, ушел.

Второй раз Николай Тишин сел как соучастник грабежа, но случилась амнистия, и он через год вышел с твердым убеждением, что свои тюремные университеты закончил. На воле ему повезло. Случилось следующее. Вечером компания малолеток налетела у рынка на пьяного мужчину, сбив с ног, начала добивать. Обычно Николай ходил без оружия, но в тот раз имел при себе "ТТ". Он пальнул в воздух и закричал:

— Милиция! Стоять!

Вдруг сверкнули фары, и перед Николаем остановилась "канарейка". Он бросил пистолет в кустарник и поднял руки. "Канарейка" остановилась, менты налетели на Николая, заломили ему руки. Неожиданно мужик приподнялся и хрипло зарычал:

— Оставьте парня, легавые. Он меня спас, а вы ему руки ломаете. Я Сапсан. По косточкам разберу.

Менты на окрик не реагировали, напротив, рубанули Николая по шее и поволокли в машину. Но неожиданно из "канарейки" вышел человек в штатском.

— Прекратите, — командным тоном сказал он. Затем помог мужчине подняться, и, заботливо отряхивая его, спросил: — Как же это вы, Мефодий Сильверстович? Давайте довезем до дома.

— Сопливы еще Мефодия подвозить. Доберусь. Человек мне поможет. А вы гуляйте.

"Канарейка" умчалась. Мужчина посмотрел на Николая в упор:

— Кто такой?

— Прохожий.

— Хороший ответ. Подними пушку и пойдем, здесь рядом.

Дом незнакомца оказался действительно рядом. Сложенный из массивных бревен, с тяжелой дверью, которую на звонок открыла рослая женщина в монашеском облачении. Она молча провела вошедших в просторную спальню с низкой широкой кроватью, ловко помогла Николаю раздеть раненого, затем спокойно осмотрела мосластое крепкое тело в многочисленных татуировках.

— Вовремя ты, парень, его поднял, так и преставиться недолго. Ты посиди, я быстро, — и ушла в другую комнату.

Николай с уважением смотрел на хозяина. Росту прилично, под метр восемьдесят, ширококостный, в возрасте, но вены на ногах не выются, руки жилистые. Чувствуется сила. Лицом похож одновременно и на мужика, и на священника.

Монашка притащила кастрюльку с желтой жидкостью, вату, йод, таблетки.

— Тело оботри, кровью йодом смажь, голову положи выше, он в сознании. Придуривается.

— Ты, Катерина, место знай, — сказал мужчина. — Я не придуриваюсь, а отдыхаю. Позови Лешего, скажи, упал по пьяни. Ступай.

Когда женщина ушла, он посмотрел на Николая большими ореховыми глазами.

— Уйдешь или ночевать останешься?

Николай долго молчал. Ночевать ему было негде. Для гостиницы паспорта не имел, лишь справку об освобождении. В Катунь он прикатил к корешу по зоне, который освободился месяц назад. Но кореш уже попал в ментовку. Конечно, хозяин человек серьезный, из воров, вон как менты от него брызнули. Но для серьезного вора он, Николай, сямка, а шестеркой он никогда не станет. Размышления Николая нарушил хозяин:

— Тебя просили обтереть меня. Будь ласков, поспособствуй.

Николай встряхнулся. Сбросил с мужика простыню, начал обрабатывать синяки и ссадины, ничего серьезного на теле, кроме желвака за ухом, не было. Работу Николай выполнил быстро.

— Переночуй, утром решим, — тихо, но в приказном тоне, сказал хозяин. — Кликуха у меня Сапсан, люди знают и тебя не тронут. Ты же зови меня Мефодий.

— Я Николай, в зоне Акулой погоняли, плохая кличка.

Дверь скрипнула, на пороге появился мужичок неопределенного возраста, совершенно лысый.

— Леший? — Мефодий покосился на дверь. — Сыми чёботы, присядь в ногах.

Николай только теперь заметил, что сам ботинки не снял и наследил в чистой горнице. Он расшнуровал обувь, отнес к дверям.

— Леший, запомни раба божьего Николая, — твердо произнес Мефодий. — Скажи людям, я его под свою руку взял. Кстати, Миколушка, ты и пушку отдай, в доме держать не принято.

Николай вытащил из-за ремня "ТТ", выщелкнул обойму, положил рядом с подушкой. Взгляд Лешего мгновенно изменился, он довольно кивнул:

— Слушаю, Сапсан.

— Сейчас же найди Тюрю, скажи, его пацаны беспредельничают. Даю сутки, не разберется, всех опетушим, его первого. Иди, — и обратился к Николаю: — Скажи Катерине, чтобы на стол подавала и костюм мне подала, я встану.

Ели картошку с селедкой, пили самогон, на удивление вкусный и пахнувший свежими яблоками.

Хозяин все время молчал. Николай понимал, что к нему приглядываются, но привычкам своим изменять не стал. Перед едой тщательно вымыл руки. Выпил три больших граненых рюмки, больше не стал. Мефодий неожиданно улыбнулся:

— Спасибо тебе, Никола, и спокойной ночи. Катерина, проводи.

— Спасибо за хлеб-соль, спокойной ночи, Мефодий. — Николай поднялся за женщиной на второй этаж.

Комната оказалась большой и чистой.

— Спасибо, Николай, спи, ежели сумеешь, — сказала Катерина и тихо вышла.

Только тогда Николай заметил, что в комнате не один. У окна стояла девица. Статная, грудастая, лицо чистое, не намазанное.

— Привет. — Николай растерялся. Женщин в его жизни было всего две, да и пьян был до невменяемости, мало что помнил. — Ты чего здесь делаешь?

— Ты, парень, чувствую, и не целованный, — сказала она, лениво растягивая слова.

Он почесал в затылке, усмехнулся:

— Пожалуй, и так. Тебя как зовут?

— Настя, — ответила девушка. — В койку пустишь?

— Места хватит, ложись. — Он быстро разделся и нырнул в постель.

Настя погасила свет и легла рядом.

Проснулся он от того, что кто-то водил пальцем по его лицу. Он поймал руку, открыл глаза. Увидел темный разлет бровей, серьезные глаза.

— Подымайся, хозяин не любит, когда долго спят, а уже седьмой час.

Николай выпрыгнул из постели, мгновенно оделся, училище и зона приучили его не медлить, и оказался в горнице.

Катерина раскладывала по тарелкам картошку, фырчал самовар и стояла плошка с медом.

— С добрым утром, приятного аппетита, — сказал Николай и сел напротив Мефодия.

Тот зыркнул из-под насупленных бровей.

— Долго спишь.

— Так кабы Настя не разбудила, я бы еще часа четыре придавил, — признался Николай.

— Ты всегда правду говоришь?

— Если другому человеку не во вред, так говорю.

Мефодий был явно недоволен. Катерина за его спиной перекрестилась, вздохнула.

— Так что мне с тобой делать прикажешь? — Мефодий подвинул Николаю чашку чая. — Катерина, ты праведников в доме видела?

— Переночевал, пусть идет, — глухо ответила женщина.

— Дура баба, куда идет? Ему дорога только обратно в зону. — Мефодий потер небритые щеки, поморщился. — Почему небритого к столу пустила? А малый босой, не умытый. У нас хата или барак? Ты хозяйка или подавальщица?

— Офицантка, — подсказал Николай.

— Тебя спрашивали? — Мефодий сверкнул глазами.

Николай молча поднялся. Сел на скамью, обулся, снял с крючка свою куртку.

— Спасибо за ночлег. Пистолет отдайте, у меня другого нет.

Мефодий облокотился на стол, подпер ладонью голову.

— Пусть уходит, — решительно сказала Катерина. — Он еще мальчик, у него вся жизнь впереди.

— Кончай базар! — Мефодий шарахнул кулаком по столу. — А ты, сявка, исповедуйся!

— Я к тебе в гости не напрашивался... А биография у меня нехитрая. Отчим у меня большой бугор. Армию отслужил нормально, всего два раза в карцере побывал. Окончил суворовское, после в институт пошел. Потом пацаны дамочку в парке грабанили, а я мимо проходил. Подъехали менты, пацаны брызнули, а я дамочке сумку подал. Меня в околоток. Два года за соучастие. Полтора отсидел, по амнистии вышел.

— В зоне кем был?

— У параш не спал, — ответил Николай. — Год кантуюсь. В Москву ехать, матушке кланяться не хочу. Жилья нет, паспорта нет, прописки не дают.

— Не ври. Пошел бы на завод, дали бы паспорт, прописали в общежитии.

— На заводе корячиться за копейки подсобником? Не по мне.

— Откуда пистолет? — спросил Мефодий.

— Неделю назад меня какие-то пацаны в парке прихватили, я только в палатке бутылку водки взял...

— Украл!

— Я сказал — взял. Кража это тайное хищение, а я зашел в палатку и на глазах у хозяина Абрека взял бутылку и два “сникерса”. На выходе меня эта шушера и прихватила, один пистолетиком в рыло стал тыкать. Честно сказать, я думал, что газовый. Ну, я руку ему подвернул, пистолет забрал, другому в лоб ногой двинул, они и разбежались. Я не фраер, Мефодий. Мне много не надо. Я не против картошки с селедкой, только не каждый день. Костюм хочу нормальный иметь, машину не ворованную, и девчонку свою, а не общую. Если кому платить требуется, я не возражаю, но по совести.

Чем дальше говорил Николай, тем с большим интересом смотрел на него Мефодий.

— Ты хочешь в сильную группировку, — уверенно сказал он.

— Нет. Желая создать собственную. И чтобы каждого человека я знал, отвечал за него. А он за меня под пули пошел.

— Человека расстрелять в упор можешь? — прищурился Мефодий.

— За дело смогу, — ответил Николай.

— А дело, не дело, единолично решать будешь?

— Единолично.

— Смешно, но чего бы мне на старости лет и не попробовать. Двух подходящих пацанов я тебе дам. Я у тебя буду вроде комиссара. Ежели мы не срабатываемся, расходимся мирно, без стрельбы в спину.

Через три года у Николая Тишина было более тридцати стволов и безграничная власть в Катунь. Личный авторитет Николая стоял выше губернаторского, начальников МВД и ФСБ, даже конкурента Кастро. Сравним мог быть только с авторитетом Льва Ильича Бунича. И нулевой — лишь у несчастных жителей растоптанного города.

Однажды, когда Семен Николаевич был еще депутатом и соратники прочили его в министры культуры, в его депутатский кабинет вошел тихий, хорошо одетый человек. Вежливо поздоровался. Сказал, что из охраны, и желает с прогрессивным и многообещающим депутатом поговорить.

Семен Тишин ранее никогда не видел кагэбэшников, ни настоящих, ни переименованных. Но когда человек, непрестанно улыбаясь, занял кресло для гостей, кандидат в министры почему-то очень четко понял, кто к нему пришел.

Гость, сладко улыбаясь, протянув через стол визитку, справился о здоровье.

Тишин прочитал, собственно, что и ожидал: “...ФСБ... зав. сектором по связям с общественностью и прессой Кондрашев Валентин Петрович”.

— Очень приятно, Валентин Петрович, — сказал Тишин. — Разрешите узнать, в каком вы звании?

— Не имеет значения, но если вам интересно — полковник.

— Чем обязан, господин полковник?

— Обязаны вы исключительно своему таланту. Поверьте, не каждый день Президент подписывает приказ о назначении министра. У вас прекрасный возраст, подходящее образование, отличное здоровье. Я редко встречал человека во власти, у которого практически нет врагов.

Тишин интуитивно понял, что сейчас последует вопрос о брате. Приготовился. И не ошибся.

— Не у всякого преуспевающего человека брат убийца и известный авторитет, — произнес полковник, приятно улыбаясь. — Конечно, брат сводный, и отношений с ним ваша семья не поддерживает. Но! Как бы там ни было, а Тишин Николай Николаевич, по кличке Акула, — ваш брат.

Семен Николаевич внимательно посмотрел на габэшника и резко произнес:

— Зачем вы пришли ко мне?

Полковник не торопясь закурил, выдержал паузу.

— Я, собственно, пришел представиться как куратор. Мой вам совет. О брате думать постоянно не стоит, но и забывать опасно. Журналисты у нас народ дошлый, черт-те о чем спросить могут. В случае чего, отвечайте, что о брате ничего не известно. Договорились?

— Договорились, Валентин Петрович.

Полковник исчез тихо, без рукопожатий.

А кандидат в министры подумал: вот я и на крючке. Наверняка у них все на крючке. Таков порядок, и не мне его менять.

Через какое-то время в кабинете Тишина, уже министра, вновь появился полковник Кондрашев. Увидев кислую физиономию чекиста, Тишин спросил:

— Обострение геморроя?

— Можно сказать и так, — уныло ответил полковник. — Я не хотел к вам обращаться, но генерал настоял.

Тишин отодвинул бумаги, которые подписывал, и с удивлением посмотрел на Кондрашева.

— Короче.

— Короче? Я вынужден обратиться к вашему брату с просьбой.

— Это еще зачем?

— Сотрудничество. Спецслужбы всего мира изредка обращаются к своим мафиози. Те так же обращаются порой к спецслужбам. Организм один, кровоток обязателен, — объяснил полковник.

— Обратиться? С какой целью? — возмутился Тишин.

— А зачем вам знать? Спите хорошо? Ну и спите себе на здоровье, ни к чему знать лишнее.

— Я попросил бы вас не вмешивать меня в свои аферы, — отрезал Тишин.

— Видите ли, — замялся полковник, — мы вас какое-то время не трогали, берегли. Вам следует быть благодарным.

— Что я должен сделать? Спрашиваю исключительно из любопытства и сегодня же иду к премьеру.

— Решение верное. — Полковник согласно кивнул. — Только не забудьте захватить с собой прошение об отставке. У министра России не может быть брата-бандита, которого он утаивал.

— Мы вместе молчали! — крикнул министр.

— Не понял. О чем я молчал, если ничего не знал? Не прикидывайтесь дурачком.

— Вы знаете, что я уже представлен к посту вице-преьера? — тихо спросил чиновник.

— Естественно. Мы визировали ваше представление, — так же тихо ответил полковник.

— Что же я должен сделать?

— Написать брату записку. Простую записку с ерундовой просьбой.

— Но я даже не знаю его адреса! — вновь возмутился чиновник.

— Неважно, зато я знаю и лично передам. Не кривляйтесь и пишите. “Николай, дай двух ребят на неделю, в долгу не останусь. Семен”.

Полковник привычно улыбнулся.

Николай Тишин часто видел брата по телевизору. Просиживает задницу в Думе, думал он. Ест из чужих рук, говорит, что приказано. Тоже мне счастье. Впрочем, Семен всю жизнь полз к такой жизни. Никогда своего мнения не имел, вечно угождал, и не бил его в детстве только ленивый. Шли дни, и невольно Николай все чаще вспоминал о брате. Думая о нем, стал задумываться и о себе.

Да, он сам держит карты, сам сдает. Братва уважает и боится его, сейчас под ним уже более сотни стволов. Все так. Но ежели задуматься, то станет ясно, не он управляет игрой, существуют иные правила и более сильные игроки. А если так, то чем он отличается от мозгляка Семена? Он, Николай, может распорядиться чужой жизнью, но и ему в любой момент могут засадить в спину.

Николай начал щедро подавать нищим. Люди кланялись, благодарили, но когда, отойдя на несколько шагов, он резко поворачивался, то видел в их лицах ненависть. Однажды он не вытерпел и вернулся к старику лет восьмидесяти.

— Полагаешь, отец, что в твоей хреновой жизни я виноват?

Серые, с вздувшимися жилами руки старика задрожали.

— А где же твой мэр? Ты пенсию сколько месяцев не получал? Если меня убьют, тебе слаще будет?

— У меня точильный станок... — наконец проговорил старик, — но твои хлопцы такой налог мне задвинули, что сидеть и побираться — выгоднее.

На них уже обращали внимание, черный “джип” остановился неподалеку. Одетые в кожу “быки” смотрели тупо, но подойти не смели.

— Больше тебя не тронут, — задумчиво сказал Николай. Он махнул водителю “джипа”, крикнул: — Подойди!

Парень в коже с трудом выгрузился из огромной машины и, шлепая по осенней жиже массивными ботинками, подошел.

— Слушаю, Акула.

— Кто улицу держит?

— Косой.

— Давай его сюда.

— Момент!

— Тебя как зовут, отец? — спросил Николай.

— Трофим Иванович.

Подбежал малый лет двадцати.

— Звали, Николай Николаевич?

— Звал. Понимаешь, какое дело, парень, — вежливо сказал Николай. — Вот Трофим Иванович хочет станок точильный поставить.

— Понял...

— Не перебивай. — Николай сдвинул брови. — Я желаю, чтобы он работал на себя. А если тебе такой расход неважно, зайди ко мне, я оплачу. Доехало?

— Доехало.

— И еще. Если с Трофимом Ивановичем что случится, ты ответишь.

На том и расстались.

Торопливо шагая через лужи, Николай почувствовал, что за ним следят. Он резко свернул за палатку и через стеклянные стенки увидел мужчину лет сорока, в кожаном пальто. Явно фээсбэшника. Акула зашел наблюдателю со спины и носком ботинка ударил его под колено.

“Чекист” упал на колени, Акула схватил его за воротник, резким рывком поставил на ноги.

— У господина ко мне дела имеются? — Сунул руку ему за пазуху, достал “Макаров”, положил в свой карман. — Чего так хреново работаете, капитан?

— Майор, — ответил тот и покраснел. — У меня к вам разговор.

— Ну?

— Из Москвы прибыл большой начальник, ищет с вами встречи.

— Позвонили бы, — недовольно сказал Николай, отдавая табельный “Макаров”. — Себя дураком выказываешь, и я не

лучшим образом выгляжу. Скажи москвичу, я вечером дома, пусть позвонит и является, я парней предупрежу.

Вернулся он домой злой как черт. Настя, которая с ним не расставалась с первого вечера, спряталась в дальнюю комнату. Девушка чувствовала, когда можно появиться, а когда лучше на глаза не показываться.

Николай позвал Варвару. Эта пятидесятилетняя дородная, но еще крепкая женщина вела у него хозяйство, готовила, следила за порядком. Он никогда не спрашивал, но не сомневался, что Варвара имела ходки в зону. Приставил ее к дому Мефодий. Николай чуял, что между ними некогда была любовь, а может, чего и осталось, не допытывался. За его сдержанность и отсутствие праздного любопытства Варвара хозяина уважала, хотя считала, он людей распускает, позволяет воровать по мелочам, что непорядок.

— Вы чего на сироте характер выказываете? Она вас настоящей любовью любит, вы и пользуетесь, — сказала Варвара, появляясь с кухни.

— Разберемся. Я сегодня ей и слова не сказал, — ответил Николай. — Позвони Мефодию, у меня с ним разговор имеется.

— Вот сами и позвоните, думаете...

— Заткнись. Позвони.

Варвара вынула из кармана сотовый телефон и, тыкая толстым, словно сарделька, пальцем, набрала номер.

— Але. Это ты?

— Нет, со двора зашедший, — ответил Мефодий.

Такой разговор у них происходил всегда, когда Варвара звонила старому другу.

Николай подошел, забрал у женщины трубку.

— Здравствуй, старина, мне надо тебя видеть.

— Тебе надо, ты и подъезжай.

— Не могу. Ко мне человек из Москвы прибыл, а я без твоего совета с ним говорить не хочу, — ответил Николай.

— Сторговались, выезжаю.

Мефодий прибыл быстро. Прямо с порога недовольно сказал:

— Машина американская, словно танк, поперек дороги стоит. Я сейчас вокруг дома обошел, только ветер хлещет, сопляк ты, крестник, ни за грош погибнешь. Сколько себя помню, всегда друзья убивают.

— А от них не схоронишься. — Николай помог Мефодию раздеться, подал чарку водки, кусок черного хлеба.

Мефодий благодарно кивнул. Выпил. Уселся в качалку, натянул на ноги плед.

— Ну, об твоих подвигах у базара я знаю, как ты чекиста словил, тоже знаю. Кого ждем?

— Какая-то фигура из Москвы прибыла. Разговор имеет, — ответил Николай.

— А нужен он нам? Менты плохо, а уж ФСБ еще хуже.

— Так выслушать его, все одно, надо. Сам учил, если ФСБ разозлить, так бросят сюда соединения СОБРа, где мы тогда будем? Сейчас мы им, как груз на качелях, для противовеса нужны. Пока они в газетах и по ящику кричат, что с нами пора кончать, они не опасны, как замолчат — от нас только пыль пойдет.

— Надо в официальную власть идти. — Мефодий почесал в затылке. — Рядовых на работу устроить. Людей добрыми делами купить. Кроме тебя для такого дела я никого не вижу.

— Хочешь из меня депутата изготовить? — удивился Николай.

— Не хуже многих будешь, — заверил его Мефодий. — Ты же лесопилкой владеешь. Так расширяться следует, работу людям дать. Ты мужик крепкий, народу нравишься.

— Так бандит я, — возразил Николай. — Весь город знает.

— А мэр кто? Взятчик! Тоже все знают.

— И я буду, словно брательник, штаны просиживать, руку подымать?

— Ты будешь хозяином, который тысячи людей кормит. — Мефодий повысил голос. — И не перечь, беды дождешься. Думаешь, не знаю, кто у тебя сегодня посыльным был? Считаешь, они с тобой в прятки собрались играть? Или ты со своими пацанами для власти серьезная угроза, и они тебе город на именины дарят?

Николай побагровел, прикусил губу.

— Я и без подачек хозяин в городе, — сказал он севшим голосом. — Бунич держится стороной, у него серьезные торговые связи, он мне не помеха. Да Лев Ильич и бойцов не держит. Кастро и его вечно пьяные мордовороты? Не смехи, учитель. Сам знаешь, бритоголовые не встанут на защиту главаря. Они его просто пропьют. А мы у них железо поотнимаем и из города выгоним, ну, кое-кого замочим. Так что городишко мой...

— Ни один город ни один бандит без согласия властей удержать не в силах, — устало произнес Мефодий.

— Да что у них имеется? Купленные менты да фээсбэшники? — возмутился Николай. — Еще неизвестно, в какую сторону они стрелять начнут.

— Не будь сопляком! Тебя терпят, так как виды на тебя имеют.

В дверь позвонили. Раздался громкий голос начальника охраны:

— Николай Николаевич, ты гостей ждешь?

— Я в соседней горнице побуду. — Мефодий поднялся. — А ты больше слушай, меньше говори.

Кто видел полковника ФСБ Кондрашева в кабинете вице-премьера Тишина и посмотрел бы на него сейчас, в гостях у бра-

та высокого политика, мог его и не узнать, хотя полковник не передевался и не гримировался. Просто никаких улыбочек, торопливых движений.

— Тишин Николай Николаевич? — спросил мужчина.

— Верно, — кивнул Николай.

Гость цепким взглядом осмотрел стол, впервые улыбнулся:

— А Мефодий Сильверстович приболел?

— Возраст, знаете ли. Давление скачет, пошел прилечь, — спокойно ответил Николай. — Как отлежится, непременно выйдет.

Глава четвертая

— Настенька! — повысил голос Николай.

Но явилась хмурая Варвара. Сердито пробурчала:

— Не дело молодой хозяйке в пьянке прислужничать. Я уж сама справлюсь.

Она ловко убрала грязную посуду, спросила:

— Горячее будете?

— Спасибо, Варвара Никитична, я на ночь суп не ем, — улыбнулся полковник.

Никто в доме никогда Варвару по отчеству не называл. Николай взглянул на гостя удивленно, а Варвара даже бровью не повела.

Гость и хозяйин сели к столу, выпили под холодную закуску. Помолчали. Наконец, полковник сказал:

— Замечаю интересный феномен. Чем у человека больше денег, тем у него меньше совести. Интересно, почему так?

— Признаться, не думал, — ответил Николай.

— Я дня два назад был на высоком приеме, каких-то иностранных инвесторов принимали. Стол был такой, будто в кино, поверьте. Не скажу, что я шибко совестливый человек, такой подлый иногда бываю, но у меня за тем столом кусок в горло не полез. А депутатам хоть бы что, хрумкают, баб гладких лапают. Народные защитники.

— Так вы, полковник, ведь тоже народный защитник, — обронил Николай и подложил гостю кусок лосося.

— Известное дело... Кажется, ваша лесопилка еле концы с концами сводит. Впрочем, вашим парням легче отнять, чем доску распилить. — Полковник съел кусок рыбы, выпил рюмку.

— Почему же вы безобразия не прекратите? — ехидно поинтересовался Николай.

— Я человек служивый, мне приказ требуется, — ответил полковник. — Возьмем вас, авторитета. Если вы своих людей на лесоповал поставите, вас пристрелят?

Николай задумался.

— Могут. Хотя у меня народ разный. За приличные деньги станут и доски пилить, — ответил Николай.

— И много таких?

— Не считал. Может, половина наберется. Но другая половина к Кастро уйдет и работяг перестреляют. Меня первого.

Полковник согласно кивнул.

— А если производство на лесопилке расширить, а людей со стороны нанять?

— Я в экономике не силен. А вы ко мне по этому вопросу? — Николай прищурился.

— Нет, больше по личному. Третьего дня вашего братца видел, он просил вам письмецо передать. — Полковник достал из кармана плотный конверт, положил на стол.

— Вы, конечно, много знаете. Вот даже отчество Варвары... А с братом ошибочка вышла, я на свете один, аки перст.

— Да будет вам... Действительно, не встречаетесь, не переписываетесь, даже по телефону не говорите. Да и братья вы не родные, а единоутробные. Но... Брат, он и в Африке брат. — Полковник повысил голос: — Варвара Никитична, будьте ласковы, чайком угостите.

— Ласкова не буду, а чаю принесу, — ответила с кухни Варвара.

Выпив чаю, полковник поднялся.

— Спасибо за обед, чай получился сказочный. Жаль, с Мефодием Сильверстовичем не повидался, мы с ним старые знакомые. Вы уж не обессудьте, но не дадите машину до гостиницы добраться? А то у вас, как и в Москве, вечерами неспокойно.

Николай вышел с гостем во двор. Вернувшись в гостиную, увидел, что Мефодий читает письмо.

— Ну и суки они все... Вербуют тебя, Николаша, причем внаглую.

— А чего хотят?

— Якобы твой брательник просит у тебя двух человек. А для чего просит, не указывает. То ли на даче крыльцо поправить, то ли забор перекошенный. Но если обращаются к авторитету, а письмо везет полковник ФСБ, значит кто-то им сильно на ногу наступил, и человека того требуется убрать.

— Не дам, никогда не дам. Я в политику не лезу, — резко ответил Николай.

— И правильно. Своих ребят не давай, а перепульни их просьбу Кастро, у него тупых боевиков, как у сучки блох. А письмишко оставь у себя и кое-что еще сделать придется. Тогда твой любимый брательник будет у тебя на огромном крючке с зазубринами, даром, что зампреьера, видали мы таких умников.

— Как людей передать, кто будет платить? — спросил Николай. — Или они хотят моими руками всю печку выгрести?

— Сейчас позвонит, — усмехнулся Мефодий. — Это он так красиво ушел для форса. Думаешь, если он с пустыми руками вернется, так в Москве его по головке погладят? Надо с Кастро двух бойцов получить и задаток ему сунуть, — рассуждал Ме-

фодий. — Бойцы ни тебя, ни меня видеть не должны. И стволы приготовить чистые, не замазанные.

Зазвонил телефон, Николай взял трубку.

— Николай? Забыл о деле сказать. Ты письмо прочитал?

— Допустим.

— И какое у тебя отношение?

— Никакого. Я в эти игры не играю. Но если вы, господин полковник, меня сильно заинтересуете, то я вас сведу с человеком, который в помощи не откажет.

— У меня два билета на завтра, требуется лишь фамилии вписать, а дальше не наше дело.

— А за посредничество я желаю получить беспроцентную ссуду на строительство второй линии лесопилки. И чтобы никакой Кастро моих парней не трогал.

— Договорились.

Два боевика Кастро давно рвались в группировку Николая Тишина. Переговоры вел охранник Тишина, но дело застопорилось. Сейчас Николай вспомнил об этих бойцах и тут же послал к ним своего охранника с наказом: "Выполните задание, получите кучу зелени и место рядом с Тишиным. Кастро будет молчать. Билеты и деньги получите завтра у администратора гостиницы "Восток".

Охрана Николая получила в кассе Аэрофлота два билета на имя Юрия Косача и Петра Фетисова, а в гостинице "Восток" водитель назвал пароль и, вручив растерянной девушке сто долларов, забрал посылки и отнес хозяину.

Не вызывало сомнений, что боевиков из Катуня собираются использовать в качестве киллеров.

В Москве решили кого-то убрать, разузнали, что у заместителя премьера сводный брат среди бандитов крутится, и взяли безвольного Сему за горло. Либо поставь нам киллеров, либо мы тебя ославим в газетах и по телевизору, пойдешь вновь помощником депутата-придурка. И хотя Николай понимал, что положение Семена безвыходное, однако жалости к брату не было, одна злость. И желание отомстить. Ты, сука рваная, хочешь моими руками человека замочить? Я тебе устрою жизнь, место помощника депутата тебе, падла, раем покажется.

Когда билеты и для бойцов Кастро, и на более ранний рейс для Николая и Мефодия были уже на руках, авторитет задумался и понял, что первоначальный план его всего лишь детская глупость и без Мефодия ему не обойтись.

Они сели за стол, поставили самовар, начали думать.

— Мне в Москву прибывать нельзя, — сказал Мефодий. — Я тут должен быть, на людях, и якобы с тобой больным по телефону калякать. Бабы у нас верные, умрут, но прикроют. Ты лежишь с температурой, тебя парят да малиной отпаивают.

— Не уговаривай, я понял, что ты не со страху назад попер. Билеты необходимо сдать официально, чтобы ни ты, ни я ни в

каких бумагах не числились, — согласился Николай. — Но придется с одним из бойцов договариваться. Их уберечь необходимо, а без нас ребят замочат в первые сутки.

Мефодий долго молчал, вздыхал, скреб в затылке. Наконец старый вор медленно заговорил:

— С сегодняшней ночи ты болен, у изголовья, не отходя, сидит Настя. Тебя лежачего должны увидеть твоя охрана, Кастро. Все дела я беру на себя. Ты прав, билеты сдадим в кассу, чтобы все было официально. Сам поедешь поездом, общим вагоном. Полковник, что был тут, мужик опытный, он наверняка первый рейс проводит, а сам полетит вторым, чтобы иметь бойцов на глазах. Мне требуется с одним из них переговорить ночью. Из Москвы мне позвонишь, я тебе пару слов скажу, а теперь отдыхай. Одежонку я тебе подберу, чтобы не светился, аки армарочный фонарь.

У Мефодия был один верный человек. Его в давние времена старый вор спас от тягчайшего позора, который творили в зоне. Потому на зов пахана Свисток прибыл немедленно.

Мефодий не стал вспоминать давние времена, сразу приступил к делу:

— Юру Косачева знаешь? Где он сейчас обитает, найдешь?

— Без вопросов.

— У меня к нему базар есть. Волоки его к себе, я часа через два буду.

— Велика честь. Такая мелочь, куда скажешь, сам пристебает.

— Я тебе все сказал... — посуровел Мефодий.

В условленное время Свисток встретил старого вора метров за пятьсот от своего дома.

— Сидит, ждет. Выпить хочет, аж дрожит...

— Лады. Стой на шухере. Я через час буду.

Юрок — плотный, сильный мужик — сидел за столом, пил чай. Стакан дребезжал о блюдце. Когда Мефодий вошел, парень вскочил.

— Зачем обеспокоились, Сапсан...

Мефодий лишь глазом зыркнул. Достал из-под куртки литровку самогона, круг колбасы. Взял с серванта стаканы, один налил до краев, другой лишь наполовину, кивнул Юрку:

— Пей, разрешаю.

Юрок выпил, дрожь унял.

— Ты башку-то не потеряешь?

— Как можно, Сапсан, не малое дитя. Большое дело доверили, такие деньжищи отвалили.

— Я на тебя поставил, и Акула на тебя. Чуешь?

Юрок напружинил грудь.

— Режьте, не подведу.

— Ты понимаешь, что вас обоих на верную смерть посылают? — спросил Мефодий.

— Допер уже, потому и дрожу. Таким малявкам огромные деньги даже в гроб не кладут.

— Выполнишь, что я велю, живым вернешься, и деньги твои никто не тронет, будешь жить спокойно. Это я тебе обещаю. Вор в законе словами не бросается.

— Знаю. — Водка уже достала парня, он осмелел.

— В Москве вам велят кого-то замочить, но после вы и сами долго не проживете.

— Это я уже скумекал, — ответил Юрок. — Откажешься — здесь замочат. Верняк. Куда деваться, Сапсан?

— Меня слушать. Вас встретят, отвезут на хату, но дела сразу не будет. Ты скажешь, что охота Москву посмотреть, главную улицу увидеть. Тебе ответят, что после дела и посмотришь. А ты стой на своем, мол, такова твоя последняя воля, иначе в отказ идешь. Спорить с тобой не станут и повезут по Тверской.

— Я улицу Горького знаю, бывал, — с гордостью сказал Юрок.

— Молодец. Тогда ты и Центральный телеграф знаешь.

— А то? Я там раз с бабой встречался.

— Еще лучше. Скажешь, что хочешь матери пять тысяч послать.

— А если не позволят? — спросил Юрок.

— У них выбора не будет, разрешат. Ты заранее на пачке “Беломора”, ты ведь его куришь, напишешь адрес и время операции. В зале иди к окошкам, где написано “Прием переводов”. Увидишь высокого малого в темных очках. Он будет деньги считать, толкнешь его и сунешь в карман его куртки свой “Беломор”. Имей в другом кармане вторую пачку.

— Для хитрых, — усмехнулся Юрок.

Мефодий посмотрел на него одобрительно.

— Цельная операция, — пробормотал Юрок.

— Еще не цельная. Вечером вас повезут и покажут место, где будет мочилровка. Ваше дело телячье, кого покажут, того и замочите, а когда из подъезда выскочите, то там рядом с вашей, еще одна машина окажется, так вы в нее и сядете, якобы со страху перепутали. В той машине ваше спасенье.

— Могут приказать стволы бросить, — рассудил Юрок.

Мефодий согласно кивнул:

— Обязательно. Но запомни, без стволов вас в машину не пустят, она уйдет, уйдет и ваше спасение.

— А водилу в той машине нам слушать? — спросил Юрок.

— Когда ты его увидишь, не обмочись.

Когда Мефодий вернулся к Николаю, то застал там его охранников, троих “быков” из враждующей группировки и самого Кастро, прозванного так за окладистую черную бороду.

Николай в одних плавках лежал на тахте. Настя, мокрая от пота, массировала мускулистое тело авторитета.

— Добрый вечер, Мефодий, — сказал Кастро. — Вот зашли взглянуть на болящего. Узнать, не надо ли чего, ведь свои люди.

— У меня один такой свой грязный половик украл, — пробасила из угла Варвара.

Мефодий на гостей даже не взглянул. Взял за ухо начальника охраны, резко крутанул:

— Хорошо заплатили, сучонок? Почему чужие люди глухой ночью в доме?

— Виноват, — простонал охранник. — Отпусти, больно!

— Разве ж это больно? — удивился Мефодий. — Вот когда я тебя за яйца подвешу, вот тогда действительно больно станет. — Старый вор неторопливо повернулся к Кастро. — Хочешь на сходке перед людьми ответ, беспредельщик, держать? Уйди тихо, я с тобой после с одним поговорю, не желаю авторитета твоего перед людьми позорить.

— Я по-доброму хотел... — забормотал Кастро.

Через секунду в гостиной никого не было. Дождавшись, когда ушли и женщины, Мефодий рассказал о своем разговоре с бойцом. Николай поморщился.

— Не нравится мне все это. Больно просто выходит, да и исполнитель трус.

— Верно, трус, — согласился Мефодий. — Так какой стоящий авторитет на такое дело стоящего человека пошлет? А чего ФСБ своего киллера не отрядило? Нету у них? Всех грипп уложил?

— Они моего родственничка желают замазать и убрать, — сказал Николай.

— Верно. Только дай мы им умных, стоящих бойцов, они сразу бы подвох начали искать, знают, просто так ничего не случается. Кого они хотят замочить, наше дело?

— Да плевать, хоть бы всю Думу замочили, воздух в России чище бы стал, — рассмеялся Николай.

— И я так полагаю, — согласился Мефодий. — Но они желают твоего братца с горки спихнуть, а мы хотим его в своей петле иметь. Они, как наших парней увидят, вмиг поймут, прислали бросовый товар. И подумают, что мы играем честно. Половину дела сделаем, дальше видно будет.

Мефодий, словно нянька, следил, чтобы Николай одеждой походил на провинциального делягу с небольшим доходом. Джинсы, грубые ботинки, простенький свитер домашней вязки, дешевая толстая куртка под кожу неизвестного производства.

Когда Николай потянулся к пистолету, Мефодий ударил его по руке.

— Двинулся? Ты в Москву едешь, проверить могут в любой миг. Пушку обнаружат — конец. Валюту не бери, обойдись нашими. Поселишься в гостинице “Минск” на Тверской. Не пей, баб в номер не таскай, могут к ерунде придраться.

— Обучаешь ты меня, Мефодий, как мальчика, — обиделся Николай.

— Мы оба с тобой дурни последние. — Мефодий потряс сокрушенно головой. — Решили нынче ночью проходящим поездом уехать.

— Чем плохо? — удивился Николай.

— Парни вылетают завтра, и самолет будет в Москве раньше поезда. Если ты их в аэропорту не зацепишь и на хвост не сядешь, то мы словим пустышку. Человека в Москве не найти. И все, что мы с тобой задумали, в толчок кинуть и за веревочку дернуть.

Поняв, что старый вор снова прав, Николай вздохнул и опустил на тахту.

Мефодий взглянул на часы, хлопнул Николая по литому плечу.

— Не тушуйся, я уже карты пересдал. Полетишь в шесть утра грузовым самолетом. Ты в списке команды грузчиком записан.

— Когда же ты успел, черт старый? — вскинулся Николай.

— За мой срок в зоне разных людишек пришлось повидать. Я тебе еще в Москве тачку с водилой организовал. В столице без тачки пропадешь. Теперь слушай внимательно. В аэропорту встретит тебя мой давний поделщик. Когда-то знатный вор был, большим авторитетом в зоне пользовался, но сейчас от дел отошел. Он просто будет возить тебя, и все. Зови его по имени-отчеству — Сергей Васильевич. Он женат, имеет двоих детей, рискует по старой дружбе и за деньги, его этот кризис сильно ушиб.

— А он случайно на ментовку не стучит? — спросил Николай.

— Не знаю, может, и стучит, — спокойно ответил Мефодий. — Нам до его жизни дела нет. Тебе он поможет, оно и главное. Значит так. Ты владелец лесопилки, сейчас сильно расширяешься, а напарник твой вроде дурака валяет. Потому в Москве желаешь за ним проследить, выяснить, правду он тебе говорит или “вола крутит”. Как в машину к нему сядешь, отдай деньги вперед.

Мефодий протянул Николаю тяжелый пакет.

— Тут сорок тысяч зеленю.

— Доля Юрки Косача? — Николай прикинул пакет на руке.

— Тебе без дела, — сухо сказал Мефодий. — В Москве только на мысочках ходить. В морду плюнут, а ты и не заметил. Ну, с Богом, Николаша, будь умницей.

Бойцы Юрий Косач и Петр Фетисов долетели комфортабельно. Их встречали два очень молодых парня. Когда они сели в черную сверкающую "Волгу", Петр хмыкнул и весело сказал:

— А в Москве права до восемнадцати дают?

— В Москве права дают не по годам, а по уму, — ответил парень за рулем. — Ты бы только до крематория получил.

Сотрудники ФСБ не хотели пачкаться в непонятном деле и поручили встречу бойцов курсантам, которые проходили практику в одном из подразделений. Но полковник, ведущий разработку, не бросил пацанов, а в неприметных "Жигулях" двинул за ними от аэровокзала в город.

Сергей Васильевич Усков быстро засек сопровождение, не удержался и ехидно сказал:

— А твои подельники, Никола, в столице люди уважаемые, их ведут, как серьезную птицу. Пацаны в "Волге" вроде шавок, а серый волк за ними приглядывает. Ну, мы разных видели, тачка у нас невидная, продержимся.

На шоссе "наружку" вести было просто, когда въехали в город, Усков надел беретку, прикрыв седую голову.

— Ты, парень, опустишь на сиденье, приляг.

Николай молча лег и незаметно задремал. Проснулся от толчков в бок.

— Здесь, полагаю, ихняя лежанка. Сейчас твоих улусов куда-то повезут. Видишь, "жигуль" ушел, а "волжанка" осталась, значит, сегодняшняя программа не окончена.

Юрия и Петра привезли на захудалую конспиративную квартиру. Молодые оперативники, гордые и довольные полученной самостоятельностью, открыли форточки, начали командовать:

— Вначале протрете пыль, а затем лезете в ванную, моетесь, бреетесь...

Когда бандиты, вымытые и посвежевшие, появились в гостиной, курсанты рылись в шкафу, подбирая для них одежду. На столе лежали короткий автомат и пистолет. Бандиты посмотрели на оружие с удивлением, так как никогда не держали в руках ничего подобного.

— Оружие американское, автомат "Агран-2000", пистолет — "Беретта Гардоне", завтра с утра поедем постреляем, — сказал Виктор, один из курсантов, явно старший.

Виктору и его напарнику Леше, конечно же, не объясняли, что после завершения операции их подопечных ликвидируют, но ребята уже достаточно набрались опыта от своих преподавателей, от бесед вышедших в тираж разведчиков, и догадывались, что татуированные бойцы на белом свете не жильцы.

Виктор собрал вещи наемников, упаковал в мешки и вынес на площадку, бросил в мусоропровод. Внизу мешки подхватили, и вещи тщательно исследовали. Полковник был достаточно высокого мнения о Николае Тишине и допускал, что Акула мог

вести и свою игру, а потому снабдить своих посланников современной электроникой. Открытая туповатость и недоразвитость настораживала опытного Олега Васильевича. Но, тщательно проверив одежду этих придурков, полковник решил, как и предвидел Мефодий, что авторитеты отдали совсем бросовый товар.

Бойцы оделись в простую неброскую одежду, сели к столу.

— Вы люди опытные, — польстил им Виктор. — Сами знаете, если на сегодня работа не закончена, спиртное лучше придержать.

— Ясное дело, — авторитетно ответил Юрий. — У нас проверенная норма. У Петьки — стакан, у меня — два.

Курсант Алексей молчал, он был сильно разочарован, что знаменитая фирма использует столь одноклеточных исполнителей. Романтически настроенный парень не догадывался, что ведущий операцию полковник сам бы с удовольствием отказался от услуг уголовников и заменил бы их на тех же курсантов. Но ликвидировать курсантов, имеющих личное дело, десятки товарищей, уж очень сложно.

Трапезничать закончили быстро.

— Ну, куда теперь? — поинтересовался Петр.

— Подъедем, взглянем на место операции. Затем вернемся, отдыхаем и ждем команды, — ответил Виктор.

— Прокати нас по Тверской, охота на вечерний город взглянуть, — сказал Юрий, — а то, может, начальство нас тут заарестует, и будем сидеть, словно попки.

— Решим. — Виктор поднялся.

Мотор с виду старенькой “Волги” Ускова урчал уверенно. Николай вновь задремал на заднем сиденье. Водитель, не отрываясь, смотрел на подъезд и стоявшую рядом черную “Волгу”. История, в которую влез из-за денег старый вор, нравилась ему все меньше. Сергей Васильевич, агент под псевдонимом Лысый, состоял на связи у серьезного оперативника уголовного розыска, не раз участвовал в подобных операциях и понимал, что он имеет в противниках не уголовку, а ФСБ, и делается все тяп-ляп, по-дилетантски.

Бывший вор, нынешний агент, решивший услужить старому подельнику и подработать на стороне, рассуждал совершенно верно. Не знал только, что ФСБ в данном случае выполняет не плановую работу, а участвует в групповом заговоре. И возможности у них сильно ограничены как в подборе людей, так и в техническом обеспечении.

Усков обернулся, толкнул Николая. Тот поднялся быстро, спросил:

— Вышли?

И в этот момент из подъезда появились четыре знакомые фигуры.

— Смотри, они наших бойцов переделали. Неужто на дело повезут?

— Сейчас — нет, — уверенно ответил старый вор. — Оружие, какое ни есть, а чужое, его требуется опробовать. Место нападения осмотреть, жертву под наружкой подержать. Человека убить просто, но все одно, не по грибы сходить. Самое малое, дня три уйдет на подготовку.

— Я терпеливый, Сергей Васильевич, подожду... — ответил Николай, а сам подумал, что ради того, чтобы удавку на суку брательника накинуть, готов и неделю, и две выжидать.

“Волга” с клиентами двинулась к Садовому. Уже давно наступил вечер, зажглись огни, исчезли грузовики, осталось больше легковушек. Усков держался поодаль, напряженно высматривая знакомый “жигуль”, но его не было.

— Нам ночью следует тачку сменить, не на тетеревов охотимся...

— Деньги? Сколько?

— Пятьсот. Да напарника я должен в машину прихватить, так еще пятьсот, зеленую, конечно, — ответил водитель. — У меня глаз замыливается, а ты Москвы не знаешь.

Николай молча отсчитал тысячу долларов.

— Ты парень подходящий, но работаем мы с тобой по-деревенски, — заметил Усков.

— Я и есть из деревни, — спокойно ответил Николай. — Не дрожи, я фартовый.

Неожиданно “Волга” свернула в переулок, а Ускову перекрыл обзор троллейбус, вставший у светофора.

— Ну, вот, если они проверяются или им еще по переулкам петлять, то наша работа закончилась, — философски изрек Усков.

— Не каркай, — ровным голосом сказал Николай. — Полагашь, они от хорошей жизни в работе пацанов используют?

— Я об этом давно думаю, — пробурчал Усков.

Николай не должен был преследовать “Волгу”, а ждать Юрия на Центральном телеграфе, но авторитет не верил дебильному здоровяку и решил рисковать, но видеть все своими глазами.

Ушел троллейбус, зажегся зеленый свет. Усков свернул в переулок. “Волги” не было. Водитель хорошо знал район и решил, что на Кутузовский пацаны выезжать не станут, потому свернул еще в один переулок и в конце его увидел стоявшую “Волгу”, но номер ее разобрать не мог. Усков медленно двинулся к “волжанке”, чтобы взглянуть на нее вблизи, а в этот момент из подъезда нового дома появились наемники. Юрий с Петром сели в машину, и та, набирая скорость, двинулась к центру.

— Сергей Васильевич, — сказал Николай, — будем считать, они выезжали на место. Двигай на Тверскую и, не торопясь, катись к телеграфу, видится мне, что они сейчас там объявятся.

Минут через тридцать они затерялись на стоянке у "Националя". Пешком подошли к телеграфу и вскоре увидели рослого Юрия Косача и одного из курсантов. Они поднимались по широкой лестнице и о чем-то спорили. У дверей Юрий поднес к носу парня здоровенный кулак, и через несколько секунд они скрылись в здании телеграфа.

— Подожди. — Николай тронул спутника за рукав. — Что-то мне один мужик не нравится, я его не в первый раз вижу.

— А где раньше видел? — забеспокоился Усков.

— Да дома, в Катунь.

Он не ошибся. Вслед за Юрием и курсантом шел тот самый полковник, который наведывался к Николаю домой. Полковник слышал по связи, как здоровенный бандит объявил о своем желании проехаться по Тверской, а позже заявил, что ему необходимо зайти на Центральный телеграф, перевести матери деньги.

У него там назначена встреча, авторитет Николай ведет против брата свою игру. Николая необходимо нейтрализовать, рассуждал полковник, направляясь к окошку, около которого возился с кипой денег Юрий.

И купюры мелкие, отметил полковник, целый час их считать будет. Он явно кого-то ждет. А ждать ему, кроме Акулы, некого. Сейчас Николай выплывет. Придется встретиться лоб в лоб и объявить, что если авторитет немедленно из Москвы не уберется, то мы ему... Черт, почти готовая акция может сорваться. Полковник шарил взглядом по залу.

Юрий наконец посчитал деньги, сунул их в окошко, схватил квитанцию и быстро зашагал к выходу. Отморозки чертовы, клял себя полковник, ничего у них не поймешь. Меня сейчас могут видеть с десяток сотрудников. Как я объясню свое появление здесь?

А понимать в поведении громилы было совершенно нечего. С утра он чувствовал себя прекрасно, страх куда-то пропал. Юрию нравилось командовать напарником и давить своей массой мальчишек-оперативников. Он легко добился, чтобы его прокатили по Тверской, заявил, что необходимо послать перевод матери, но когда вошел в операционный зал и увидел множество окошечек, неожиданно вспомнил, что адрес, где они были недавно, он на пачке "Беломора" не написал. И с ужасом понял, что и сам адрес забыл. Юрий считал деньги, сбивался, считал снова, пытался вспомнить адрес. Он весь покрылся холодным липким потом и мечтал лишь об одном: скорей из зала умотать, а там будь что будет.

Проводив наемников и мальчишек из ФСБ до их подъезда, Усков поехал через всю Москву в какой-то замызганный гараж менять свою тачку.

Новый водитель Акуле понравился. Худощавый мужик лет сорока с небольшим, с руками, в которые до могилы вьелись

масла и металлическая пыль. Он молча выкатил из гаража не известную Николаю иномарку, загнал на ее место "Волгу". Подождал, пока Николай и Усков усядутся, и плавно двинулся по избитой дороге.

Они заехали в большой сверкающий магазин, купили еду, бутылку водки и несколько банок воды. Затем прибыли к подъезду конспиративной квартиры. Кинув на пальцах, кому когда спать, а когда дежурить, начали ужинать. Так как Николаю выпало дежурить в последнюю очередь, с четырех утра, он с чистой совестью выпил стакан водки.

Около пяти из подъезда вышли курсанты с наемниками, сели в машину. Иномарка бесшумно двинулась следом. Выехали к окружной, затем свернули на грязный проселок. Вскоре замаячил еле различимый в темноте забор стадиона. Чтобы не засветиться, Усков решил машину оставить в кустах. Дальше Николай пошел один. Увидев ангар, подходить не стал, присел невдалеке на пустые ящики, прикинулся пьяным. Через некоторое время появился дворник, Акула вынул из кармана початую бутылку водки, окликнул мужика с метлой:

— Земеля, кусочка хлеба не найдется?

Тот подошел, окинул загулявшего понимающим взглядом:

— Ты как сюда забрался, парень? Тут и жилья-то поблизости нету.

Николай отхлебнул водки, сплюнул:

— И как ее, проклятую, пьют? Загуляли мы, видно, потерялись, — он указал на ящики. — Вздремнул чуток. Как в Москву добраться?

— Ногами. — Дворник достал из кармана целлофановый пакет, вытащил полбуханки черного хлеба, ножку курицы. — Давай делиться.

Они допили водку, съели нехитрую закуску. Дворник сунул в ватник пустую бутылку, махнул рукой, указывая направление.

— Выйдешь на окружную, может, и повезет, кто подбросит...

— А если туда? За этим здоровым сараем никакой шоссейки нет?

— Здесь тир. Менты и вояки стрелять учатся. Дальше деревенька с десятком домов, потом поле. Увязнешь. — Дворник потерял к забудыге интерес, вернулся к метле.

Николай залез в машину, закурил.

— Точно, тир, — сказал он.

Усков переглянулся с приятелем. Николай почувствовал, что разговор шел о нем, и разговор недобрый.

— Двинули. Нам тут больше искать нечего. Настреляются, вернутся на свою хату. — Усков замаялся. — И вот еще что. Я из дела выхожу, дружан мой тоже. Провальное ты дело задумал, а Мефодий с годами из ума выжил. Тут не то что вышка, до суда

не доживешь... Ты уж мне поверь. Давай расстанемся и забудем.

— Годится, — сказал Акула. — Поедем в гараж, заберем “волжанку”.

— Могу старенький “жигуль”-трешку отдать. Права имеешь? Доверенность сделаем, тачка на ходу, — предложил водитель.

Так и сладили. Взяли “Жигули”, “Волгу” опять в гараже оставили. Водитель протянул Николаю ключи, техпаспорт и доверенность.

— Там только фамилию твою вписать. “Жигуль” старенький, в розыске не значится.

Николай повернулся к Ускову:

— Поехали разбираться.

Они поехали в центр и легко получили одноместный, вполне приличный номер в гостинице “Минск”. Взяли в буфете бутылку коньяка, кофе и конфет, поднялись в номер. Акула опустился в кресло, указал пальцем на кресло напротив и сказал:

— Исповедуйся.

— Стар стал. К покою привык. Думал, сдюжу, но понял, что не гожусь. — Усков аккуратно пригубил из рюмки. — Ты парень с мозгами, но не оперативник. Допустим, твои лохи дело исполнят, и ты сумеешь их увезти. Наверное, ты кого-то прижать хочешь. А кого ты можешь прижать, коли сам соучастник? Ведь как только ты бугаев с места мокрухи возьмешь в машину, так полностью становишься соучастником. А опытный следок в тебе вмиг организатора определит, и статья твоя конца иметь не будет.

— А ты, значит, в милиции служишь? Стукачом, — сказал задумчиво Акула. — Плохо.

Николай подвинул столик с телефоном, набрал междугородный номер. Трубку сразу взял Мефодий.

— Никола? — закричал он. — Как дела в столице, как товар, чего не звонишь?

— Здорово, отец, — ответил Акула. — Не кричи, все в норме. Вот сидим в гостинице, кое-что посмотрели. Твой старый кореш коньяк пьет, а помогать в покупках отказывается.

— Дай сюда, я объясню, — зарычал Мефодий.

— Здорово, — севшим голосом произнес Усков и замолчал. Слушал.

Акула отобрал у него трубку.

— Мефодий, это снова я. В городе порядок? Ну и хорошо. За меня не беспокойся, Сергей Васильевич мужик правильный, мы с ним, уверен, договоримся. Буду звонить каждый день в это время, — и положил трубку.

Усков сидел в кресле, согнувшись, закрыв глаза. По его глубоким морщинистым щекам текли слезы.

— Чего разнюнился, как баба? Чего такого тебе Мефодий сказал?

— Он спросил, — икнул Усков, — он спросил, сколько моим ребятам годков?

Акула знал своего крестного и понимал, что это не пустая угроза. Видно, Усков тоже хорошо знал Мефодия.

— Пока я живой и на свободе, никто не посмеет и пальцем тронуть твоих пацанят!

— Ты не знаешь воров! Аленке уже семнадцать, на сходке ее порвут.

— А ты не знаешь меня, — тихо ответил Акула. — Если что, то первым умрет Мефодий.

— Ты что же, против своих пойдешь? — не веря, спросил Усков. — Тебя же везде найдут.

— Мы сделаем так, — отмахнулся от вопроса Акула. — Мне показываться на глаза моим бойцам нельзя. Ты прав, сразу соучастника прилепят, а то и организатора. Где моя дурья башка раньше была? Но я своего добыю. Ты “Волгу” перегони в свой гараж. Ездить будем на “Жигулях”. Вопрос один. Как определить момент мочилочки. Думаю, что мочить будут обязательно вечером. Поутру народ на работу идет и машин на шоссе много. Эх, знать бы, кого они хотят порешить...

— Николай, я завтра поутру подъеду к жилью жертвы, встану в сторонке и погляжу, кто из подъезда выходит, на чем едет. Я так понимаю, раз замешаны фээсбэшники, то жертва не простой человек, и за ней должна придти тачка.

— Неплохо. Завтра с утра и двигай. И подумай, Сергей Васильевич, какую нам для стволов упаковку приготовить. Если все сложится, ты должен моих бойцов сразу отвезить на вокзал, а я забираю стволы и дую в аэропорт.

— Две лопаты, общий чехол, — ответил Усков.

Задуманное убийство депутата Думы Галины Старовой удалось. Дрожащие от страха уголовники не промахнулись. Бывший вор благополучно отвез их на вокзал. А Николай Тишин по кличке Акула на следующий день с горячими стволами сел в грузовой самолет, вернулся в теплую постель и продолжал избивать болящего.

Глава пятая

Вскоре в Катунь случилась перестрелка. Убили самого Кастро и еще трех боевиков. Банда Кастро распалась. Некоторые ушли из города, среди них Юрий Косач и Петр Фетисов. Сапсан, в миру Мефодий Сильверстович, собрал сходку, держал речь, вбивая подельникам мысль, что если никто работать не станет, то город рассыплется, и они тоже начнутдохнуть. И лучше бандитам затихнуть, а кто такой крутой, что ему рабо-

тать запаadlo, пускай с пустых палаток и нищих налог собирает. Скоро выборы мэра города, так следует поставить своего человека, Николая Николаевича Тишина. Он на церковь деньги дал, человек сильный и справедливый.

В загородном особняке Бунича приезжие полковники и местный майор Шаров сидели за круглым столом и играли в подкидного дурака. Мысли оперативников были далеки от карт, потому игра не складывалась.

Стас взял валета, которым хотел отбиться майор, кинул ему обратно:

— Ты, Семен, второй раз козырей путаешь.

Майор сгреб карты:

— Я не Юлий Цезарь, не могу одновременно несколько вопросов решать.

— Точно, ты не Юлий, и не Цезарь, ежели не можешь узнать, кто из боевиков Акулы перед убийством депутата уезжал из города.

— Я мент, кто мне чего скажет? — горячился Шаров. — Лев Иванович, вы хотели мою семью из города выслать.

— Хотел, да передумал, — ответил Гуров. — И, пожалуйста, не надувай щеки. Допустим, Семен, твои уедут. Среди братвы тут же шумок пройдет. Ясно же, раз семью начальника розыска прячут, пора заряжать стволы. А мы ничего делать не собираемся, зачем людей нервировать? Так звонить кандидату в мэры Николаю Тишину, звать его на обед, или пустая затея?

— Ты, Лев Иванович, головы нам не морочь, — сказал Стас. — Ты вопрос уже решил, я с тобой согласен. Действуй.

— Прост ты, Стас, как оглобли, — усмехнулся Гуров. — Тебе все годится, только чужими руками.

— А ты не прикидывайся Красной шапочкой, решил — вперед.

— Ну, ежели ты приказываешь, — якобы неохотно протянул Гуров, доставая из кармана сотовый телефон.

— Слушаю вас, — ответил грубый женский голос.

— Добрый день, — сказал Гуров. — Меня зовут Лев Иванович, могу я поговорить с Николаем Николаевичем?

— Добрый день, полковник, — прозвучал уверенный мужской голос. — Я слушаю.

— Николай Николаевич, мой друг приглашал вас к нам на обед. Как вы к этому относитесь?

— Можно, Лев Иванович. — Чувствовалось, что Акула улыбается. — Когда и где?

— Остановились мы на Зеленой, в особняке господина Бунича. Сейчас двенадцать, так что давайте часиков в шестнадцать.

— Форма одежды парадная?

— Удобная, господин Тишин. Если не возражаете, возьмите с собой супругу. Красивая женщина за столом вносит определенный шарм и сильно сокращает количество выпитого.

— Значит, в шестнадцать? — Николай выдержал паузу. — И никаких сюрпризов?

— Что за застолье без сюрпризов? — удивился Гуров. — Мы люди русские, не немцы какие-нибудь. Ждем. — Он отсоединился. — Ну, ребята, вы занимаетесь столом, а я отъеду на чашик-другой.

Гурову не давала покоя мысль о судьбе бывшего директора цирка Алексея Ивановича Колесникова, по кличке Капитан. Рассказ циркового клоуна Классика о беспробудном пьянстве и близкой кончине общего друга казался сыщику чудовищным. Следовало сделать все от него зависящее, чтобы помочь, решил Гуров и поехал к Капитану.

Дверь в квартиру Колесникова была открыта, но хозяина дома не оказалось.

Гуров ужаснулся. Потехи на стенах, грязные окна, неубранная кровать. И везде — на столах, на полу — грязная посуда и пустые бутылки. А главное, воздух. Таким воздухом нормальный человек дышать не мог.

Гуров распахнул окно и услышал за спиной женский надрывный голос:

— Взять тут уже нечего! Пошел отсюда, вурдалак! Добили мужика окончательно!

Гуров повернулся и увидел в дверях женщину лет тридцати.

— Вы кто будете?

— Я друг Алексея Ивановича, — ответил Гуров. — Из Москвы приехал. А вы соседка?

Женщина облизнула губы, провела ладонями по волосам:

— Соседка, Машей зовут. Нету его? Значит, в магазине побирается... Его в больницу бы срочно. Так кто за лечение заплатит? А если без денег, там еще хуже.

— Маша, квартиру в божеский вид привести... не возьметесь? Я заплачу.

— Так сколько же можно? Я ее разов десять мыла. Его дружки, что из цирка, уж и жили тут, все без толку. — Маша заплакала.

— А мы в последний раз все заново сделаем, — уверенно произнес Гуров. — А магазин где? — Он протянул женщине деньги. — Хватит?

— Да Бог с вами! — Маша хотела отпихнуть деньги, но не удержалась, взяла. — А магазин направо, через дом.

В магазине Гуров прошел сквозь тройки и четверки, которые, дрожа, распивали красное вино. Неожиданно на него налетел небритый детина, тяжело выдохнул:

— Дай червонец.

— Не дам. — Гуров отстранил пьяницу, но тот вцепился в рукав.

— Жалко, да?

— Лешку Колесникова знаешь? — спросил Гуров.

— А то. Но у Лешки нету, он сам с похмелья погибается.

— Отведи к нему, получишь червонец.

Алексей Колесников, бывший директор цирка, грозный Капитан, сидел в подсобке и, обхватив стакан двумя руками, пытался отхлебнуть жидкий чай.

— Глотай, милоч, полегчает, — говорила стоявшая рядом уборщица. — А на портвейн у меня нету. Разве я бы отказала? Я щас тебе валерьяновку достану.

Гуров тряхнул Капитана за плечо.

— Здорово, Леша!

По бессмысленной мути в глазах Гуров понял, что Колесников его узнать не способен. Он оставил приятеля в покое и отправился в винный отдел. Здесь не было ни покупателей, ни продавца. Лишь один браток с литой шеей и бритым затылком грохотал кулаком по прилавку и выплевывал разные слова. Гуров молча встал рядом.

Неизвестно откуда выскочила дородная женщина в замызганном халате.

— Витун! Милоч! Тута я! Ну отошла на чуток. Тебе чего?

— А ты не знаешь! Подшпники горят, а тебя, стерва, на месте нет! — Он шлепнул на прилавок сотню, прижал грязной ладонью. — Мою персональную! И смотри, если самопал задвинуть захочешь, удавлю!

— Бог с тобой. — Продавщица нагнулась, вытащила из-за прилавка бутылку коньяка.

Мальчонка сорвал пробку золотыми зубами, глотнул. На секунду застыл, затем снял руку с сотенной купюры, довольно кивнул. Наконец Витун забрал сдачу, сунул бутылку в карман и отошел. Сыщик так же прилепил ладонью сотенную и, глядя мимо продавщицы, отчеканил:

— Коньяк из того же ящика. Смотри, не ошибись.

Продавщица удивленно взглянула на его застывшее лицо и быстро нагнувшись, подала бутылку, так же быстро отсчитала сдачу.

Вернувшись в подсобку, Гуров взял Колесникова под руку и повел к выходу.

— Нальешь? — еле слышно спросил Капитан.

— Обязательно. — Гуров доволок приятеля до машины, усадил на переднее сиденье. Проехав два квартала, остановился. Он открыл бутылку, помог Колесникову выпить. Тот отер выступившие слезы, посмотрел на Гурова и равнодушно произнес:

— Мент объявился. Никак с нашими бандитами вновь драться решил?

Лицо у Колесникова порозовело, на лбу выступил пот, и его затрясло. Сыщик повторил процедуру, Колесников выпил и попытался схватить бутылку, но сыщик больно ударил его по руке.

— Я, Алексей, медсестра, но не милосердия.

— Дай еще, — пробормотал пациент.

— Только по шее. — Гуров убрал коньяк, включил двигатель. Вскоре они оказались у дома Сильвера и Классика.

Колесников долго вытаскивал из машины ноги, затем попытался подняться, но вновь упал на сиденье. Гуров крикнул Классика:

— Приятель, получите наложенным платежом.

Классик вышел на улицу, увидел друга и отвернулся.

— Напрасно стараешься, Лев Иванович. Его в больницу лучше отвезти.

— Умный, а глупости говоришь. Отвори двери пошире.

Сыщик выволок безвольное тело из машины, занес в комнату и свалил на широченную постель. Затем достал из кармана таблетку родедорма, открыл Алексею рот, забросил лекарство и укрыл его ватным одеялом.

— Все двери нараспашку, будто лето! — заявил Сильвер, входя в комнату. — Привет, Лев Иванович. — Он заглянул за ширму, покачал головой. — Эх-ма... Ты что же, полковник, нас всех содержать собрался?

— Почему всех? У меня друзей не так уж и много. Ставь чайник, Сашка, будем держать совет.

Вскипятили воду, нарезали хлеба и колбасы.

— Цирк закрыли? — спросил Гуров.

— Там сейчас склад. Какой-то делец под аренду снял, — ответил Сильвер.

— Выгоним. — Гуров повернулся к бывшему клоуну. — Ты что же, Николай, себя на ноги поднял, а друга помирать бросил?

— Живет тот, кто хочет, — ответил Классик.

— А ты злой, — заметил сыщик. — Алексея требуется поднять и к делу приставить.

— В крутом кипятке выварить и молодым красавцем сделать.

— Ты, Классик, жизнью рисковал, когда мне помогал, а сейчас руки совсем опустил, — осуждающе сказал Гуров.

— Человека из воды тащить можно, ежели он хотя бы за тебя цепляется. А если он отпихивается и на дно стремится, его не одолеть.

— Тебя Классиком за что прозвали? Ты великий артист, Божьей милостью! Тебя весь город знает. Надевай свой парадный мундир. — Гуров указал на старый фрак, висевший на манекене. — Бери котелок, тросточку, отправляйся по аптекам, больницам, объясни, друг помирает. Какие-никакие, но лекарства тебе дадут. Лешку к койке привязать, отпускать только в

сортир под конвоем. Завтра приду, проверю. Я вам всем работу найду.

— Ты сыщик или волшебник? — спросил Классик.

— Я помру, только когда закопают, и ни минутой раньше.

Вернувшись в загородный особняк, Гуров критически осмотрел уже накрытый стол.

— Красную рыбу, икру, коньяк со стола убрать. Отварите картошки в мундире, — приказал он. — Майор, ты за столом присутствовать не будешь. Акула бандит, а ты начальник розыска. Вам беседовать можно лишь в служебном кабинете или в изоляторе.

— Извините, Лев Иванович, а вы, случайно, не полковник Главка МВД России? — поинтересовался Шаров.

— Я, Семен, совершенно случайно оперативник. А потому при необходимости могу не только с бандитом, с самим чертом водку пить.

— Я тоже оперативник, — упирался Шаров.

— Возьми тарелочку, бутылочку, все себе в задней комнате приготовь. Акула приплывет, будешь слушать, как мы из него дельфина изготавливать будем.

— Лев Иванович, я тебя прошу, не грехи. Раньше времени “гоп” не говори, забор высокий, — сказал Стас.

— Дурак, я мандраж снимаю, духарю себя, завожу. — Гуров старался держаться беззаботно, а у самого кошки на душе скребли.

За время службы сыщику не раз приходилось принимать участие в разработке бандитов и воров различных мастей. Но сейчас все складывалось иначе. Выявлять никого не требовалось. Авторитет Николай Тишин был под носом, но возникало множество неизвестных. Здесь ли, в городе, убийцы Старовой? Кто именно? Где находятся? Сохранилось ли оружие, без которого ничего не докажешь? Какова роль самого Николая Тишина? Возможно, его болезнь — липовое алиби. Если так, необходимо доказать, что Акула не лежал с температурой, а вполне здоровенький находился в Москве. Он безусловно не исполнитель, скорее организатор. Убийство явно политическое. Но на политический расклад Акуле плевать с высокой горы. Он авторитет районного масштаба. Почему он принял предложение подонков из спецслужбы?

А тут еще друзья в беде, груз, который и не поднимешь, и не бросишь. Сыщик не мог отделаться от мысли, что Акула, естественно, не сам, а его боевики причастны к убийству семьи Колесникова и в результате уничтожили и прекрасного человека, самого Колесникова.

Серебристый “мерседес” вкатил во двор бесшумно. Сторож прибежал из своей избушки, распахнул дверцы машины. Николай легко вышел, подал руку Насте.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Стоя на крыльце, Гуров смотрел на счастливое девичье лицо и думал, что вот сейчас На-

стя влюблена и счастлива, а я, сукин сын, это счастье поломаю, и останутся лишь руины. И так сыщику стало тоскливо, что он чуть не застонал.

Николай, пожимая хозяйину руку, участливо спросил:

— Никак зубы беспокоят, господин полковник?

— Хуже, — ответил Гуров, помогая Насте снять невесомую шубку.

— Хорош дом у Бунича, зависть берет. — Николай прошелся по комнате, взглянул на стол и усмехнулся: — А вот угощает магнат не шибко.

— На столе то, что позволяет офицерское жалованье.

— Гордыня заела? — Николай подмигнул.

— Просто не люблю одалживаться, — пояснил Гуров. — Мы же с Буничем не друзья. Столкнулись однажды и только. Да, Николай Николаевич, а три года назад вас в городе вроде не было.

— Я иное место обживал, возвращаться туда не собираюсь. — Николай взглянул многозначительно.

— В народе говорят, от суммы да от тюрьмы не зарекайся.

Гость не ответил.

Стас взял бутылку "Токая", наклонился к Насте.

— Разрешите поухаживать?

Девушка взглянула на Николая. Тот хохотнул.

— Мы люди простые, к водке привыкшие.

— Как прикажете. — Стас ловко наполнил рюмки водкой.

Николай поднял свою рюмку, хотел произнести тост, но Гуров его опередил:

— За прекрасную даму, которая почтила нас за этим столом. — Он по-гусарски отставил локоть, поклонился Насте и выпил. — Счастья вам, голубушка, если оно еще существует в этой стране.

— Силу надо иметь, господин полковник. Все остальное приложится.

— Ты не первый это сказал, — заметил Гуров. — У тебя были известные предшественники. Гитлер, Сталин.

— Я не политик, господин полковник. — Николай смутился.

Гуров сменил разговор:

— Мы чертовски трудно живем, но, надо признать, возможность выбора огромная. Возьмем тебя, имеешь лесопилку, светлую голову, организаторские способности. Я не говорю о высоких материях, но ты можешь зарабатывать большие деньги, ездить по многим странам, возить жену. — Он повернулся к Насте. — Вы хотите побывать в Италии, Париже?

Настя покраснела:

— Там надо мной будут смеяться.

Стас действительно рассмеялся и сказал Николаю:

— Не смотри на меня зверем. Ты имеешь бриллиант, а вместо того, чтобы надеть на лоб, дабы мужики от зависти дохли, прячешь в кармане штанов. Живешь в такой грязной дыре, играешь мускулами. Смешно. Эх, мне бы твои возможности.

— Вы лучше, господа хорошие, скажите, зачем в нашу дыру приехали? — разозлился Николай.

— Сам знаешь. Авторитета Андрея Тарасова убили из автомата “Агран-2000” и депутата Галину Старову из того же оружия, — сказал Гуров.

— Да из него сегодня по всей России палаят, — с вызовом ответил Николай. — Так вы считаете, что такую никчемную железку повезли из Катуня в Москву?

— Мы люди служивые. Нам рассуждать не положено. Мы приказы выполняем. — Гуров вновь наполнил рюмки. — Меня вызвали на ковер, спрашивают, мол, ты, сыщик, в Катуня бывал, город знаешь, бери ноги в руки и валяй в Катуня, взгляни, как там и что.

— Ну и как вам? — спросил Николай.

— Честно? — Гуров прищурился. — Я еще в Москве справки навел. В Катуня бандит на бандите, и жизнь здесь рубля не стоит. Но имеются два человека, у которых на плечах головы, а не кочерыжки. Николай Тишин да его наставник, старый вор в законе Мефодий Сильверстович.

— Во, мать твою! — воскликнул Николай. — Неужели нас в самой Москве знают? Или вам своей братвы не хватает? Шлепают коммерсантов и делег всех мастей, как уток в дни перелета! Далась вам наша Катуня, мать ее ети!

— Коля! — Настя бросила на стол вилку. — Я сейчас уйду!

— Видали? Она уйдет! — Николай выпил. — Ради смеха скажи, куда ты уйдешь?

Настя вскочила, из глаз брызнули слезы.

— Первый праздник в моей жизни! — Она побежала к двери, но Станислав подхватил ее под руку и увел в соседнюю комнату.

Гуров закурил, затем спросил:

— Как думаешь, Акула, сколько мужиков из десяти могут свою жену рублем попрекнуть?

— Да брось ты, я не хотел. — Николай снова наполнил рюмку.

— Ведь ты не пьешь, чего разошелся? — поинтересовался Гуров.

— Гниет все. — Николай выпил. — В старину на Руси мужик не то что попрекнуть, свою бабу мог вожжами отхлестать. И ничего, только больше любили.

— Наша Русь держава великая, — в тон ему сказал Гуров. — Конокрадов и других разбойников мужики ловили и на кол сажали. Ни тебе прокуратуры, ни доказательств. И позже особо не утруждались. Украл ведро картошки — девять граммов, опять же без суда и следствия.

— Верно, сегодня вас укоротили, — зашептал Николай. — Вы в престольной сплетен насобирали, прилетели, губы развесили, а тут полный ремиз. Основной подозреваемый в койке валяется. Приходится с ним за одним столом щи хлебать, разговоры разводить. А ты знаешь, господин полковник, ежели я мигну, в тебя моментом столько пуль засадят, “Калашников” задымится.

— Только не пугай! — Гуров махнул рукой. — Ты еще рюмку выпьешь и начнешь Москву приступом брать. Ты меня пальцем тронешь, тебя братва за ноги в центре города повесит. Лучше седлочку попробуй, на базаре купили, знатный “залом” попался.

— Господин полковник, вы зачем меня пригласили? — спросил Николай.

— Мирно перекусить, рюмку выпить. Но и просьба у меня к тебе имеется, — ответил Гуров.

— Позовите Настю, будем сидеть, как люди.

— А извинишься перед девушкой, ручку поцелуешь? — улыбнулся Гуров.

Николай поднялся, постучал в дверь, за которой спряталась Настя. Открыл Стас.

— Настя, извини ты меня за ради Бога. Я к слову сказал, не со зла. — Николай, взглянув на Гурова, поцеловал ей руку. Девушка вспыхнула и отдернула руку, словно обожглась.

— Никола, ты чего?

— Молчи, так положено. Пойдем, выпьем мировую.

Когда все расселись и налили по новой, Гуров сказал:

— За наших друзей. Я воспользуюсь случаем, что Николай в хорошем настроении, и обращаюсь к нему с просьбой. Понимаешь, парень, в вашем городе был цирк, чуть ли не лучший во всей округе. Так его под склад сдали. Артисты с голоду пухнут. Директор запил вмертвую, уже ноги не ходят. Скажи братве, чтобы они помогли арендатору товар под крышу мэрии перенести. Только без крови. И еще. Директор цирка пекарню свою имел, да ребята с юга выгнали его, наверняка администрацию подмазали. Алешка такие торты изговлял, вся область лопала и облизывалась. Верни пекарню Колесникову. Люди тебе спасибо скажут.

— Я, господин сыщик, за “спасибо” в жизни ничего не сделал. — Николай нахмурился.

— Ты, Николай, в жизни еще много чего хорошего не сделал, — усмехнулся Гуров. — Так что у тебя все впереди. А ребятам своим скажи, чтобы они портреты твои в городе сняли. Это враг твой велел их развесить. Признаться, придумано недурственно и очень для тебя опасно.

— Почему враг? И чем для меня опасно?

— В мэры тебе не пройти. Необходимо срочно заняться лесопилкой, взять кредит, начать строительство новой линии, нанять людей.

Стас с Настей убрали со стола, подали кофе. Николай взглянул на Гурова с прищуром:

— И кто мы с тобой теперь друг другу?

— Что бутылка водки изменить может? Ты авторитет по кличке Акула, я опер-важняк. По моему мнению, за тобой дел на червонец, как минимум.

— И вы можете меня посадить, пустить по этапу? — спросил с легким придыханием Акула.

— Обязательно. Сумею доказать, обязательно направлю. — Гуров вздохнул, взглянул на Настю.

Глаза у девушки были сухими, лихорадочно блестели, чувствовалось, она верит каждому слову сыщика.

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Николай, словно загнипнотизированный, прошел следом за Гуровым в кабинет, где стоял телевизор. Сыщик нажал кнопку дистанционного управления. Съемка была любительская, но вполне качественная.

На экране копали землю. Кучка женщин в черных платках стояла поодаль от свежевырытых могил.

Раздался бесстрастный голос диктора.

— В городе Катунь в двенадцать часов дня на Первомайской улице из проезжавшей мимо машины “джип” автоматными очередями были расстреляны люди, стоявшие за материальным пособием. По непроверенным оперативным данным, в машине находились пьяные молодчики из группировки некоего Николая Тишина по кличке Акула. Ведется расследование.

Экран вспыхнул яркими огнями. Замелькали женщины в декольтированных платьях, мужчины в смокигах. У шикарном накрытого стола толпились люди. Зазвучал тот же голос:

— А это банкет, устроенный одной из думских партий в честь своего очередного юбилея. Среди слуг народа и крупные чиновники.

Камера наехала на лицо мужчины, который жевал и что-то говорил своей даме.

— Это член правительства, вице-премьер Семен Николаевич Тишин. По проверенным оперативным данным, он сводный брат Николая Тишина. Сейчас отдыхает. Да и в чем дело? Здесь же никто не стреляет.

Материал секретный, к широкому показу запрещен.

Гуров нажал кнопку, экран погас.

— Его я тоже хочу арестовать. — Гуров закурил, удивленно посмотрел на пистолет в руке Акулы.

— Хочешь застрелиться? Только не в этом доме. И потом Настя. Что делать девочке, она же ни в чем не виновата.

— Почему себя? — прошептал Акула. — Я пришью тебя, господин полковник!

— А я тут при чем? Нашел крайнего. Спрячь пушку, а то привлеку за незаконное хранение оружия.

— Как собаку!

Гуров вынул пистолет из вялых пальцев Николая, положил себе в карман.

— Хозяину лесопилки оружие носить не положено. Пойдем.

Они вышли в гостиную, Настя, взглянув на мужа, выпрямилась и застыла. Стас наметанным глазом определил ситуацию, налил стакан водки, поднес Николаю.

— По русскому обычаю, на посошок.

— Да-да. — Николай автоматически выпил, не ощущая вкуса. Гуров пошел провожать гостей к машине.

— Ты в отношении цирка и кондитерской не забудь. Помнишь мужика в кадре, отдельно стоял? Мой друг, его семью твои парни по пьяни расстреляли... Ты сейчас ни о чем не думай, занимайся лесопилкой. Если дела пойдут, я Буничу подскажу, он тебе западного инвестора подкинет.

— А вы пока копать будете? — глухо спросил Николай.

— Зачем копать? У тебя все на поверхности. Пока неподсуден... Если больше ничего нет.

— А если есть?

— Найду обязательно, — заверил Гуров.

Сыщик прошел за машиной до ворот, помог сторожу опустить шлагбаум.

— А ты кому названиваешь? Если Сапсану, то сегодня отдыхай, я ему сейчас сам звонить буду.

У сторожа отвисла челюсть.

В сторожке Гуров сел к телефону, набрал номер. Старый вор не отвечал. Тогда сыщик позвонил Николаю. Трубку сняли почти сразу.

— Слушаю, — раздался голос Варвары.

— Варвара Никитична, ваши молодые уже выехали домой.

— Ну и слава Богу.

— Мефодий Сильверстович у вас? — спросил Гуров. — Дайте, пожалуйста, ему трубочку.

Услышав голос вора в законе, Гуров четко и размеренно произнес:

— Полковник Гуров беспокоит, Мефодий Сильверстович. Я тут с Николаем побеседовал и понял, в убийстве депутата Старовой ваш крестник замаран крепко. — Сыщик все просчитал. Прямых улик, доказывающих, что Николай принимал участие в организации убийства, либо вообще не существует, либо их добыть невозможно. Поэтому решил выжать максимум из создавшейся ситуации. — Так вот. Поломать алиби вашего крестника — дело пустяковое. Я пошлю людей в аэропорт с его фото. Они найдут свидетелей, которые подтвердят, что Николай вылетал примерно две недели назад в Москву. Затем перешлю фотографию в Москву. И к утру мы будем знать, когда и сколько дней он жил в Москве. Вы меня поняли?

— Понял, господин полковник. — В голосе Мефодия зазвучала одновременно угроза и насмешка. — Ведь вы, вынося смертный приговор, даете право на последнее слово.

— Мефодий Сильверстович, доказать, что Николай находился со своими людьми в Москве, где они и застрелили депутата Старову, дело несложной техники. — Это и впрямь не сложно было сделать. Но вот доказать участие Николая в организации убийства представлялось сыщику очень сомнительным. Но он так же спокойно продолжал: — Признаться, Мефодий Сильверстович, мне

ваш крестник в принципе не интересен. Меня интересуют иудычиновники, которые, используя семейные связи Николая с вице-премьером, оказали давление сначала на одного, позже на другого. Николай не имел никакой выгоды от смерти этой женщины. Он хотел лишь спустить в канализацию Семена. Значит, ваш крестник имеет против брата какую-то вескую улику. Скорее всего, письмо, написанное тем собственноручно. Верно?

— Когда говорят последние слова в суде, то не перебивают. — Голос Мефодия Сильверстовича основательно подсел.

— Мне нужны стволы и письмо. Тогда я смогу добраться до Семена. Убийца я выявлю и возьму сам. Но если вы их ликвидируете, Семен Тишин окажется безнаказанным. И весь риск Николая будет напрасным. Он будет считаться главным организатором убийства, и мы им займемся основательно.

Сыщик ударил по самому больному. Мефодий в этот момент как раз обдумывал, каким образом быстро и без шума ликвидировать Юрия и Петра.

— Замочив исполнителей, вы спасете иуду Семена и приговорите к смерти и крестника, и себя лично. Я заканчиваю. Мое предложение. Николай отходит от криминала, занимается лесопилкой. Вы прикажете сегодня ночью снять его портреты, расклеенные по всему городу. Николай все равно не может стать мэром, его просто подставили. Судьба человека, который это организовал, меня не интересует. И вы отдаете мне горячие стволы и письмо. И, кстати, задумка Николая о личной мести — дело пустое. ФСБ этого никогда не допустит. Николая просто ликвидируют. У меня все.

Наступила пауза. Сыщик не сомневался, что вор в законе уже принял решение.

— Надо подумать, — с трудом выговорил Мефодий.

— Разумно. Когда и как я узнаю о вашем решении? — спросил Гуров.

— Портреты Николая. Если утром их в городе не будет, значит, договорились.

— Спокойной ночи, — ответил Гуров и положил мокрую от пота трубку.

Рано утром Станислав натянул тренировочные штаны и, оскальзываясь на раскисшей дороге, двинулся трусцой в сторону центра.

Часа через два, мокрый от пота и висевшей в воздухе влаги, Стас вернулся. Долго хватал воздух пересохшими губами, наконец выговорил:

— Весь город заклеен портретами нового кандидата в мэры. Быстренько же залепили портреты Николая. Теперь весь город судачит, живой он или нет.

— Прими душ и иди завтракать, — сказал Гуров. — Будем планы планировать, думу думать. И вообще, заниматься ерундой.

Тут же зазвонил телефон.

— Москва, Лев Иванович, хватай трубку.

— Доброе утро, Петр, как спалось? Как в Москве погода? — спокойно поинтересовался Гуров. — У нас все нормально, только грязно.

— Здравствуй, Лева, судя по голосу, ты с тоски не злоупотребляешь, с утра бодренький, — ответил Орлов. — У нас дождит. В Думе решают, раз денег все равно не хватает, может, их вообще отменить к чертовой матери.

— Вам бы все шутить, Петр Николаевич. Мы вчера с приятелями ужинали, затем телевизор смотрели, классную киношку. У людей сильные впечатления. Затем долго говорили за жизнь, решили, что худой мир лучше доброй ссоры.

— Помогите вам Господи. — Орлов вздохнул с облегчением. — Как там проверка, Станислав много дерьма накопал?

— Хватает. Дерьмо не золото, оно поверху плавает. В общем, у нас все в норме, но скоро не ждите. Привет супруге. Будь здоров. — Гуров положил трубку. — Ну, коллеги, давайте кофейку выпьем и решим, как жить дальше.

Стас показал на потолок и пошутил:

— Погода роскошная, пройдемся по саду.

— Но сначала кофе.

— Кофе налит давно, господа полковники, — заявил майор Шаров. — Вы от начальства далеко, а мне на службу необходимо.

После завтрака оделись, вышли в сад.

— Семен, ты отправляешься в контору. Составь список группировки покойного Кастро, узнай, кто сейчас в городе.

— Считаешь, что из Кастровских, а не из своих выбрал парней наш дружбан? — спросил Станислав.

— Стас, не задавай вопросов, когда знаешь ответ, — усмехнулся Гуров. — Семен, в списке отметить братьев приближенных, авторитетных. Они нас не интересуют. Вычеркни очкариков, хромых, сильно пьющих.

— Тогда никого не останется.

— Останется, — убежденно ответил Гуров. — И на них следует сделать установки. Список к вечеру отдашь мне. А ты, Стас, отправляйся на базар. Разрешаю распить бутылку с местной знатью. Может, кто чего и сболтнет ненароком. А я забирю машину, буду у друга. — Сыщик продиктовал номер телефона. — Если что, звоните.

Гуров подошел к машине, взглянул на свою команду:

— Садитесь, до центра подброшу.

Проезжая мимо сторожа, приспустил стекло и серьезно сказал:

— В случае нападения сдаваться без боя.

— Это можно. — Сторож улыбнулся и козырнул.

— Хорошо быть начальником, — вздохнул Станислав. —

Представляешь, Семен, я в таких нечеловеческих условиях третий десяток лет нахожусь.

Глава шестая

Гуров довез коллег до центра города и направился к дому Сильвера и Классика. В каком состоянии Капитан? Сыщик неплохо разобрался в способах лечения запоев. В принципе, способ был лишь один: постепенно сократить прием алкоголя до минимума, затем исключить полностью. Но этот прием действует в случаях, когда необходимо снять похмельную ломку и поддержать сердце. А если у Алексея уже начался цирроз печени, и ему необходимы специальные лекарства?

Когда сыщик вошел в комнату артиста, то услышал слабый голос Капитана:

— Сука клейменная, сил у меня нет, но если поднимусь, переломаю твои звонкие кости!

Классик сидел за столом, пил чай и раскладывал пасьянс. Его длинное худое лицо было печально.

— Привет, артист! — сказал сыщик, направляясь к ширме, за которой находилась кровать. — Выступает? Правильно, ему от разговора легче. Здорово, Алешка, боремся?

— А, главный гестаповец! — Капитан плюнул, стараясь попасть в сыщика, но слюна лишь повисла на подбородке. — Уроды. Дайте сто грамм!

Классик спокойно сказал:

— Лешка, осталось два часа, терпи.

— Да я раньше подохну!

— Сегодня самый тяжелый день, — успокоил больного сыщик. — Я сейчас тебе расскажу такое, что ты эти два часа и не заметишь. — Гуров взял стул, поставил его у изголовья кровати. — Я восстановлю твой цирк. А пока его будут реставрировать, тебе вернут пекарню. Начнешь изготавливать свои знаменитые торты.

— Да пошел ты, мент поганый! Цирк так засрала, его век не отмоешь. А торты вина требуют, вот я его и выпью. — Капитан закашлялся.

Сыщик задрал Капитану рубашку и начал осторожно искать правое нижнее ребро, чтобы прощупать печень.

— Печень необходимо подкормить, — заявил он уверенно. — Классик, надевай свой фрак и иди к врачу. Доктор знает, какое лекарство необходимо. Где Сильвер? Пусть посидит тут, а мы с тобой съездим на машине.

— Врач потребует деньги, причем только доллары. — Классик смешал карты и начал переодеваться.

— Не страшно. Отстегнем, — заверил сыщик.

— Как дела в отделении реанимации? — раздался веселый голос Сильвера. — Большой матерится, дерется? Тогда полный порядок.

— Оставь репризы на свои похороны, — огрызнулся Классик. — В стакане налито, это доза, которую следует дать в одиннадцать часов.

— В десять, сто пятьдесят, — проговорил Капитан.

— В десять можешь получить по шее, — заявил Классик.

Он подошел к старинному зеркалу, уже помутневшему от времени, надел старенький плащ, надвинул на брови клетчатую кепку и сказал:

— Я готов, господин мент.

Неподалеку от машины маячила оборванная фигура малого лет двадцати. Сыщик свистнул, махнул рукой дозорному:

— Иди сюда, базар имеется.

Малый, шмурыгая рваными калошами, опасно приблизился.

— Не бойсь, деловой, я человек тихий, — улыбнулся Гуров. — Садись в тачку, прокатись, иначе тебе за мной не успеть. А так и удовольствие, и при деле.

Парень замялся, но послушаться не посмел и забрался на заднее сиденье.

— Жалко, братва не видит, а расскажу — не поверят.

— Не волнуйся. Братва сейчас тебя увидит. Мы на базар направляемся.

“Ауди” скользнула по лужам и, покачиваясь на ухабах, направилась к центру. Вскоре они притормозили у рынка, встали рядом с джином бандитов.

Гуров профессионально и быстро оглядел людскую толчею. Выхватил взглядом небольшую группу мужчин, стоявших у чебуречной, рядом заметил плечистую фигуру Станислава. Подошел. Стас травил байки, уголовники похохатывали, лишь один мужичонка, маленький, плешивый, стоял безучастно. Законник, понял сыщик.

Боковым зрением он заметил мужчину, стоявшего шагах в десяти у киоска. Мужчина доел чебурек, вытер носовым платком пальцы. Гуров напрягся, отчетливо сказал:

— Стас, опасность!

Стас мгновенно пригнулся, шарахнулся в сторону. И в это же время незнакомец ловко выхватил из внутреннего кармана куртки пистолет. Выстрелил в Гурова навскидку. И промахнулся.

Стрелявший метнулся за палатки, блатные бросились следом. Гуров быстро осмотрелся. Судя по всему, на пистолете имелся глушитель, выстрела люди не слышали, спокойно занимались своими делами. Возле сыщика растерянно топтался плешивый мужичонка. Память сработала, вытолкнула из глубины лет кличку законника.

— Четвертак, — четко произнес Гуров. — У стрелявшего должен быть напарник. Осмотрись. Он Мефодию нужен.

Неподвижное лицо авторитета ожило, глаза медленно скользнули по движущейся толпе. До сыщика долетел шепот:

— Гляди на павильон “Мясо”. Баба в юбке с корзинкой. Пушка в корзине.

Сыщик сразу увидел указанного вором человека, понял — это не женщина. И точно, юбка мгновенно упала, корзинка по-

летела следом. В руке убийцы появился пистолет. Гуров прыгнул прямо под ствол. Выстрелил на лету и рухнул в грязевую жижу. Ответного выстрела сыщик не слышал. Вскочив на ноги, всем телом навалился на наемника. Защелкнув на преступнике наручники, схватил мужика за шиворот, рывком поставил на ноги. Подошел Стас, недовольно сказал:

— Они его замочили, придурки.

— Один живой, я его подранил, — ответил Гуров.

Стас вытер грязные ладони о свою куртку.

— Как я не успел... Буквально метр оставался, когда ему лбом расплющили голову.

— Документы забрал?

— И ксива, и ствол у меня. Готовься!

К ним приближалась группа уголовников, тащила тело убитого.

— Четвертак! — гаркнул на весь рынок Гуров. — Ко мне, парень! Иначе Мефодий из твоей головы приготовит холодец.

— Я здесь! — плешивый авторитет вырос буквально из-под земли.

— Молодец. Я доложу о тебе Мефодию Сильверстовичу, — сказал Гуров. — Проводи нас до машины и скажи братве, чтобы они ко мне не подходили, я мужик горячий.

— Стоп! — остановил его плешивый. — Ты его в ментовку везешь, а он нам нужен.

— Я его в ментовку не повезу, — ответил сыщик. — Доложи кому следует, что я буду на Ключевой.

— Ой, темнишь, — начал было Четвертак, но Гуров его перебил:

— А вот и мой охранник! — и указал на молодого парня в калошах. — Ты где бегаешь, растяпа? У тебя какая задача? Меня пасти. А ты? Вот бери мужика, он раненый, веди в машину. Осторожнее.

Классик вылез из машины, оглядел грязные фигуры.

— В такой униформе на манеж не пускают. — Он стянул с себя плащ, застелил заднее сиденье. Затем снял куртку со Станислава, положил на водительское место, строго сказал: — И не ерзайте, иначе пересажу на галерку.

— Куда я тебя? — спросил Гуров у задержанного.

— В бедро.

— Значит, жить будешь.

— Но кровью изойду. — Мужик сжал зубы.

— Не успеешь, — успокоил Гуров. — Свечку поставь, что тебя захватил я, а не криминал. У них санпомощь простая: пальник да плоскогубцы.

Подъехав к дому Сильвера и Классика, Гуров распорядился:

— Ты, орел в калошах, стереги машину. — Затем он со Станиславом вытащили раненого и внесли его в подъезд.

— Всю жизнь ты, сукин сын, меня обворовывал, я слова не говорил, — донесся до оперативников несколько окрепший го-

лос Капитана. — Пятнадцать минут осталось. Сашка, будь человеком.

— Обождешь, — опуская раненого на пол, заявил Гуров. — Сильвер, помоги ребятам, ты у нас по ранениям спец. Взгляните, если выходного отверстия нет, то придется отвезти его в больницу.

Капитан затих. Стас с Сильвером занялись раненым.

Гуров разделся, свалил свою мокрую одежду в кучу и начал примеривать различные шмотки, которые Классик вытаскивал из бездонного шифоньера.

— Есть, — удовлетворенно заявил Стас, — пуля вышла. Сильвер, открой бутылку водки и дай чистую тряпку.

— Фигурка у вас, господин полковник, хоть на манеж выходи. Содержите себя в надлежащем порядке, — говорил Классик, подавая Гурову клоунский костюм. — Думаю, в самый раз будет. Вместо исподнего, а брюки и верх отыщем.

Зазвонил телефон.

— Это меня, — сказал Гуров. — Стас, подойди, скажи, сейчас буду.

— Слушаю, — ответил Станислав. — Здравствуйте, Мефодий Сильверстович, они переодеваются. Однако в вашем городе непорядок. Мало того, что грязь непролазная, так еще палят из пушек...

— Вы чего творите? — сдерживая гнев, произнес Мефодий, когда Гуров взял трубку. — Почему мента к себе забрали? Он наш.

— Во-первых, здравствуйте, Мефодий Сильверстович. Во-вторых, спасибо за профессиональные кадры. Ваш Четвертак — просто высший класс, в толпе стрелка определил. Стрелков было двое. Ты допрашиваешь своего, я — своего. — Гуров выдержал паузу.

— Издеваешься, — утвердительно произнес Мефодий. — Знаешь, что братва стрелка замочила. Мне нужен...

— Помолчи и слушай, — перебил Гуров. — О том, что Катунь твой город, забудь. Молись, что приехал я, а не другой. Человека, которого я взял, вам не допросить. Вы не знаете, о чем его спрашивать, не поймете ответов, не отличите правду от лжи.

— Да мы его... — встрял Мефодий.

— Знаю, — вновь перебил сыщик. — Паяльник да тиски. У тебя труп имеется? Станет два трупа. Охота началась не только на меня, больше на Николая и тебя, письмо-то у вас. Так что не зли меня. Иначе я исчезну, и ты останешься со спецслужбой один на один.

— Пугаешь? — голос Мефодия сел.

— Тебя пугать поздно. Понял? Я тебе сам звонить буду. Привет Насте и Варваре Никитичне, — Гуров положил трубку.

Пленного перевязали, дали стакан коньяка, лицо у него порозовело.

— А мне? — спросил Капитан. — Время давно прошло.

— Сильвер, налей Алексею Ивановичу и предупреди, что на ночь получит последнюю дозу в жизни. Стас, стрелка возьмем к нам, разговаривать будем.

Раненого усадили в кабинете в кресло, под простреленную ногу подставили стул с подушкой, чтобы нога не отекала. Гуров переоделся в костюм, белую рубашку с галстуком. Сел за письменный стол и долго молчал, собираясь с мыслями. На столе лежали документы задержанного, сыщик, не глядя, отодвинул их в сторону. Наконец вздохнул и тихо заговорил:

— Я полковник главка МВД России Гуров Лев Иванович. Как вас зовут?

— Документы у вас, — ответил задержанный.

Сыщик поморщился, как от зубной боли.

— Вы понимаете свое положение? Вы задержаны с оружием в руках. Стреляли. По закону я обязан вас передать начальнику местного УВД.

— Передавайте. — В голосе раненого послышались радостные нотки.

— Местная власть коррумпирована. Вас в ближайшие сутки отобьют бандиты и начнут допрашивать. Подробности рассказывать? — сыщик смотрел устало, безразлично.

— Чекан Никифор Петрович, пятидесятого года рождения.

— Звание, должность?

— Старший лейтенант, оперуполномоченный особого подразделения.

— Ликвидаторы. И что с вашей конторой делать? — Гуров чувствовал себя отвратительно, после нервного перенапряжения наступала депрессия, а допрос необходимо провести немедленно. Тонизирующие таблетки остались у Классика в квартире.

Он поднялся, приоткрыл дверь, крикнул:

— Станислав.

— Я здесь, мой друг. — Стас взлетел по лестнице.

— Дай мне таблеточку, затем съезди к цирковым, забери мою одежду.

Он взял у друга таблетку, сунул под язык, вернулся в кабинет.

— Сколько отличных ребят служит у вас, а мразь не переводится.

— А у вас? — скривился Чекан.

— Имеем, что греха таить, — ответил Гуров. — Фамилия и звание непосредственного начальника.

— К сути моего дела отношения не имеет.

— Что имеет отношение, что не имеет... — Гуров достал из кармана портмоне, вынул из него фотографию полковника Кондрашева, передал задержанному.

Чекан на долю секунды прикрыл глаза:

— Первый раз вижу.

Сыщик подвинул телефонный аппарат, набрал код Москвы, номер начальника контрразведки генерала Кулагина.

В Москве трубку снял секретарь, сказал вежливо:

— Здравствуйте, слушаю вас.

— Генерала Кулагина, пожалуйста.

— Генерал сейчас занят, оставьте свой номер, вам перезвонят, — произнес вышколенный голос.

— Передайте генералу, что звонит полковник Гуров. Я говорю не из Москвы, пусть он возьмет трубку, — сказал сыщик, наблюдая за Чеканом.

После значительной паузы недовольный мужской голос произнес:

— Здравствуй, Лев Иванович. У тебя пожар?

— Нет, Паша. Пожар у тебя. Есть в России город Катунь, завтра в сопровождении вернейших людей прилетай первым рейсом.

— Ты с ума сошел! — возмутился Кулагин.

— Прилетай, я тебе все объясню. Позвони Орлову, скажи, мы пока живые. Да, тебе известен старлей Чекан Никифор Петрович?

— Я что, должен знать всех старлеев?

— А полковник Кондрашев Валентин Петрович?

— Конечно. Он мне непосредственно не подчиняется, но Кондрашев блестящий офицер, и не вздумай...

— Немедленно выстави за блестящим офицером наружку, чтобы не сбежал. Скажи своим ребятам, что полковника в любой момент может сбить машина. Прилетай. — Гуров положил трубку.

Чекан нагло улыбнулся:

— Мы Главку не подчиняемся.

— Я начинаю жалеть, что захватил тебя. Сейчас бы ты не ухмылялся, а визжал, как поросенок, и мечтал о смерти. В принципе, карты можно и пересдать, колода-то у меня в руках.

Чекан побледнел.

— Ладно. Послал тебя Кондрашев. На кого он выходит в администрации Президента, ты, естественно, не знаешь. Я надеялся, ты жирный карась, а оказалось, лишь мелкая плотва. Вот сидишь и мечтаешь, кабы мы местами поменялись! Уж ты бы погулял.

— Господин полковник!

— Заткнись! — Сыщик плюнул в корзину для бумаг и промахнулся. — Будем ждать завтрашнего дня.

Гуров вызвал Станислава, они вдвоем транспортировали Чекана в темную без окон комнату, дали бутылку воды.

— Ты бы прилег, Лев Иванович, — сказал Станислав.

— Хочешь напомнить, что мне не тридцать, а сорок с хвостиком? — усмехнулся сыщик. — И куда годы так торопятся?

— Одежонку привез, простирнул. Примешь еще таблеточку? — Стас протянул портсигар.

Зазвонил телефон, Гуров схватился за голову:

— Меня нет, я болен, лежу в реанимации.

— Слушаю, — ответил Стас. — Он вышел, что ему передать? — Стас слушал, поглядывал на Гурова. — Сильвер, вы молодец, сейчас подъедем. — Он положил трубку. — Поехали.

— Не поеду. — Гуров опустился в кресло, закрыл глаза. — Объявляю голодную забастовку.

— К Сильверу прибежал беспризорник, живет в подвале бойца из группировки Кастро.

Гуров легко поднялся, с порога спросил:

— Мне долго тебя ждать?

Машина вылетела со двора, обдав грязью стоявшего у дерева соглядатая-сторожа.

— Мне не нравится этот воровской надзор, — сказал Станислав. — И вообще, ты излишне открыт во взаимоотношениях с Мефодием. Вор в законе — человек, слову которого верить нельзя. Мы для него только менты, то есть не люди. Мефодий способен продать нас в любой момент.

— Мы решаем вопросы, исходя из ситуации, не имея выбора. — Гуров встряхнулся, потер ладонями лицо. — Нечего строить теории. Я не верю Мефодию, но не могу понять причину, по которой он станет продавать нас с тобой.

Стас остановил машину. Гуров вышел, увидел нескладную фигуру наблюдателя. Махнул ему рукой. Парень подбежал. Сыщик оглядел его дрожащую фигуру, ноги в калошах, вынул из кармана деньги.

— Я тут час пробуду, сходи и купи себе ботинки. Ты меня охраняешь, должен смотреться прилично.

— Понял. — Парень заскорузлыми пальцами взял деньги.

Гуров встретился с ним взглядом и подумал, что первым делом тот поест.

— Тебя как зовут?

— Иван.

Гуров подошел к подъезду, где его поджидал Стас.

— Наши воры в большинстве своем просто несчастные люди.

— Ты не удержишься, чтобы не вербануть похода, — заявил Станислав. — Рассчитываешь, может, когда пригодится?

— Возможно, Стас, возможно, — ответил Гуров.

За столом сидел Колесников, хлебал суп. Напротив него расположился парнишка лет двенадцати, скреб ложкой уже по пустой тарелке.

— Всем привет, — бодро сказал Гуров. — Алексей Иванович, ты смотришься, как новый пятиалтынный. Природа берет свое.

Капитан на секунду поднял мутные глаза и зло покосился на Классика, который, стоя у окна, пил чай. Сыщик интуитивно почувствовал, что в стакане коньяк.

— Тебя как зовут? — спросил сыщик у паренька.

Тот взял со стола кусок хлеба, спрятал в карман, после паузы ответил:

— Люди Блохой кличут.

— Сильвер, проводи нас с парнем в свои апартаменты.

Сильвер захромал к дверям.

У него были две комнаты, стерильно чистые и практически пустые, стол, стул, комод и два матраса, лежавшие на полу.

— Мебелишку продал?

— Подарил, — буркнул Сильвер и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Ты хотел меня видеть, я пришел. — Гуров взял с подоконника треснувшее блюдо, закурил. — Как же тебя зовут? Только не ври, иначе разговор ни к чему.

— Ну, Петр.

— В подвале сухо?

— В одном углу сухо, — парень втянул носом сигаретный дым, сглотнул.

Сыщик протянул ему сигарету, зажигалку.

— И кто в доме живет?

— Я вас знаю. — Парнишка закурил осторожно, словно наркоман, боясь уронить крошку зелья. — Утром видел, как вы по луже на базаре бороздили. Мы с пацанами спорили, когда вы успели выстрелить, до лужи или когда в ней уже находились?

— Ты не ответил, кто в доме живет?

— Хозяйка. Говорят, у нее муж миллионщиком был. Братва пришла. В другой комнате ее дочь с ребенком и мужем. Он в законе, потому никто и не трогает. А в угловой недавно поселился Амбал, — парнишка поморщился. — Раньше у Кастро шестеркой бегал, теперь поднялся, клифт купил, так, вшивенький, но новый. Колеса на толстой подошве, куртку турецкую, карманов не счесть. В общем, прикинут крепко, морда наглая стала.

— Наверняка магазин взял, — уверенно сказал сыщик.

Петр тонко ухмыльнулся.

— Все поделено. Амбалу самому ничего брать не положено. Бутылку в палатке возьмет, руки отшибут. Последние дни он вроде и покупать стал, и бригадир Муха с ним ручкается. А сегодня я чего узнал? — Петр докурил, растер окурки в блюде, солидно выдержал паузу. — Амбал пачку мороженого купил, сотенную разменял. Мо-ро-же-но-е, — по складам произнес он. — Значит, жрет от пуза. Я к Ньюське в ларек заскочил, она мне пустые коробки отдает, я на них сплю. Она мне и сказала, мол, Амбал совсем оборзел.

— А почему нельзя мороженое попробовать? — удивился сыщик.

— Вы в нашей жизни совсем не сечете. За эти же деньги две буханки хлеба можно купить. А “катенька”? — так парень называл сто рублей.

— Серьезный ты парень. А чего ты на Амбала внимание обратил? — спросил Гуров.

— Да он раньше, как и я, на чердаке спал. А тут комнату снял, прибрахлился, да еще мороженое. Это какие же деньжищи надо хапнуть? И где, спрашивается? А у меня намерен Сильвер интересовался, не замечал ли я в городе, кто начал деньгами швыряться? Командир, я же не тупой.

— Скажи, мужик, а имя у Амбала имеется?

— Юркой его зовут, а фамилия чудная... — Петр наморщился: — Косой... Коса... Косач! Во! Точно! Косач!

— Молодец! — Сыщик достал из кармана пачку сигарет, подвинул парню. — Вместо ордена.

— Нет, командир! — Петр взял одну сигарету, пачку отодвинул. — Таких сигарет в городе нет. Кто увидит, как объясню? Без головы можно остаться.

— Верно. — Сыщик дал парню десять рублей мелочью. — Купи себе, какие куришь. А теперь скажи, у твоего соседа кореша имеются?

Петр пожал плечами.

— Соберут на бутылку, зайдут. Последние дни он один выпивает. Настоящую водку пьет. Два раза заходил мужик, крепенький, но ростом не вышел. Деловой, нахальный. Я его в городе редко вижу. Знаю, как зовут. Мой тезка. Кличка смешная, но точная — Кочерыжка. Сам маленький, плечи широкие, — он развел руками. — Умнее Амбала будет, хитрый и злой.

— А где твой тезка живет? — спросил сыщик.

— Узнаю, дело нехитрое. Я тогда Сильверу скажу.

Гуров вздохнул парнишке волосы, сказал:

— Удачи, расти большой, — и пошел на половину Классика.

Петр, подхватив мешочек с пустыми бутылками, которые получил от Классика, выкатился на улицу. Уже стемнело, высокая фигура отлепилась от забора, позвала:

— Блоха!

— Здесь я, Иван, — отозвался Петр и подошел, сразу обратил внимание на обновки парня. — Ну, ты прямо жених.

Иван пнул ногой мешок парня, бутылки звякнули.

— Чего долго? О чем базар шел?

— Какой базар? — удивился Петр. — Пришел за бутылками. Мне тарелку супа налили.

— Ясное дело, — согласился Иван. — Ты прибеги, вскоре менты прикатили...

— Иван, ты чего? — Петр начал пятиться.

Иван бросился к парнишке, схватил его за волосы и другой рукой вонзил шило под худую лопатку.

— Молодой, а такой хитрый.

Иван легко подхватил маленькое тело, перевалил через соседский забор, бросил сверху мешочек с бутылками.

А в доме скандалил Сильвер:

— Одному судно подай, жопу подотри, а он норовит тебе в харю захватить! Другой, только дух перевели, уже коньячком ба-

лует, старину вспомнил! Ну, кореша у меня, Лев Иванович, они на хромом черте в рай забраться хотят.

— Не бубни, ты мне еще сто грамм к ночи обязан, — сказал Колесников. — Забыл, падла хромая, как мы тебя с Николаем по косточкам собирали? Ты нам по гроб жизни обязан!

— Ты гроб-то вначале сколоти да поставь. — Сильвер сплюнул. — А то когда загнусь, не успеешь.

Гуров не вытерпел:

— Ну, хватит! За четверть века могли бы выяснить, кто выше на стену писает! Капитан, тебе на ночь хватит и феназепамчика. Я вижу, ты уже оклемался. Терпи. Тебе завтра пекарню принимать. Составь смету на одну выпечку. Мука, сахар, масло, все ингредиенты. Саша, — Гуров обратился к Сильверу, — деньги даю тебе. Я не госбанк, лицо подотчетное. — Сыщик положил на стол сто долларов: — Ребята, я с вашего аппарата сейчас в Москву позвоню. Оплатите разговор, остальное вам на кормежку, пока с выпечкой не раскрутитесь.

— А расходы по смете? — прищурился Сильвер.

— Сначала смета, затем аванс. А ты, Классик, назначаешься главным по реставрации цирка. Ссуду возьмете в банке, я вопрос согласую. Но с коньячком и не начинай, всю песню испортишь.

Классик закрыл глаза, молча кивнул. Гуров подвинул телефон, начал дозваниваться Орлову. Наконец соединился, услышал знакомый голос:

— Здравствуй, Лева. Спасибо, что выкроил для старика время.

— Здравствуй, Петр. Я виноват и значительно больше, чем ты думаешь, — ответил Гуров.

— И больше, чем догадываешься ты сам, — сказал Орлов. — Павел Кулагин в молодости был твоим приятелем. А сегодня он генерал чужого ведомства. Его завтра не жди, а готовься к неприятностям.

— Минуту, Петр. — Гуров лихорадочно пытался понять, что лишнего сказал Кулагину. — Они без моего звонка знали, где мы находимся. Нам удалось захватить ликвидатора, выйти на организатора, от него прямой путь к заказчику.

— Дурак ты, братец. Все еще веришь в товарищество, взаимовыручку... Твой Паша доложил по инстанции. Ему приказали сидеть в Москве и не рыпаться. А на меня обрушилось с самого верха. Министр устранился, а первый заместитель выдал прямым текстом. Я могу к тебе приехать только пенсионером. Ты себя изолировал, никакой помощи не жди. Мой тебе совет, все бросьте и уходите.

— Хорошо, Петр, я тебя понял, выполню. Завтра двигаем на Москву. Обнимаю.

Гуров положил трубку, взглянул на Станислава.

— Информация докатилась до человека, через которого не могут переступить министры, — убежденно сказал Стани-

слав. — Их можно понять, Лев Иванович. А мы влезли в большую политику. Звездные лица не станут рисковать своей шкурой из-за такого дерьма, как мы. Пока сука Кондрашев действует на свой страх и риск, против нас работают отбросы, если полковник получит зеленый свет, выйдут настоящие профи. Наши шансы равны нулю. И не вздумай опереться на Мефодия, его купят первым.

— Что ж, Стас, нам терять теперь нечего. Каждый прикидывается муравьем, оправдывает свое бездействие.

— Лев Иванович, вы кого уговариваете? — спросил Классик.

— А вас троих чтобы я больше не слышал, не видел. Вы составляете смету, получаете деньги, карабкаетесь, цепляетесь, кусаетесь. У тебя в госпитале поклонницы остались?

— Если только медсестра, — неуверенно ответил артист.

— Мне нужны две медсестры, — сказал Гуров.

— Как ты догадался? — удивился Станислав. — С тобой неинтересно.

— Я не девка, чтобы со мной интересно было. Все, поехали.

Гуров подошел к Капитану.

— Я рассчитываю на тебя, Алексей Иванович, будь другом, не подведи. — Сыщик пожал худую руку. — Может, и свидимся.

— Это ты брось, мент! Не дави на жалость. На таких, как ты, только и пахать.

— Спасибо, таких, как я, даже не распрягают. — Гуров пожал руку Сильверу, показал кулак Классику и кивнул Станиславу на дверь.

Сыщики вышли на улицу. Немного постояли, чтобы глаза привыкли к темноте.

Затем Гуров снял машину с сигнализации, сел за руль и врубил дальний свет. Несколько женщин стояли у забора, прикрывая лица от резкого света.

— Неужели нашего дзорного пришибли? — спросил Станислав.

Гуров вынул из ящика мощный фонарь, выбрался из машины.

— Изверги, мужиков вам не хватает, детей кончаете? — голос звучал высоко, отчаянно.

Гуров подошел, мощный луч фонаря выхватил лежавшее на тротуаре маленькое тело.

— Как последний фраер, — шептал Гуров. — Я ублюдку на обувку дал, пожалел змею.

— Торопимся, думать не успеваем, — сказал Станислав. — Лоху последнему понято, не мог Мефодий придурка в рваных калошах за нами пустить. Старик палку перегнул, а мы сломали, и парня зарезали.

Гуров дернул машину с места так резко, что Стас поперхнулся. Через некоторое время спросил:

— Куда едем?

— Тебя домой подброшу, а сам к Мефодию подамся. Тяжелый разговор предстоит. Нам письмо Иуды и горячие стволы необходимы.

— А убийцы? — спросил Станислав.

— Их покойный мальчонка назвал. Завтра поутру подашься на рынок, уточнишь, — сказал Гуров. — С Мефодием, ясное дело, они уже переговорили... У них в местной спецслужбе верный человек имеется.

— И нас заказали, а ты в топку лезешь. — Станислав длинно выматерился. — Я тебя не пущу.

— Ты за меня не переживай. Мефодий хитер и осторожен, он на мокруху не пойдет. Он нам мешать будет и гадить, но край не перешагнет, повязан. У него на руках Никола, Настя да Варвара. Был бы Мефодий один, я бы за наши жизни рубля не дал. Сейчас расклад иной.

Он остановил машину у ворот усадьбы Бунича, Стас вышел, но дверцу не закрывал, медлил. Гуров подмигнул:

— Нет, дружище, со мной ехать не надо. — Захлопнул дверь и уехал.

Вскоре сыщик остановился возле дома Николая Тишина, где его встретили два ладных парня с автоматами.

— Здравствуйте! — Один шутливо козырнул. — Что так поздно, может, хозяйева уже легли?

— Тебе поговорить не с кем? — Гуров засигналил. — Открой!

— Отчаянный вы мужик! — Парень открыл ворота, и сыщик въехал в просторный двор.

У крыльца стояла машина Мефодия, в которой сидели парни с автоматами, что Гурову не понравилось. Он взбежал по ступенькам, позвонить не успел, как дверь открылась. На пороге появилась Варвара.

— Добрый вечер, Варвара Никитична.

— Может, в столице и вечер, в нашей деревне ночь уже. Коль приехал, проходи.

Молодые хозяйева и Мефодий чаевничали.

— Добрый вечер, приятного аппетита. — Гуров без приглашения снял плащ, положил на табуретку, подсел к столу. — Варвара Никитична, будьте ласковы, налейте мне покрепче.

— Добрый вечер, — чуть слышно прошептала Настя, поднялась из-за стола и ушла к себе.

Мефодий смотрел на незваного гостя с прищуром, Николай вертел в стакане ложкой, взгляда не поднимал.

— Совет в Филях, как я понимаю, — усмехнулся сыщик, принял от Варвары стакан с чаем, благодарно кивнул. — Мефодий Сильверстович, вам, как старшему, первое слово.

— А нам говорить не о чем, — сухо ответил Мефодий.

— У вас сегодня гонец от властей был, много чего говорил, что самое интересное, ни слова правды не сказал.

— Шибко умный ты, мент. Такие долго не живут. — Мефодий закашлялся, вытер уголки глаз.

— Ну, хватит воду в ступе молоть, у нас с вами уговор был.

— Уговора никакого не было.

— Лев Иванович, вы бы быстренько вещички собрали, да в аэропорт. Я вам и машину, и сопровождение дам, — вмешался в разговор Николай.

— Эх-ма, снова — здорово, — вздохнул Гуров. — Варвара Никитична, можно мне сигаретку в доме выкурить?

Хозяйка гремела посудой на кухне, сердито ответила:

— Здоровье ваше, курите.

— Спасибо. — Сыщик закурил, начал разговор с Николаем, словно Мефодия за столом и не было. — Значит ты, Николай, имеешь на руках убийц, горячие стволы, писульку братца и полагаешь, этого достаточно. Я тебе скажу, что козыри сильны, если ты их на стол можешь выложить. А если они за пазухой лежат, так просто ненужные бумажки. Козырнуть тебе никто не позволит. Тебе не то что до Белого Дома или до Кремля не добраться, тебе дальше Домодедово долететь не дадут. Вот так-то, парень.

— А вы, Лев Иванович? — спросил глухим голосом Николай.

— Ну, за счет опыта и профессиональных знаний я, может быть, чуток дальше пробрался бы. А возможно, и нет. Но я не просто опытный сыскарь, за мной аппарат.

— Совсем мозги запудрил, — сказал Мефодий.

— А ты, Мефодий, себя шибко умным считаешь? Зачем письмо из Москвы получил и не выбросил? Зачем мальчишку послушал, сопливые замыслы своим молчанием поддержал? Ты зачем его в чужую игру пустил? Да сегодня тот, что вам письмишко приволок, плевка не стоит. Плакат видел: “Детям спички в руки не давать”? Ты закон нарушил.

— Напугал! До смерти напугал! Варвара, дай бутылку и зажевать поставь! — повысил голос Мефодий.

Варвара выставила четвертушку, шмякнула на стол тарелки с квашеной капустой и пирогами.

Самогон Варвара гнала знатный, сыщик выпил легко, голова прояснилась, и, казалось, ему шепнули на ухо: “Удача! Удача!”

Мефодий провел широкой ладонью по столу, уверенно сказал:

— Мы уходим из дела. Ты, мент, разгребай дерьмо, как желеешь. Письмишко я сейчас сожгу, стволы поутру утопим, а людишки уедут... Далеко.

Варвара оперлась на его плечо, прошептала:

— Не зазря я тебя смолоду любила. Ты настоящий мужик, Мефодий.

— Ты не дурак, Мефодий, просто правил не знаешь. Ну, выполнишь задуманное? Что изменится? Собак уже спустили. Ты

компромат уничтожишь, но верха об этом знать не будут, своих собак не отзовут.

— Как? — не понял Мефодий.

Гуров пожал плечами. Что на самом деле в голове у старого вора? У него своя логика и психология. Моя жизнь для него — ничто, а я с ним говорю на равных, привожу свои доводы и доказательства. Необходимо ситуацию перевернуть, поменяться с ним местами.

— Не знаю, Мефодий. Я бросаю карты, выхожу из игры. Моя задача была — найти преступников. Я — мент, а в дело ввязалась спецслужба, пусть она ищет, доказывает. — Он глотнул самогона, как бы ставя точку.

Мефодий зло прищурился, мысли его были ясны, как солнечный день: “Убьем, и не медля”.

— И не думай, — лениво произнес сыщик. — Письмо, убийцы, стволы, — то ли у вас имеются, то ли нет. А труп полковника-важняка — вещь очень конкретная. Москва знает, что я в Катунь и сейчас у тебя дома. Так что выбрось идиотскую мысль из дурной головы.

Сыщик закурил. Повисло тягостное молчание. И Мефодий наконец допер до мысли, на которую его упорно подталкивал незванный гость.

— Господин полковник, — произнес он тихо. — А наш уговор? Вы говорили, что если мы добровольно все отдадим, вы оставите нас в покое. Вы сейчас позвоните своим, скажете, что все захватили и двигаете в Москву.

— Николай, я знаю, ты в Москву транспортником летел. Я тоже вылечу на этом самолете.

— Сколько вас будет? — озабоченно спросил Мефодий.

— Сколько? Косач со своим напарником, твой сопровождающий и я.

— Много, — засомневался Мефодий.

— Больше заплатишь, — отрезал сыщик.

— А твой напарник? — спросил Мефодий.

— Его головная боль, — цинично ответил Гуров. — Он отвлечет чекистов на себя, но один и без груза полковник никому не нужен. Кстати, ты мне обещал помочь с цирком и пекарней.

— Я уже сказал своим людям. — Мефодий презрительно поморщился. — Чего вам дались эти доходяги-артисты?

— Три года назад они спасли мне жизнь, — ответил сдержанно Гуров.

Мефодий пожал плечами.

— Дай телефон, желаю, чтобы ты сам слышал, мое слово не из бумаги.

Николай поднялся, принес, и поставил перед сыщиком аппарат, отводную трубку передал Мефодию. Ночью связь работала отлично, и Гуров вскоре услышал знакомый голос:

— Здравствуй, Лева.

— Здравия желаю, господин генерал-лейтенант, — ответил Гуров. — Извините за поздний звонок, у меня новости.

Орлов мгновенно сориентировался:

— Полковник, будить начальство — плохая привычка. Но если новости хорошие, то валяй.

— У меня появилась возможность захватить полный комплект, но мне нужно время, минимум сутки.

— Что ж, отвечать будем вместе...

— Господин генерал-лейтенант, передайте соседям, чтобы они придержали своих парней, не хлопнули меня здесь раньше времени.

— Я-то передам, но вот послушают ли, не гарантирую.

— Спасибо, генерал-лейтенант, о вылете сообщу. Спокойной ночи. — Гуров положил трубку, посмотрел на Мефодия, который покачал головой.

— Генерал не может хренового вопроса решить.

— Ладно. Ты со своими разбирайся. Можно, я взгляну на парня, которого ты мне дашь в охрану?

— Он во дворе, в машине.

Гуров надел плащ, повинувшись какому-то предчувствию, снял "Вальтер" с предохранителя.

Мужчины вышли вместе с Гуровым, встали на крыльце. Джип Мефодия сверкал в тусклом свете двора лакированным мощным телом, щетинился стволами автоматов.

— Мефодий, ты кому войну объявил? — шутливо спросил сыщик.

Вор не ответил, сильным голосом крикнул:

— Костыль, выйди!

Из машины выпрыгнул высокий, хорошо одетый парень. В первое мгновение сыщик не узнал в нем нескладного "несчастливого" Ивана, мерзшего часами у дома артистов. Иван вытянулся, и сыщик, абсолютно не задумываясь о последствиях, всадил ему пулю в лоб, убрал пистолет и, удивляясь собственному спокойствию, сказал:

— Он зарезал ни в чем не повинного мальчонку. Извини, Мефодий, что так получилось.

— Иван был одним из лучших, — просипел Мефодий. — А стреляешь ты знатно, — и крикнул: — Заберите тело! — Затем повернулся к сыщику: — А ты, полковник, поберегись, я хотя и в законе, а за всех своих бойцов не в ответе.

Сыщик кивнул, сел в свое "ауди" и выехал со двора.

Акула спустился с крыльца, подошел к джипу.

— Мужики, если с ментом чего случится, будете иметь дело со мной. — Он протянул в окошко сто долларов. — Сменитесь, выпейте за упокой грешника. Желчь в ховальниках не держите, подавитесь.

— Да поняли, Акула. Каждому свое.

Гуров быстро проскочил через пустой город. На крыльце особняка его поджидал Станислав.

— Можешь не выходить. Звонил Бунич, просит к себе в любое время.

— Обождет. — Гуров закурил, пальцы дрожали. — Стас, я за парнишку отомстил, влепил убийце меж глаз.

— А как теперь с Мефодием? — спросил Стас.

— Никак, я стрелял при нем. Мы с тобой сыщики те еще. Иван был ведущим боевиком группы. Я ему деньги совал, а ты о вербовке разговоры вел. Стыдоба.

— Это точно. Езжай. Я буду ждать...

Когда Гуров в сопровождении охранника вошел в кабинет, Бунич поднялся из кресла. Они молча обменялись рукопожатием. На журнальном столике, стоявшем между креслами, был сервирован легкий ужин, охранник внес кофейник, молча удалился.

— Как ваши дела, Лев Иванович? — Бунич налил в рюмки коньяк, в чашки кофе.

— Обычно, Лев Ильич, то я ее, то она меня.

— Вы удачливый человек, далеко не каждый может так похвастаться. — Бунич пригубил коньяк.

— Лев Ильич, скажите прямо, когда я должен съехать?

— Желательно утром. Видите ли, один из моих деловых партнеров...

— Ради Бога, не надо объяснять. Я взрослый мальчик. Следует радоваться, что вас попросили меня выселить, а не пристрелить, — улыбнулся сыщик. — Шучу.

— Надеюсь. Не сомневайтесь, бизнесмен, звонивший мне сегодня относительно вас, дорого заплатит за свое хамство. Я не терплю, когда люди вмешиваются в мою личную жизнь. Тем более не люблю, когда используют деловые отношения для удовлетворения собственных амбиций или решения посторонних вопросов.

— Видимо, требуется чертовски много денег, чтобы иметь твердые принципы, — заметил Гуров.

— Иметь твердые принципы может и нищий, и миллиардер. Вот следовать им могут далеко не многие и не всегда. На этом меня сегодня и поймали. — Бунич развел руками. — Ему это дорого обойдется. Он мелочен и недалновиден.

— Лев Ильич, не пугайте меня. — Гуров улыбнулся. — Я хотел обратиться к вам с очередной просьбой.

— Да, конечно, — кивнул Бунич.

— У вас есть связи в местном госпитале?

— Я снабжаю главврача дефицитными лекарствами, — просто ответил Бунич.

— Мне необходимо положить в госпиталь раненого и зарегистрировать его под моим именем. — Гуров попробовал кофе: — Очень вкусно.

— Я утром позвоню главврачу, думаю, никаких проблем не возникнет.

— Благодарю. Утром я освобожу вашу виллу, а машину могу оставить до вечера?

— Безусловно. Я тоже хочу задать вам вопрос. Что вы творите в городе, если верха администрации намочили в штаны?

— Вы преувеличиваете мою значимость. Я разыскиваю двух бандитов, которые совершили в Москве убийство. Для меня полная неожиданность, что моя работа задела власть имущих.

— Убийство Галины Старовой, — утвердительно сказал Бунич. — Какая-то ниточка тянется к человеку, который очень не хочет, чтобы вы преуспели. Подонки.

Гуров поднялся:

— Коньяк и кофе были великолепны.

— Лев Иванович, оторвите тому чиновнику голову, — сказал Бунич, провожая гостя до двери.

Гуров рассмеялся:

— Уважаемый Лев Ильич, я не занимаюсь членовредительством. Я скромный мент, который разыскивает преступников.

— Врете вы все, дорогой мой. — Бунич пожал Гурову руку.

— Я не прощаюсь, до моего отъезда мы еще поговорим.

Глава седьмая

Утром Станислав разбудил Гурова и виновато сказал:

— Извини, ты мог бы прихватить еще часок, но с нашим пленником совсем плохо. Видимо, внесли инфекцию, ногу разнесло. Надо везти в госпиталь. Ты с Буничем договорился?

Сыщик быстро привел себя в порядок и спустился в комнату к задержанному.

— Сделай ему укол обезболивающего, дай антибиотик, — приказал Гуров. — Через час повезем. Сейчас смотаемся на рынок, у меня там назначена встреча.

— Может, откажемся, Лев Иванович? — засомневался Станислав. — Слишком много на наши головы свалилось.

— Менять ничего не станем, может, так и к лучшему, — решительно сказал сыщик. — Майор! — позвал он Шарова. — Побудь с раненым. На этом твоя работа будет закончена. Продолжишь обычную службу. Ты меня понял?

— Так точно, господин полковник! — Майор Шаров вытянулся.

— Вот и отлично! Поехали, Станислав.

Через минуту "ауди" выкатилась на улицу. На рынке жизнь шла своим чередом. Торговали, нищие просили подаяние, мальчишки шныряли, пытаясь стянуть какой-нибудь кусок.

Группа "солидных" воров занимала свое место у чебуречной. Четвертак вновь стоял обособленно, наблюдал за происходящим.

Станислав покачал головой, прошептал:

— С Богом, командир, — и отошел в мясные ряды.

Гуров направился к чебуречной. Но подойти к блатным не успел. Прозвучал пистолетный выстрел.

Гуров остановился, сделал несколько неуверенных шагов и упал, ударившись головой об угол ближайшей палатки. Воры шархнулись в стороны. Четвертак отлепился от стены, уперся взглядом в толпу, профессионально просеивая заматавшихся людей. Затем недоуменно покачал головой:

— Весло, галопом к Мефодию, — и подошел к поднимавшемуся на ноги сыщику.

Правая брючина Гурова набрякла кровью, затылок тоже почернел, кровь стекала по шее, и он грязной рукой размазывал ее по вороту рубашки. В мгновение рядом оказался Станислав, подхватил друга:

— Куда?

— Нога. А головой об угол шархнулся. — Гуров взглянул на окружающих. — Что вам здесь, цирк? Убирайтесь. Четвертак, помоги добраться до машины.

Стас и законник повели Гурова, который прыгал на одной ноге, к выходу с рынка. Люди быстро потеряли к происшествию интерес, занялись своими делами.

За палаткой с вывеской “Хлеб” встретились два мужика. Они стояли и разговаривали, не таясь.

— Когда стрелять научимся? — спросил один.

— Думаешь, Семен? Так у него ствол с глушителем, — ответил другой. — Взглянем, куда его поволокнут?

— В госпиталь, куда же еще! — ответил напарник.

Они выбрались из толпы, сели в замызганный “Москвич” и двинулись следом за “ауди”, соблюдая солидную дистанцию.

Четвертак остался в машине с Гуровым. Стас влетел в приемный покой, сунул к лицу медсестры служебное удостоверение.

— Главврача! У меня раненый.

— Здоровых сюда не возят. Главврач в приемном отделении бывает редко. Скоро у него обход, — спокойно ответила медсестра.

Медики в приемном отделении, как и пожарные, не реагировали на красные книжечки и повышенный голос.

— Вызвать санитаров или принесете сами?

— Главврача, — повторил Станислав, прекрасно понимая, что аукает в глухом лесу.

Вошла медсестра помоложе.

— Анюта, занимайся своими делами, — сказала она. — А я приму раненого. Гаврилыча не беспокой, у него тяжелый.

— Кто такой Гаврилыч? — спросил Станислав.

— Дежурный хирург, — ответила Аня. — Несите, чего ждете? Думаете, сейчас весь госпиталь на уши встанет?

Гуров, поддерживаемый Четвертаком и Стасом, допрыгал до смотровой, где его уложили на покрытый клеенкой топчан.

— Снимите с него брюки и выйдите отсюда! — непререкаемым тоном сказала сестра.

Осматрив рану, она неожиданно спросила:

— Вы сами себя ранили? Это ножевой удар.

— Сам, — признался сыщик.

— Сантиметр в сторону, и вы перерезали бы артерию. — Сестра обработала рану и сновисто принялась накладывать бинты. — А с головой что?

— Только испачкал. Вы, пожалуйста, и ее перебинтуйте, будто у меня серьезная рана.

— Мест у нас нет, тем более для симулянтов. Могу положить в коридоре.

— На пару часов найдите палату. Сейчас вам привезут действительно тяжелого.

Сестра, невольно подчиняясь властному голосу сыщика, забинтовала ему голову и вызвала санитаров. Тот переложил Гурова на каталку и повез по коридору.

— Витя, — догнала его медсестра. — Этого я доставлю сама, определю в седьмую палату. А ты скажи Ане, пусть предупредит главного, что сейчас привезут тяжелораненого, и готовят операционную.

Санитар ушел. Гуров пожал девушке руку и сказал:

— Раненого, которого сейчас доставят, зарегистрируйте как Гурова Льва Ивановича. Когда ногу ему прооперируют и отвезут в палату, замотайте ему голову, так же, как мне.

— Вы генерал? — спросила сестра, закатывая сыщика в пустую палату.

— Только полковник, — ответил Гуров. — А почему вы так подумали?

— Голос у вас подходящий. В прошлом году у нас генерал лежал с двумя царапинами. Кричал так, что лампочки качались.

— Я ведь не кричу, — обиделся сыщик.

— Хуже. У вас голос, словно ножом по сковородке. — Сестра ласково улыбнулась и заботливо поправила ему подушку.

Дверь в палату приоткрылась, вошел мужчина в халате, один из тех, что разговаривал за хлебной палаткой.

— Как он? — спросил вошедший.

— Нога нормально. А что с головой, пока не могу сказать, нужен рентген. А вы кто больному будете? Выйдите из палаты, — повысила голос сестра.

Мужчина попятился и на пороге столкнулся с входящим в палату Мефодием. Старый вор властным движением отстранил фэсбэшника, рыкнул:

— Убирайся. — И повернувшись к сестре, изобразил улыбку. — Как мой друг?

— Главный еще не смотрел. — Сестра съежилась под тяжелым взглядом Мефодия.

— Дочка, ты оставь нас на минут пяток, пошептаться требуется.

Когда сестра вышла, Мефодий спросил:

— Кто тебя? Братва была со мной, слово вора.

— Это Москва. Они меня все-таки достали... — ответил сыщик.

— Вы же при мне звонили, договорились. Они что, беспредельщики? — возмутился Мефодий.

— Сегодня полежу, а завтра буду в аэропорту. С капитаном грузового борта согласовал? — спросил Гуров.

— Порядок, как и оговорено. Парни уже в подвале, в браслетах. Стволы упаковал. Кто теперь все заберет?

— Я еще слабый, потому вместо твоего парня полетит мой помощник.

Мефодий долго молчал, что Гурову крайне не понравилось. Ясно, вор обдумывает ситуацию, что-то в своих планах меняет.

— Машину с парнями я вам дам, в самолет вас погрузят. А вот в Москве могут замочить, — сказал Мефодий.

Вор явно лукавил. Его абсолютно не волновала судьба двух ментов. Спецслужба получит все, что желает: убийц, стволы и письмо. Оставит Катунь, Мефодия и его гнездо в покое. Что же он, старый черт, задумал? Уйдет, просчитаем, решил Гуров. Вслух сказал:

— Ты письмишко-то отдай. Оно тебе абсолютно ни к чему.

— Верно, — согласился Мефодий, доставая из кармана конверт.

Гуров одним глазом просмотрел записку высокого чиновника. Подумал, что для прокуратуры и суда — это просто пустая бумажка. Но ничего не сказал, убрал конверт под подушку.

Мефодий собрался уходить.

— Так завтра я пришло за вами.

— Нет. Стволы и убийц заберет сегодня мой помощник. Остальное тебя не касается.

— Как желаешь. — Мефодий молча вышел.

Гуров закрыл глаза, сквозь дрему попытался анализировать происшедшее.

Он отказался от машины сопровождения, предложенной Мефодием. И правильно сделал. Невозможно представить, какую подлость может выкинуть вор на территории своего города. Машину придется снова просить у Бунича.

Явился Стас, прервав размышления Гурова.

— Наш арестант чуть не помер. Врач сказал, еще бы сутки, и произошло бы общее заражение крови.

— Спасибо, успокоил, — ответил Гуров. — Тебе придется поехать к Мефодию и забрать у него убийц и стволы. Теоретически все должно пройти нормально. Однако теория хороша в науке и порой никуда не годится в реальной жизни. Обсуди с Сильвером, куда спрятать бандитов до утра. Он мужик хитрый, чего-нибудь подскажет. Думаю, следует подмешать им в водку немецкое снотворное, что у тебя в скляночке. Но водку дай, только когда доставишь на место.

— Лев Иванович, может, ты меня научишь пользоваться носовым платком.

— Сам дурак, — огрызнулся Гуров. — За мной приедешь, когда стемнеет. Все перевозки закончи засветло. Двигай. Удачи тебе.

Станислав кивнул и молча вышел. Гуров повернулся на бок, лицом к двери, закрыл глаза. Незаметно уснул.

Проснулся он мгновенно, сознание включилось быстро. Легкий ветерок коснулся его лица. Дверь в палату была открыта. В дверном проеме стояла медсестра и что-то держала в руках.

Сыщик потянулся.

— Как самочувствие, генерал? — спросила сестра, входя в палату. — Нам коечка необходима.

— Так в чем вопрос? — Гуров сел. — Принесите мне одежду...

— Серьезно? — обрадовалась девушка. — А главный строжайше запретил вас беспокоить.

Сыщик взглянул на часы, было без десяти пять.

— Я оденусь и тут же исчезну.

— Да вы чайку-то выпейте, — проговорила девушка, разбинтовывая его здоровую голову.

— Обязательно. Только отдайте штаны. Я сбегаю в туалет и с удовольствием выпью чай, — сыщик улыбнулся, хотя предложение выпить чаю Гурову не понравилось.

Сестра пригладила его взлохмаченные волосы, посмотрела в глаза. Затем взяла стакан, отхлебнула и протянула его Гурову.

— После укола и сна вы должны испытывать жажду.

— Спасибо. — Сыщик действительно хотел пить. Он залпом осушил стакан.

— Я на своем посту за пять лет такого навидалась, что ваши детские хитрости мне просто смешны. — Она взяла бинты и пустой стакан. — Сейчас принесу одежду.

Вскоре сыщик уже стоял возле ворот клиники. Курил. Смотрел в густые сумерки, сквозь которые проглядывали стволы деревьев. И гадал, оставили "соседи" в парке наблюдателя или сейчас пьют водку где-нибудь в тепле? Вдалеке на шоссе тускло мигнули фары, затем стремительно начали приближаться. "Ауди" подкатила мягко, остановилась у пандуса. Гуров скользнул на заднее сиденье.

Мефодий сидел за столом в маленькой двухкомнатной, скромно обставленной квартире. Из-под кустистых бровей внимательно смотрел на хозяина, командира грузового АНа. Капитан, симпатичный загорелый мужчина лет пятидесяти, выпил рюмку водки, сделал аккуратный бутерброд с селедкой, тщательно прожевал:

— Мефодий, тебе на пенсию давно пора. Или общак пенсий не выплачивает?

— Мне уже много лет родное государство платит. Или ты считаешь, я без малого тридцать лет землю ковырял и лес валил за спасибо?

Мефодий подошел к тумбочке, на которой стоял телефон, откинувшись, как делают дальнзоркие люди, набрал номер. Выждал. Когда на другом конце провода сняли трубку, он четко сказал:

— Племянник хорошо упакован. Вылетает в семь утра грузовым бортом. Встречайте, — и, не прощаясь, положил трубку.

Затем достал из кармана плотный, перевязанный бечевкой пакет. Подтолкнул его хозяину:

— Деньги возьми, не выламывайся. Надеюсь, последнее дело у нас с тобой.

Капитан взял пакет, прикинул на ладони вес.

— Тридцать два года ты из меня, родимый, кровь пьешь.

— С большими перерывами и плачу по совести, — ответил Мефодий.

— Ты же меня под вышку толкаешь.

— Не дури, в России вышку отменили. И если все сделаешь аккуратно, сыскари на тебя никогда не выйдут, — уверенно сказал Мефодий. — Я в таком деле понимаю.

— А под следствием пару лет в моем возрасте мало покажется? — спросил капитан.

Мефодий махнул рукой:

— Да что и случись, не дай Бог, я тебя в любом уголке великой России так обогрею, королем жить будешь.

Капитан медленно поднялся, убрал деньги в стол.

Убийц напоили водкой со снотворным, заперли в чулане Сильвера.

Все собрались за столом. Пили растворимый кофе. Капитан был чисто выбрит, в приличном костюме, который когда-то не застегивался, сегодня же болтался на костлявых плечах, как на вешалке. Он просматривал закупленный Сильвером продукт и бормотал:

— “Рама” только на бутерброды годится. Ведь не сливочное масло, сплошная химия.

Сильвер соорудил хитрую рожу, подмигнул Классику. Тот сидел, прикрыв глаза, и из-под длиннющих ресниц философски наблюдал за присутствующими.

— Станислав, отгони “ауди” Буничу, — сказал Гуров, — и попроси от моего имени, чтобы он к пяти утра прислал к этому дому внедорожник со своими ребятами. Я ему позже позволю.

— Так позвони сегодня, сейчас, — посоветовал Стас.

— Еще скажи, что членовредительство, которое он просил меня провести, я лично делать не буду, но на операционный стол попытаюсь пациента уложить.

— Мудрено слишком, — пробурчал Стас и отправился выполнять приказ.

Гуров заглянул за ширму, оглядел необъятное ложе:

— Классик, разреши по старинке вздремнуть на твоей кроватке? Сплю урывками, а мне утром необходимо быть свежим и злым.

— Даже повелеваю, — величественно произнес Классик.

Разбрызгивая грязь, высвечивая мощными фарами полотно разбитого шоссе, огромная машина вылетела из города. За рулем и на переднем сиденье находились близнецы Бунича.

Сзади, привалившись друг к другу, скованные наручниками, дремали Юрок и его напарник.

Стас, сверкая погонями, и Гуров устроились напротив на откидных сиденьях. Чем человек тупее, тем ему легче жить, подумал Гуров, разглядывая бандитов. Приказали убить, они убили, получили деньги, жизнь хороша. Мефодий обещал защиту, но защелкнул наручники, что ж, хреново, будем терпеть. Дали выпить, нормально, можно поспать. Интересно, сны таких людей мучают? Вряд ли, вон какие у них спокойные, довольные морды. Самые их неприятные мысли — о зоне. И что? И за колючкой люди живут. Они там будут короли. Хорошего мальчика получают, водки достанут, жратвы побольше.

Машина остановилась возле железных ворот аэропорта. Появились два молодых парня с автоматами, но, увидев близнецов, на документы не взглянули, распахнули ворота, указали, куда ехать.

На огромном пустом пространстве ветер гулял зло и хлестко, даже в машине ощущался его мощный напор.

Гуров со Станиславом принялись вытаскивать убийц, которые плохо держались на ногах. Но близнецы, молча отстранив оперативников, перекинули преступников через крутые плечи и легко внесли их в самолет по трапу.

Молодой парень в летной форме, придерживая рвущуюся с головы фуражку, равнодушно наблюдал за происходящим.

Гуров подошел к летчику:

— Погода летная?

— Случалось и хуже, — недовольно ответил тот. — Груза мало, почта да мебель какого-то... — чья именно мебель, летчик произнес невнятно. — Груз заберем в Москве. Вы обратно летите?

— Это вряд ли, — ответил Гуров. — А капитан где? — Гуров решил, если капитан не полетит, то и они останутся. Такая ловушка для детей.

— Капитан разговаривает по внутренней связи с диспетчером.

— Я осмотрю трюм, потом вы проводите меня к капитану, — сказал Гуров, поднимаясь по лестнице.

— Пожалуйста, смотрите. — Летчик направился следом за сыщиком.

Судя по мебели, менял место службы местный военачальник. Кровати, шкафы и прочая хозяйственная утварь сиротливо жалась к бортам огромного чрева самолета, где ее надежно закрепили. Солдатики постарались, подумал Гуров. Интересно, какими словами они провожают начальника?

У дальней стенки отсека громоздился гигантский диван, закрепленный растяжками. Здесь Станислав и устроил убийц. Когда Гуров подошел, он поил парней водкой.

В металлической перегородке Гуров заметил дверь.

— Для чего она? — спросил сыщик.

— Спросите у конструктора, — резко ответил летчик. Под холодным взглядом сыщика поежился и, как бы извиняясь, пояснил: — С этой стороны не открывается. Дверь, думаю, аварийная, но Бог миловал, мы ее не открывали ни разу.

— Хорошо. — Гуров кивнул. — А теперь познакомьте меня с капитаном.

— Капитан готовит самолет к взлету, — ответил летчик не очень уверенно.

— Тем более, я должен убедиться, что все в порядке. Он на месте? — поинтересовался Гуров, отгоняя неожиданную мысль. Почему я решил, что обязательно командир? Вполне хватит и помощника, а денги поровну.

— У нас всегда все на месте. Сегодня работой никто не бросается, — ответил парень, направляясь к кабине пилота. — Нинка сегодня ноет, приболела, просится домой.

Сыщик насторожился, у него вдруг онемели кончики пальцев. Компактную взрывчатку вполне способна прилепить и женщина.

— Она на борту? — спросил Гуров.

— Куда денется? Командир не отпускает, он у нас строгий. Обождите, я его вызову, — и скрылся за дверью.

Появился капитан. Седой, подтянутый, но еще не старый.

— В чем дело? — строго спросил он.

— Несколько вопросов, командир. — Такой симпатичный мужик, а преступник, с сожалением подумал сыщик.

— Ну-ну, говорите, у меня работа, — раздраженно произнес пилот.

— Простите, у вас постоянный состав?

— Живые всегда на месте.

— Сегодня никто не подменялся, не заболел?

Они встретились взглядом. И сыщик увидел, что летчик вопрос понял правильно.

— Бортпроводница сопли распустила, но она все равно полетит, — уверенно ответил капитан. — Все? Алексей, проводи, — и не прощаясь, ушел к себе.

Гуров вернулся к Стасу. Убийцы уже спали, разместившись на роскошном диване “валетом”. Сыщик протиснулся к внутренней двери, тщательно проверил ее, убедился, что она прочно заперта и с внутренней стороны не отпирается, вернулся к другу.

Начали прогревать двигатели, самолет дрожал и громыхал так, что, казалось, свершится чудо, если он поднимется в воздух. Стас, хитро подмигнув, вытащил из кармана фляжку коньяка, два крохотных стаканчика. Гуров приник губами к его уху, крикнул:

— Рано!

Стас согласно кивнул:

— А мы только за пройденный путь.

Оперативники выпили, Гуров закурил. Станислав закрыл глаза, пытаясь устроиться на жесткой лавке поудобнее. Наконец самолет побежал по взлетной полосе и вскоре уже оказался в воздухе. Рев уменьшился. Стас отказался от идеи вздремнуть и громко сказал:

— Если Петр нас встретит, мы победили.

— Петр встретит, — убежденно ответил Гуров. — Но вот как поведет себя прокуратура, неизвестно. У нас протокола изъятия оружия нет.

— Когда берешь преступника с оружием в руках, тоже нет протокола, но есть отпечатки пальцев. У нас они должны быть. — Помолчи, Стас, я от тебя устал.

Стас растянулся на лавке и положил голову на колени другу. Вскоре самолет стукнулся шасси о бетон, слегка подпрыгнул и резво, словно небольшая собачка, побежал в свою конуру.

Стас сел, протер глаза и благодушно сказал:

— С прибытием, господин полковник. Как выражаются твои клоуны: последняя реприза и выход на поклон.

— Погоди, дружок, глянем на встречающих. Может, нам и выходить не захочется, — остановил его Гуров.

— Зайдем круговую оборону, начнем отстреливаться, — съязвил Стас.

Самолет наконец остановился. Оперативники открыли тяжелые двери. Бетонное покрытие поблескивало холодными лужами. К самолету неслись три черные “Волги”, автозак и “рафик” с красным крестом. Из “Волг” чуть ли не на ходу выпрыгнули парни в штатском. Они махали руками, что-то кричали. Гуров напряженно вглядывался в лица, но никого не узнавал.

— Кранты! — сказал стоявший рядом Стас.

По взлетному полю неслись еще две "Волги". Они отсекли собой приближающихся парней. Из машины вышли офицеры милиции, один, с жезлом сотрудника ГАИ, громко сказал:

— Вернитесь в машины. Водители, подойдите, предъявите пропуски на право въезда в запретную зону.

Из машины неторопливо выбрался генерал-лейтенант Орлов. Не обращая внимания на происходящее вокруг, запрокинул голову, весело крикнул:

— Здорово, ребята! Где тут лестница на колесиках? — он оглянулся.

Служащие аэропорта подвезли трап.

— Мне подняться, или вы сразу спустите задержанных? — спросил Орлов.

— Сейчас, Петр. — Гуров, счастливо улыбаясь, взглянул через плечо вслед убежавшему в глубину самолета Станиславу.

Сбежав по лестнице трапа, он протянул генералу тяжелый сверток.

— Держи крепче. Оружие.

Появился Станислав. Он виновато посмотрел на Орлова и тихо произнес:

— Их убили. Стреляли в голову, в упор. Судя по температуре тела, еще при взлете.

Гуров рванул к направлявшимся к зданию аэропорта летчикам, схватил командира за грудки.

— Не хватай, не убеги! — Он взглянул в лицо Гурову. — Стрелял не я, но убийцу видел. И через самолет пропустил, и ключи дал. Я здесь, никуда не денусь. — Капитан разжал обмякшие пальцы сыщика и пошел догонять экипаж.

Шустрый Стас успел перехватить "скорую", подтолкнул санитаров к трапу.

— Ребята, на диване два трупа. Заберите, позже все оформим.

Орлов откашлявшись, сказал:

— Разбор полетов опосля. Сейчас благодарю за службу.

— И все равно! Мы победили! — закричал Станислав.

Эпилог

Заместитель министра генерал-полковник Алексей Алексеевич Бодратов мерил огромными шагами свой кабинет. Хмыкал, поглядывал на сидевших за столом совещаний Орлова, Крячко и Гурова.

— Не знаю, что и делать! — Он развел руками. — Только обнимать вас и целовать. А орденов у меня нет. Только вчера понял, как мне повезло, что я работаю с такими мужественными и профессиональными людьми. Ну, поздравляю! Ну, спасибо! А что убийц ликвидировали, может, и к лучшему. Не сочтите меня циником, друзья, но если бы вы сегодня взорвали бомбу под самой крышей? Дерьма вокруг нас много,

все сразу не выгребешь. Сейчас кое-кто там, наверху, испугался, попрятался. Думаю, одни по-тихому уйдут сами, а других мы со временем вытащим. Главное, в России настоящие мужики остались, и вы тому живое доказательство. Пять дней отдыха.

Он открыл тяжелую дверь, пропустил Орлова и Крячко, Гурова придержал.

— Скажи, Лев Иванович, ты счастлив?

— Я свободен! Возможно, это и есть счастье.

— Иди! — Хозяин хлопнул тяжелой ладонью сыщика по спине и закрыл за ним дверь.

Они зашли в кабинет Орлова. На столе лежало изъятое у преступников оружие. Орлов ткнул в него коротким пальцем:

— Эксперты работали ночью, все подтвердилось. Это то самое оружие. Убийство раскрыто, все уходит в прокуратуру, дело закрывают.

— Что с полковником Кондрашевым? — поинтересовался Стас. — Неужто выскочил?

— Два дня назад послали в командировку в Красноярск, — ответил Орлов.

— Он вряд ли вернется, — заметил Стас.

— Полковник имел неосторожность отправиться в вагон-ресторан и при переходе в вагон поскользнулся, — сухо ответил Орлов, взял лежавший на столе конверт. — А с этим что делать?

Гуров курил у открытой форточки.

— Мария стол накрыла, ругается.

— Оставляю. — Орлов убрал письмо в сейф. — Наш шеф человек умный, но не шибко дальновидный. Письмишко со временем может ему очень даже пригодиться.

— Сними ксерокопии, — посоветовал Стас, — и спрячь в другом месте.

— Лева, что бы мы без Стаса делали? — спросил Орлов.

— Я говорю, стол накрыт, — буркнул Гуров.

— Идите, догоню. — Орлов начал убирать со стола бумаги, секунду помедлил и положил письмо в карман.

У порога Станислав задержался:

— Петр, только честно. Ты имел агентурку по данному делу в Катунь?

— Стас, ты словно гвоздь в стуле. Ни черта я не имел. Я лишь хотел убрать вас из Москвы, подальше от всей шумихи.

Стол Мария накрыла в гостиной. Она ухаживала за мужчинами, почти не присаживалась, ходила вокруг стола, предлагая то или иное блюдо. Когда оказывалась за спиной мужа, как бы ненароком касалась его плеча, спины, гладила по голове.

— Я, кажется, заболеваю, начала с симпатией относиться к милиции.

— Тогда вы исключение в данной компании. Мы в милиции лишь работаем, и считаем это достаточным, — ответил Орлов.

— Друзья, недавно останавливает меня гаишник. — Мария расхохоталась. — В валенках, неуклюжий, руки красные, бормочет, мол, у машины фара не горит. Я отвечаю: "Братишка, ты даже не представляешь, среди каких замечательных людей ты работаешь!" Он оторопел, обветренную губу отвешил, вернул документы и шепчет: "Счастливого пути, мадам!" Где он такое слово слышал?

Все рассмеялись. Стас не преминул вставить:

— Круто! Мадам! Даже для меня круто.

— Разрешите, друзья, тост? — Орлов поднялся. — За наших жен!

Оперативники встали и подняли бокалы. ■

Новейшие технологии в борьбе с пожарами

Система автоматического пожаротушения,

установленная АО "ИП"НРИС" обеспечит надежную защиту любого сооружения от разрушения огнем. Доверьтесь нам, и в кратчайшие сроки опытные специалисты спроектируют, смонтируют и наладят надежное противопожарное оборудование, включающее также пожарно-охранную сигнализацию и систему автоматического дымоудаления. Производим техническое обслуживание систем противопожарной автоматики.

Тел./факс: (095) 125-37-88; 125-03-08

Встанет ли Россия в полный рост?

На вопросы
читателей
"Смены"

отвечает доктор
экономических
наук, профессор
Анатолий ДЕРЯБИН

☒ *Рыночная экономика строится в нашей стране без малого уже десятилетие. Почему до сих пор результаты столь плачевны? Когда же мы, граждане, на себе ощутим не только муни, но и впечатляющие преимущества новой экономики, о которых говорят реформаторы?*

Ю.С. Кузнецов,

Тамбов

Назалось бы, странно: Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, другие наши соседи по бывшему социалистическому лагерю сегодня признаны Западом странами с развивающейся рыночной экономикой. Россия же, несмотря на огромные усилия, колоссальные затраченные средства и после стольких лет мучительных реформ того статуса до сих пор не получила. Задумаемся, почему? Только ли в предвзятом отношении к нашей стране тут дело? Нет, в данном случае неутешительная оценка справедлива. Суть в том, что наши реформаторы — утверждаю со всей ответственностью — своими неумелыми действиями разрушали рынок, подрывали саму основу формирования рыночной экономики.

Для наглядности — типичная картинка из нынешней экономической реальности.

Рязанский завод автомобильных агрегатов задолжал солидную

сумму "Рязаньэнерго". Расчетная вексельная палата межрегиональной ассоциации "Центральная Россия", куда рязанцы обратились, долг помогла погасить, а завод, поскольку на счете у него шаром покати, в оплату долга предложил... бензовозы. В свою очередь бензовозы эти очень заинтересовали сельян Тульской области. Но нарманы, как и у рязанцев, у них пусты, а потому в оплату за бензовозы туляки предложили... эшелон ячневой крупы. При всем уважении к вегетарианству сотрудникам вексельной палаты, которые распутывали этот узел неплатежей, эшелон тот и за тысячу лет бы не съесть, но, к счастью, нашлись покупатели в Мордовии. Руководство тамошних исправительно-трудовых колоний расплатилось за эшелон ячневой крупы, что удивительно, деньгами. Многоступенчатая сделка завершилась к общему удовлетворению сторон, а самое главное — рязанский завод освободился от гири долга перед энергетиками и вздохнул свободно. До следующего долга.

Подобных примеров тысячи. Это привычный в России нонча XX века стиль экономических отношений, вот только отсылает он нас к совсем другим векам. Бартер так же соотносится с современным

рынком, как каменный топор с компьютером. Кстати, сами молодые реформаторы признают, что еще год назад 60 процентов всех сделок совершалось на основе бартера. А причины этого явления — в их же неграмотной экономической политике.

Предполагалось: стоит ликвидировать монополию внешней торговли и отпустить цены на промышленную продукцию, товары и услуги в свободный полет, тем самым подталкивая их к уровню мировых — сразу же возникнет конкурентная среда. Но тысячекратно возросшие цены лишили предприятия денег для инвестиций и оборотных средств. Вместо формирования конкурентной среды начался коллапс отечественного производства.

Взять самый простой рынок — товарный. За годы реформ самим государством было сделано все, чтобы рынок этот вообще ликвидировать. Умереть он не умер, но усох в три раза. По некоторым группам товаров производство сократилось в 20, а то и 30 раз. Парадонс, но отрасли, в самой меньшей степени зависящие от естественных монополий, наиболее "рыночные" — текстильная, например, — больше других пострадали от рыночных реформ. Выпуск тканей в прошлом году составил лишь 17 процентов к уровню 1990 года. Но наши соотечественники не набедренными повязками компенсировали дефицит, а дешевым турецко-китайским ширпотребом. А ведь наши шерстяные ткани еще недавно не только в достатке поставлялись на внутренний рынок, но и экспортировались, к примеру, в Англию, успешно там продавались. А уж англичане, не первый век производящие

высококачественные шерстяные ткани, понимают в них толк. Наше же государство создало ситуацию, когда низкокачественный импорт стал более выгодным, чем ввоз новейших технологических линий для текстильщиков.

Унылая ситуация во многих других отраслях. Не существует в России больше рынка металлорежущих станков. Нет рынка авиатехники. В прошедшем времени можно говорить о десятках известных заводов. Полностью прекратил работу московский "Станколит", оборудование его растащено. Одно название сохранилось от Челябинского тракторного, Нижегородского фрезерного... Износ трубопроводного транспорта достиг 70 процентов, а у нас стоят трубные заводы. Чтобы, не дай Бог, не допустить безработицы в иноземье, трубы решили импортировать. Дошло до того, что рельсы в Японии покупаем! Это уж вообще консенс: что-то, а рельсы в России умеют делать.

Для грамотных экономистов элементарна истина, что лишь при развитии внутреннего рынка, в первую очередь товарного, возможен экономический рост. Для поддержания его стабильности правительства даже самых развитых стран идут на экстраординарные меры. В конце прошлого года в Японии по ряду причин сократилось число продаж товаров. Чтобы стимулировать спрос, правительство выпустило талоны на общую сумму 6 миллиардов долларов для раздачи малоимущим. Товары по этим талонам были реализованы бесплатно, а деньги за них правительство перечислило корпорациям-производителям. К подобным мерам прибегают и в США, и в странах Европы. Странная, на первый взгляд, благо-

творительность? Вовсе нет. Возрастает сбыт товаров — активизируется производство. Это ведет к повышению налоговых отчислений в бюджет. Растут бюджетные капиталовложения в промышленность — увеличивается число рабочих мест, расширяются покупательные возможности.

Современное государство отнюдь не склонно покидать экономическое поле, оно активно участвует в формировании правил игры.

Невидимая рука рынка, способная все урегулировать, такой же миф, как и представление наших реформаторов о ценах, как результате свободной игры спроса и предложения. Идеальная конкурентная среда, где такая свободная игра возможна, — абстракция из теоретических учебников.

В прошедшем августе картофель в Москве продавался по одной цене с сахаром, чего в прошлые годы не наблюдалось. Виной тому не только засушливое лето, но и южные перекупщики, скупившие незатейливый овощ в больших количествах и монополично диктовавшие цены. Это типичный пример картельного соглашения, когда цена определяется не игрой спроса и предложения, а в результате сговора.

Собственно говоря, и цены мировых рынков вовсе не свободны от монополизма. Экспортерами обговариваются объемы продаж не только нефти, но и сахара, чая, кофе, других распространенных товаров. Объемы продаж в свою очередь диктуют цены.

В последнее время цена нефти на мировых рынках выросла почти вдвое, достигнув 20 долларов за баррель. Но почему же наши внутренние цены на нефть и нефтепро-

дукты должны быть на уровне, скажем, французских, ведь мы, в отличие от французов, сами нефть добываем. На разнице цен (что-то в одной стране дешевле, что-то в другой) основаны международное разделение труда и мировая торговля. Что у нас внутри страны может быть дешевле полезных ископаемых? (Все остальное дороже — климатические условия в России хуже, чем в других странах.) Страна наша — это огромные расстояния. Стоит поднять цены на энергоносители до уровня мировых — перевезти сырье и товары на многие тысячи километров станет просто невыгодным, производство окончательно умрет.

Что касается естественных монополий (производство электроэнергии, добыча газа, транспортировка воды и т.д.), при отсутствии контроля они цены будут взвинчивать произвольно. А потому монополии производства и услуг в таких областях должны противостоять монополиям ценообразования. (Даже в Соединенных Штатах, наиболее либеральной в экономической области стране, — там наименьший удельный вес государственного сектора, в других странах он значительно выше — существует жесткий контроль за ценами. И прежде всего за ценами монополистов. В одном штате Калифорния 600 инспекторов по ценам, проверяющих их обоснованность.)

В свое время Государственный комитет цен устанавливал цены на продукцию, товары и услуги более 200 тысяч наименований. От заклепки до бутылки водки — только Госкомцен определял что в стране почем. Госкомцен рухнул вместе с директивной экономикой. Но и полностью отпустив цены в свободное

плавание, ликвидировав контроль за ними (вот поэтому в одной аптеке одно и то же лекарство может продаваться в два раза дороже, чем в соседней), мы получили уродливую экономику, где производство почти любой продукции убыточно.

Реформаторы говорили: отечественное сельское хозяйство — черная дыра и нечего в него вбухивать миллиарды. Но фермеры, на которых была сделана ставка, как и бывшие колхозы, оказались заложниками экономической ситуации. Посевные площади за годы реформ сохранились на 31 миллион гектаров, производство упало вдвое. Видя, что дело плохо, решили выручить село кредитами, но ничего лучшего не придумали, как поручить кредитование коммерческому банку СБС-Агро (очень мудрая мысль: щучке доверить пасти плотву). И теперь общий долг фермеров, кооперативов, бывших колхозов-совхозов достиг 140 миллиардов рублей — в два раза больше ежегодной общей выручки, иными словами — два года, не тратя ни копейки, нужно отдавать долг.

"Дотировать сельскохозяйственное производство — поощрять бездельников". При этом почему-то игнорируется, что во всем мире только выращивание цветов обходится без дотаций государства. Причина заботливого отношения к аграрному сектору чисто экономическая. Плодородие почв различается даже в небольших европейских странах, и государство своими дотациями выравнивает стартовые условия для тех товаропроизводителей, которые работают на землях не с лучшей, а средней и худшей плодородностью. У нас же плодородие и климатические условия различаются больше европей-

ских (сравните, снажем, Пермскую область и Краснодарский край) и нашему селу без регулирующей роли государства никак не обойтись.

"Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет". Российская практика наглядно показала, что умозрительная теория (в нашем случае — монетаристская) даже при слепом и бездумном воплощении сушит и даже рубит под корень древо жизни. Россия, после всех катастроф века оставаясь по-прежнему первой в мире по территории, из бывшего экономического гиганта на глазах превращается в карлика. По нынешним размерам экономики она уступает не только США, Китаю, Японии, Германии, Индии, Франции, Великобритании, Италии, но и Бразилии, Мексике, Индонезии, Канаде, Испании, Южной Корее. Если так пойдет и дальше — перекочуем в список стран третьего десятка. Ведь в последние годы вся российская экономика по размерам сравнялась с размерами... среднего штата США.

Страна — это всего лишь большая корпорация, утверждает бывший премьер, еще год назад возглавлявший правительство "профессионалов-менеджеров". Ошибочная точка зрения. Страна — самый сложный живой организм, в котором даже такая гигантская монополия как "Газпром" — лишь его часть, а все части организма взаимосвязаны. Россией нельзя управлять по учебникам и схемам. Стоило после обвального 17 августа отказать от тупого монетаризма, результаты не замедлили сказаться. Началось хоть слабое, но оживление экономики, увеличилось положительное сальдо внешнеторгового баланса, резко сохранилась

задолженность по пенсиям и зарплатам бюджетникам. (Сравните: за пять месяцев деятельности правительства "менеджеров" эти долги возросли на 17,2 миллиардов рублей, в то время как следующее правительство, отправленное в отставку "за валюту экономическую политику", за полгода сократило долг на 20 миллиардов рублей. Кто же управлял экономикой более грамотно?)

Вопреки самым неблагоприятным факторам рыночная среда в России все-таки начинает формироваться. Один из важных показателей этого процесса — выравнивание цен. Еще недавно цены в разных регионах страны различались в 2-3 и больше раз, теперь же разброс не превышает, как правило, 30 процентов. Поведение участников рынка становится более предсказуемым, реже происходят срывы договоров. Невысокими темпами, но сокращается в обороте доля взаимозачетов и бартера, и растет доля денежная.

До настоящего подъема еще не близко. Когда развитие внутреннего рынка (а не абстрактный курс реформ, в грядущем успехе которых уверен лишь господин Намдессю) станет для руководства страны приоритетной задачей, тогда и быстрый экономический рост станет реальностью. И только при этом условии возможно улучшение жизни каждого из нас.

☒ *"Золотой запас страны в разные периоды то растет, то падает. А количество денег в обращении в связи с этим тоже меняется?"*

В.Мартемьянов,

Пермь

Как пульс и давление — показатели самочувствия человека, так

и объем денег в обращении — немаловажный показатель состояния экономики.

За первое полугодие нынешнего года количество денег в обращении увеличилось в стране с 208 до 270 миллиардов рублей и составляет сейчас 15 процентов от стоимости валового внутреннего продукта. Достаточно ли этого? Попробуем разобраться.

Кто-то из вас, уважаемые читатели, стометровку за 12 секунд одолеет, а кому-то и минуты маловато. Вот и количество денег в обращении в разных странах рассчитывается специалистами сугубо индивидуально, с учетом темпа их оборота. Например, во Франции, Италии оно составляет 70 процентов ВВП, а в Китае — 110, потому что гигантское население и медленный оборот юаня в связи со значительной долей мелкотоварного производства. А в маленьких странах с крохотной экономикой хватает и 30 процентов. Большой объем национальной валюты имеют США — 120 процентов ВВП. Почему так много? Доллар — основная резервная валюта в мире. Все страны стремятся ею запастись. Китай и Япония имеют примерно по 100 миллиардов долларов, Россия — 11 миллиардов (а еще недавно было 25-30, но часть потрачена на поддержание валютного курса, часть — на уплату внешних долгов).

Сжатие денежной массы — постоянное требование МВФ к нашей стране. В первой половине прошлого года правительства Черномырдина и Кириенко, следуя зарубежным рекомендациям, сжали денежную массу до 11,8 процента, и экономика ответила славом. На сегодняшний день 4/5 всех произ-

водимых в России товаров и услуг не обеспечены деньгами. Но рынок без денег не может существовать. Он задыхается.

Для нормального функционирования отечественной экономики денег требуется не менее 50 процентов ВВП, а лучше 70-85 процентов, с учетом того, что стабильный рубль может стать резервной валютой для большинства стран СНГ. Только эмиссию нужно провести грамотно. Она не должна быть безадресной, безадресная эмиссия приведет к тому, что большая часть средств опять окажется в банках и начнет "прокручиваться" в сугубо финансовой сфере. Деньги нужно направить в стратегически важные отрасли производства, тогда промышленный рост не будет сопровождаться резким скачком инфляции.

В дни прошлогодней финансовой катастрофы в России всерьез обсуждалась идея привязки объема денежной массы к золотовалютным запасам, как в Аргентине. К каким последствиям привела бы реализация этого подхода — не говорилось. Следуя простой логике, при сокращении золотого запаса страны, снижем, вдвое, в таном же объеме пришлось бы ужать и денежную массу. Верно ли это?

Самый большой в мире золотой запас (около 9000 тонн) имеют США. Но он покрывает лишь полпроцента эмитированной массы долларов, вращающихся в этой стране и остальном мире. Остальные 99,5 процента — товар, обычный товар: "не нужно золота ему, когда простой продукт имеет". Почему же мы в своей эмиссионной политике должны цепляться исключительно за золото? Денежную

массу и нам надо привязывать исключительно к товару.

✉ *"Недавно прочел: внешний долг России превысил 150 миллиардов долларов. А что эта астрономическая сумма означает для каждого из нас, "государственных граждан"?"*

С. Кондратьев,

Амурская область

Представьте, что вы живете в семье (а государство — это гигантская, но семья), время от времени одалживая у родственников. Иногда, на крупные покупки, занимаете у знакомых. По-моему, и без объяснений понятно, что долг на стороне налагает более жесткие обязательства, чем долг внутрисемейный. Так и с займами государства. "Весь мир берет в долг, ничего страшного в этом нет", — успокаивали нас в первые годы реформ. Вот и брали, мало задумываясь о последствиях. За последние семь лет Россия нахватала на Западе 71 миллиард долларов. Но за ней числятся и 80 миллиардов долларов долга, доставшиеся по наследству от бывшего Советского Союза. (Сравните, кстати: долг СССР, где население было чуть ли не в два раза больше, почти равен долгу нынешней России.) Каждый раз для займов находились благие мотивы: структурная перестройка, создание новых рабочих мест. И было бы оправданно, если бы небольшие деньги пошли на переоснащение промышленности, в чем она действительно нуждается. Но нет же — не то что ВАЗ или КамАЗ, — пенарни элементарной на эти деньги не построено! А ведь это долги не частных лиц, а всей нации. Стране их придется отдавать. И здесь нужно объяснить,

что же произошло с нашими долгами после 17 августа.

До 17 августа весь наш долг составлял чуть больше половины — 55 процентов — валового внутреннего продукта (25 процентов — внутренний долг, 30 — внешний). Все платежи составляли 18 процентов бюджетных расходов. Вроде бы вполне благополучная картина. Но когда рубль подешевел в 4 раза, ситуация резко ухудшилась: внешний долг подскочил до 75 процентов ВВП. Мы перешли очень неприятную грань: в международной экономической практике принято считать, что если долг страны превышает 60 процентов от ВВП, страна лишается экономической независимости, в значительной степени теряет и свободу принятия политических решений. Вот в такой ситуации мы оказались, вот к чему это бездумное "Давайте брать в долг!" привело.

Еще одна важная деталь: часть займов давалась России с отсрочкой платежей до 5 лет, годы пролетели, пришла пора с кредиторами рассчитываться. Самые большие суммы нам придется возвращать в 2001-2003 годах.

Что означает гигантский внешний долг применительно к каждому гражданину России? Расчет показывает, что для освобождения от долгового яра каждому из нас нужно выложить чуть больше тысячи долларов, то есть около 25 тысяч рублей. Если учесть, что зарабатывают сегодня в России 40-50 долларов (а то и 25-30), а каждый месяц в счет погашения долга нужно отдавать 2-3 доллара, считайте, легка ли общая ноша.

Весь последний год Россия прожила без инъекций МВФ (4,8

миллиарда долларов даны нам на погашение прежних долгов, в страну они не поступали). Но курс доллара не снизился к 50 рублям, не возникло гиперинфляции, как предсказывалось монетаристами. Более того, в экономике наметился маленький, но рост (3 процента в год), доходы бюджета чуть превысили расходы, сальдо торгового баланса положительное, то есть сумма экспорта превысила сумму импорта. Значит ли это, что уже в ближайшие годы страна сможет "соскочить с иглы"? Нет, деньги на обслуживание долга нам просить все равно придется. В 2000 году Россия должна вернуть кредиторам 15,6 миллиарда долларов. Такой суммы у нас не наберется, поэтому, выплатив 10 миллиардов, 5,6 миллиарда придется одалживать. Всего в будущем году по внешним и внутренним долгам выплатить предстоит 217 миллиардов рублей — треть бюджета.

Такая динамика сохранится и в первые годы XXI века. Но очень многое зависит от того, как будет развиваться внутренний рынок. Начнет оживать производство — появятся деньги для инвестиций. Обновятся станки, оборудование — тогда 5, а то и 8 процентов ежегодного промышленного роста окажутся нормой. Легче станет решать и проблему государственного долга. Но это возможно только при умном, волевом и честном руководстве. Нынешней экономике, как и стране в целом, нужен не популист, не потрясатель основ, а хороший земский врач. Который внимательно разберется с ее болезнями и будет грамотно их лечить. Найдутся ли такие люди в России? ■

КОМИК, трагик, ДИРОИК, боле...льщик...

Александр КРАВЦОВ

Михаил Михайлович Яншин — один из самых трудных, но зато и самых интересных людей среди тех, кого я знал. С ним надо было держать ухо востро — его побаивались за опасное умение угодить словесной стрелой в незащищенное место.

Распахнет кто-нибудь ложные объятия в людном месте — Яншин примет этот жест покорно, с совершенно детской улыбкой и тут же прилюдно спросит:

— За что же вы сегодня меня так взлюбили?

Или всем известное начальственное лицо вельможно удостоит его крепкого рукопожатия, а он тут же поглядит на удостоенную руку и спросит озабоченно:

— Кто это?

Многие в номенклатурных кругах затаивали “подлость в душе” за всяческие меткие высказывания Яншина, за его явное же-

вание уважать не должность, а человека. Но, что поделаешь, он и своих, мхатовских, мог приложить "по полной программе".

Видит уходящую из театра Ангелину Осиповну Степанову и спрашивает:

— Лина, ты убегаешь? А как же художественная коллегия без партийного секретаря?

— Сегодня юбилейные награждения обсуждаться не будут, — отвечает она. — Решили перенести.

Яншин глядит в сторону с растеряннo-удивленнoй улыбoчкoй:

— А я поинтересовался по художественнoй части...

Умная женщина с трудом держит удар, видна ее досада: за почти полвека не научилась уклоняться от яншинских выпадов...

К наградам он относился уважительно-иронически: "Не запутаться бы. А то вместо таланта схватишь орден — и на сцену!" Приказано было для массовой фотографии к 70-летию МХАТ СССР имени М. Горького явиться при всех регалиях — он дисциплинированно нацепил. К тому времени многие уже относились к ношению наград с неловкостью, и причин к тому было много. Кторов, например, явился без всяких наград, а Жильцов, хоть и не надел, но на всякий случай взял с собой в портфеле. Яншин же пришел при полном параде, но подчеркнuto обращала на себя внимание незнакомая голубая звезда, похожая на орден царского времени.

— "Шахтерская слава" третьей степени, — охотно комментировал Михаил Михайлович. — Хотя в шахту сроду не спускался. Но другой звезды не будет, сильно не нравлюсь начальствию...

Незадолго перед этим лежал в "кремлевской больнице". В каком-то людном месте читал журнал "Новый мир". В то время уже ненавидимый верхами за легкомыслие. Тут же, неподалеку, сидел высокопоставленный блюститель идеологической линии. Яншин закончил чтение и сказал как бы самому себе:

— Какой умница Лакшин! Горжусь тем, что я — его современник.

Это была спичка, оброненная в бензиновую лужу. Лужа вспыхнула:

— Не будь завтра советской власти, этот ваш Лакшин станет спину гнуть перед любой другой!

Яншин выдержал паузу, оглядел присутствующих и спросил тоном дограмотного ребенка:

— Кому же это может прийти в голову, что завтра не будет советской власти?

Блюститель, как встарь говаривали, "был скандализован"...

Словом, "в кругах" Яншина не любили. А на улицах незнакомые люди легко вступали в общение, хотя и знали, что этот добродушный толстячок — великий артист.

В утренний час при выходе из дома его окликнули рабочие-трамвайщики:

— Товарищ Яншин, доброго вам здоровья! А у нас к вам вопрос. Неужто и на этот раз "Спартак" продует матч? Ну прямо хоть за другую команду болей!..

Михаил Михайлович присел на тележку, стоявшую на рельсах, и заговорил в своей обычной манере, словно со своим вторым "я":

— Не знаю, как кто, а я болею по любви. Если моему "Спартаку" сейчас нездоровится, разве смею я ругать, унижать его? А с кем же он победит? Только с нами. Не сегодня, так завтра...

Антонио. "Безумный день или Женитьба Фигаро" Бомарше.

“Спартак” в тот год “продул” чемпионат страны. Москвичи на трибунах громко выражали свое недовольство, по-всякому обзывали вчерашних своих кумиров. Команда ушла с поля, подавленная поражением и осуждением толпы. Яншин пригласил футболистов на обед, к себе домой. Как они уместились в его малогабаритной квартире, ума не приложу, но тот визит оставил глубокий след у спартаковцев. Великий болельщик с чуткостью педагогического мага лечил их раненые души. Он провел для них экскур-

Музыкин. "Нахлебник" И. С. Тургенева.

сию по множеству фотографий, за которыми не видно было стен в его кабинете: встречи, имена, события — от легендарного китайца Мей Лан Фана до королевы Британии, которую снял сам лично, с ближнего расстояния, несмотря на запрет, — на конноспортивном празднике "Дерби". Увидели они и любовно хранимые изображения славных предшественников — звезд отчего футбола, в основном спартаковцев. В меру выпили и вкусно поели. Но главный живительный нектар вливала в них речь хозяина.

— Наверно, литераторы да психологи только и могут ответить на вопрос, почему люди становятся актерами или спортсменами. А вопрос этот, как назло, задают нам самим!.. Я, например, через полвека актерской деятельности на этот вопрос ответить не умею... Но, может быть, он и не самый главный? Может быть, важнее ответить, что каждый из нас ищет в театре или вот — в

спорте, футболе?.. Твердо могу сказать: не было бы на свете замечательного явления — Московского Художественного театра и его студий, — стать бы мне инженером, а не актером. Я пошел в актеры, чтобы всегда быть вместе с Художественным театром... Сейчас для него не самая лучшая пора, но это — мой дом, и в годы недомогания я люблю его еще больше... Но что значит — любить? Искать, где кроются причины неудач!.. При наших учителях был особый стиль критики — серьезный, товарищеский. Иногда — суровый. Жесткая правда друга всегда дороже лести ложных друзей... И вот я думаю, что беда наша в том, что нас заваливают, что бы мы ни делали. Да я на себе испытываю медвежью услугу такой хронически доброжелательной критики! Много лет не читал подробных разборов своих работ, хотя сам в них нахожу множество недостатков! Не потому ли некоторые корифеи сцены так самоуверенно делают не то и не так? Не потому ли раньше срока стираются и меркнут актерские индивидуальности?.. Главное, чего я нынче желаю Художественному театру, — так это объективности, справедливых и честных суждений о его спектаклях, режиссерской и актерской работе. Персонально. Каждого из нас! Не глядя ни на какие заслуги и звания!.. Это — лучший подарок мхатовскому здоровью... Может быть, и у вас — те же проблемы: имена команды, имена звезд, тренеров, перестоявшийся стиль?.. Знаете, иногда в обмороки падают не только от болезней, но и от переизбытка здоровья...

Он всегда говорил умно и необыкновенно интересно. Мог бы выступать на эстраде в жанре “устных рассказов”...

Яншин был, пожалуй, единственным из корифеев театрального искусства, с кем мне не было легко. Я чувствовал, как он норовит спровоцировать меня на спор, и уходил от этого, сам себя опасаясь, зная, что умею вести трудные дискуссии и держать удар оппонента, отвечая тем же оружием. Огромное уважение к сложному и прекрасному явлению, именуемому “Михаил Яншин”, не позволяло мне поддаваться его же провокациям.

В беседах и спорах он сознательно никогда не ставил себя выше собеседника. Напротив, мог рассказывать о вещах, которые другие актеры и наедине с собой предпочитают не ворошить. Глядя на мир с позиций парадокса, он и себя вписывал в парадоксальную картину мира. Начиная от рассказа, каким и как пришел на прослушивания во 2-ю студию МХАТ. Шел не зная броду, но с искренним сердцем. И потому видел себя исполнителем героических ролей при очевидной внешности и внутренних данных комика. Стал читать героический репертуар. Комиссия хохотала до слез. Его приняли — он ничего не понял. Но себе не изменил.

— С тех пор, — говорил он мне, — подхожу к каждой роли с самых серьезных позиций, а люди смеются.

Я возражал: не слишком ли просто? А как же Маргаритов в спектакле “Поздняя любовь” или несчастный герой тургеневского “Нахлебника” — две вершины его актерской судьбы, худож-

нической биографии, омытые слезами зрителей, хотя смеху в них, насколько помню, вообще не было места. Пауза честного стряпчего Маргаритова, узнавшего, что любимая дочь, ради которой он только и жив на свете, выкрала у него ценные юридические бумаги в пользу неблагодарного гуляки, прощелыги, — это нельзя забыть. Зал привставал с кресел от желания поддержать, подхватить несчастного отца с глазами ребенка, незащищенного настолько, насколько можно быть незащищенным. А покорное шутовство Кузовкина в “Нахлебнике”, с первой же ноты яншинского голоса обезоруживавшее самого яркого любителя позубоскалить в театре? Какой там смех, когда подмывало вмешаться в подлейшие развлечения господ, физически прекратить страдания старого безобидного человека? Мы видели накипающий в нем протест и страшились последствий его открытого проявления. За Кузовкина страшились. Высокий, с особой яншинской сипотцой, вовсе не “театральный” голос актера здесь был особенно проникновенен, неповторим, уместен и славен: даже люди, далекие от актерства, рассказывая о потрясении спектаклем, старались передать именно эту волшебную бесцветность яншинского голоса при богатстве его внутренней жизни.

Яншин отвечал на этот раз без иронии “вторых планов”:

— Моей творческой совестью на всю жизнь стал Николай Петрович Баталов. Он умел смешить как никто, но точно знал, где и почему не должно быть и тени комического... Но, если надо, театр применял “прессинг по всему полю”, научив и меня быть взыскательным к своим работам. Художественный совет 2-й студии МХАТа в свое время отобрал у меня несколько ролей с формулировкой: “Рано. Зазнается”. А? Каково вам? По-моему, это — поступок людей, озабоченных судьбой и талантом своего товарища, то есть по-настоящему любящих друзей!.. Кстати, с меня, студийца, сразу же потребовали относиться к гримерам, костюмерам, рабочим театра как к старшим товарищам. Поныне вижу в них своих коллег... Что еще вселил в нас Художественный театр? Станиславский зорко следил за тем, чтобы актер не эксплуатировал свои данные, не ездил на “проверенных лошадках”, а всегда был способен расти, набирать новое качество. Однажды он сказал мне: “Вам нужно готовить Гамлета. Играть его никогда не будете, но нужно готовить. Тогда вы разучитесь проделывать свои “яншинские штучки”, которые полюбила публика да и вы сами... Я выхожу из себя, когда о нашем учителе говорят как о режиссере-деспоте. Он был требователен до тех пор, пока не видел, что вы реализовали свои возможности достаточно полно. Он выманивал из вас талант, а не частицы таланта. Но Константин Сергеевич никогда не был упрям, не играл в оскорбленное самолюбие, если дело касалось его ошибок... Могу привести поучительный эпизод. На репетиции “Дней Турбиных” он предложил мне выполнить несколько задач, которые я расценил как трюки, потому что они не вязались с моим ощущением образа. Станиславский настаивал. Я

"Дульсинея Тобосская"

А. Володина

М. Яншин — Санчо Панса

Т. Доронина — Дульсинея

холодел от собственной наглости, но упирался. Тогда он стал репетировать с другими актерами, а я продолжал сидеть на сцене. Обо мне он не забывал, то и дело бросая в мою сторону: "Не в том ритме сидите!"... Он был так не доволен мной, что мне подумалось: никогда больше не восстановятся мои добрые отношения с этим дорогим мне человеком, и театр, должно быть, расстанется со мной... Назавтра, перед спектаклем, Константин Сергеевич зашел в комнату, где я гримировался. Я поднялся с места в ожидании разноса. "Садитесь. Гримируйтесь и слушайте меня! — заявил Станиславский. — Все, что я буду говорить, очень важно". Я, как умел, выполнил его требования. "Так вот, — продолжал он. — Вы были правы. Я не прав"... После этого разговора он появлялся на каждом спектакле и стоял в кулисах или в зритель-

ном зале. Он пристально наблюдал за нами. И я всякий раз, как награды, ждал его появления, пока не убеждался, что где-то ореолит его великолепная седая голова... может ли деспот так любить актеров, болея за них на каждом спектакле? Я знаю, кому нужно прославить его режиссером-диктатором. Тем, кто считает профессию режиссера правом распоряжаться чуть ли не судьбами актеров, кто объявляет, что нынче на дворе — режиссерский век!..

— В своей постановке “Дней Турбиных” в Театре имени Станиславского вы так же сурово работали с Евгением Леоновым над ролью Лариосика?

— Нет... Я все же не Станиславский, да и Женя — другой актер. Мы работали по-семейному, без рывков и взаимных огорчений. Но ведь теперешние времена с теми не сравнить! На Леонова уже успели поработать и Станиславский, и я, и опыт Художественного театра, и ореол вокруг пьесы, которую преследовали, оговаривали, наконец, сняли с репертуара... Потом Сталин спросил Станиславского: “Почему не видим на афише вашего театра очень хороший спектакль “Дни Турбиных”?” Константин Сергеевич ответил конфиденциально: “Они его сняли”. Сталин таким же тоном пообещал: “Они его разрешат”. Не знаю, какие блюда в это время варили на кремлевской политической кухне, но “Турбиных” снова вернули на мхатовскую сцену...

— Ломаю голову и не нахожу ответа, почему сталинские чистки пощадил Художественный театр, — признался я однажды.

Михаил Михайлович пожал плечами:

— Вероятно, всемирный авторитет театра и его руководителей. Сталин не хотел уничтожить такой бриллиант в короне новой империи. Кроме того “художественники”, как их тогда называли, привлекали к себе внимание лучших людей времени. На квартире Павла Маркова, в те годы — руководителя литературной части нашего театра, а теперь ведущего критика и теоретика театрального искусства, — собирались Всеволод Иванов, Юрий Олеша, Дмитрий Шостакович, Всеволод Мейерхольд, братья Эрдманы, художник и драматург, и еще много интереснейших людей. Я входил в этот кружок, нисколько не напоминая банальную богему. Это были встречи людей, нуждавшихся в совместном осмыслении времени и искусства в нем... Для меня это стало “моими университетами”. Прибавьте к тому, что руководители МХАТ в те годы регулярно проводили индивидуальные беседы о творческих перспективах каждого актера. Да если бы не это постоянное, взыскательное и вместе с тем отечески нежное внимание, мне бы лично никогда в себе не развить качества актера и режиссера. Я нередко слышал от Станиславского: “У вас есть краски и ярче. Но не спешите их реализовать — будьте сдержаннее. Иначе задержите действие спектакля, его логику, его ритм”...

Когда бы я ни приходил домой к Яншину, заставал его в кабинете за большим столом в середине, на котором лежали раскры-

тые роли и, непременно, перепечатанные по его просьбе из разных источников высказывания Гарсия Лорки, испанского поэта и драматурга, о театральном искусстве. Телевизор включался периодически, в основном на спортивных новостях или футбольных трансляциях. Казалось, в этом замкнутом пространстве, куда не доходили шумы улицы, ему не было одиноко. Он встречал меня всегда в отличной форме, опаленный какими-то свежими мыслями, но никогда не говорил о ролях, над которыми работал. Отделялся общими фразами, давая понять, что не склонен касаться проблем будущего спектакля и роли. Лишь позже, увидев его в образе Санчо Панса из "Дульсинеи Тобосской", — первой постановки Олега Ефремова на мхатовской сцене, или в прекрасной лебединой песне "стариков" МХАТа "Соло для часов с боем", я вспоминал, что наши беседы он старался сводить к кругу предлагаемых обстоятельств этих ролей и даже пробовал их "на зубок", цитируя. А на поверхности этого процесса звучала обыденная фраза: "Да вот. Сижу. Учю роль. Текста больно много"...

Он был на редкость музыкален. Я знаю мало актеров, которые бы так чутко слышали музыку фразы и качество слова. Он был необыкновенно изящен и пластичен при всей своей полноте и приземистости. Словом, был Мастером в самом совершенном смысле этого понятия. А высший смысл мастерства для него, истинного мхатовца, заключался в том, чтобы зрители ни секунды не замечали, ни на миг не фиксировали, чем, какими средствами он играет. В самых гротескных ролях казалось, что он реализует личные качества и свойства. Но как сравнить сэра Питера в "Школе злословия" с Градобоевым в "Горячем сердце" или паном Абелем из "Соло для часов с боем"?

Сэр Питер был не сыгран, а станцован — настолько легка была его актерская манера, невесомы жесты и походка, и флейта звучала, как голос, а голос — как флейта в пленительном дуэте с Ольгой Андровской: "Голубок и горлица никогда не ссорятся — дружно живут..." И так же тонко вплетаясь в мелодио песенки, в звуки флейты и арфы, постепенно завладевая атмосферой действия, развивался очередной тур супружеского скандала. Андровская была неотразимой, но публика душой склонялась к бедняге-мужу, который, несмотря на почтенный возраст, так любил ее, что был недостоин безжалостного кокетства с выманиванием денег на наряды и безделушки. Можно было играть сэра Питера и по-другому. В конце концов, сам виноват — позарился на молоденькую. Как говорят на Украине, "бачилы очи, що купувалы". И публика бы весело осмеяла незадачливого богатенького джентльмена. Но Яншин не разрешил наказывать своего героя. Он новыми гранями поворачивал свою творческую тему — быть защитником незащищенных. Смутно, через улыбку и смех, но возникало к сэру Питеру чувство сострадания, которое откровенно-могуче завладеет нами позже, при встрече с несчастным нахлебником Кузовкиным.

“Горячее сердце” в моей жизни не просто превосходный спектакль, но — открытие. Страшно подумать, что его могли и не восстановить, оставить в прошлом. Однако восстановили с удивительным умением оживить в каждом моменте сценического бытия талантливую, бурлящую озорством и совершеннейшим восторгом от самого процесса театрального праздника постановку великого Станиславского. В восстановленном спектакле корифеев дублировали тогдашние молодые: И.М. Москвина — Алексей Грибов, М. М. Тарханова в роли Градобоева — М.М.Яншин, Ф. В. Шевченко — Ольга Лабзина и т.д. Нам это счастье досталось, что называется, “по трамвайному билету”. Мы пришли и ахнули: это — тот режиссер, про которого ехидничали, что у него лишь “пьют чай” дяди Вани и тети Мани”?! На сцене действие раскручивалось до эффекта вахтанговской радуги. И я впервые ощутил всем своим существом, как тесно переплетается художественное направление вахтанговцев не только с теорией и практикой школы, но и с творческим опытом старшего из общих наших Учителей.

И снова в этом празднике актерского куража, блистающем виртуозностью игры, народными сценами, уморительными ситуациями и внятностью сатирических ударов, яншинский персонаж, отъявленный лихоимец и демагог, пугающий простолюдинов законами, чтобы судить их по своему разумению, вызывал не только осуждение. Не мог, не хотел этот актер играть подлеца. И не то чтобы он впрямую применял совет учителя “играя злого, ищите, где он добрый”, нет, тут другое... Яншин и в жизни был человеком редкого ума, способности живо определить причинно-следственные связи, понять, “откуда есть пошло” само явление, породившее общественный или личностный порок человека. Он не был ни адвокатом, ни прокурором своих персонажей. Он давал возможность ощутить явление, которое превратило человека в то, что он есть. И потому было смешно и даже по-человечески жалко Градобоева, когда он умолял купца Курослепова смирить безобразия его жены: “Скажи ты ей... Не скорпион я, а Серапион!” А подлая баба упрямо повторяла: “Скорпион Мардарыч”. В таком же комически-жалком положении он предстает и в сцене попойки — дуэте с Алексеем Николаевичем Грибовым в роли Хлынова. Эта сцена живет на телевидении вполне самостоятельной жизнью. Она стала своего рода классикой “золотого фонда” телевизионной видеотеки, документальным свидетельством художественной мощи мхатовских актеров. В спектакле эта сцена — апофеоз линии Градобоева, который с первого своего появления на сцене занят только поборами. Он является в дома богатых купцов подобно собирателю ясака из Золотой Орды. Кстати, само появление Яншина в этой роли — молчаливый каскад лукавства, аппетитного предвкушения угощения на дармовщину, разглядывания окружающей среды счастливо-масляными глазами. Эту паузу публика неизбежно по-

крывала аплодисментами и смехом. А Хлынов — не Курослепов, он неумен и держит специального человека для изобретательных загулов. Хлынов таскает за собой градоначальника, хулигана и разбойничая на его глазах, и поит до потери пульса. Яншин воспринимает любимое зелье уже как род пытки: ни сил больше нет пить, ни, что называется, физика не принимает. Хлынов вливает водку насильно, и Градобоев плачет, моля о пощаде. Торжество над наказанным лихоимцем смешивается в зрительской душе с естественным человеческим состраданием его мукам... И нет в Градобоеве ни единой черточки сэра Питера, и, как всегда, нет возможности разглядеть, из какого строительного материала создавался образ.

Совсем уж далек от них пан Франтишек Абель, любовно выписанный сербским драматургом Заградником как хозяин скромного дома, в котором по пятницам собираются его друзья — обитатели приюта для престарелых. Один лишь пан Абель делает все возможное, чтобы самому не оказаться в богадельне. Каким же запасом доброты и человекопрития должен обладать выдавший виды старик, чтобы каждую неделю быть готовым к празднику и становиться душой этого праздника?! Яншинский герой щедрее щедрого наделен этими качествами, хотя актер сделал все возможное, чтобы убрать их поглубже, во второй план, оставив наверху тихую мудрость и какое-то природное ощущение в себе добра.

С огромным трудом он подавляет в себе горькую обиду и сохраняет достоинство после предложения внука уйти в дом для престарелых, освободив квартиру для молодоженов. При этом актер ухитряется сохранить еще и третий план — преданную любовь к обидчику, которого на руках своих выносил и выпестовал.

Такие пьесы, как “Дальше — тишина” и “Соло для часов с боем”, вызывали активное сопротивление некоторых мозгляков от театральной критики, превративших нормальное определение жанра “мелодрама” в слово ругательное. Слишком долго правила злора в многострадальной нашей стране, и люди научились в штыки встречать все, что способно вызвать доброе сочувствие. Но те же критики вынуждены были признать победу спектаклей с великими актерскими творениями Фаины Раневской и Ростислава Плятта на сцене Театра имени Моссовета и Ольги Андровской, Михаила Яншина, Алексея Грибова, Марка Прудкина и Виктора Станицына на сцене МХАТ. Человечность и милосердие — вечные темы — победили шумные “производственные” и “политические” спектакли, в те годы казавшиеся смелой попыткой прорыва узаконенной лжи в прогнившей системе. Смее думать, что если бы было побольше такого рода “мелодрам” на сцене и в кино да поменьше баррикадных поз критиков с фигой в кармане, мы бы побольше печалились о правах каждого, а не “среднестатистического” человека.

Советское кино принимало Яншина как актера, выражаясь языком военных комиссаров, “ограниченно годного”. Он был заявлен фильмом “Заклученные” в качестве законченного сукиного сына, мелкого франтика, растратчика, похотливого трусишки. Если и запомнился при столь картонном материале роли, то филиппикой, выданной на экране героем картины, Костей-капитаном, великолепно сыгранном Михаилом Астанговым. Загнав мерзавца на канцелярский стол в лагерной конторе, Костя приказывал: “Танцуй, растратчик, — бандит веселиться будет”. Растратчик смешно и жалкенько плясал на столе, не вызывая сострадания. Зрители испытывали удовлетворение от свершившейся мести и цитировали ловко сказанное.

В чеховской “Свадьбе” Яншин сыграл тоже человечка подлого и беспардонного в минуту ответственности. В “Ревизоре” был замечательным Земляником, да фильм получился хрестоматийным, и успех у него был спокойный. Об эпизодической роли начальника станции в кинокомедии “Мы с вами где-то встречались” можно бы и не упоминать в силу полного отсутствия драматургического материала. Словом, Михаил Михайлович поспешил родиться: к концу его жизни кинематографисты разглядели в его ученике и творческом наследнике Евгении Леонове актера, способного при явно комедийных данных создавать объемные образы драматического и даже трагедийного плана. Сменилась эстетика времени...

Яншин распознал ее как хороший режиссер. Прежде всего “актерский режиссер”. А одно это дороже для становления театра, чем блистательное умение конструировать сценические эффекты. Низкий поклон вызывает имя Яншина даже в тех поколениях цыганского театра “Ромэн”, с которым он уже не работал. Михаил Михайлович устроил для цыганских актеров не только театральный ликбез, но и своего рода университет театральной культуры, вводя их в круг мхатовских мастеров. Руководя “Ромэн”, он оставался репертуарным актером родного Художественного театра и, когда пришел час сделать выбор, естественно, остался в родном доме.

Плодотворной порой для московской театральной жизни были годы яншинского художественного руководства театром имени К.Станиславского. Он вырастил больших актеров — Е. Урбанского, П. Глебова, Е. Леонова, О. Бган, Н. Веселовскую. С ним в театр пришел серьезный, достойный афиши театра с именем Станиславского репертуар: “Наследники Рабурдена” Э.Золя, “Дни Турбиных” Булгакова, “Чайка” Чехова, “Такая любовь” П. Когута и др. Его режиссура нисколько не напоминает комедийного актера Яншина. Здесь он — лирик, которому улыбка, иногда печальная, была дороже хохота. И — верный последователь психологически подробного мхатовского спектакля. Театр имени Станиславского при нем любили... Особая тема — судьба этого театра, в котором невесть откуда пошла традиция “съесть” главных режиссеров. Сверхусилий к тому прикладывать не приходилось. А уж к тому, чтобы вытеснить неуютного для начальства Яншина, надо было немного: поставить под сомнение идеологическую линию репертуара, политическую зоркость (читай: поворотливость) главного режиссера ну и какие-нибудь бытовые мелочи нравственного порядка... Все это было предоставлено мастерами закулисной помойки, и Яншин с горечью покинул свой пост. Говорят, что главные заводы этой истории скоро сообразили, что нанесли неизлечимую рану прежде всего самим себе и будущему театра, который так и не поднялся до нынешних дней. Сейчас прохожий по Тверской раньше всего прочитает вывеску “Ночной клуб имени Станиславского”, а только потом разглядит другую: “Московский драматический театр имени К.С.Станиславского”. Как бы отнесся к этому Константин Сергеевич, который жестко утверждал: “В клубе не может быть театра!”?

Да, не была безоблачной режиссерская судьба Яншина. Что ж, он сам творил свою карьеру. А вместо долгого рассуждения об его идеалах расскажу услышанную от него историю, которую я воспринял как притчу. Михаил Михайлович вспоминал:

— Шла Великая Отечественная война. Первые ее месяцы. Мне было велено отправляться в глубокий тыл и включиться там в работу театра “Ромэн”. Добираться я должен был сам, уж как сумею. Моим попутчиком оказался замечательный человек, поэт Михаил Аркадьевич Светлов. Он ехал увидеться с семьей и снова

отправиться на фронт в качестве военного корреспондента. Носил, соответственно, военную форму, которая сидела на нем мешковато, по-штатски... Часть пути мы прошли на пароходе... Выбрались на берег в одном из волжских городов, где нам сказали, что в таком-то месте дают курево. Мы со всех ног бросились по указанному адресу... Давали по две пачки папирос на руки. Но Светлов был уже тогда широко популярен, и его уговорили взять больше...

А дальше было вот что. Идем мы. Навстречу — мужчина: “Разрешите докурить?” Светлов не мог позволить себе дать человеку окурочек, зная, что у него в кармане несколько пачек. Он вынул целую пачку и вручил счастливому прохожему. Я вздрогнул и что-то простонал, но он был безмятежен. Дальше — еще встречи... И всякий раз просьбу “докурить” он награждал целой пачкой!.. И тогда я вступил в решительную борьбу. Светлов виновато оправдывался: “Не могу я иначе, когда у всех нет, а нам досталось по благу”... И протянул мне последнюю пачку... Ни до этого случая, ни после не было мне так стыдно... Светлов во многом повлиял на понимание моего места среди людей...

Я немедленно включил эту новеллу в книжку, которая выходила в издательстве “Знание”. В верстке ничего похожего не обнаружил, дошел до главного редактора и получил разъяснение, что читателю не нужно знать, каким блатом пользовались Светлов и Яншин в тяжелые годы войны.

Впервые в жизни я добился приема в отделе печати ЦК КПСС, идя на открытый конфликт. Симпатичный мужчина по фамилии, кажется, Чейшвили почитал рукопись, выразил полное удовлетворение и удивился нелепости редакционной цензуры. Он позвонил в издательство “Знание”, сказал все, что полагалось, и заверил меня, что изъятую часть вернут на место. Но в издательстве оказалось сверхосторожное начальство. Меня обманули, успокоив, но в последнюю минуту снова выбросили новеллу со Светловым.

Яншин был вне себя:

— Пусть бы выбросили вон весь очерк обо мне!..

Самолюбие не позволило мне рассказать всю мою “одиссею” с борьбой за этот материал. За что я горько поплатился.

По приглашению О.Н.Ефремова пришел я на одну из сценических репетиций будущего спектакля “Последние” по пьесе М.Горького. Яншин в этой работе не был занят, но в самом конце, едва репетиция окончилась, он вошел в зрительный зал и встретился со мной глазами. Я приветливо поздоровался на расстоянии. Михаил Михайлович обернулся к Ефремову и, пожав плечами, спросил что-то... Мне показалось, что вопрос я прочитал по движению его губ. Впоследствии Ефремов подтвердил мою горькую догадку.

Яншин спросил: “Кто это?”...

Исправить положение не удалось — Михаил Михайлович вскоре ушел из жизни... ■

“Кармен- Сюита”

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

 на спит по утрам часов до одиннадцати-двенадцати, и сон, пожалуй, — самые сладкие, самые прекрасные часы в ее нынешней жизни. А потом нужно вставать, натягивать шерстяной спортивный костюм, надевать кроссовки — и в любую погоду до одури бегать по набережной Москвы-реки, подальше от выхлопных газов и прохожих. К счастью, между Крымским мостом и Храмом Христа Спасителя набережная всегда практически пуста. Спортивную форму очень легко по-

терять и очень трудно вновь обрести. Особенно тогда, когда сорокалетний юбилей уже позади.

Потом полчаса под душем: горячим, прохладным, холодным и завтрак: фрукты, сыр, кофе. Ни единой лишней калории не должно попасть в организм до начала рабочего дня. Точнее, вечера. А еще точнее — ночи. В общем, до того времени, когда начнется представление в одном из ночных клубов в центре Москвы. Вот после двух номеров — обязательного и “на бис” — можно позволить себе поесть. Сочный бифштекс, аппетитно поджаренную курочку, запеченную в тесте рыбу. И вкусно, и приятно: платит “заведение”. Значит, как минимум десять долларов остается в кармане. Можно еще выпить бокал вина или коктейль, но она уже давным-давно не прикасается к спиртному вообще. И не курит.

Зоя никогда бы не подумала, что после сорока лет ей придется вести такую жизнь и заниматься такими подсчетами. Но человек предполагает, а жизнь, как известно, располагает. И ей, Зое, в прошлом балерине известного столичного театра Бога надо благодарить за то, что не приходится сейчас унижаться перед малограмотными администраторами, чтобы включили в концертную труппу, которая месяцами гастролирует “в глубинке”. Денег там платят — только-только с голоду не помереть, в гостиницах — ни горячей воды, ни нормального буфета, в одной комнате селят по три-четыре “девочки”... Одна до утра читает — бессонница, вторая храпит, как извозчик, третья приходит только под утро, потому что живет с директором труппы. И каждый вечер одно и то же: “Танец с арабесками” или “Умиравший лебедь”. Да кому они нужны, эти арабески в сопровождении хрипавшей магнитофонной записи!

Одно время, правда, Зоя и этим поездкам радовалась, когда ее из балетной труппы театра выперли. Именно выперли, хотя сделали это виртуозно и с иезуитской вежливостью. Понадобилось кому-то из руководителей пристроить любовницу (три спектакля в месяц, вся партия на третьем плане, зато профессия — балерина! — а не секретарша), и будьте любезны, Зоя Степановна, пройдите переаттестацию... к сожалению, комиссия не слишком довольна... возраст, голубушка... очень рекомендуем по собственному, так сказать, желанию... хоть пенсию будете получать.

Пенсия... Кому сейчас вообще нужны пенсионеры? А уж те, кому она положена в тридцать пять или в сорок лет, вообще оказываются лишними на этом празднике жизни. Лицо молодое, фигура в порядке, еще всего хочется, еще сил полно, а тебя — раз, и “в тираж”. Кто-то спивается, кто-то кончает с собой. Считанные единицы переламаывают ситуацию в свою пользу: оставшиеся летчики учат летать новоиспеченных владельцев частных самолетов или становятся личными пилотами какого-нибудь богатенького Буратино, прославленные чемпионы —

кумиры болельщиков — пристраиваются в каких-то спортклубах или уходят в таинственные “коммерческие структуры”, оставшиеся балерины открывают частные танц-классы или идут в гувернантки к детям “новых русских”. Или тихо доживают свои дни, тратя то, что удастся выручить за подаренные прежними любовниками тряпки и побрякушки.

Любовниками Зоя в свое время не обзавелась: мама воспитывала ее в строгости, да и мечта стать прима-балериной, как Уланова или Плисецкая, перевешивала мимолетные сердечные увлечения. Потом в ее жизни появился Сережа — трогательно влюбленный математик, рассеянный, как и все настоящие ученые, без пяти минут доктор наук. Он не пропускал ни одного спектакля с участием Зои, провожал ее домой, дарил цветы и абсолютно ничего не требовал взамен. Пренебречь таким мужчиной было бы просто глупо, и Зоя вышла за Сергея замуж — без особой любви, скорее по расчету на “прочный тыл”. Расчет оказался абсолютно верным, тем более что первые пять лет супружеской жизни для Зои на первом месте всегда были балетный станок, репетиции и спектакли. Все остальное существовало постольку поскольку. Ни разу она не дала мужу ни малейшего повода для ревности, хотя балерин и принято считать легкомысленными созданиями. А позже, когда стало ясно, что “примы” из нее по целому ряду причин не получится, было решено: она рождает. Ребенок — это уже полноценная семья, нечто скрепляющее. Какая-то гарантия. А танцевать вторые партии можно и после родов, не она первая, не она последняя. Так появилась на свет Лялька, по метрике Людмила.

Сережа успешно защитил диссертацию и в тридцать лет был уже доктором наук. С Лялькой нянчилась Зоина мама, бытовыми проблемами занималась тоже она, а Зоя по-прежнему жила в репетиционном зале и на сцене, благо форму после родов восстановила удивительно быстро. В деньгах нужды не было: приобрели “Жигули”, каждый год отдыхали на юге, копили деньги на кооператив. А пока Сережа удачно обменял свою однокомнатную, гостиничного типа квартиру в спальном районе у черта на куличках на комнату в той коммуналке, где жили Зоя с мамой. И уже после рождения Ляльки семья заняла третью комнату. Получилась почти отдельная квартира: соседи, супружеская пара пенсионеров, тишайшие и интеллигентнейшие люди, могли считаться скорее родственниками: всю жизнь прожили бок о бок.

Поэтому деньги на кооператив копили, но как-то вяло. Зоина мама и слышать не хотела о том, чтобы переселяться из обжитого центра на какую-то окраину. Так что предназначался кооператив для Ляльки, когда она вырастет и выйдет замуж, а до этого еще — глаза вытаращишь. Во всяком случае, так казалось до одного из отпусков, когда произошла трагедия: Сережа утонул. Погиб глупо и нелепо, в полутора десятков метрах от

берега. Врачи потом сказали — сердечный спазм. Возможно. Спортсменом он никогда не был, даже утреннюю зарядку не делал, но не пил, не курил и даже к кофе, в отличие от Зои, пристрастия не имел. И вот — сердце отказало за два месяца до сорокалетия. А Зоя в тридцать пять лет осталась вдовой с десятилетней дочерью на руках.

Беда, как известно, одна не приходит: через два года состоялась пресловутая “переаттестация”. Да и вообще все в стране покатилося вверх тормашками и деньги, отложенные на кооператив, превратились в ничто. Зоя купила на них шубку для Ляльки — на вырост. Какое-то время Зоя танцевала в небольшом “экспериментальном” театре, где все эксперименты сводились к тому, что танцевали босиком в каком-то подобии античных хитонов. Но потом и этот театр распался, канул в небытие. Вот тогда-то и начались Зоины хождения, точнее, гастрольные муки. Пенсий хватало только на самое необходимое. Продали “Жигули”, но и этой суммы хватило ненадолго, как ни экономили, как ни тряслись над каждой копеечкой.

А в один далеко не прекрасный день и гастроль закончилась. Правда, говорили, что временно, в связи с какими-то административно-финансовыми трудностями, но есть-то хочется каждый день. Да еще Лялька преподнесла сюрприз: в семнадцать лет ей позарез понадобилось выйти замуж за своего ровесника-одноклассника по очень уважительной, хотя и достаточно прозаической причине: Зое предстояло в сорок с небольшим стать бабушкой. К чему она не была готова ни морально, ни, тем более, материально. Будущие же родственники — родители юного мужа — согласие на брак дали, но предупредили, чтобы ни на материальную помощь, ни на родительский кров сын не рассчитывал. Сделал глупость — выкручивайся сам, как знаешь.

В общем — караул! И тут случай, счастливый или нет, сказать трудно, свел Зою со старой приятельницей Машкой, когда подававшей большие надежды солисткой кордебалета в их театре. Машка и в “той”, доперестроечной жизни, устроилась идеально: плюнула на карьеру и вышла замуж за директора какого-то магазина, после чего и зарплату в театр не всегда приезжала получать. Судя по всему, и в этой, до неузнаваемости изменившейся жизни она не бедствовала: ухоженная, прекрасно одетая, она выходила из магазина итальянской мебели на Остоженке. А Зоя шла в булочную по соседству.

Старый друг лучше новых двух — банально, но верно. Машка всплеснула руками, заохала от восторга и потащила Зою “посидеть, потрепаться” в маленькое уютное кафе неподалеку. Там они и просидели битых два часа, рассказывая друг другу о прошедших годах. Собственно, рассказывала в основном Машка, а Зоя отделялась короткими сведениями: который год вдовствует, из театра попросили, пока как-то вы-

кручивается. Машка, добрая душа, сочувствовала, но тут же соскальзывала в более приятные для нее области сплетен и слухов.

— Ньюшка наша (подразумевалась театральная прима) теперь учит танцевать французов, представляешь? Мы с мужем ездили весной в Париж, у нее там студия. Умереть можно! Из нее педагог — как из меня певица. А ведь живет припеваючи, вот что значит наша марка. Из девчонок давно никого не вижу: повыходили замуж, кто-то навсегда уехал, кто-то просто из дома не вылезает. А мы с мужем на днях были в ночном клубе — устает он, не поверишь, больше, чем при старом режиме... Ничего посидели. Там, знаешь, танцы, называется “эротическое шоу”. Ну, умрешь! Телки такие дикие — ни ступить, ни повернуться. Нас с тобой туда — мы бы им сто очков вперед дали. Особенно ты, я-то распустилась, поплыла. Ты какую диету держишь?

— Голодную, — машинально ответила Зоя.

Что-то в трескотне Машки ее зацепило, но сосредоточиться на этом, додумать до конца она никак не могла.

— А балетмейстером там... представляешь, в таком заведении балетмейстер — умора! — Гарик! Ну, наш Гарик, который сухожилие порвал на генеральной. Не помнишь, что ли?

Зоя покачала головой. Гарика она помнила. Очаровательный мальчик, тонкий, как травинка, со всеми ладил и уверенно шел к главным партиям во всех спектаклях. Но на последней репетиции “Спящей красавицы” получил травму и исчез из балета навсегда. Вот где появился — в ночном клубе!

— Ты бы его не узнала. Я тоже не врубилась, он сам ко мне подошел. То-се, ля-ля тополя. Жаловался, что девок — хоть пруд пруди, а танцевать толком ни одна не умеет. Он, бедняжка, из сил выбивается, но пока сумел только научить их синхронно в канкане ноги подбрасывать. Мрак, да? А платят этим телкам — нашим примадоннам и не снилось. Пятьдесят баксов за вечер — не слабо, да? Интересно, сколько бы нам с тобой заплатили, если бы мы там класс показали?

“Интересно” — не то слово. Зоя всячески гнала от себя внезапную безумную идею: пойти в этот ночной клуб, найти Гарика и попросить, чтобы он взял ее на работу. Пятьдесят долларов за вечер! Столько она получала за месяц гастрольных мытарств. Даже если продержаться там всего неделю... Внуку или внучке — кто уж там родится — хватит на приданое, а там видно будет...

— А где, говоришь, этот ночной клуб? — спросила Зоя у Машки.

Та не сразу поняла, о чем речь, потому что давно рассказывала о чем-то другом. Но потом сообразила.

— Да здесь, рядом, в самом конце улицы. Там раньше какая-то контора была. То ли Союзпечать, то ли Госстрах...

Это уже был перст судьбы: клуб находился во дворе Зоиного дома...

На следующий день, ближе к вечеру, Зоя отправилась в "вертеп", как называли клуб жители их дома, и спросила балетмейстера. Ей бы долго пришлось толковать охранникам, кого она имеет в виду, потому что фамилия Гарика начисто испарилась из ее памяти. Но тут, к счастью, появился он сам и, как ни странно, сразу узнал Зою.

— Бабуся! — радостно завопил Гарик. — А ты что здесь делаешь?

Зоя вздрогнула, услышав такое обращение, но потом вспомнила, что именно так Гарик обращался ко всем девушкам и женщинам моложе тридцати лет. Всех остальных он, как правило, называл барышнями.

— Пришла с тобой повидаться, — мило улыбнулась ему Зоя. — Мы же соседи, я в этом доме живу. Машка сказала, что ты теперь здесь работаешь — помнишь Машку? — вот и решила зайти.

— Правильно решила. — Гарик взял ее под руку и повел внутрь. — Хоть с кем-то по-человечески пообщаюсь из старых друзей. А то если кого тут и вижу, то только за столиками. Крутые — с ума сойти! Как яйца. А ты прекрасно выглядишь, бабуся. Твои тридцать пять тебе нипочем не дашь.

Зоя не стала напоминать, что старше Гарика лет на восемь. Раз он считает ее своей ровесницей — тем лучше. Точнее, проще. Впрочем, она всегда выглядела моложе своих лет. Маленькая собачка — до старости щенок...

— Как тебе твоя работа? — спросила она Гарика.

Тот, усадив ее в огромное мягкое кресло, готовил кофе и какую-то нехитрую закуску.

— Работа? — саркастически хмыкнул Гарик. — Ты называешь это работой? Я не балетмейстер, бабуся, я — дрессировщик в цирке. Видела, небось, как там лошади вальс танцуют? Ну вот и я тем же занимаюсь: учу кобыл задирать ноги. У цирковых лошадей получается лучше. Ну, это все мои проблемы, расскажи лучше, как ты.

И Зоя рассказала. Ничего не преувеличивая и не преуменьшая, так, как это было на самом деле. Балетные, как и цирковые — особая каста, и если нет соперничества, то помощь гарантирована.

В тот вечер они беседовали несколько часов. Первоначально Гарик был настроен скептически, фыркал, тосковал по высокому и чистому искусству, клял последними словами тех, кто все это порушил. Но потом загорелся Зоиной идеей, увлекся, оживился, стал предлагать свои варианты. А три дня спустя Зоя пришла к назначенному часу, чтобы встретиться с хозяином клуба и устроить "пробу". Он один решал "кадровые вопросы", особенно в части эстрадной программы.

— Он немножечко хам, бабуся, — предупредил ее Гарик, — но ты постарайся не обращать внимания. Если мы убедим его в исключительности и, главное, кассовости твоего номера, все будет прекрасно. Вкуса у него маловато, но профессионалку от своих дурищ он отличить сможет. Так что не тушуйся, делай все, как мы договорились.

Хозяин действительно оказался “немножечко хамом”.

— Ты кого мне привел? — спросил он Гарика, даже не считая нужным понизить голос. — Ей же лет тридцать! А вид такой, будто только что с профсоюзного собрания. У меня варьете, кабак, а не филиал консерватории.

— Тридцать лет для профессиональной балерины не возраст, — негромко возразил Гарик. — А я вам предлагаю не очередную шлюху, которая будет вертеть задом, задирает ноги и гнать откровенную порнуху, а эксклюзивный номер с высокой эротикой. Такого в Москве еще нет и вряд ли будет. А внешность... Вы просто никогда не видели балерин вблизи без грима. Сейчас Зоя переоденется и вы посмотрите.

— Учти только, что я ничего не обещаю. Сначала посмотрю.

Гарик равнодушно пожал плечами:

— А разве я просил о чем-нибудь другом? Вы человек дела, сразу увидите, что вам подходит, а что — нет.

Когда Зоя вернулась в зал уже в костюме, гриме и парике, на лице хозяйина появилось некоторое любопытство.

— Ты смотри, — громко прокомментировал он, — совсем другая баба. Только одежды многовато.

— Не торопитесь, шеф, — загадочно улыбнулся Гарик. — Так все и задумано по сюжету.

Гарик был прав: такого в Москве еще не было. “Кармен-сюита”, точнее, десятиминутный отрывок из нее, с ярко выраженным эротическим уклоном. Зоя выходила на сцену в полном испанском костюме, а по ходу действия сбрасывала одну принадлежность туалета за другой, пока не оставалась в тончайшем черном трико. Дойдя до этого места, она остановилась.

— А вот отсюда нужно работать с освещением, — пояснил Гарик шефу. — Свет должен погаснуть в ту самую секунду, когда упадет трико. И за несколько мгновений наша Кармен исчезает.

— Ну что ж, попробуем, — согласился явно заинтригованный шеф. — Поработайте со светом, придумайте оформление. Окончательно я решу, когда увижу готовый номер. Если зрителям понравится, посажу твою красотку на недельный контракт. А там видно будет.

“И ничего особенного, — убеждала себя Зоя на репетициях и дома. — Просто нужно быстренько исчезнуть со сцены, когда погаснет свет. Никто не узнает. Черный парик, грим, накладные ресницы... А можно надеть черную полумаску, так еще интереснее получится. Ничего стыдного, в балете всегда ноги от-

крыты по самое “здрасьте”, и спина голая, и декольте... Псевдоним нужно взять позагадочнее. Что-нибудь итальянское. Ничего особенного, просто такая роль... И Лялька вот-вот родит... Ничего, бабуся, вытянешь...”

Гарик все рассчитал правильно. На фоне откровенно дилетантского и щедро обнаженного шоу номер Зои гляделся, как бриллиант среди стекляшек. Тишина в зале во время его исполнения была полной, а когда трико соскользнуло с танцовщицы, все единодушно ахнули — от неожиданности и эффектности зрелища. И осветители не подвели, вырубили свет секунда в секунду. И черный плащ, в который мгновенно закуталась Зоя, оказался под рукой. Все получилось.

Под руководством многомудрого Гарика она подписала контракт из нескольких пунктов — на неделю. Потом — из гораздо большего числа пунктов — на месяц. И, наконец, несколько страниц соглашения на полгода. В число обязательств Зои входило ежевечернее исполнение двух номеров: “дежурного” и “на бис”, абсолютный отказ от контактов с кем-либо из посетителей, непрменная черная полумаска на все время пребывания в стенах клуба. Диана Дин — на таком псевдониме она остановилась — постепенно сделалась “гвоздем программы”, публика шла именно на ее номер. А она благословляла Бога за то, что в клубе не требовали паспорта и ценили профессионализм, а не связи. Красоток с этими самыми связями — в прямом и переносном смысле слова — в клубном варьете хватало и без Зои, причем на любой вкус. Девушки менялись чуть ли не еженедельно: кто-то увольнялся, не вынеся в общем-то тяжелых условий работы, кто-то находил себе более выгодное место, кто-то — богатого любовника. Несколько месяцев спустя Зоя была уже чуть ли не старожилом, а ее обособленность, молчаливость и загадочность исключали возможность злых сплетен.

Персонал же — официанты, осветители, гримеры и костюмеры — с легкой руки Гарика звали Зою за глаза Бабусей. Даже если она это слышала, то не обижалась. Это было уже правдой, уже привезли из роддома внука Сереженьку, она уже купила ему и шикарную коляску, и белую лакированную кроватку, и массу всяких милых пустячков, необходимых новорожденному. Сереженька был ее отдыхом и счастьем, но нянчила его в основном прабабушка — Зоина мама. Молодые родители все чаще удирали по каким-то своим делам, а бабушка Зоя возвращалась с работы домой под утро и спала часов до двенадцати. Домашние были свято уверены, что она работает ночным дежурным на какой-то “крутой” фирме. Единственное, чем Зоя занималась по хозяйству, это покупкой продуктов, потому что дай молодым волю — они все деньги моментально по ветру пустят.

А так снова появились сбережения. За каждый вечер платили сотню долларов — огромные, почти нереальные деньги. Ес-

ли бы она выходила в зал к посетителям, могло быть и больше... в первое время. Но вблизи невозможно скрыть приметы возраста, совершенно не заметные на сцене. Зоя предпочитала сохранять дистанцию и не нарушать условий контракта, хотя пару раз ей предлагали и тысячу, и больше за вечер вне клуба, "в приятной компании". Не нужны ей были компании, не интересовали авантюры. Она была одержима идеей купить квартиру, сдавать ее и спокойно жить на арендную плату, не волнуясь за будущее. Ну и, наконец, Зоя прекрасно помнила о том, что Машка встретила с Гариком именно в клубе, и вовсе не желала, чтобы ее опознал кто-то из бывших коллег и знакомых.

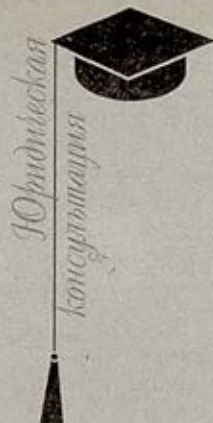
Банкам, фондам и компаниям она не доверяла инстинктивно, поэтому никакие кризисы ей были не страшны и ее не задевали. Деньги держала в одном ей известном тайнике и испытывала почти чувственное наслаждение от увеличения суммы. По-прежнему ее жизнь ограничивалась чрезвычайно узкими рамками: работа, деньги, которые за это платили, поддержание хорошей формы и — Сереженька. Именно в такой последовательности, не иначе.

Стыдно, конечно, после сорока лет становиться "стрип-герл". Но ведь народная мудрость гласит: "Без стыда лица не износить". В конце концов, ничуть не более стыдно, чем просить милостыню или торговать сигаретами в подземном переходе. Если находятся богатые идиоты, которым не жаль денег для того, чтобы посмотреть, как выглядит раздетая женщина... что ж, тем лучше для женщины.

Лет пять Зоя рассчитывает еще протянуть — в лучшем, естественно, случае. А потом шеф, конечно, не откажется устроить ее куда-нибудь балетмейстером — верный кусок хлеба еще на несколько лет. А там видно будет.

Кто вообще сейчас рискнет составлять пятилетние планы?

...Зоя бежит по набережной Москвы-реки и думает о том, что еще один день начинается без сюрпризов. И слава Богу! Еще один день, выигранный у Судьбы. Обычный день в ее такой теперь необычной жизни. ■

Реабилитация по месту жительства

"Наша семья в 1944 году подверглась репрессии. Мы были насильственно переселены из Крымской области в Ферганскую область. Сейчас я живу в России и хочу добиться реабилитации, но в управлении внутренних дел говорят, что она должна производиться по месту высылки, а ведь это сейчас уже территория Украины. Правильно ли мне отказали?"

В.В.Свечникова, Ставрополь

Работники органа внутренних дел, утверждающие, что реабилитация производится только по месту высылки, определенно не правы. Закон РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.01.91 г. по поводу места реабилитации устанавливает следующее.

Заявление репрессированного или иного заинтересованного лица подается либо по месту нахождения органа, принявшего решение о применении репрессий, либо по месту жительства самого заявителя. При этом право выбора места принадлежит подателю заявления, а не представителям органа, производящего реабилитацию. Таким образом, орган внутренних дел в ва-

шем месте жительства не может отказать в приеме заявления.

Сначала нужно заплатить налог

"Я получил по наследству квартиру. Теперь хочу ее продать, но нотариус отказывается удостоверить договор. Требуется доказательство того, что я уплатил налог на эту квартиру. Прав ли нотариус?"

В.А. Нестеров,

Краснодарский край

В данном случае нотариус абсолютно прав. Закон запрещает собственнику продавать, дарить, обменивать унаследованное или полученное в дар имущество до того, как будет уплачен налог на это имущество. Такое правило содержится в ч.8 ст.5 Закона РФ "О налоге с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения".

Если налог на квартиру, перешедшую к вам по наследству, уже уплачен, то это должно быть подтверждено справкой налогового органа. Налоговая инспекция обязана выдавать справки об отсутствии задолженности по налогу на полученное по наследству или в дар имущество в произвольной форме по требованию граждан.

Если такая справка не представляется, нотариус обязан отказать в удостоверении договора.

Права наследников не безграничны

"Мой муж перед смертью переписал завещание, составленное в мою пользу, на другую женщину. Завещание насчет вклада в Сберсберегательном банке на мое имя. Неужели наследница мужа может получить этот вклад?"

Т.И.Семенова,

Ленинградская обл.

В первую очередь, нужно отметить, что гражданин имеет право завещать свое имущество по своему усмотрению. В завещании могут быть указаны наследниками любые лица, как входящие, так и не входящие в семью наследодателя. Точно так же согласно ст.534 ГК РСФСР ранее составленное завещание может быть в любой момент изменено или отменено гражданином. Вновь составленное завещание отменяет предыдущее. Таким образом, указанная в завещании вашего мужа женщина имеет право наследовать после его смерти.

Что же касается вклада в Сберегательном банке, то в законодательстве и судебной практике этот вопрос решается следующим образом.

Ст.34 Семейного Кодекса РФ относит вклады, внесенные в кредитные учреждения, к общему имуществу супругов. Независимо от того, на чье имя внесен вклад, он является общим, если денежные средства были приобретены в период брака. В наследство входит только та часть вклада, которая принадлежит самому наследодателю.

Наследница вашего мужа может требовать раздела вклада для определения той доли, которая принадлежала умершему супругу и должна перейти к ней по завещанию.

Страхование - дело добровольное

*"Сельская администрация обя-
зывает меня вносить страховые
платежи за мой собственный дом.
Утверждают, что такой порядок
предусмотрен законодательст-
вом. Должен ли я это делать?"*

А.К.Мысликов, Смоленская обл.

Сельская администрация, тре-
бующая уплаты страховых плате-
жей, очевидно, руководствуется
Постановлением Совета Минист-
ров РСФСР от 30.12.81 г. "О госу-
дарственном обязательном стра-
ховании имущества, принадлежа-
щего гражданам", а также Ука-
зом Президиума Верховного Со-
вета СССР от 2.10.81 г. Постанав-
ление в 1998 году было признано
утратившим силу, а Указ действу-
ет в части, не противоречащей ГК
РФ. Эти нормативные акты уста-
навливали обязательное страхо-
вание принадлежащих гражданам
домов за счет средств самих граж-
дан. Фактически такие платежи
превращались в дополнительный
налог, не предусмотренный нало-
говым законодательством.

Сейчас ситуация иная. Ч.3
ст.927, а также ст.969 ГК РФ го-
ворят о том, что обязательное го-
сударственное страхование произ-
водится на основании закона и
только за счет средств бюджета
соответствующего уровня. Законо-
дательного акта об обязательном
государственном страховании жи-
лых домов, принадлежащих граж-
данам на праве собственности, не
существует. Упомянутый выше
Указ в части обязательности стра-
ховых платежей из средств граж-
дан не соответствует положениям
ГК РФ и не должен применяться
администрацией в этом случае.

Вы можете застраховать свой
дом в добровольном порядке. При
этом страховые платежи должны
вноситься не в сельскую администра-
цию, а в страховую организацию,
с которой заключается договор
имущественного страхования. ■

Ольга КОРЫТКО,

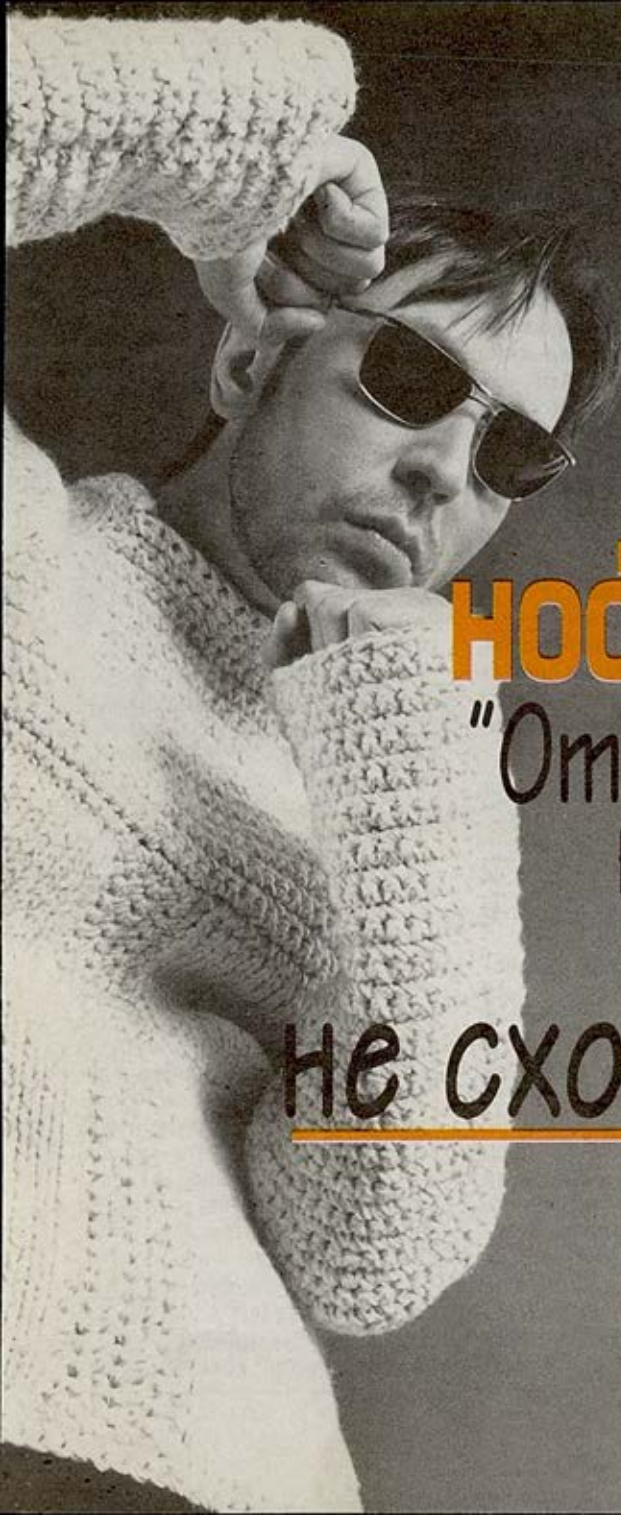
*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

И

мя Николая Носкова уже

лет двадцать известно знатокам и любителям отечественной музыки. В 1981 году Носков вместе с Алексеем Беловым и Дмитрием Серебряковым (будущий состав известнейшего "Парка Горького") составили ядро группы "Москва", которую образовал композитор Давид Тухманов. Но, несмотря на хорошие отзывы о первом альбоме, чувствовалось, что явно удачных песен мало, и потому Николай в 1984 году ушел в "Поющие сердца". Но вскоре он вновь встретился с Алексеем

Николай
НОСКОВ:

"От моих
песен
с ума,
не сходят"

Беловым в группе Стаса Намина. Стас тогда пробовал сделать "экспортную" команду, мечтая "взять" Америку. Так родилась англоязычная группа "Парк Горького". Группа записала в Америке свой одноименный альбом (всю музыку к нему написал Носков), и он вошел в первую сотню американских хит-парадов. Покорив Америку и прожив там около десяти лет, Николай Носков ушел из группы и возвратился в Москву.

На родине он перепробовал почти все: от хард-рока до романсов. Какое-то время работал в им же созданной группе "Николай", а в прошлом году записал альбом "Блажь", удивив современным звучанием, по-настоящему хитовыми песнями, кстати, совсем непохожими на то, что Носков делал раньше.

— В 1998 году любители музыки открыли для себя инога Николая Носкова, исполняющего музыку, которую можно назвать коммерческой. От недостатка материальных средств решили продать родной хард-рок?

— Сейчас мою музыку действительно можно назвать коммерческой, но только потому, что она крутится на радио и ТВ. А если серьезно... Просто сегодня появляется такая звуковая палитра сэмплов, компьютеров, что невозможно не попробовать написать другую музыку. Очень интересно! Многие с пренебрежением относятся к слову "компьютер", но это хороший помощник для творческого человека. Есть еще одно заблуждение. Многие музыканты, работая с компьютерами, стараются добиваться живого

звучания. А я считаю, если решил делать электронную музыку, то она и должна быть компьютерной. Но... Я сделал вот что: смешиваю живое исполнение с компьютерным. У меня "живой" барабанщик, гитарист... До меня сейчас дошло, что современная, мною исполняемая музыка, энергетически выше хард-рока. Последний мне кажется сейчас уже нудным.

— Ну зачем же так о жанре, который принес вам успех! Может быть, просто пришло время для другой музыки. Поэтому давайте вспомним ваше звездное прошлое в группе "Парк Горького". Тогда группа служила для многих музыкантов примером для подражания. Еще бы — простые советские парни запросто собирают залы в "зажравшейся" Америке. Поэтому вдвойне неожиданным был ваш уход из команды. В чем причина?

— Трудно назвать какую-то одну. У нас все было поровну. И авторство музыки, и деньги. И еще слишком много пацанства, самоуверенности, каждый хотел сделать что-то сам. К тому же считалось, что вокалист должен стоять на втором плане, а впереди — парни с гитарами. Но в Америке все иначе. Певец всегда первый, и именно у него берут интервью. Вот и начались недоразумения. Ребята этого не могли понять, затоивалась обида. Что же в итоге? Мы упустили шанс стать нормальной рок-группой международного статуса. Вот если бы нам сегодняшние мозги в то время, тогда, думаю, распада не случилось бы.

— Вы ушли из команды, но почему тогда бывшие друзья так беспардонно использовали вас в рекламе группы? Именно клипы с

вашим участием очень долго крутились на американском ТВ.

— Спросите у них самих. Они гастролировали, пели мои песни...

— Платили?

— Ничего не платили. Я член BMI — американской компании по защите авторских прав, и она присылала мне деньги, когда они в Америке или в Европе исполняли мои вещи. Нашу страну рука BMI не доставала.

— Как бы то ни было, но работа в "Парне" сделала из вас солиста международного уровня.

— Спасибо за комплимент. Но скажу по-другому: "Парк Горького" — единственная российская группа, нашедшая свою нишу в мировой музыке.

— А как сегодня складываются отношения с бывшими коллегами?

— Группа на сегодняшний день не гастролирует, занимается подбором репертуара, по моим стопам обосновалась в Москве. Вот Саша Миньнов (сценический псевдоним Маршал) успешно развил сольную деятельность. Мы с ним дружим, у нас один продюсер Иосиф Пригожин. Даже частенько ездим вдвоем на гастроли.

— Сейчас у вас есть продюсер, который во всем помогает. А когда только вернулись в Москву после ухода из "Парна", тяжело приходилось?

— Когда приехал из Америки и включил телевизор, испытал самый настоящий шок от изобилия дешевой музыки и дешевых клипов! И тогда решил создать группу "Николай", в честь себя, любимого, названную, записал альбом на английском языке и собрался опять покорять за границу.

— Что затем произошло?

— Предполагали выпустить диск в Германии, но проект не состоялся: немцы сказали, что для европейского музыкального рынка больше подходят песни на русском языке. Запел на русском. Сначала с группой "Николай" исполнял романсы, но это продолжалось недолго. На какое-то время затаился, а в 1998 году всех "убил" своим суперальбомом "Блажь". Что дальше? Недавно вышел еще один — "Параноя". Кстати, материала у меня накопилось на несколько дисков. Я почти каждый день пишу песни. Все время в напряге: концерты, гастроли, съемки в клипах...

— А правда, что в клипе на песню "Снег" снималась ваша жена?

— В клипе снималась топ-модель одного известного агентства. Она выше меня ростом почти на две головы, и в совместных сценах мне пришлось... вставать на табуретку.

— А не проще было найти девушку пониже?

— Нам с режиссером назвали, что для этого клипа подходит именно она. И вообще, я очень люблю высоких девушек!

— Расскажите о своей семье. Где живете, где отдыхаете?

— Живу, как и раньше, в небольшой двухкомнатной квартирке на Кронштадтском бульваре с женой Мариной. Жена первая и единственная. Именно ей я обязан своим успехом. Она для меня ангел-хранитель. Есть дочка Аня. Ей восемь лет, музыкой не увлекается. Любит рисовать и мечтает стать художником-модельером или манекенщицей. Но окончанию школы, думаю, определится

посерьезнее. Они часто гостят у нашей бабушки в Вологодской области. А я сам уже и забыл, когда в последний раз отдыхал. Обычно отдых сочетается с работой, как и у всех музыкантов — поехал на юг с концертами, там параллельно и отдохнул. Но в следующем году обязательно всей семьей отправимся в Испанию. Хочется просто на солнышке погреться.

— Поклонницы не донимают?

— Случается. Совсем еще молоденькие девчонки пишут письма, пытаются уверить при встрече, что они либо ждут, либо уже родили от меня ребенка. Но со мной сложно играть в такие игры. Я люблю свою жену, и никогда не смог бы ей изменить.

— Поговаривают, что "Парк Горького" на берегу моря в шинарном особняке держал целый гарем.

— Ну, не гарем. Хотя были времена, когда мы влюблялись нандый день... На то и молодость, чтобы резвиться, а потом это время вспоминать и думать: до чего же дураками были! Да, "Парк" любил женщин. Мне сейчас приписывают столько побед на любовном фронте, что самому

за себя приятно. Было, но не настолько круто. Я всегда сильно влюблялся, по-сумасшедшему. Даже песню написал "Да, я знаю, как сходят с ума"

— У вас в песнях часто упоминаются словечки из психоневрологического словаря. Вы, случайно, не лежали в...

— Миновало. Впрочем, забрать могли всегда, даже сейчас... Но если меня положат в психушку, то она станет популярна у моих поклонников. А значит, придется строить новые "желтые" дома. Естественно, это шутка, мне, наоборот, не хотелось бы своим творчеством делать из людей ненормальных. Поэтому, пользуясь случаем, хочу через ваш журнал сказать всем своим поклонникам: я — не наркоман, не шизофреник, не параноик. Я нормальный человек и хочу, чтобы мои поклонники были здоровыми людьми. Вот недавно пришло письмо от врачей психиатрической больницы. Открыв конверт, испугался, но потом, дочитав письмо до конца, понял, не все так плохо. Врачи писали, что среди их пациентов много моих поклонников, и все они идут на поправку. ■

Беседовала **Галина СИРИК.**

Дети до 12 лет FREE

Египет — 2*·5* 7 дн./8 н. — от \$ 200

10 экскурсионных программ

Круизы по Нилу

Дети до 14 лет FREE

Кипр — 2*·5* 7 дн./8 н. — от \$350

Экскурсионные программы

Круизы Израиль, Египет

Винные туры

Скидки детям

Италия

"Классическая Италия" — от \$ 540

"Ожерелье Италии" — от \$ 550

Проживание в центре городов

Индивидуальные туры

по групповым тарифам

Скидки детям

Испания — от \$ 400 7 дн./8 н.

Комбинированные туры

Юг Испании

Скидки детям

Мальдивские острова — от \$ 1100

Все острова

Русская школа дайвинга

Круизы, рыбалка на яхте

Скидки детям

Чехия

Прага — от \$ 30 сутки

Экскурсионная программа — от \$ 370

Week-end в Праге — от \$ 340

Санаторно-курортное лечение

Карловы Вары, Подебрады,

Марианске-Лазне —

от \$ 50 в сутки (лечение, питание)

Таиланд — от \$ 800

Бангкок, Патаяя, о.Пхукет, о.Самуй

Экскурсионные туры

Сингапур, Бали — от \$ 1200

Скидки детям

Ялта

РАНЧО "БАНИСТРО" — от \$ 35 в сутки

Коттеджи-люкс, сауна, бассейн,

лошади, теннисные корты

Пансионат "Времена года"—

от \$ 22 в сутки

Отель "Ореанда" — от \$ 30 в сутки

Охота на водоплавающую дичь (пронивание, питание, сауна, экипировка, вооружение) от \$ 150 в сутки

Скидки детям 20%

Евпатория

санатории "Таврия", "Прометей",

"Солнечный", "Волна" — от \$ 14 в сутки

(пронивание, питание, лечение)

Прибалтика

Эстония, Литва, Латвия от \$ 15 в сутки

Отдых, экскурсии, санаторно-курортное

лечение

Россия

Валдай, Селигер, Подмосковье,

Тверская, Ярославская,

Новгородская обл.

Охота, рыбалка, отдых Семейный отдых,

Week-end

Санаторно-курортное лечение

Помощь в оформлении

загранпаспортов МИД

(срочно и не очень)

Визы (все страны мира)

Визовая поддержка иностранцам

АВИНАССЫ: 246-63-87

Все направления

АЭРОФЛОТ,

иномпании

м. "Парк Культуры",
Зубовский б-р, д.22/39,
офис 212
(095) 246-75-52,
245-06-93, 246-63-87

м. "Юго-Западная",
Ленинский пр-т, д.146
ЦДТ (холл)
(095) 434-95-19,
434-91-25

м. "Университет",
Ленинский пр-т, д. 77,
(095)132-79-95,
134-05-27

Ольга МОРОЗОВА

маленькая,

НО

ОЧ

ОПАСНАЯ

Каждые 25 минут в России от туберкулеза умирает один человек. Десять заболевают. Так сегодня свидетельствуют, ссылаясь на статистику, средства массовой информации. И будоражит российские города и веси недоброе предчувствие: "Вот кошмар-то! А тут еще и амнистия для уголовников — это ж тысячи больных. Выррем ведь — и не заметим!" Что здесь правда, что преувеличение?

Наш собеседник — Владимир ЖЕМКОВ, кандидат медицинских наук, главный врач Санкт-Петербургского противотуберкулезного диспансера.

**Массовая
эпидемия туберкулеза
нам
не грозит**

ЕНЬ

— Владимир Филиппович, неужели и в самом деле все так трагично?

— Давайте начнем с того, что в 1913 году, который так "любят" социологи и экономисты, в России официально насчитывалось 250 тысяч больных туберкулезом. На самом-то деле их было гораздо больше. И смертность была диная. Сегодня в России — 300 тысяч туберкулезных больных. Однако, сопоставляя даже эти две цифры, необходимо учитывать несколько объективных моментов. Сегодня более информативно емкими стали методы диагностического исследования, более строгими — критерии оценки состояния человека. То есть некоторые из тех признаков, которые мы сейчас считаем достаточными для постановки диагноза "туберкулез", раньше доктора-

ми даже во внимание не принимались.

Во времена, когда не были известны антибиотики, болели представители всех социальных групп — и крестьяне, и средний класс, и члены королевских семей. И не вымерли, однако. При всей серьезности туберкулез — не чума, которая выкашивает города и селенья без разбору. Это управляемая инфекция. Тем более, когда науке известны достаточно эффективные препараты. Существует наконец и некая природная невосприимчивость к туберкулезу. Давно замечено, что, например, народы Севера болеют чаще и тяжелее, а вот татары, русские, украинцы, европейские народы вообще — реже и относительно легче. Дело в том, что Европа как бы уже отдала дань туберкулезу в те годы, когда он там

действительно свирепствовал. Поэтому слабые — умерли, у прочих сформировался иммунитет.

— Но статистина...

— О статистине давно все сказано, и плохое, и хорошее. Ни одну цифру сегодня нельзя воспринимать буквально и безоговорочно, только в сравнении. Говорить, что ситуация сегодня ухудшилась по сравнению с тем, что было в Советском Союзе, — по меньшей мере бессмысленно. Тогда мы жили в одной стране, в одном социуме, нынче — совершенно в других. Вот недавно наша городская газета "Медицина Петербурга" написала: в мае от туберкулеза в городе умерло 16 человек. И, наверное, не один петербуржец, прочитав такое, ужаснулся и произнес мысленно привычный уже обвинительный монолог в адрес смутного времени, бездеятельных властей и нищего здравоохранения. А ведь если бы авторы публикации уназали, сколько из этого числа собственно жителей города, как долго они болели, и состояли ли на учете вообще, и сколько из 16 жертв болезни — визитеры из других городов и государств, пребывавших в городе проездом, — картина воспринималась бы совсем иначе. Если умершие долго, лет по 20-25, состояли на учете, можно говорить о закономерном конце: как это ни прискорбно, бывают случаи, когда медицина бессильна. Если же о них как о больных никому не было известно — тогда дело плохо. Значит, в городе не работает служба профилактики туберкулеза, призванная выявлять каждый случай заболевания на ранней стадии. Но таких историй — очень небольшой процент.

— Хорошо, но как же тогда, по-вашему, в действительности выглядит ситуация? Ухудшение-то есть?

— Было! До 1988-1989 годов в Санкт-Петербурге мы имели 20,5 случаев туберкулеза на каждые сто тысяч населения. В девяностые годы заболеваемость среди петербуржцев возросла до 40,2 случая на каждые сто тысяч. Причины такого всплеска болезни, что называется, на поверхности: мы все помним те годы — кризис, очереди за едой, отсутствие ленарства, горят банни, закрываются предприятия; все это вызывает стресс, белковое голодание у тысяч людей и как следствие снижение у них иммунитета. Однако к 1993 году положение стало меняться в лучшую сторону. Появились ленарства, продукты, деньги (рубль тогда приподнялся), народ снова стал выезжать отдыхать, — палочка Коха и притихла. Сегодня в Санкт-Петербурге болеет туберкулезом 37 жителей города на сто тысяч.

А вообще известно ли вам, что по достижении тридцатилетнего возраста 80 процентов населения оназывается инфицировано туберкулезом?

— Как?!.

— Очень просто. Ребенок рождается стерильным от туберкулеза, даже когда сама роженица больна: микобактерии, к которым относятся возбудители туберкулеза, через плаценту не передаются. Но, явившись в этот мир, человек сразу же подвержен риску их заполучить — микобактерии буквально рассеяны в окружающей среде и могут сохраняться в ней долгие месяцы. А поскольку они живут и размножаются толь-

но в организме человека, то, повинуюсь законам природы, постоянно "ищут" подходящую среду обитания. То есть мы имеем дело с совершенно естественным процессом. Правда, медицина давно научилась ему противостоять.

— Вы, наверное, имеете в виду прививки?

— Совершенно верно! Поставить заслон туберкулезу можно с помощью вакцинаций. Поэтому, если нет противопоказаний (родовой травмы, гипоксии) на третий-четвертый день новорожденному делают прививку; ее получают около 97 процентов младенцев.

— Но не опасно ли это? Если вы помните, лет шесть назад вопрос о том, не заражаем ли мы во время прививки всех малышей поголовно туберкулезом, обсуждался довольно серьезно.

— Прививка делается очень слабой вакциной, которой крайне недостаточно для того, чтобы "заразить" заболеванием, но вполне хватает для того, чтобы выработался к нему иммунитет. Теоретически, чтобы "привить" туберкулез, — обычную дозу нужно увеличить в десять раз. А уж если прививка сделана правильно, в срок, и с учетом индивидуальных особенностей детского организма — она совершенно безопасна.

— Убедили. Но что же происходит дальше?

— Каждый год ребенку делают пробу Манту — всем известную "пуговку". Если реакция отрицательная — место пробы не опухло, не покраснело — проводят ревакцинацию, чтобы увеличить сопротивляемость заболеванию. И так каждые пять лет до наступления двенадцатилетнего возраста. А если реакция поло-

жительная — тогда мы говорим, что произошел вираж туберкулиновых проб, то есть переход отрицательной реакции Манту в положительную. Это означает, что микобактерии туберкулеза в организме ребенка поселились, но заболевания еще вызвать не могут. Это и называется инфицированностью. Если человек, узнавший, что он инфицирован, сразу начнет активно заниматься своим здоровьем — хорошо питаться, полноценно отдыхать, укреплять организм — он и останется на этой стадии, в болезнь она не перейдет. Если же количество микобактерий превышает определенный "предел", развивается первичный туберкулез. Чаще всего он поражает органы дыхания. Эта стадия уже определяется с помощью рентгеновского аппарата. На снимках очажок первичного туберкулеза выглядит как небольшое затемнение. Бывает также, что собственно легочный очаг отсутствует, а поражаются, например, лимфатические узлы. Или глаза, — особенно много сейчас встречается таких случаев у детей. В некоторых случаях эти, первичные, формы могут пройти даже без лечения. Достаточно лишь соблюдения режима и контроля врача. Нуда опаснее вторичный туберкулез. Он возникает, когда инфицированный человек в течение длительного времени постоянно получает критическое число микроорганизмов извне. При вторичном туберкулезе, кроме легких, поражаются и другие органы или системы: кожа, кости, почки, матка. (Стати, 75 процентов бесплодия "обеспечивает" туберкулез придатков, перенесенный в детстве.) Однако и

здесь отчаиваться не стоит. Своевременно распознанный вторичный туберкулез успешно излечивается в 80 — 90 процентах случаев.

По-настоящему же опасен для окружающих только больной активной формой туберкулеза, то есть когда очаги поражения выделяют в окружающую среду туберкулезную палочку.

— Какой процент от общего числа подопечных фтизиатров составляют такие больные?

— У нас в городе — четыре процента. Но эта цифра вам ничего не даст: "высчитать" с ее помощью долю личного риска заразиться вам не удастся. Потому что, если вы общаетесь со здоровым окружением, — вы рискуете меньше. Если же живете в огромной коммунальной квартире, постоянно общаетесь с хроническими, запущенными больными, часто бываете в "нехороших" местах по долгу службы (к примеру, вы медицинский или социальный работник, сотрудник милиции, охранник в тюрьме и т.д.) — вероятность встречи с "палочковидителем" у вас совершенно иная. Невозможно, исходя из этой цифры, и спрогнозировать вероятность эпидемической вспышки туберкулеза. Одно только увеличение количества больных активной формой — еще не повод говорить о неминуемой эпидемии. А вот в нашей пенитенциарной системе сложилась тяжелая эпидемиологическая ситуация. Словосочетание "тюремный туберкулез" стало почти официальным термином и прочно вошло в обиход отечественных фтизиатров.

— А тут и амнистия случилась...

— Да, это серьезно. Однако если в условиях камеры большой активной формой туберкулеза крайне опасен для окружающих, то в условиях свободы его эпидемиологическая значимость будет не столь ощутима. Существующая сейчас система учета заключенных и амнистированных досталась нам в наследство от достопамятной НКВД и, помимо определенных недостатков, имеет вполне реальные плюсы. Все данные о вышедших из тюрем и колоний согласно специальному приказу сразу поступают к нам, "гражданским" фтизиатрам. И вышедшему из мест лишения свободы человеку сегодня ни прописаться, ни устроиться на работу, ни работать в дальнейшем без "флюшки" (так в народе называют флюорограмму) и без соответствующей справки не удастся. А если он попадет к нам "на крючок" — с него он так просто не сорвется. И в том, что такая система учета и контроля работает четко — можете не сомневаться.

— Владимир Филиппович, содержание в стационаре туберкулезных больных обходится недешево. Сегодня, когда отечественное здравоохранение бедствует, удастся ли соблюсти необходимые нормы, хотя бы того же питания?

— Справляемся. У нас есть ленарства, больные в стационарах обеспечены четырехразовым питанием, им гарантирован курс реабилитации в местных санаториях, наблюдение по месту жительства. И все это — бесплатно. Вообще, на сегодняшний день фтизиатрия — самая доступная из всех городских служб здравоохранения. Я хочу это подчеркнуть особо.

— И — никаких проблем с финансированием?

— Мы получаем до 68 процентов от реальной потребности.

— Дали бы вам сейчас миллион долларов. На что бы вы их потратили?

— Ни за что не поверите. Половину — на разъяснительную работу с населением. Ведь как грамотно поработали со СПИДом: журналы, плакаты, клипы, целые акции. Пусть что-то в той пропаганде смешно, пусть даже и уродливо порой, но цель-то все-таки достигается. Как СПИД передается, кто больше всего рискует — сегодня даже ребенку известно. Туберкулез же — просто *какая-то terra incognita*. Хотя и известен он давно, и изучен досконально. Но вот задайте пару вопросов о туберкулезе своим друзьям — что вы услышите? Скорее всего, чушь какую-нибудь. Беда и в том, что сами наши специалисты пассивны. Я тут бросил было клич — давайте поработаем с прессой, кон-

курс объявим... Чтобы каждый знал хотя бы азы: кашель непонятный держится — иди к врачу. Беспочинная потливость — туда же. Сорок лет исполнилось — пройди углубленное обследование. Себя береги, больше на воздухе бывай... Молчание было мне ответом.

— Ну, хорошо. Допустим, половину денег вы потратили. А вторую?

— Оставил бы на черный день. Как знать, что наши власти еще нам придумают.

— А мечта у вас какая-нибудь есть?

— Поставить в сквере у городского диспансера памятник Коху. Мы ведь даже не представляем себе, от чего он человечество избавил своим открытием.

— Владимир Филиппович, а туберкулезная палочка — она и впрямь на палочку похожа?

— Немножко. Маленькая та-кая, красненькая. И совершенно безобидная на вид... ■

Гуляй

Олег полонский

Октябрь — середина осени. Он не просто оголяет деревья, а сдирает лист с веток в союзе с северными ветрами-листообоями. В народе говорят: "Засиверепо — и лист скоро подобьет" Если лист с дерева начисто падает, то это предвещает холодную зиму. Еще знаменит октябрь своей грязью, потому и называют его иногда в народе грязником, говоря при этом: "В грязник лонна воды ведром грязи становится"

1 октября. Арина — журавлиный лет. По старинному поверью Арина дает путь журавлям. Если на Арину журавли полетят, то на Понров жди первого мороза. Если нет, то до Артемьева дня (2 февраля) морозов не будет.

2 октября. День пчельников. Не следует путать с появившимися в последнее время профессиональными праздниками. В этот

день начиналась "пчелиная девятина" (девять дней), в течение которой каждое утро полагалось съедать натошак ложку меда. Считалось, что в эти дни мед обладает самыми полезными свойствами и исцеляет практически все болезни.

3 октября. Астафий. Если в этот день тепло и летит паутина — осень будет теплой и долгой, снега следует ожидать не скоро. В этот день также предсказывали погоду по "астафьевым ветрам": северный ветер — близко стужа, южный — жди тепла, восточный — к ведру, западный — к ненастью.

7 октября. Фенла-заревница. Есть старинное поверье, согласно которому в этот день Фенла-заревница с огненными волосами ходит, подоткнув подол красного сарафана. Фенла не заплетает

— не хочу?

стягорь

носы, не скручивает волосы в узел. Замечено, что в этот день все, что ни завяжешь, уже не развязать: свадьба будет доброй, счастье — долгим, дружба — прочной. Фекла огненной зарей сжигает злые языки, не дает распространяться злым слухам и сплетням. На Заревницу чисты утро, день и вечер.

"Тоги овины, тоги, а на Фенлу оглядывайся", — гласит поговорка. За осенними игрищами и весельем крестьяне никогда не забывали о хлебе, то есть о благополучии. В этот день чтили первый, именной, сноп. Его обмолачивали, собирали все зернышки до единого, мололи и пекли хлеб, который потом ломали "на здоровье". В этот день особенно остерегались вихрей, которые могли занести в овин огненные искры. Вспыхнут снопы — останется семья на зиму

без хлеба. Существовала еще и такая поговорка: "На Заревницу хозяйину — хлеба ворошок, а молотильщинам — наши горшон". В этот день основной заботой хозяйки было нанормить молотильщиков по древнему русскому обычаю. Первым и главным кушаньем была круляная каша, сваренная на молоке и сдобренная маслом. За трапезой все поздравляли друг друга с добрым урожаем и желали крепкого здоровья.

8 октября. День памяти русского святого Сергия Радоненского.

В народе этот праздник носит название "Сергий-напустник". В этот день всей семьей рубили на зиму напусту. Дети чистили морковь, старики ее резали, а танки очищали напусту от верхних негодных листьев. Толкли смесь в бочках деревянной ступой, а что-

бы напуста не перекисла, в бочку клали осиновое полено.

На напустном листе пекли хлебные лепешки и загадывали при этом благополучно прожить всю зиму, чтобы на столе всегда было много еды. А первый пирожок с напустой закапывали в грядку на огороде и просили об урожае на будущий год.

14 октября. Покров Пресвятой Богородицы, один из наиболее чтимых в народе православных праздников.

По преданию, чудное явление Богородицы, в честь которого установлен этот праздник, произошло в 910 году в Константинополе при греческом императоре Льве Премудром.

Сарацины большим войском осадили город и грозили ему разрушением. Не видя ниоткуда помощи, жители города во множестве стеклись во Влахернский храм, где хранились риза Богоматери и Ее головной покров, и молились. Как вдруг святой Андрей, Христа ради юродивый, и его ученик Епифаний увидели под самыми сводами величественного храма шествующую по воздуху Богородицу, сияющую, как солнце, в окружении Ангелов и святых. Преклонив колена, Пресвятая долго молилась о спасении города и жителей его. Потом, подойдя к Престолу, сняла со Своей главы светоносное покрывало и простерла его над молящимися...

На следующий день неприятели были рассеяны без кровопролития. В память этого дивного явления и для напоминания нам о покровительстве и предстательстве за нас Божией Матери и совершается праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Для русского крестьянина этот праздник имел еще и другое значение. Считалось, что наков Покров — такова и зима. Если лист с дуба и березы упадет чисто — к легкому году, а не чисто — к суровой зиме. В этот день подводились итоги прошедшего года, заключались сделки на будущий год, завершались все расчеты, составлялись планы на будущее. На селе трудились от зари и до темна, стремясь закончить подготовку домов к зиме. Ремонтировали крыши, конопатили стены, утепляли окна. Сохранилось множество поговорок, связанных с этим днем. "Покров, натопи избу без дров", "На Покров до обеда осень, а после обеда — зима", "Батюшна Покров, покрой избу тесом, хозяйство добром!"

По Покрову судили о будущей зиме: если снег уже покрыл землю, то и зима будет снежной, а нет — жди суровой бесснежной зимы.

Знаменит Покров и веселыми, шумными свадьбами. С обычаем закрывать голову и лицо невесты платком связывается еще одно народное толкование праздника. "Батюшна Покров, покрой сыру землю и меня, молоду!" — говорили девушки в старину. И гадали: "Бел снег землю покрывает, не меня ль, молоду, замуж снаряжают?" С Покрова веселые хоровады сменяются посиделками со всяческим руноделием, которые скрашивали долгие осенние вечера.

21 октября. Пелагея. Если на Пелагею земля снегом покроется, то к Матрене (22 ноября) зима встанет на ноги.

23 октября. Евлампий. На Евлампия рога месяца указывают в

ту сторону, откуда быть ветрам: если на север — быть скорой зиме и снег ляжет посуху, на юг — скорой зимы не жди, а слякоть будет до Назанской (4 ноября).

Здесь уместно поговорить о свадебных обрядах, потому что именно в это время на Руси и играли свадьбы. Урожай собран, все работы в поле и на гумне закончены, самое время подумать о будущем рода, да и о собственной личной жизни наконец. Хотя... Это сейчас появилось такое понятие, как "личная жизнь", которую нужно устраивать. Раньше все было немного по-другому, хотя бы на словах, и тем не менее с самых древних времен и по сей день на Руси, да, пожалуй, и во всем мире нет более значительного, торжественного и радостного события, чем вступление в брак, поэтому обставляли его со всей возможной пышностью и изобретательностью.

Старинные обычаи на Руси не позволяли жениху и невесте видеться до свадьбы, а уж тем более — противиться родительской воле. О любви речи не было, в крайнем случае, говорили: "Стерпится — слюбится". Девушки прекрасно понимали, что вступление в брак — это лотерея, предсказать итог которой невозможно, и поэтому частенько пытались заглянуть в будущее при помощи гадания и прочих средств, не одобряемых церковью.

Так, девушки-сироты в Радунцу приходили на могилы своих родителей просить их благословения на будущий брак. Покровителям невест считался не только Покров (14 октября), но и день Параскевы-Пятницы. А поскольку браки в то время заключались

очень рано (к шестнадцати годам подавляющая часть юношей и девушек становилась солидными, семейными людьми), то и срок девичьих гаданий о грядущей судьбе был крайне ограничен. Впрочем, основная причина ранних браков у простонародья была чисто экономической: семья жениха брала в дом работницу, семья невесты — избавлялась от лишнего рта.

В старину на Руси заключение браков сопровождалось многоступенчатыми, традиционными, строго регламентированными обрядами, причем большую часть времени занимала не сама свадьба, а подготовка к ней. Родители, решившие женить сына, сплошь и рядом даже не ставили его сначала в известность. Советовались с многочисленными родственниками, придирчиво выбирали семью, с которой было бы выгоднее или почетнее породниться, посылали к родителям невесты сваху для предварительных переговоров. Случалось, что предложение изначально не устраивало родителей невесты и тогда они ссылались на молодость дочери, якобы еще не созревшей для семейной жизни. Если же жених казался подходящим, то давали положительный, но не окончательный ответ, так как необходимо было, в свою очередь, посоветоваться с родственниками.

Получив окончательное согласие, сваты просили разрешения увидеть невесту. Обычно родители соглашались на это и тогда приезжала мать жениха или особая "смотрительница", чаще всего, та же сваха или представительница семьи жениха, но ни в коем случае не сам жених. Редко, но случалось, что родители наотрез от-

назывались показывать кому бы то ни было свою дочь до свадьбы: либо из-за кичливости, либо из-за уродства невесты. Бывали случаи, когда вместо нее свахе показывали младшую сестру или даже просто служанку. Смотрины происходили в доме невесты, наряженной по этому поводу в свои лучшие одежды, так что распознать подлог было практически невозможно.

Некоторые женихи все-таки добивались позволения увидеть невесту до свадьбы, но после этого обратного пути у них не было, вне зависимости от исхода смотрин. Видеть девушку и не жениться на ней — означало обесчестить семью невесты, а тут уж денежным штрафом отделаться было невозможно: общественное мнение подобных поступков не прощало и виновный становился настоящим изгоем.

После смотрин невесты назначался сговор — первая часть свадебных торжеств. Родители невесты определяли день, в их дом приезжал жених с родителями и близкими родственниками. Отец жениха объяснял цель своего визита, а родители невесты отвечали на вопросы и давали понять, что рады гостям и готовы выдать дочь замуж.

После таких разговоров писалась так называемая "рядная запись", где перечислялись все условия свадьбы и назначался день венчания. Важным условием сговора было приданое, состоявшее из постельных принадлежностей, платьев и денег. Если девушка была из знатной или богатой семьи, то в приданое входило и недвижимое имущество: дома, земли и так далее. А вот

от жениха ничего не требовалось.

Во время сговора невеста должна была находиться в другой комнате. И только тогда, когда все вопросы были решены, а условия записаны, одна из близких родственниц невесты подносила жениху и его родным подарки от имени нареченной. Сговор являлся непременной частью свадебной церемонии, он укреплял родственные связи и пренебречь им означало серьезно оскорбить семью невесты.

После сговора начинались приготовления ко дню венчания. Необходимо было устроить все согласно старинным обычаям: оповестить гостей, снарядить свадебные чины, без которых торжество было бы просто невысказанным. Главный чин со стороны жениха звался тысячником, это повелось еще с тех времен, когда Русь была раздроблена на многочисленные удельные княжества. Тысячник обязан был всюду сопровождать жениха и оберегать его от всяких опасностей и неожиданностей. В его обязанности также входило следить за соблюдением свадебных обычаев, строго следовать правилам при венчании и на свадебном пиру. Обычно тысячник был одним из ближайших друзей жениха, знал его многие годы и поэтому у этого чина было еще одно название — дружка.

Если у невесты или жениха не было родителей, в свадебном обряде обязательное участие принимали посаженные отец и мать, они давали молодым родительское благословение, которое считалось залогом успешной семейной жизни. Жениться без родительского благословения было

практически невозможно не только по морально-этическим понятиям, но и из чисто экономических соображений: в этом случае жених лишался наследства, а невеста — приданого.

Следующим условием брачной церемонии были выборы двух свах из замужних женщин: со стороны жениха и со стороны невесты. Затем с обеих сторон выбирались так называемые сидячие бояре и боярыни, которые составляли почетный свадебный совет. Затем назначались свадебные боярские дети или поезжане, в обязанности которых входило сопровождать жениха и невесту во время брачных церемоний. И последними в свадебных чинах были лица из прислуги: свечники и фонарщики. Кроме того, существовал еще один свадебный чин, который назывался ясельничий или конюший и который обязан был оберегать свадьбу от влияния всевозможных колдунов, наведения порчи, наветов и тому подобное, так как по древним поверьям период свадьбы представлялся особенно благоприятным для всевозможной нечистой силы.

Накануне свадьбы в доме у невесты устраивался девичник, а у жениха — мальчишник. В крестьянских и посадских семьях жених в этот день посылал невесте подарки: шапку, пару сапожек, перстни, румяна, гребни, мыло, зернальце. В более древние времена дарили еще ножницы, нитки, иголки, а также всевозможные ланомства и... розги. Намек был достаточно "тонким": если молодая жена будет прилежно работать, то ее будут любить и баловать, а если станет лениться, то отведает розог.

Накануне венчания сваха невесты отправлялась в дом жениха, чтобы приготовить брачное ложе, защитить его от нечистой силы и колдунов. Сваха церемонно входила в брачную комнату с рябиновой веткой в руках. Ветка была помечена особыми знаками, которые, по старинным поверьям, отгоняли бесовские силы. Вслед за свахой входили другие доверенные лица с принадлежностями для брачной постели. По старинному обычаю брачную постель готовили так: сначала клали снопы и застилали их ковром, а уже сверху клали перины: от двух на крестьянских свадьбах до семи — на царских. На перины клали две подушки в шелковых наволочках, постель застилалась шелковой простыней, а сверху — одеяло. В головах постели клали шапку, а в ногах — соболье или нунье одеяло. Разумеется, чем беднее были жених и невеста, тем проще материалы использовались, и вместо соболей в ноги постели могли положить обычный овчинный тулуп. Вокруг постели располагали иконы и крест, а рядом ставили корытца с пшеницей, рожью и овсом, что означало пожелание новобрачным обилия в доме.

К моменту венчания родные невесты начинали наряжать ее в лучшее платье с лучшими украшениями. А ее подружки пели свадебные песни. Сама невеста в это время обязана была плакать, выражая тем самым печаль расставания с родительским домом, причем ее строго осудили бы, нарушь она это неписаное правило. Выходить замуж со счастливым лицом считалось верхом неприличия, и женщине подобную выход-

ну припоминали бы всю оставшуюся жизнь.

Одновременно готовили стол, застилали его специальными брачными скатертями, устраивали место для жениха и невесты, которое называлось рундуном. На рундук клали бархатные покрывала, сверху — соболей. Рядом должен был стоять специальный человек и соболями же опаживать молодых. На стол перед ними ставили соль, нalach и сыр, а за спиной вешали икону.

Перед венчанием жених, облачившись в свадебный наряд, вместе с гостями и священником готовился ехать за невестой, которая тем временем в последний раз надевала венец — символ девичества, покрывало и торжественно направлялась в парадную комнату, где должна была встретиться с женихом. Впереди нее шли девушки с песнями, а саму невесту под руки вели две свахи, за ними же шли остальные гости со стороны невесты.

Невесту подводили к столу, усаживали на отведенное ей место рядом с каким-нибудь родственником, а затем строго по обычаю рассаживались за столом и остальные гости невесты. После этого ее родители посылали за женихом. Тот подходил к своим родителям, кланялся им в ноги и получал благословение. После этого жених с тысяцким, священником и другими гостями сели на лошадей и ехали к дому невесты.

Там процессию выходили встречать родители невесты. Жених входил в дом, подходил к тому родственнику, который сидел рядом с невестой, и давал ему не-

сколько монет в виде откупа. Иногда эта церемония затягивалась, потому что молодые гости любили в шутку поторговаться с женихом. После этого жених садился рядом с невестой, начинали разносить угощения. Но считалось приличным есть мало, высказывая тем самым уважение к хозяевам.

Через некоторое время сваха подходила к родителям невесты и просила благословения на особый обряд — чесания и кручения. Между женихом и невестой натягивали непрозрачное покрывало, сваха снимала с невесты девичий головной убор и фату, расчесывала ей волосы и делала сложную женскую прическу, поверх которой надевался также женский уже головной убор, но пона еще с непрозрачной фатой, по-прежнему закрывавшей лицо невесты.

После завершения обряда сваха просила у родителей невесты благословения вести молодых к венцу. Все гости вставали, родители брали в руки по иконе, жених и невеста кланялись родителям в ноги и выслушивали их советы и наставления. После чего все тор-

жественно отправлялись в церковь к венцу, при этом жених должен был прибыть туда раньше невесты.

Жених, невеста и гости входили в церковь, весь путь к аналою, где происходило венчание, устился кусками материй и коврами. После венчания священник обязательно читал молодым духовное наставление, в котором призывал жить дружно, ходить в церковь, соблюдать посты и вести благочестивый образ жизни. Окончив проповедь, священник за руку вручал жену мужу и велел им поцеловаться. Только после этого с головы новобрачной снимали фату и муж — иногда впервые! — видел ту, с кем должен был провести всю жизнь. Жена в знак повинения припадала лицом к сапогам мужа, а тот в знак своего покровительства накрывал ее полою кафтана. В заключение обряда священник вручал новобрачным чашу с вином. Муж отпивал глоток и давал чашу жене, та, тоже отпив глоток, передавала чашу мужу и так делалось три раза.

Последний глоток делал муж, бросал чашу под ноги и на-

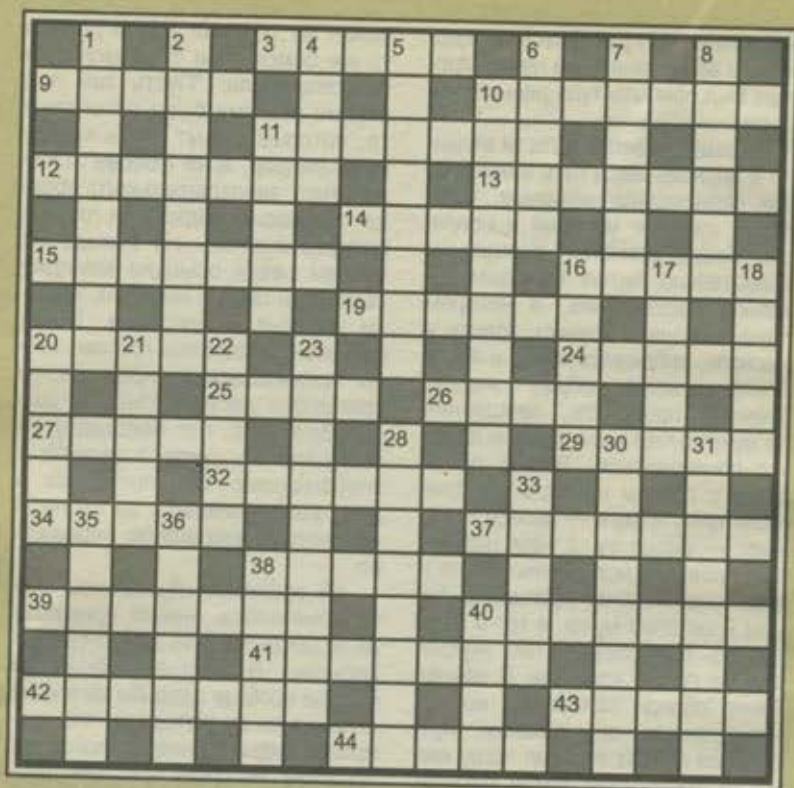
чинал ее топтать. Жена делала то же самое, при этом молодые приговаривали: "Пусть так под ногами нашими будут потоптаны те, которые станут сеять между нами раздор, а не любовь". После этого заключительного обряда к молодым подходили гости с поздравлениями. На выходе из церкви свахи осыпали молодых семенами льна и конопли, желали счастья и здоровья. Жена при этом кланялась гостям, тесно прижимаясь к мужу. Затем процессия направлялась в дом новобрачного, где навстречу ей выходили родители с иконой и хлебом-солью. Все проходили в дом, рассаживались за столы и начиналось свадебное пиршество.

Со временем обычаи несколько изменились, жених приезжал не за невестой в ее дом, а сразу в церковь. В высшем обществе России вообще свадьбы ничем не отличались от западных, что прекрасно видно по классической литературе. Но среди крестьян, особенно в удаленных от больших городов местах, многие обычаи сохранились практически в неприкосновенности. ■

рисунки **Виктора Ковалея**

СЕНТЯБРЬ
ОКТАБРЬ
НОВЯБРЬ
ДЕКАБРЬ
ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ
МАРТ
АПРЕЛЬ

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Опасный, особенно летом, участок горовосхождения. 9. Русский ученый, из-за болезни глаз отказавшийся от научных занятий и посвятивший себя театру и литературе. Издавал журнал "Беседа". 10. Самый известный мыс на севере Европы. 11. Портач цели. 12. Обычный на Руси служивый при шлагбауме. 13. Двести двадцать английских ярдов. 14. Киноактер, самая большая любовь Марлен Дитрих, возникшая в США. 15. Жучок, от которого сохнут ветки груш и яблонь. 16. Герой, превративший сердце в светильник. 19. Представительница сибирского народа, не считающего мухомор ядовитым грибом. 20. Учитель в республике Шнид. 24. Человек, способный облонить первого встречного последними словами. 25. Арестантский, пересыльный пункт на Руси. 26. Старое название торговой палатки. 27. Степной полнок из стихотворения А. Майнова, пробуждающий память о родине. 29. Красна, наной часто пользовались художники итальянского Воз-

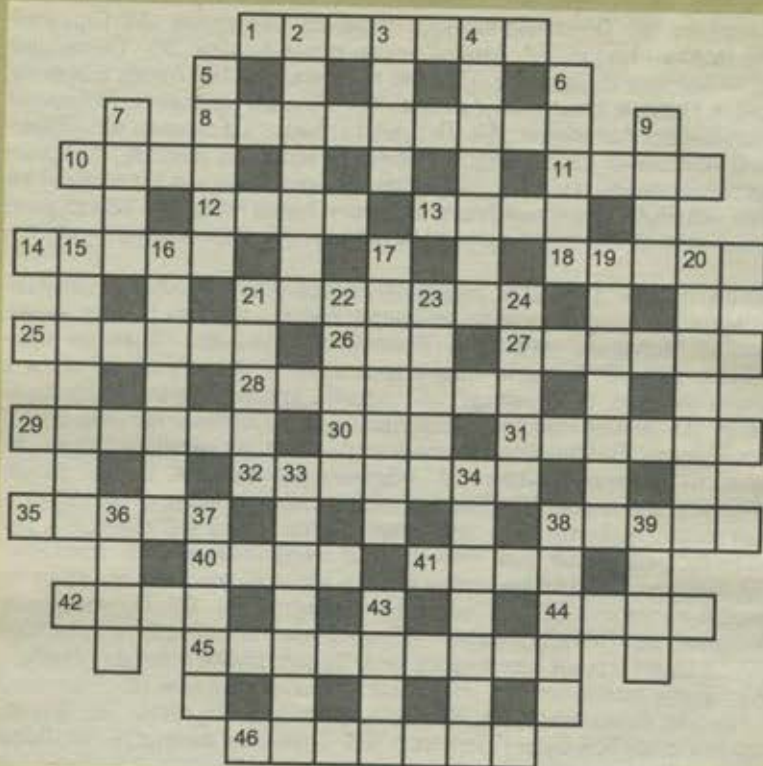
рождения. 32. Денежная единица потомков Чингисхана. 34. Страхование морских грузов. 37. Зимнее жилье хозяина тайги. 38. "Плавающий ..." — картина С.Дали. 39. Русский писатель, до 1937 года сохранявший в Париже советский паспорт. 40. Русский художник, любивший расписывать балалайки. 41. Любимая гармонь С.Есенина. 42. Правитель Абиссинии после смерти Иоанна, к которому раньше, во время противостояния, он, не желая кровопролития, пришел с веревкой на шею. 43. Рыба на первом после пустыни и перед походом в Изумрудный город ужин Элли, дяди Чарли и Нагги-Нарр. 44. Разговорный жанр.

По вертикали. 1. Король, издавший первый указ о размерах теннисного мяча. 2. Анкилостомиды, аскариды, ришта, сингама (общее название). 4. "Холодное" чувство. 5. Великий поэт-гуманист, писавший письма Цицерону. 6. Тяжелое орудие дровосека. 7. Приобретение мыла в обмен на шило. 8. Слушавший при царском дворе, ведавший медоварением. 10. Знаменитая теща Тутанхамона. 11. Любимый напиток Элизабет Тейлор. 16. Фашистский концлагерь, где шли медицинские эксперименты на живых людях. 17. Африканская пустыня, в чьих песках "плавает" златоносец. 18. Занятие, после которого несут дичь. 20. Бравый солдат, единственный победитель в первой мировой войне. 21. Киноактер, чей герой был способен на смертельный укол зонтиком. 22. Завтрак в норобочке, какой японцы берут из дома или покупают по дороге на работу. 23. И.Павлов по темпераменту. 28. Произведение Антуана де Сент-Экзюпери, наполненное восточной мудростью. 30. Предмет в руках героя на картине "Здравствуйте, господин Нурбе!". 31. Орудие лозоходца. 33. Животное на гербе Ботсваны. 35. Язык американских глухонемых. 36. Носитель христианского греха. 38. Барин, герой кавказской были Л.Толстого. 40. "Отменная манера" — по Фамусову.

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 4. Байерс. 10. Ройзман. 11. Орлов. 12. Игуасу. 13. Вкладыш. 15. Склад. 18. ...шествие... 20. Лец. 21. Флора. 22. Жрец. 23. Немец. 27. Гагемейстер. 30. Ромб. 32. Негр. 33. Архитектура. 37. Морли. 38. Чета. 39. Зернь. 41. Шур. 42. Таиланд. 45. Себах. 48. Диасноп. 49. Рушева. 50. Юница. 51. Воевода. 53. Патент.

По вертикали. 1. Бочка. 2. ...изразец. 3. Намыш. 5. Ангстрем. 6. Елгин. 7. Соус. 8. Бул. 9. Явор. 14. Шленг. 16. Нуллен. 17. Ядро. 19. ...Ижоры... 20. Лемма. 23. Налим. 24. Медем. 25. Центр. 26. Эспри. 28. Репер. 29. Архат. 31. Бронза. 34. "Котлован". 35. Уланд. 36. Цеце. 38. Чувство. 40. Самшит. 43. Дичок. 44. Фонда. 45. Союз. 46. Блин. 47. Храп.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Раскладное зеркало. 8. Желтый цветок, называемый в народе бессмертником. 10. Участник массовки в фильме "Полосатый рейс". 11. Аляснинская река больше Волги. 12. Серая малышка, пугающая женщин. 13. Из народной песни: "Летят ... и два гуся". 14. Большой слой воды, земли, облаков. 18. Смехотворная фраза. 21. Тургеневский герой, которого М.Антонович назвал "Асмодем нашего времени". 25. Женское занятие на картинах Д.Креспи, Э.Дега, О.Домье. 26. Обращение к старшему на Востоке. 27. Самый хитрый мушкетер. 28. Вождь, руководитель. 29. Певица, готовая уладить с помощью зонта "всё, что кроме". 30. Столица медовой республики. 31. Зверь, дающий и мясо, и пушнину. 32. Примитивная труба для выкачивания нефти из скважины. 35. Горячность, задор. 38. Футбольное поле большинства болельщиков. 40. Криминальный разговор на пальцах. 41. Французский художник, замечательно игравший на срипке.

42. Обычное название лодки у А.Пушкина. 44. Плохое на языке младенцев. 45. Белое грузинское вино, попавшее в песни. 46. Нусочен льда в мировом "коктейле".

По вертикали. 2. Цветок, теряющий голову от чужой любви. 3. Ума палата в Англии (отдельная "извилинка"). 4. Выпячивание себя на первое место. 5. Учреждение, не вяжущие веники. 6. Английский радиоастроном, под чьим руководством открыты пульсары. 7. Круг действий. 9. Процесс возвышения над окружающими. 15. Вилы браноньера. 16. Русский поэт, чьей матерью была гречанка. 17. Дедушка музыкального центра. 19. Область, сфера деятельности. 20. Занятие читателей, причиняющее неприятности (по Жюльо Ренару). 21. Вещи пассажира. 22. Временное пребывание тепленьким. 23. Индийский физик, основавший отечественную научную школу. 24. Искусственный водоем, которого нет даже на самой подробной карте. 33. Мужское имя, чаще других упоминаемое в произведениях А.Пушкина. 34. "Мужчина", которого можно подновать. 36. Широное спойное место на рене. 37. Тенор, певший в фильме "Великий Карузо". 38. Самый твердый лантаноид. 39. Самая большая картина М.Чюрлениса. 43. Человек, считающий свой вкус эталоном.

Составил **Б. ДУБАСОВ**,
Бюк Краснодарского края

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали. 1. Феодосий. 7. Шопен. 10. Опала. 11. Миллибар. 12. Лошак. 13. Крыса. 16. Понитни. 18. ...ошибна... 21. Анилин. 25. Гоацин. 29. Рапсодия. 31. Чистотел. 32. Хертия. 37. Вонлюз. 41. ...эскудо. 44. Керогаз. 45. Юруми. 48. Отруб. 49. Ленторий. 50. Угорь. 51. Натва. 52. Мартины.

По вертикали. 2. Ефимов. 3. Даллия. 4. Собака. 5. Йорн. 6. Латы. 7. Шалаш. 8. Пошиб. 9. ...никса. 14. Роль. 15. Сонг. 17. Индия. 19. Ива. 20. Нью. 22. Нрах... 23. Эпюр. 24. Гоби. 26. Ость. 27. Цата. 28. ...нуль. 30. Бирюк. 33. Асс. 34. Тау. 35. Явор. 36. Аним. 38. Зеннер. 39. Хоромы. 40. Шалито. 41. Эпонк. 42. Нарат. 43. Дюбуа. 46. Удод. 47. Ильм.

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

112. Ю. СУШНОВ

Санкт-Петербург

2

113. В. ДЯЧУН

Мукачево, Украина

6) *h.c2-d2 в) h.c2-e4* # 2

114. Б. ЖЕЖЕРУН

Полтава, Украина

2

115. Ш. АНБУЛАТОВ

Красноярск

3

116. В. ЖЕГЛОВ

Москва

3

117. А. ВАРИЦНИЙ

Брест, Беларусь

3

118. М. НЕДЕЛЬНОВИЧ

Белград, Югославия

4

119. В. ЖЕГЛОВ

Москва

4

120. В. ИВАНОВ

пос. Повенец, Карелия

6) *Kg8-e4 в) Kg8-h8* # 5

**I ПРИЗ
Ю. СУШКОВ**

6

**II ПРИЗ
А. ЖУРАВЛЕВ**

7

**III ПРИЗ
В. ИВАНОВ,
М. МАРАНДЮК**

4

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ
В. ЖЕГЛОВ**

5

МНОГОХОДОВКА — 98

В конкурсе многоходовок 1998 года участвовало 147 задач 56 авторов (51 опубликована). Из конкурса исключены: № 36 — дуэль, № 115 — нерешаемость, № 107 — предшественник.

I приз — Ю. СУШКОВ (Санкт-Петербург)

1. Фc8!! (цугцванг) a4 2. Фc7! a3 3. Фc6! Кра5 4. Нrb3 a2 5. Нrc4 a1Ф 6. Фb5x, 2... Нrb5 3. Кра3 Кра6 4. Нrb4 a3 5. Нrc5 a2 6. Фb6x, 1... Нrb5 2. Кра3 Нrb6 3. Кра4 Кра7 4. Нrb5 a4 5. Нrc6 a3 6. Фb7x, 2... a4 3. Фc7 Кра6 4. Нrb4 a3 5. Нrc5 a2 6. Фb6x

Великолепный первый ход, три одинаковые матовые эхо-позиции — и всего четыре фигуры! Трудно представить, что в наше время еще возможны такие находки!

II приз — А. ЖУРАВЛЕВ (Тула)

Главный план — 1. Не4 2. Нf6 Сс6 3. с4, опровержение 1...f5!

1. Nd3! (2. Nb4) Ce6 2. Nc5! Cc4 3. Ne4! Cb5 (2... f5 3. Nd6! Cb5 4. Nb5) 4. Nf6 Cc6 5. c4, 1... Cc8 2... Nb4! (2. Nc5? f5!, 2. Nf4? Ce6!, 2. c4? Ce6!) Cb7 3. c4! f5 5. c5 f4 6. Nd5. Всесторонне разработанная дуэль коня и слона здесь представлена в четном логическом обрамлении с симпатичным обходным маневром коня.

III приз — В. ИВАНОВ (пос. Повенец, Карелия) и М. МАРАНДЮК (г. Новоселица, Украина)

1. Ce7! (цугцванг) Нrd4 2. Нf2 Нrc4 3. Фb4 Нrd5 4. Фе4x, 1... Нrc4 2. Фd2 Нrb3 3. Нf2 Нrc4 4. Фd3x, 1... Нrc6 2. Нf6 Нrf7 3. Фе4 Нrg7 4. Фh7x, 1... Нrc5 2. Hd2 Нrd4 3. Сb4 Нrd3 4. Фе4x. Синтез двух пар вариантов с эхо-матами (одна пара — с правильными!) при хорошем вступлении. Интересен лонный след с переменной игры (правда, не таной выразительной): 1. Фе3? Нrc4 2. Фd2 Нrb5, Нrb3 3. Фb4, Hd6, 1... Нrc6 2. Фg5 Нrd7, Нrf7 3. Фе7, g4, 1... Нrc6 2. Нc3 Нrd7, Нrc7 3. Нrb7, Фе6, 1... Нrc5!

Специальный приз — В. ЖЕГЛОВ (Москва)

1. Лb1! Нrb1 2. Нrd2 Кра1 3. Нrc2 Кра2 4. Нc3 Кра1 5. Сb2x, 1... Нrd3 2. Лb4 Нrc2 3. Нrc2 Нrc1 4. Нrd3 Нrd1 5. Лb1x. В одном варианте жертвуется ладья, а матуют конь и слон, в другом — наоборот.

Почетные отзывы на равных:

В. ЖЕГЛОВ (Москва)

Кра7, Лd5, На4, с3 — Нrc7; б) a1=b1; #4 а) 1... Нrc6 2. Нb6 Нrc7 3. Не4 Нrc6 4. Лc5x; 1 Нc5! Нrc6 2. Нrb8 Нrb6 3. Нb7 Нrc6 4. Лd6x; б) 1. Нc6! Нrd6 2. На5 Нrd7 3. Нc5 Нrd8 4. Нc6x. Блон с переменной мата.

В. ЛУНАШЕВ (*Таганрог*)

и М. МАРАНДИОН

(г. Новоселица, Украина)

Кре5, Фг1, С8, Кd1 — Крс4,
п. b4, e6; #4

1. Фg2? Крb5 2. Фb7 Кра5
3. Кb2 b3 4. Сb4x, 1...Крд3 2. Фа2 b3
3. Фb2 Крс4 4. Фе2x, 1...Крb3 2. Фе4
Кра2 3. Фb4, но 1...Крb5 2. Фb7
Крс4!

1. Фа7 Крb5 2. Кb2 Крс6 3. Сb4
Крb5 4. Фb7x, 2...b3 3. Фb7 Кра5
4. Сb4x,

1...Крд3 2. Фа2 b3 3. Фb2 Крс4
4. Фе2x, 1...Крb3 2. Фc5 Кра2 3. Фb4

Две фазы с циклическим чередо-
ванием вторых, третьих и четвертых
ходов в центральном варианте.
Жаль, что опровержением ложного
следа является разветвление этого
варианта.

Д. МАХАТАДЗЕ (г. Зестафони, Гру-
зия)

Кра3, Фг3, Ка1 — Крс1, п. a2,
d2, e2; #4

1. Фb3 e!h! 2. Кра2 d1h! 3. Фе2!
Кс2 4. Кb3x. Жертва ферзя заканчи-
вается идеальным матом с блокиро-
ванием двумя превращенными коня-
ми! Известная комбинация удлинена
еще одним превращением.

Ю. СУШНОВ (*Санкт-Петербург*)

Крf1, Лh4, Сf2 — Крf3, п. h5; #6
1. Кре1 Крг2 2. Лh5 Крf3 3. Лh4!
Крг2 4. Лf4 Крh2 5. Крf1 Крh3
6. Лh4x!

Король и дванды ладьи белых
возвращаются на свои исходные по-
зиции!

А. МАНВЕЛЯН (*Ереван, Армения*)

Крb1, Кb2, с8 — Кра3, п. b4,
b5, b6; #8

1. Ке7! Крb3 2. Кd5 Кра3 3. Кf4
Крb3 4. Ке2 Кра3 5. Кd4 b3 6. Кс6
b4 7. Ка7 [d4] b5 8. Кb5x. Замысловатый
маневр белого коня не лишен
тонкостью и заканчивается идеаль-
ным матом.

Похвальные отзывы на равных:

В. ЖЕЛТОНОВИЧ (*Екатеринбург*)

Крf7, Фb4, Cd1 — Крд3; б)
Крf7 — a4; #4

а) 1. Кре6 Кре3 2. Фb2 Крд3 3.
Крд5 Кре3 4. Фd4x, 2...Кре4 3. Фc3
Крf4 4. Фе5x; б) 1. Фе1 Крд4 2. Сf3
Крд3 3. Крb3 Крд4 4. Фc3x, 2...Крс4
3. Фd2 Крс5 4. Фb4x

В. КОЖАНИН (*Магадан*)

и В. АНТИПОВ

(г. Боровичи, Новгородская обл.)

Крb1, Фе2, Кb2 — Крh1, п. b3,
e5, g3; б) Кb2 — d6; #4

а) 1. Кd3 g2 2. Ке1 g1Ф 3. Фе4
Крh2 4. Фh4x; б) 1. Ке4 g2 2. Фh5
Крг1 3. Крb2 Крf1 4. Фd1x

М. ЧЕРНУШИНО (*Уссурийск*)

Крс4, Лb5, Сd8, п. b6, c5 —
Кра8, Лb6; #4

1. Сс7 Лb6 2. Лb6 Кра7 3. с6
Кра8 4. Ла6x, 1...Лс7 2. bc Кра7
3. с8Л Кра6 4. Ла6x, 1...Лb8 2. с6
Лb6 3. Ла5 Ла6 4. Ла6x, 1...Ла7 2.
ba Кра7 3. с6 Кра6 4. Ла5x

Ю. СУШНОВ (*Санкт-Петербург*)

Кре3, Фс8, Ch2 — Крд5, п. e4, e7;
#5

1. Сb8 e6 2. Крд2! (Кре2?) Крд4
3. Фс6 e3 4. Кре2 e5 5. Са7x, 1...e5
2. Кре2! (Крд2?) e3 3. Крд3 e4
4. Крс3 e2 5. Фс4x

В. ЖЕГЛОВ (*Москва*)

Крb6, Са3, b7 — Ке8; #7

1. Са6 Кра8 2. Сf8! (Се??) Кd6
3. Се7 Кс8 4. Сс8 Крb8 5. Са6 Кра8
6. Сb7 Крb8 7. Cd6x, 2...Крb8 3. Се7
Кра8 4. Сd8

Специальный почетный отзыв:

В. ВОИНОВ (г. Нустанай, Назахстан)

Крf5, Сс7, f3, Кс8 — Кра8, Кb7,
п. f7; #5

1. Кре5? f5 2. Крд5 f4 3. Крс6
Кс8 4. Крb6, 1...f6!; 1. Сg3! f6
2. Кре6 f5 3. Крд7 f4 4. Крс7 fg
5. Сb7x

Специальный похвальный отзыв:

Г. ШИНКАРЕНКО

(Запорожье, Украина)

Крс5, Фf5, п. c6, f6, h4 — Крh6,
Лg6; #4

1. f7 Крh7 2. f8Л Крг7 3. Фf7,
1...Лg8 2. fgС Крг7 3. Фf7, 1...Лg7
2. f8Л

В. ЧЕПИЖНЫЙ,

международный арбитр

Вниманию подписчиков!

В первом полугодии 2000 года цена за один номер журнала — 28 руб., за три — 84 руб., полугодичная подписка — 168 рублей (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.

руб.

Количество комплектов

на 2000 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

рафаэль
лукьянов

Это имя вызывает совершенно четкие ассоциации. И совсем непонятно, почему его дали мальчику, родившемуся в казачьем хуторе на Дону вскоре после войны, в 1947 году. В семье Лукьяновых не было художников. Более того, донской Рафаэль закончил техникум, затем институт в Одессе и с блеском защитил диплом инженера-гидролога. Ему предложили аспирантуру, но он отказался.

Рафаэль Лукьянов рисовать начал поздно, лет в 25, но его прорыв в искусство был стремителен. Членом Союза художников он стал, даже не закончив столичных академий. Его картины покупали московские музеи, репродукции печатались в альбомах и каталогах, персональные выставки продавались на месяцы.

Лимон на красном.

Аукцион.

В 90-х годах его полотна пошли нарасхват в Европе. Немецкие газеты назвали Луныянова "королем натюрморта". Картины кочевали по выставкам в Европе, разъезжались в США и Канаду, Японию и Корею... Любители живописи не верили, что имя Рафаэль у него паспортное, а не творческий псевдоним. Неужели мать в своем только что родившемся младенце угадала дар Божий? Трудно сказать. Одно ясно: художник из Луныянова получился.

Свой взгляд Рафаэль Луныянов сосредоточил на обычных предметах человеческого быта, которые, как заметил художник, способны поведать о людях и их внутреннем мире. Триптих "Россия, конец XX века", в котором задействованы и "работают" только, казалось бы, неодушевленные предметы, рассказывает о нашей

стране; о ее социально-политическом здоровье больше иных аналитических телепрограмм.

Главное орудие искусства — художественный образ — в чистом виде использовано в картине "Выборы", где два петуха-задиры на потеху безликой толпе долбят друг друга клювами. Просто и точно. Это то, что мы наблюдаем почти каждый день. Ни добавить, ни убавить.

Но политика и отношение к ней — лишь часть творчества Рафаэля Луныянова. Его искусство шире. И касается не только тем сиюминутных, но и вечных. И здесь художнику тоже помогают предметы. Они не только живут на полотнах самостоятельной жизнью, они напоминают жизнь людей. Неспроста в немецком языке жанр натюрморта переводится как "тихая жизнь", а не "мертвая природа".

(как у французов). У Лукьянова природа не мертва, она жива.

Кстати, эту мысль Рафаэль не держит в секрете. У него два десятка учеников. Дети (начиная с шестилетнего возраста) учатся у Лукьянова видеть в предмете не только цвет и форму. Они пытаются

заглянуть глубже. Детской удаче учитель радуется больше, чем рождению своей новой картины. Ведь главное для настоящего художника — пробудить в душе ближнего те чувства, которые переживает он сам.

Сергей ТЮТЮННИК

Чёрная кошка

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд"

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";

Международное объединение профсоюзных организаций ОАО

"Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. С апреля 1999 года размер негосударственной пенсии Участников Фонда увеличен на 15%.

Адрес фонда:

123022, Москва,
ул. Красная Пресня,
дом 44, стр.2

Телефоны:

(095) 929-95-21,

(095) 929-95-22

Факс:

(095) 929-95-20

